

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

не 3353

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

3

1 9 5 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

902.7(05)
с-56

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 12. IX 1952 г. Формат бум. $70 \times 108^{1/16}$. Бум. л. 8 Печ. л. 21,92 +
+1 вклейка. Заказ. 447 Т-06579 Уч.-изд. листов 30,3 Тираж. 2250 экз.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. И. ЧИЧЕРОВ

О ПОРОЧНЫХ ВЗГЛЯДАХ Н. Я. МАРРА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Лингвистические теории Н. Я. Марра и аракчеевский режим его последователей не только явились причиной застоя в языкознании, но оказали вредное влияние и на ряд других наук. Марр не ограничивал своих исследований областью лингвистики; он вмешивался также и в смежные с лингвистикой области, оперировал фольклорными, этнографическими, археологическими и другими данными. При этом Марр всегда оставался вульгарным социологом и шел по путям либерально-буржуазной науки¹. Теория Марра вела в тупик не только лингвистику, но и другие научные дисциплины, на которые воздействовало так называемое «новое учение о языке».

Гениальные труды И. В. Сталина в области языкознания нанесли сокрушительный удар по антимарксистской теории Н. Я. Марра и вывели языкознание на широкую дорогу. Явившись крупнейшим вкладом в учение об истории человеческого общества и его культуры, они обогатили все науки — нет ни одной проблемы, при разрешении которой мы не вспомнили бы о гениальных трудах И. В. Сталина по языкознанию. Вся совокупность вопросов, с неизмеримой глубиной освещенных И. В. Сталиным, — вопрос о базисе и надстройке, о происхождении и истории языка, о его внеклассовой природе и отличии от надстроечных явлений, о характере национальной культуры, о форме и содержании и многие другие, — имеет основополагающее значение и для марксистско-ленинского изучения проблем народного творчества, а вместе с тем для борьбы с теориями Марра и его учеников в области фольклористики.

Опубликование трудов И. В. Сталина по языкознанию заставило фольклористов пересмотреть многие установившиеся взгляды. Выполненные по народному творчеству работы следует поставить в связь с работами по этнографии и по литературе. Очевидная связь фольклора и этнографии, фольклора и литературы обуславливает общность и в проблематике этих предметов. Следует напомнить, что народно-поэтическое творчество — один из видов искусства народа, привлекающий весьма пристальное внимание этнографов: оно входит компонентом значительной важности в культуру и быт народных масс. В то же время народно-поэтическое творчество является истоком национального искусства и той

¹ Исследователи, критикующие теорию Марра, справедливо указывают на связи его концепций с философскими положениями А. Богданова. Указание на эти связи см., например, в статье М. Каммари, посвященной второй годовщине выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Классическое произведение творческого марксизма», «Большевик», 1952, № 12, стр. 19.

основой, которая дает питательные соки творчеству писателей, композиторов, художников; народное и ученое (говоря словами А. А. Жданова) искусства развиваются и обогащаются во взаимодействии, отражая действительность, имеют важнейшее воспитательное значение. Самая специфика фольклорного материала, следовательно, выдвигает ту же проблематику, что и литература.

Задачи пересмотра в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию многих проблем истории культуры и быта народов уже освещались в печати². Опубликованные обобщающие статьи справедливо выделяли этнографическую тематику, на которой сказалось вредное влияние концепций Н. Я. Марра. Некоторые из этих этнографических тем непосредственно смыкаются с фольклористической проблематикой. Такова прежде всего проблема происхождения и ранних форм народно-поэтического творчества, которую сторонники Марра трактовали как проблему магических истоков всей духовной культуры человечества. Исследуемый материал — и этнографический и фольклорный — с позиций яфетидологов получал ложное освещение. В таком же положении оказывалось изучение предметов материальной культуры, художественной деятельности народа, кустарных промыслов и другого этнографического материала³ и материала фольклорного⁴.

Вопросы истории первобытного общества, происхождения ценностей материальной и духовной культуры, происхождения и ранних форм искусства во всех его видах, проблемы этнической истории народов — вот в основном клубок этнографических вопросов, с которыми соприкасается фольклористика.

Литературоведы, как и этнографы, осуществили значительную работу по пересмотру различных концепций, издавна утвердившихся в науке, и по теоретической разработке коренных вопросов литературы (например, вопросы надстроечного характера литературы и ее воспитательного значения, социалистического содержания и национальной формы советской литературы, социалистического реализма и др.). Первым обобщением деятельности литературоведов явилось проведение уже в начале 1951 г. научной сессии Отделения литературы и языка АН СССР «Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию»⁵. К прочитанным на этой сессии и позднее опубликованным докладом можно добавить отдельные статьи, доклады, лекции, так или иначе трактующие литературоведческие проблемы в свете трудов товарища Сталина по языкознанию⁶. Проблематика, поставленная литературовед-

² См. С. П. Толстов, Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Советская этнография», 1951, № 3.

³ См., например, работы А. В. Супинского и Н. П. Гринковой о народной одежде, публиковавшиеся в 30-х гг. в ж-ле «Советская этнография», некоторые работы по орнаменту — например, статью Н. П. Гринковой «Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике» («Советская этнография», 1935, № 1), книгу Л. А. Диндеса «Русская глиняная игрушка», изд. АН СССР, 1936, и др.

⁴ См. статьи на фольклорную тематику, написанные учениками и последователями Н. Я. Марра и опубликованные в «Яфетических сборниках» (см., например, И. Г. Франк-Каменецкий «Вода и огонь в библейской поэзии», «Яфетический сборник», 1924, и др.), в изданиях Научно-исследовательского института речевой культуры (см. хотя бы работу О. М. Фрейденберг «Миф об Иосифе Прекрасном»), в журнале и сборниках «Советская этнография», в трудах Института языка и мышления АН СССР (см. сборник статей под общим заголовком «Тристан и Иольда», 1932) и др.

⁵ См. «Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». Тезисы докладов на научной сессии. Изд. АН СССР, М., 1951; в конце 1951 г. под этим же заголовком вышел сборник статей, включающий 7 докладов из числа стоявших на сессии.

⁶ Среди таких работ заслуживает особого упоминания статья В. В. Новикова «Труды товарища Сталина по языкознанию и вопросы советского литературоведения» (первоначально издана на стеклоглафе как лекция, прочитанная в 1950 г. в Ака-

ческими работами, направлена на выяснение и уточнение специфики литературы и литературоведения.

Исследование вопросов национального характера искусства и его народности, изучение культурного и научного наследия и связанного с ним овладения мастерством, анализ формы произведений искусства, поэтического языка, «классовых» жаргонов и местных диалектов, разработка других важнейших литературоведческих проблем — задачи, к разрешению которых призываются как специалисты в области литературы, так и исследователи народного творчества. Однако непосредственное участие фольклористов в разработке этих общетеоретических вопросов следует признать пока крайне незначительным. В связи с выходом трудов И. В. Сталина по языкознанию в 1951 г. были опубликованы две работы, специально трактующие вопросы теории народного творчества и науки о нем. Это работа В. Г. Базанова на тему «Задачи советской фольклористики в свете трудов товарища Сталина по вопросам языкознания»⁷ и статья А. М. Астаховой «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве»⁸. Обе работы, являясь первыми попытками осмысления теоретических проблем народного творчества как особого вида поэтического искусства, смежного с литературой, содержат спорные положения и не затрагивают многих важнейших вопросов науки. Так, в работе В. Г. Базанова главное внимание сосредотачивается на специфической проблеме соотношения личного и коллективного творчества в искусстве народа и обойдены молчанием некоторые важнейшие проблемы, выдвигаемые трудами товарища Сталина по языкознанию на первый план, — например, проблема национального своеобразия народного творчества (а она особенно существенна, в частности, для такой республики, как Карело-Финская, где состоялся доклад проф. В. Г. Базанова), проблема народности произведений массового искусства, проблемы формы и содержания, своеобразия языка фольклора в прошлом и настоящем, истории фольклора.

Первый опыт разработки некоторых проблем, обойденных В. Г. Базановым, — народности массового искусства, истории фольклора, своеобразия языка народного творчества — находим в статье А. М. Астаховой, сосредотачивающей внимание на вопросе о народном творчестве как надстроечном явлении⁹.

Упомянутые нами попытки разработки теории науки о народном творчестве не исчерпывают всего, что делалось и делается по вопросам фольклора. Различные учреждения, развертывающие работы по народному творчеству, — кафедра народного творчества МГУ, секции народного творчества Союза советских писателей в Москве и Ленинграде, кафедры литературы в вузах нашей Родины, научные коллективы исследовательских институтов Академии Наук СССР, ее филиалов и баз, а также исследовательских институтов Академий наук союзных республик, и в первую очередь Украины и Латвии, — ведут повседневную активную работу в области народного творчества, изучая его в свете трудов товарища Сталина по языкознанию. Подтверждением сказанному служат изданные книги, статьи, авторефераты диссертаций, тезисы докладов¹⁰.

демии общественных наук при ЦК ВКП(б); в обработанном виде опубликована как статья в «Ученых записках АОН при ЦК ВКП(б)», вып. 11, М., 1951).

⁷ В. Г. Базанов, Задачи советской фольклористики в свете трудов товарища Сталина по вопросам языкознания. Тезисы, Петрозаводск, 1951.

⁸ А. М. Астахова, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве, Изв. Академии Наук СССР. Отд. литературы и языка, т. X, вып. 6, 1951.

⁹ Статья А. М. Астаховой содержит некоторые спорные положения, которые должны быть обсуждены в дискуссиях по общетеоретическим вопросам фольклористики. Безоговорочно все положения статьи не могут быть приняты.

¹⁰ См., например, А. П. Разумова, Значение студенческого движения и политической ссылки в русской фольклористике 60-х годов (П. Н. Рыбников и П. С. Ефи-

* * *

Общетеоретическая проблематика науки о народном творчестве, разрабатываемая в контакте с этнографией и литературоведением, занимает главное место в работах по фольклору. Стремление преодолеть допущавшиеся ранее ошибки, наряду с разработкой вопросов теории науки, заставили обратиться к выявлению остатков фольклористических концепций Н. Я. Марра и к раскрытию их сущности.

Вопрос об истоках и сущности взглядов последователей «нового учения о языке» на народное творчество приобретает большое значение для борьбы с фольклористической концепцией Марра, так как вскрытие корней ее, определение того, чьи положения она развивает и углубляет,— важно для преодоления допущавшихся ошибок¹¹.

В области фольклористики теория Марра оказала воздействие главным образом на разработку общих проблем возникновения и развития народного творчества, на изучение истории его отдельных жанров и классического наследства в искусстве отдельных народов. В значительно меньшей мере теория Марра повлияла на изучение советского народно-поэтического творчества. Проблемы развития советского фольклора в условиях социалистической действительности весьма мало заботили и интересовали Марра и его учеников. Их взгляд был обращен на творчество первобытного общества, самое позднее — на творчество европейского средневековья. Если последователи Марра и брали для анализа какие-нибудь более поздние материалы, то лишь для поисков в них следов первобытности.

Из современного народного творчества фольклористы — последователи Н. Я. Марра интересовались преимущественно искусством народов, не достигших стадии капитализма. Не обращаясь к искусству, отразившему социалистическую действительность, Марр и его ученики считали себя хозяевами и непререкаемыми авторитетами в вопросах искусства доклассового, рабовладельческого и феодального общества. Слава знатоков и специалистов по этим периодам развития искусства твердо держалась за Марром и его последователями. По существу целая большая область истории народного творчества, литературы, изобразительного искусства, музыки была отдана на откуп теоретикам и пропагандистам «нового учения о языке»¹².

А. М. Астахова в упомянутой выше статье «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве» выдвигает положение, противоположное только что высказанному нами утверждению о влиянии концепций

менко), Петрозаводск, 1951; С. Л. Ильченко, Идейно-политическая направленность украинской народной сатиры на фашистских захватчиков, Сумы, 1951; Славянский фольклор. Материалы и исследования по историческому эпосу славян, Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. XIII, М., 1951 и др. Содержательна и интересна статья Дм. Молдавского «За народное творчество, против антинародных теорий», дающая в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию критический обзор изданных по фольклору исследований и сборников (см. «Звезда», 1951, № 9, стр. 129—137). Отдельно следует указать на брошюру А. И. Белецкого «Значение труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ для советского литературоведения» (Киев, 1951) и на его же тезисы «Проблема научного наследства в советском литературоведении» (см. «Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». Тезисы докладов, М., АН СССР, 1951). Обе работы А. И. Белецкого содержат ошибочные положения и направлены на реабилитацию сравнительно-исторического метода либерально-буржуазного литературоведения. Ошибки А. И. Белецкого правильно и с глубоким основанием вскрыты в статье Б. Рюрикова «Туман, который надо рассеять» («Литературная газета», 1951, № 61).

¹¹ Историографическая проблематика в этом направлении разрабатывалась Институтом этнографии. Итоги работы были доложены на конференции фольклористов Советской Прибалтики, РСФСР, Белоруссии и Карелии, в Риге в марте 1951 г. Тезисы доклада напечатаны в Риге.

¹² В связи со сказанным большое значение приобретают критические работы по проблеме происхождения искусства.

Н. Я. Марра на фольклористику. В статье А. М. Астаховой читаем: «Влияние Марра на фольклорные изучения не было особенно значительным. Фольклористы больше декларировали о необходимости учета „достижений“ теории Марра в решении основных проблем фольклористики... и вместе с тем должны были сознаться, что пока еще „фольклористика в целом работает без достаточного учета теории Марра и его школы“»¹³. В подтверждение сказанного А. М. Астахова ссылается на дискуссию о сущности и задачах фольклора, проведенную в Ленинградском институте речевой культуры 11 июня 1931 г.¹⁴

А. М. Астахова права только в том, что вульгаризаторские утверждения Н. Я. Марра нашли прямое применение в фольклористике в работах сравнительно небольшой группы ученых — учеников и последователей Н. Я. Марра, непосредственно исследовавших проблемы народного творчества. Но в отрицании влияния концепции Марра на фольклорные изучения вообще она не права, и ссылка на дискуссию 1931 г. еще ничего не доказывает. Дело в том, что теория Н. Я. Марра, выдававшаяся за марксистское учение в области языка, культуры, искусства, приносила огромный вред не только непосредственными высказываниями Марра и его учеников, но и поддержкой родственных ей теорий и, в первую очередь, космополитической теории исторической поэтики А. Н. Веселовского. Непомерно раздутый авторитет Н. Я. Марра, изображавшегося марксистом, и аракчеевский режим, господствовавший в языкознании и смежных с ним дисциплинах, содействовали сохранению в советской науке разных концепций либерально-буржуазных ученых, возвеличению трудов А. Н. Веселовского, В. Ф. Миллера, Е. В. Аничкова и других. Лингвистические, литературоведческие, исторические, фольклорные взгляды и теории Н. Я. Марра представляют собой дальнейшее развитие теорий буржуазной науки XIX — начала XX в. Смыкание работ Марра с работами вульгарных материалистов и откровенных идеалистов санкционировало враждебные марксизму теории, оживляло их, давало им «путевку в жизнь», препятствовало борьбе с ними. Надо прямо заявить: влияние Н. Я. Марра на исследователей народного творчества было прямым и косвенным. Это явление обусловило проникновение в фольклористику марровских концепций и вело к укреплению и распространению различных космополитических и формалистических теорий буржуазной науки. С этих позиций и следовало критиковать работы, сохранявшие порочные взгляды так называемой исторической школы В. Ф. Миллера, упоминаемые в статье А. М. Астаховой (вульгарно-социологические ошибки, характерные для исторической школы, свойственные также работам по истории М. Н. Покровского и его учеников, в своей основе близки ошибкам и заблуждениям яфетидологов); с этих позиций надлежало критиковать и последователей так называемой теории исторической поэтики, предлагавших подхватить и водрузить над советской наукой не зная марксизма-ленинизма, а зная, «выпавшее из рук А. Н. Веселовского» (см. редакционное предисловие к «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского в издании 1940 г.).

Перед исследователями народного творчества и историографами науки о нем стоят серьезные задачи борьбы с разными формами влияния теории Марра; установление в связи с этими задачами генезиса теоретических положений Марра о фольклоре и раскрытие их сущности, следовательно, не является вопросом праздного любопытства, но должно рассматриваться как мероприятие, необходимое для борьбы с пережитками либерально-буржуазных концепций в советской науке о народном творчестве. Только сделав это, мы правильно пойдем верное в своей сущности утверждение о том, что линия последователей Марра в

¹³ А. М. Астахова, Указ. раб., стр. 535.

¹⁴ Отчет о ней опубликован в журн. «Советская этнография», 1931, № 3—4.

фольклористике «оставалась в стороне от основной линии развития фольклористики в советское время»⁵. Действительно, основная линия развития советской фольклористики была определена постановлениями партии о литературе и искусстве, трудами классиков марксизма-ленинизма, творческим осуществлением мероприятий советской власти в области народного искусства, а деятельность фольклористов — последователей Н. Я. Марра не только оставалась в стороне от всего этого, но была диаметрально противоположна линии партии.

* * *

Не будучи фольклористом, Марр не оставил специальных работ по народному творчеству. Но имея большой интерес к нему и зная произведения народного искусства, Марр, а вслед за ним и его ученики, широко использовали фольклор в лингвистических построениях. Кроме Марра в области народного творчества работали его ученики и последователи: О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецкий, С. Я. Лурье, Б. В. Казанский, М. Г. Тихая-Церетели, В. И. Абаев и другие. Разрабатывая вопросы семантики мотива, сюжета и образа, они публиковали работы на разные темы о «мировых сюжетах» и выискивали их мифолого-космическую основу. К устному творчеству обращались также такие лингвисты, как И. И. Мещанинов и другие сторонники «нового учения о языке». Лагерь последователей Марра в фольклористике пополняли и специалисты по народному творчеству, раньше работавшие в плане компаративистской или формалистической фольклористики.

Этому направлению в фольклористике противостояло подлинно научное, марксистское направление науки, возглавлявшееся А. М. Горьким. В своих многочисленных выступлениях и статьях А. М. Горький, исходя из трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина, с марксистских позиций разъяснял вопросы происхождения и развития народного творчества. Своими работами А. М. Горький полностью опровергал либерально-буржуазные и вульгарно-материалистические положения о народном творчестве, выдвигаемые Н. Я. Марром и его учениками. Несомненно зная о работах последователей Марра, Горький не давал им положительных оценок. Более того — как будто прямо против утверждений Марра и его последователей направлены слова А. М. Горького, сказанные им на I Всесоюзном съезде советских писателей: «Историками первобытной культуры совершенно замалчивались вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всей суммой явлений социальной жизни древних людей. Признаки эти дошли до нас в форме сказок и мифов, в которых мы слышим отзвуки работы над приручением животных, над открытием целебных трав, изобретением орудий труда»¹⁶.

Если А. М. Горький развивал материалистические, марксистские взгляды на народно-поэтическое творчество, то Н. Я. Марр создавал свою концепцию происхождения и развития фольклора, исходя из идеалистических положений либерально-буржуазной науки.

В дискуссиях 1920—1930-х гг. по фольклору высказывалось мнение, что фольклористическая концепция Н. Я. Марра является модернизацией романтико-идеалистической школы мифологов. Даже было предложено назвать фольклористику, развивающую идеи Марра, «неомифологической школой». Такое утверждение было основано на внешнем факте возведения фольклора к мифу и мифологии учениками Марра. Марр и его последователи решительно отвергали указанное сближение.

¹⁵ А. М. Астахова, Указ. раб., стр. 535.

¹⁶ А. М. Горький, Доклад на I Всесоюзном съезде советских писателей (сборник «О литературе», изд. 3, М., 1937, стр. 445).

И действительно, отрицание непосредственных связей взглядов Марра на фольклор с мифологической школой справедливо потому, что эта школа лингвистической базой имела индоевропейское языкознание с его сравнительно-историческим методом (в применении к фольклору этимологическим — по языку или аналогическим — по содержанию мифов). Марр же подвергал ожесточенной критике индоевропейское языкознание, а вместе с ним и трактовку вопросов культуры и искусства индоевропейцами. Концепция мифологической школы была Марром решительно отвергнута. Критические высказывания Марра о методах старых мифологов были всего лишь новым звеном в оценке этой школы, действительно порочной в своих построениях, но не столько по методам исследования, сколько по своему откровенно высказываемому романтико-идеалистическому осмыслению фактов.

Предшественником Марра в критике мифологической школы с позиций либерально-буржуазной науки был А. Н. Веселовский. Уже в 70-х гг. XIX в. Веселовский дал развернутую критику «комбинаций мифологической школы» с позитивистских позиций «чистого факта». Цепь критических замечаний в адрес мифологов Веселовским была завершена в «Поэтике сюжета», противопоставляющей в общем или в частности теорию исторической поэтики различным направлениям науки.

Указания на критику Веселовским существовавших в XIX—XX вв. теорий, и в частности мифологической школы, я делаю в связи с тем, что она фактически предшествует Марру, и это было не случайно. Для понимания основных положений Марра о народном творчестве теория исторической поэтики Веселовского имеет особое значение. Именно в ней лежат истоки фольклористической концепции Марра и его последователей. Совершенно правильно еще в 1935 г. в статье-некрологе «Памяти Н. Я. Марра» М. К. Азадовский указывал, что Веселовский является предшественником и учителем Марра¹⁷. Констатация факта, данная в статье М. К. Азадовского, основана на правильном понимании преемственных связей литературоведческих и фольклорных взглядов Веселовского; но правильно установленные связи в статье Азадовского получили порочное освещение и оценку. В названной статье М. К. Азадовского отразились характерные для исследований 30—40-х гг. возвеличение А. Н. Веселовского и Н. Я. Марра, превознесение их мнимых заслуг и прозвучал призыв к развитию и углублению взглядов Н. Я. Марра на народное творчество.

Критика работ Веселовского, раскрывшая идеалистическую основу его методологии, кажется, должна была бы заставить обратиться к пересмотру и переоценке наследия Марра значительно ранее, чем появились статьи И. В. Сталина, так как связи взглядов Марра с теорией Веселовского были установлены раньше. Однако, вместо пересмотра оценок наследия Марра, была сделана попытка представить ошибкой сделанное указание на генетическую связь взглядов Марра и Веселовского. Эти связи стали открыто отрицаться, хотя и пришлось при этом прямо опровергать признания самого Марра и цитировать его высказывания с купюрами, как это сделала В. А. Миханкова в книге «Николай Яковлевич Марр»¹⁸.

В области фольклористики Марр был защитником теории происхождения фольклора из космического мифа, «явившегося следствием истолкования человеком явлений природы». Эта теория на первый взгляд кажется исключающей возможности связей с положениями Веселовского, который заявил: «схема сказки древнее натуралистического мифа и

¹⁷ М. К. Азадовский, Памяти Н. Я. Марра, «Советский фольклор». Сборник статей и материалов, № 2—3, 1935, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1936.

¹⁸ В. А. Миханкова, Н. Я. Марр. Очерк его жизни и научной деятельности, М.—Л., 1949.

эпической схемы»¹⁹. Но противоречие между взглядами Марра и Веселовского — кажущееся; оно отпадает при внимательном рассмотрении взглядов Веселовского на природу сказки в свете его теории сюжета.

Веселовский считал, что существуют два типа сказочных повествований: «бесформенные, бессюжетные сказки и собственно сказки, являющиеся художественными произведениями, в которых наличествует сюжет как сложная комбинация мотивов. Первый из этих двух типов повествований не может считаться включающим художественные произведения в собственном смысле этого слова, так как он бесформен и воспроизводит лишь «схему человеческих отношений» (термин Веселовского); второй тип относится к области подлинно художественного творчества.

А. Н. Веселовский нигде и никогда не говорил, что собственно сказка (сказка как художественное произведение народного творчества) древнее мифа. По концепции Веселовского, мифу предшествует бесформенное повествование, воспроизводящее схему человеческих отношений. Веселовский отождествляет «схему человеческих отношений» и «схему бесформенной сказки». Не останавливаясь на явной неправомерности подобного отождествления, в котором ясно выступает вульгарный социологизм, отметим, что из этой-то схемы Веселовский и выводил натуралистический (чему соответствует в терминологии Марра космический) миф.

Таким образом, в теории А. Н. Веселовского эволюция творчества предстает в следующем виде: схема человеческих отношений, переведенная в плоскость прозаического повествования (иначе: схема бесформенной сказки) — миф — сказка (а также и все другие виды народного творчества) — литература. Указанная эволюционная схема вызывает в памяти схему, данную Н. Я. Марром: зачаточное мировоззрение первобытного общества — миф — народное творчество — литература.

Мировоззрение первобытного общества, которым Марр начинает цепочку художественного творчества людей, понималось им именно как схема человеческих отношений, преломленных в сознании, отложившаяся в языке. Было бы неправильно, однако, понимать концепцию Марра как прямое и простое повторение теоретических построений Веселовского. Концепция эволюции творчества, намеченная в «Поэтике сюжетов», может быть названа лишь основой, на которой зародились фольклористические положения Марра. Развивая и усложняя эту концепцию, Н. Я. Марр оперировал лингвистическими материалами и опирался в своих работах на родственные ему и А. Н. Веселовскому построения Леви-Брюля. На связи взглядов Марра и Леви-Брюля неоднократно указывалось. О них говорил С. П. Толстов в докладе «Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»²⁰. На них, характеризуя концепцию Н. Я. Марра, не раз указывал акад. В. В. Виноградов. Он писал, что для Н. Я. Марра, как и для Леви-Брюля, «развитие человеческого мышления в его дологическом состоянии — это цепь фантастических стадийальных трансформаций одного иллюзорного, мистического мировоззрения в другое. Н. Я. Марр не хотел усвоить той материалистической истины, что развитие мышления состоит в росте и обогащении познания предметов и явлений реального мира — в связи с расширением общественной практики»²¹.

Н. Я. Марр утверждал, что люди «мифологически воспринимали окружающую природу»; Марр говорил, что взгляды первобытных людей

¹⁹ А. Н. Веселовский, Собр. соч., т. I, вып. 2, стр. 14.

²⁰ «Советская этнография», 1951, № 3, стр. 4.

²¹ В. В. Виноградов, Критика антимарксистских концепций стадийности в развитии языка и мышления (1923—1940). «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании». Сборн. статей, ч. I, АН СССР. Институт языкознания, 1951, стр. 85.

на природу и общество были по сути дела иллюзорными, магически-космическими. Подобные утверждения Марра, а равно и Леви-Брюля, как и измышления других идеалистов и вульгарных материалистов о взглядах и особенностях мышления людей первобытного общества, были осмеяны А. М. Горьким еще в 1934 г. (т. е. через четыре года после издания перевода книги Леви-Брюля «Первобытное мышление» с хвалебным предисловием Н. Я. Марра). А. М. Горький в докладе на съезде писателей сказал: «Первобытные люди изображались историками культуры как философствующие идеалисты и мистики, творцы богов, искатели „смысла жизни“»²².

Упомянутые стадиальные трансформации мировоззрения, или, как иногда говорили, «стадиальные смены техники мышления», привидевшиеся Н. Я. Марру при рассмотрении им истории языка, связаны с его теорией революционных взрывов в развитии языка. Подобные утверждения вздорны, порочны в самой основе. Мышление и язык неразрывны. И. В. Сталин опроверг антимарксистскую теорию революционных взрывов языка, утверждавшуюся Марром и его последователями.

Опровержение теории стадиального развития языка и мышления уничтожает и всю концепцию Н. Я. Марра о развитии художественного творчества, согласно которой фольклор ограничивается рамками доклассового творчества и в классовом обществе лишь доживает свой век, сохраняя, как писал Марр, «оформление литературы первобытного общества». «Дологическое мышление» — т. е. особое мышление доклассового общества (по Марру — Леви-Брюлю) породившее фольклор и определившее его особенности), — вымысел, разрывающий «цивилизованные народы» и «народы первобытные»; в области художественного творчества «теория» дологического мышления воздвигает стену между фольклором и литературой. Марр же и его последователи это доказывали с полным убеждением. Сказанное подтверждает, например, установочная статья сборника «Тристан и Исольда», изданного в 1932 г. под редакцией Н. Я. Марра, в которой говорится, что разница между литературой и фольклором — разница стадиально-историческая, и предельно резко излагается схема развития поэтического искусства от зачаточного мировоззрения первобытного общества к мифу и от мифа к простейшей литературной ячейке²³.

Утверждение, что в основе народных эпических песен и исторических преданий, а также средневековых романов и повестей и множества подобных произведений лежат религиозные представления «космической стадии мышления», и стремление возвести героев эпических сказаний к мифологическим существам типа божества (чаще всего — «Змея»; ср. марровский «пучок»: Рука-Вода-Змея-Женщина) обнаруживаются в различных работах, издававшихся до опубликования трудов товарища Сталина по языкознанию. Примером такой работы, напечатанной уже после Великой отечественной войны, является статья акад. Н. С. Державина «Кралевиц Марко и Илья Муромец (палеоэтнологический этюд)»²⁴. В этой статье Н. С. Державин стирает национальное своеобразие славянского исторического эпоса, выискивая яфетическую основу русских былин и сербских песен. Применяя пресловутый четырехэлементный анализ, Н. С. Державин совершенно произвольно превращает кралевица Марко и Илью Муромца в единое речное божество, подобное «древнему вишапу» — «божеству плодородия и воды». Так выхолащивается из великолепных эпических произведений восточных и южных славян идейное содержание, обуславливающее большое воспитательное значение исторического эпоса и его творческое

²² А. М. Горький, Указ. раб., стр. 445.

²³ «Тристан и Исольда», Сборник «Труды Института языка и мышления АН СССР», 1932, стр. 5.

²⁴ «Советская этнография», Сборник статей, VI—VII, М.—Л., 1947.

развитие. Остается схема, абстракция, неприемлемые измышления, вдохновленные порочными концепциями Н. Я. Марра.

Положения о стадияльно-исторических сменах художественных форм, соответствующих смене дологического сознания (отраженного долитературным творчеством) логическим сознанием (выраженным в литературе), установка на анализ сюжета, точнее, схемы сюжета, были некоторыми фольклористами ошибочно поняты как основа для работы по историческому осмыслению произведений народного творчества.

Самый взгляд на миф и обряд как на истоки народно-поэтического творчества, свойственный Марру и его последователям, является вариацией популярных и ныне в капиталистических странах теорий религиозно-обрядового происхождения фольклора и также увязывается с теорией Веселовского. Доказательством сказанного служит, в частности, и безоговорочное признание Н. Я. Марром и его последователями положений А. Н. Веселовского о первобытном синкретизме искусств, в котором обряд выявляется как стимул развития художественного творчества.

Теория первобытного синкретизма искусств выводит художественное творчество не из общественно-полезной трудовой деятельности людей, а из ритмически повторяемых мускульных усилий работающего человека. Веселовский в этом отношении является единомышленником вульгарного социолога Карла Бюхера. Оба они снимают проблемы эстетического отношения к действительности и специфики искусства, которое и на первоначальных ступенях своего развития являлось своеобразной формой образного мышления. Образное мышление, по теории первобытного синкретизма, связывается с магически-обрядово-игровым действием. Древние формы магического обряда и религиозного осмысления действительности, таким образом, представляются материнским лоном искусства. Вопрос о том, что и когда порождает отношение людей к тому или другому произведению как к произведению искусства, подменяется вопросом о религиозном, мифическом осмыслении природы.

Эта идеалистическая концепция соответствовала самым основам фольклористических взглядов Марра, представлявшего «космическое мышление» — «мифотворчество» предшественником народного художественного творчества (понимание мифотворчества Марром и его учениками не имеет ничего общего с пониманием мифологии К. Марксом; напомним, что К. Маркс определял греческую мифологию, как бессознательно-художественную переработку природы и общества).

Процесс создания произведений словесного народного творчества, согласно теории первобытного синкретизма, происходил путем отпочковывания их, выделения из недифференцированного искусства, с развитием в нем «личного начала». При этом, по Веселовскому, простейшей ячейкой, из которой вырастает художественное произведение, является мотив. А. Н. Веселовский определяет мотив как «формулу, отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности»²⁵.

Теория Веселовского утверждает существование первоначально возникавших формул, зародышевые ячейки которых являлись смысловыми (иначе говоря семантическими) пучками. Из них-то и вырастал сюжет. Основной образ такого смыслового пучка всегда содержит в себе объединение противоположных представлений. Развитие мотива в сюжет идет путем отпочковывания от основного образа вторичных, долевого дробления их по смежности или по противоположности, превращения единичного во множественное²⁶.

²⁵ А. Н. Веселовский, Собр. соч., т. 2, вып. 1, стр. 3.

²⁶ См. там же, пример со старухой и красавицей.

То, что Веселовский говорит относительно развития сюжета, было почти безоговорочно принято исследователями вопросов поэтики древней и средневековой литературы. Языковеды также смотрели на теорию мотива и сюжета Веселовского как на бесспорное завоевание филологии. Н. Я. Марр и его последователи, разрабатывая вопросы семантики, фактически переводили в плоскость лингвистики эту теорию.

Яфетидология многократно обращалась к различным произведениям средневековой и древней литературы, к произведениям народного творчества. Эпос народов Кавказа, русские сказания и сказки, романы, повести и фольклор народов Европы привлекали внимание сторонников так называемого «нового учения о языке». В центре их интересов отнюдь не стояли вопросы идейно-политической значимости произведений, воспитательной роли литературы, ее общественной ценности. Последователей Марра волновала абстрактная схема сюжета, вопросы ее возникновения и распространения. Эти вопросы были поставлены формалистической теорией Веселовского; в плане разработки их и развертывались исследования Марра и его учеников.

Среди очередных задач, стоящих перед наукой, Марр прямо называл изучение «средневековых романов и героических повестей из космических переживаний в устной речи»²⁷. Выполняя поставленную задачу и развивая положения и мысли о средневековом романе вообще и о «Тристане и Исольтде» в частности, высказанные Марром в различных статьях, коллектив научных работников под руководством Марра предпринял изучение знаменитого французского романа о «Тристане и Исольтде». Раскрывая цель и задачи работы, вводная статья сборника указывает: «Н. Я. Марр ...давал установку на стадиальность, основная мысль Н. Я. о сюжете «Тристана и Исольтды» заключалась в том, что сюжет не рождается из ничего, но что его история есть история его развития, т. е. что он построен на семантическом пучке, отражающем мышление «космической» стадии, обусловленное производственным процессом первобытного общества»²⁸.

Итак, А. Н. Веселовский в «Поэтике сюжетов» выдвигает положение о мотиве как смысловом пучке, из которого развивается сюжет. Н. Я. Марр и его ученики в работах по языкознанию, по-существу, с мотивом отождествляют семантический пучок и из него выводят формирование и развитие сюжетной схемы.

«Разрезы семантического клубка», путем четырехэлементного анализа слов произвольно наматывающие понятия одно за другим, по теории фольклористов -- последователей Марра, развиваются в сюжет. Развитие идет от целостного кдробному, от единичного к множественному. Во всех построениях этого направления фольклористики налицо спонтанное развитие произведения, развитие «самого из себя», вне жизни и общественной деятельности людей. Фактически мысль абстрагируется от действительности. В основу положена идея создания произведений из отвлеченной мысли, а не отражения конкретно-исторической действительности.

Произведения разных народов и разных исторических эпох насильственно соединялись путем семантического анализа. Совершенно в духе Веселовского Марр сближал явления разного порядка. Основанием для делаемых сближений явилось положение Марра об «этнических залежах общего субстрата» и о том, что «нет племенных культур, отдельных по происхождению, а есть культура человечества определенных стадий развития».

²⁷ Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, Избр. работы, т. V, стр. 520.

²⁸ «Тристан и Исольтда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии», Труды Института языка и мышления АН СССР, 1932, стр. 3.

Мысль о том, что культура племен не знает специфики, что она лишь в частности варьирует стадияльную общность, вела Марра к зачеркиванию своеобразия искусства разных племен. Эпос и литература народов обобщались, различия не принимались во внимание, так как, по мысли Марра, основа их была общая — яфетидологическая и эта основа довела надо всем.

Тезис о едином этническом субстрате в области фольклористики обосновывал положение о якобы существовавшем единстве эпических сюжетов, к которым генетически восходят произведения эпоса народов Европы, Азии и Африки. Яфетический эпос, сохранившийся, по выражению Марра, в обломках, характер которого определяется мифолого-космическими представлениями людей, согласно взглядам Марра и его последователей, определил собой последующее развитие художественной литературы и фольклора. По-существу эта теория является теорией вечности и международной сюжетов, дающей обоснование игнорированию национальных особенностей творчества, столь типичному как для работ школы Веселовского, так и для работ школы Марра. «Палеонтология» сюжета неизбежно вела к формальному сопоставлению сюжетных схем, абстрагируемых от конкретно-исторической действительности и этнических особенностей произведений. Именно такие образцы фольклористического анализа давал Марр; такие образцы имеем и в работах его учеников (О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецкий, М. Г. Тихая-Церетели и др.). Таковы же исследования всех компаративистов, включая, с одной стороны, теоретиков финской школы — Вальтера Андерсона и других, а с другой, — последователей А. Н. Веселовского, например, В. М. Жирмунского²⁹. Яфетидологическая фольклористика в теории отрицала возможность заимствования произведений искусства и фактов культуры; на деле же она катилась к компаративизму в его самой обнаженной редакции и по существу смыкалась даже с финской (скандинавской) школой — одним из наиболее ярких выражений буржуазного космополитизма в фольклористике.

Абстракция произведений литературы и фольклора, выражаемая в «схемах международных сюжетов», обосновываемая «палеонтологией мотивов и сюжетов», характеризующаяся также увлечением и злоупотреблением семантикой, вульгарно-социологической трактовкой проблемы стадияльности, — органически соединяется с вырыванием художественных произведений из конкретной исторической действительности. Компаративизм и формализм — типическая черта и веселовщины, и тесно с ней связанной фольклористической концепции школы Н. Я. Марра. Борьба со взглядами Марра в фольклористике, таким образом, является частью общей борьбы с буржуазным космополитизмом в литературоведении и филологии. Теоретические взгляды Марра и его последователей на фольклор враждебны марксистско-ленинской науке о литературе и народном творчестве не только «труд-магической тарабарщиной», согласно которой искусство в конечном счете выводится из ранних форм религии, не только компаративизмом и формализмом в рассмотрении народного творчества и литературы, но и отрицанием фольклора современности. Самый тезис школы Марра о том, что фольклор является бесписьменной литературой доклассового общества, которая при смене общественных формаций, при новом содержании «сохраняет оформление литературы первобытного общества», заставляет понимать народно-поэтическое творчество как анахронизм, сохраняющий неизменной форму. Такое понимание противоречит марксистско-ленинскому учению о единстве формы и содержания и в сущности является вариацией популярной в буржуазной науке

²⁹ См., например, статьи В. М. Жирмунского: «К вопросу о литературных отношениях Востока и Запада»; «Литературные отношения Востока и Запада»; «Алишер Навои и Ренессанс»; его книгу, написанную в содружестве с Х. Зарифовым, «Узбекский народный героический эпос», и др.

теории фольклора как «культурного реликта». Утверждение неизменности формы фольклора Марром и его последователями можно объяснить только непониманием ими сущности народного творчества, которое постоянно развивается и обогащается, непониманием совершающихся в условиях социализма процессов, тем, что филологи, следовавшие за Марром, не видели действительности, не видели расцвета народного творчества во всех областях жизни. Сторонники теории Н. Я. Марра во имя стремления представить творчество народа мифолого-космическими сказаниями, доживающими в современности свой век, закрывали глаза на действительную жизнь, отворачивались от сегодняшнего дня. Обращение к прошлому становилось самоцелью и проводилось без внимания к актуальным задачам современности.

В свете трудов И. В. Сталина по языкознанию перед каждой наукой, в частности и перед фольклористикой, встают важнейшие методологические, теоретические вопросы. Это — вопросы, без решения которых никакая наука не может жить и развиваться. В порядке самокритики надо признать, что фольклористы еще медленно работают и оставляют многие вопросы в стороне. Только немногие проблемы вызвали теоретические высказывания специалистов по народному творчеству; нетронутыми остаются такие важнейшие вопросы, как, например, проблема формы и содержания в народно-поэтическом творчестве, проблема языка и словотворчества в фольклоре³⁰, поэтической образности и ее исторического развития и многие другие. Что касается разработки проблем, уже привлекавших внимание исследователей, то надо сказать, что она ведется недостаточно широко. Необходимо развернуть, развить, расширить эти исследования.

Советская наука имеет все данные для постановки, изучения и правильного разрешения указанных проблем. Советские фольклористы в дружной, коллективной работе решат назревшие вопросы, осветят пути развития народно-поэтического творчества. К этому обязывают труды И. В. Сталина по языкознанию, животворящая, оплодотворяющая сила которых ощущается всеми повседневно при решении общих и частных вопросов науки.

³⁰ Разработка этой проблемы только сейчас начата. См. статью И. А. Оссовенко «Об изучении языка русского фольклора» в журн. «Вопросы языкознания», 1952, № 3.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Л. П. ПОТАПОВ

ОЧЕРК ЭТНОГЕНЕЗА ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ

Тюркоязычное население Горного Алтая до Великой Октябрьской социалистической революции не составляло единой народности и не имело общего самоназвания. Оно представляло собой ряд племенных и территориальных групп, каждая из которых именовала себя по племенному или территориальному признаку. Таковы были:

1. Теленгиты, населявшие бассейны рек Чуи и Аргута. Большая часть их была сосредоточена в долине р. Чуи и, кроме общего племенного названия «теленгет», именовала себя «чу-кижи», т. е. обитатели р. Чуи. 2. Собственно алтайцы или «алтай-кижи», расселившиеся по среднему течению р. Катунь и в бассейнах рек: Урсула, Семы, Маймы, Чарыша, Кана, Песчаной. 3. Телесы, обитавшие преимущественно по рекам Чулышману, Башкаусу и Улагану, причем часть их называла себя «улаан-кижи», т. е. обитатели р. Улагана. 4. Телеуты, жившие по р. Черге и другим рекам в Шебалинском и Майминском аймаках. Большая часть их жила за пределами Горного Алтая, по рекам Большому и Малому Бочатам, в отрогах Кузнецкого Алатау. 5. Тубалары, занимавшие долины рек Большой и Малой Иши, Сары-Кокши, Кара-Кокши, Пыжи, Уйменя и др. 6. Маймалары, представлявшие население бассейна р. Маймы, правого притока Катунь. Они именовали себя по названию р. Маймы и состояли из родов или сеоков, относившихся как к собственно алтайцам, так и к тубаларам. Это была типичная территориальная группа, объединенная общим территориальным самоназванием. 7. Челканцы, расселившиеся в бассейне р. Лебеди и особенно ее притока Байгола. Они делились всего на два сеока или рода (Чалканыг и Шакшылыг) и называли себя по названию р. Лебеди «куу-кижи», т. е. обитатели р. Лебеди, или лебединцы. 8. Кумандинцы, жившие по берегам Бии почти от г. Бийска и вверх до впадения р. Лебеди. Еще в дореволюционной литературе все эти тюркоязычные племена и территориальные группы получили общее наименование алтайцев по признаку обитания их на Алтае. Кроме того, к алтайцам было принято причислять и шорцев — жителей Кузнецкого Алатау.

Проблема этногенеза тюркоязычных племен Алтая относится к числу наиболее трудных и неразработанных в этнографии народов Сибири. Несмотря на то, что Алтай с давних пор привлекал внимание ученых, ее коснулись только двое из них — В. В. Радлов и Н. А. Аристов, и то не специально, а, можно сказать, попутно¹. В. В. Радлов высказал

¹ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. I, СПб., 1866; его же, Aus Sibirien, т. I и II, Leipzig, 1884; Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, «Живая старина», вып. III и IV, 1896.

мнение, что Алтай является древнейшей прародиной тюркских племен, и полагал, что изучение тюркоязычных племен Алтая, которому он посвятил ряд лет, может пролить свет на вопрос происхождения тюрков вообще и их быта в древний период. Другой исследователь, Н. А. Аристов, также исходил из того, что Алтай является прародиной тюрков вообще. Рассматривая происхождение и этнический состав всех тюркских племен и народностей, он уделил некоторое внимание и южно-сибирским тюркским племенам, в том числе и алтайцам, как южным, так и северным. Н. А. Аристов высказал предположение, что южные алтайцы являются потомками гаогуйских племен, именовавшихся в китайских источниках также термином «теле». Относительно северных алтайцев он, по существу, поддержал мнение Радлова, что это тюркизированные енисейские остяки (кеты) и самоеды.

Отсюда следует, что попытка выяснить специально происхождение алтайцев предпринимается по существу впервые. Мы делаем это вопреки пессимистическому утверждению В. Радлова: «едва ли окажется когда-либо возможным разрешить вопрос о происхождении древнейших обитателей Сибири»². Приведенное мнение крупного специалиста наваяно бессилием буржуазной науки в решении сложных и трудных исторических проблем. Решение таких задач по силам только советской исторической науке, вооруженной методом диалектического материализма, опирающейся на гениальные исследования классиков марксизма. Особенно большой вклад в изучение проблем этногенеза внес своими исследованиями И. В. Сталин. Его труды по национальному вопросу, учение о нации и особенно новый гениальный труд «Марксизм и вопросы языкознания» заложили прочную теоретическую основу для разработки вопросов происхождения того или иного народа. Напомним такие плодотворные творческие идеи и положения И. В. Сталина, как определение процесса исторического развития языка от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, как, необходимость изучать язык «в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»³. Напомним указания и о том, что в процессе исторического развития племени и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, о характере скрещивания языков, когда один из языков выходит победителем, и т. д. Опираясь на идейно-теоретическое богатство классиков марксизма, советские этнографы и историки разработали не только методологию, но и методику этногенетических исследований. Одним из основных достижений в этом отношении нужно признать комплексное привлечение различных исторических источников: лингвистических, археологических, этнографических, антропологических, письменных исторических, фольклорных, данные топонимики и т. д. Только всестороннее использование различных исторических источников дает прочную фактическую основу для решения вопросов происхождения того или иного народа и позволяет при помощи научно-исторического анализа выяснить эти трудные и сложные вопросы.

Выяснение вопросов происхождения алтайцев целесообразно вести раздельно по двум крупным группам, которые можно назвать по географическому признаку южной и северной, так как между ними существуют весьма резкие различия по языку, культуре и быту, а также в антропологическом типе.

К южной группе относятся: собственно алтайцы, теленгиты, телесы, телеуты и маймалары; к северной — шорцы, челканцы, кумандинцы и тубалары, хотя среди последних в языке и в особенностях культуры и быта, да и в антропологическом типе, прослеживаются отдельные эле-

² В. В. Радлов, *Aus Sibirien*, т. II, стр. 143.

³ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1950, стр. 22.

менты, характерные для южной группы алтайцев. Это можно объяснить географическим положением тубаларов, находящихся на границе между северными и южными алтайцами, что способствовало возникновению культурно-исторических связей, а также смешению тубаларов с южными алтайцами.

Общезвестно, что южные алтайцы в лингвистических классификациях тюркских языков относятся к той группе, в которую входят также киргизы, казахи, часть узбеков (поселившаяся в Узбекистане в связи с распадом Улуса Джучия в начале XVI в. при Шейбани-хане и часто называвшаяся до революции «кочевыми узбеками»), башкиры, тобольские и барабинские татары и др. Эта группа тюркских языков именуется северо-западной или кыпчакской. Северные алтайцы по признакам, положенным в основу классификации, относятся к другой, так называемой северо-восточной группе тюркских языков, которую еще именуют уйгурской по основному ее языку. Весьма велики различия в формах хозяйства, культуры и быта южной и северной групп алтайцев. Этнографическое своеобразие южных и северных алтайцев сложилось на различной материальной основе и в различных географических условиях в пределах Горного Алтая. Этнографические особенности культуры и быта южных алтайцев выросли на базе кочевого и полукочевого пастбищного скотоводства, в то время как у северных алтайцев они вырабатывались в течение многих столетий на основе пешей охоты на зверя, таежного рыболовства, мотыжного земледелия и собирательства дикорастущих. У южной и северной групп алтайцев наблюдается резкое различие в форме, конструкции и материале жилища и одежды, в характере и способе приготовления пищи, в средствах передвижения, в устном народном творчестве, изобразительном искусстве, в нравах и обычаях, в обрядах и культе⁴. Наконец, не вызывают сомнения и большие антропологические различия между южной и северной группой алтайцев. Южные алтайцы относятся нашими советскими антропологами вместе с тувинцами, бурятами, монголами, якутами к наиболее монголоидной, так называемой центральноазиатской группе населения Сибири⁵. У северных алтайцев монголоидность основных антропологических признаков выражена гораздо слабее, но наличествуют европеоидные признаки. Они относятся вместе с рядом угорских и самодийских народностей к уральской группе. Таким образом, северные алтайцы, особенно шорцы и кумандинцы, обнаруживают общность антропологического типа по измерительным и описательным признакам не с южными алтайцами, а с обскими уграми: хантами и манси. Следовательно, раздельное рассмотрение вопросов происхождения и этнического состава южных и северных алтайцев диктуется отнюдь не удобством научного анализа, а является необходимым по существу.

Наиболее ранние данные о древнейших насельниках Горного Алтая дает материал археологических раскопок. Палеоантропологический материал из древнейших алтайских погребений документально свидетельствует, что во II и I тысячелетиях до н. э. на Алтае жило население древнего европеоидного облика, резко отличное от монголоидного физического типа современных южных алтайцев. Древнейшие насельники Алтая жили оседло, занимались охотой, пастушеским скотоводством и земледелием. Они были искусными металлургами, выделявавшими из бронзы орудия и оружие, предметы хозяйственного быта, украшения и т. д. Древнейшее население Алтая, о котором идет речь, было родственно по физическому типу и общности культуры с населением Минусин-

⁴ На эти различия указано в ряде моих работ (см., например, книги: «Разделение родового строя у племен Северного Алтая», Л., 1935; «Очерки по истории алтайцев», Новосибирск, 1948).

⁵ Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVII, М., 1951, стр. 71, 119.

синской котловины и относилось к той группе племен, которая, видимо, получила в китайских источниках наименование динлинов. Известное фундаментальное исследование С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» на большом археологическом и палеоантропологическом материале вполне убедительно решает вопрос о физическом типе и характере культуры динлинов.

Проникновение монголоидного физического типа в Горный Алтай относится к середине I тысячелетия до н. э. Оно усилилось, видимо, с гуннского времени. Есть все основания предполагать, что монголоидное население, проникавшее на Алтай, как об этом говорят археологические памятники, через Туву и северо-западную Монголию, было преимущественно тюркоязычным, что совершенно бесспорно уже для VI в. н. э. Археологический материал дает полную возможность зафиксировать физическое смешение монголоидных пришельцев с местными динлинскими племенами. Скрещение монголоидных племен с динлинами, разумеется, не ограничивалось физическим смешением. В большой степени оно проявлялось в отношении культуры и языка. Нет никакого сомнения в том, что уже в первых веках нашей эры тюркские языки на Алтае оказались победителями. Анализ археологических памятников Алтая последних веков I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. устанавливает наличие культурных связей и контакта алтайских племен с кочевническим населением Средней Азии, видимо, с массагетскими племенами (юэчжи китайских источников) и племенами степей Западной Сибири, Семиречья, Южного Приуралья⁶. Исходя из фактов культурного общения и связей племен Алтая этого времени с кочевыми племенами Средней Азии и особенно Семиречья, необходимо предположить и взаимное смешение тех и других, что, конечно, влияло на этнический состав населения Алтая и усложняло его. Следовательно, уже наиболее ранние данные об этническом составе древних алтайцев свидетельствуют об их сложном и разнородном происхождении и не подтверждают предположения об этнической чистоте тюрков Алтая, как не подтверждают и другого предположения, высказанного Радловым, что Алтай является прародиной тюрков, поскольку, согласно антропологическим данным, монголоидные тюрки лишь постепенно сменяют местные динлинские племена.

Господство монголоидного физического типа в Горном Алтае устанавливается только в первые века н. э., что вполне согласуется со свидетельством китайских летописных источников об обитании на Алтае тюркоязычных племен (теле, тугю, кыпчаки и т. д.). Этнический состав населения Горного Алтая становится известным с VI в., когда возникает тюркский каганат. Происхождение последнего связано с тюркоязычными племенами Алтая, которые, по данным китайских летописей, входили в две большие группы: теле и тугю⁷. Оба приведенных термина обозначают собирательное название для группировок алтайских племен. Племена тугю жили на юге Алтая и славились умением плавить и обрабатывать железо, которым они платили дань жужанам. В 536 г. тугю под предводительством Тумыня нанесли поражение племенам теле, но вскоре объединились с ними для совместной борьбы с господствовавшими тогда в восточной части Центральной Азии жужанскими каганами и в 552 г. создали новое военно-административное объединение, первым каганом которого был Тумынь. Политическое господство тюркских каганов быстро распространилось на огромную территорию от границ Китая до Ирана и Византии. Военно-административный и политический центр

⁶ См. об этом в исследовании С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», М., 1951.

⁷ Термин «геле» относится и к кочевым племенам, жившим далеко за пределами Алтая.

тюркского каганата вскоре же оказался в Монголии. Узкие горные долины и степи Алтая, бедного зимними пастбищами, не были в состоянии обеспечить содержание огромных стад многочисленной кочевой знати тюркского каганата. Обширные степи Монголии были более подходящими для этого. Вероятно, этим объясняется то, что местопребывание господствующей и правящей аристократической верхушки больших, но обычно временных, военно-административных объединений кочевников в восточной части Центральной Азии как до тюркского каганата, так и после него находилось преимущественно в Монголии. Тюркский каганат был также временным военно-политическим объединением, которое, как известно из древнетюркских надписей на камнях, обнаруженных на р. Орхоне в Монголии, получило наименование «тюрк». Передача этого термина в китайской транскрипции и дало тугю. Тюркоязычное население Алтая и прилегающих к нему районов, составившее ядро тюркского каганата, не составляло единой народности, а отличалось пестрым этническим составом, причем непостоянным и довольно неустойчивым. Этнический состав алтайских тюрков не мог быть устойчивым в тех исторических условиях, ибо этому препятствовало отсутствие экономической общности, прочной государственной власти и кочевой быт. Будучи объединены общей политической властью тюркских каганов, племена Алтая и прилегающих к нему районов, входившие в объединение «тюрк», по существу жили своей обособленной жизнью. Они говорили на собственных языках и диалектах, хотя и родственных между собой, имели собственные этнические наименования, различались в отношении некоторых обычаев и религиозных обрядов. Более того, они часто находились во враждебных отношениях, совершая друг на друга вооруженные набеги с целью захвата добычи и пленников. О таких набегах племен теле и тугю неоднократно говорится в китайских источниках. Организация походов, набегов с целью грабежа и захвата пленных составляла основу политики кочевой аристократии тюркского каганата, как и других подобных военно-административных объединений кочевников⁸. В этих условиях в различных частях тюркского каганата постоянно возникали и распадались (в зависимости от успехов или неудач организаторов) временные, мелкие и крупные группировки различных племен и родов, отражавшие стремление кочевой верхушки к захвату богатств и власти. Но это также приводило к тому, что различные племена и роды (или группировки их) постоянно дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Возникновение и распадение таких временных родо-племенных объединений облегчалось простотой производственной структуры и экономической жизни кочевников, основной отраслью хозяйства которых было экстенсивное пастбищное скотоводство без заготовки корма, с содержанием скота на пастбищах в течение всего года. Кочевники систематически переходили с места на место, «смотря по приволью в траве и воде»⁹, чтобы обеспечить кормом свои стада. Экономическим базисом такого способа ведения хозяйства было общинное владение пастбищами и частная собственность на скот. Рядовое население жило мелкими или крупными общинами, объединенными общим владением пастбищами, совместным кочеванием, под главенством своего предводителя, как правило, богатого скотовода. Общинная форма кочевания в условиях кочевого скотоводческого хозяйства является экономической необходимостью. «У кочевых пастушеских племен,— пишет К. Маркс,— община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (*Reisegesellschaft*), караван, орда, и формы субординации

⁸ Причины, порождавшие такую политику, вскрыты в исследовании С. В. Киселева (указ. соч., стр. 505).

⁹ Трафаретное выражение китайской летописи, описывающей быт кочевников.

развиваются из условий этого образа жизни»¹⁰. Такую общину нельзя назвать территориальной, как у земледельческих народов, ибо она не имела постоянной пастбищной территории. Это была кочевая община, которая все время передвигалась по мере стравливания пастбищ. Пастбища занимались путем захвата либо свободной территории, либо занятой другими кочевыми объединениями. Однако право распоряжения пастбищами находилось в руках аристократической верхушки кочевников. Это достоверно известно про западных соседей алтайцев кочевников-усуней. Китайская летопись сообщает (I в. до н. э.), например, что глава усуней Цылими, носивший титул гунь-мо, обнародовал, чтобы «никто не смел пасти скот на его пастбищах»¹¹. Состав общины также не был постоянным и устойчивым. Несмотря на то, что в основе этих простейших производственных объединений лежала родо-племенная традиция, их нельзя определить как общины родовые, объединяющие только кровных родственников. В описанных выше условиях род как кровнородственная организация не мог существовать. Устойчивыми были только родовые и племенные наименования, родовые обычаи и культы, родовые и племенные диалекты, которые были общими для таких объединений, состоявших по существу из разнородных в родственном отношении элементов. Частная собственность на скот, имущественное неравенство создавали условия для развития классовых отношений внутри таких общин. Аристократическая верхушка кочевников обладала огромными стадами, уход за которыми осуществляли зависимые от них разорившиеся рядовые кочевники и рабы.

Политическая власть верхушки основывалась на богатстве. Об этом убедительно говорит пример известного тюркского кагана Гудулу (Ильтерес-каган орхонских надписей), который, по свидетельству китайской летописи, «мало по-малу очень разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом»¹². Приведенная характеристика кочевых общин, как самодовлеющих и постоянно воспроизводящих себя простейших производственных объединений скотоводов-кочевников, объясняет и большую их жизнеспособность. Будучи разгромлены или рассеяны при очередном нашествии или набеге враждебной коалиции, они быстро возникали вновь, часто на одной и той же территории, под одними и теми же названиями, или же, быстро оправившись от удара, входили в новые комбинации кочевых объединений. Политические интриги, борьба за власть и богатство различных ханов не затрагивали экономической основы таких кочевых объединений. Вот почему племена и роды кочевников времени тюркского каганата, как и у позднейших тюркоязычных кочевников (например, казахов, киргизов), так легко дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Вследствие этого был неустойчивым и разнородным этнический состав алтайских тюрков.

Обращаясь к выяснению этнического состава алтайцев периода тюркского каганата, необходимо иметь в виду прежде всего динлинский этнический элемент. Динлины совершенно ассимилировались в среде тюркоязычных племен Алтая, утратив свой язык и восприняв тюркский. Однако они внесли в монголоидную по антропологическому признаку среду тюрков Алтая черты своего европеоидного физического типа. Эти черты до сего времени проявляются у отдельных алтайцев и хакасов, среди которых встречаются светловолосые и светлоглазые лица. Таким образом, динлинский этнический компонент в среде алтайцев устанавливается не только по историческим, но и по антропологическим данным.

¹⁰ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ОГИЗ, 1940, стр. 24.

¹¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I, М.—Л., 1950, стр. 197.

¹² Там же, стр. 266.

Не может вызывать сомнения также и смешение тюркоязычных алтайских кочевников с монголами. На это указывают, например, данные древнего тюркского языка, зафиксированного в орхон-енисейских надписях, в котором П. Пелльо обнаружил отдельные монгольские лексические элементы (в титулах и званиях аристократической верхушки тюрков), выраженные также и грамматически (например, употребление монгольского множественного числа)¹³.

Об этническом составе тюркоязычного населения Алтая и прилегающих к нему районов имеются документальные известия прежде всего в орхон-енисейских камнеписных памятниках древнетюркского языка, затем в китайских династийных хрониках. В упомянутых надписях встречаются этнонимы: Тюрк, Огуз, Кыпчак, Карлук, Кыркыз, Толес, Тардуш, Тюргеш, Уйгур, Чик, Аз и др.¹⁴. В китайских летописях говорится об объединении племен тугю, теле, хагяс и сообщаются наименования отдельных племен и родов, входящих в эти объединения¹⁵. Большинство из перечисленных этнонимов сохранилось в родо-племенных названиях современных алтайцев, являясь свидетельством историко-генетической связи их с тюркоязычным населением Алтая VI—VIII вв.

Термин «тюрк» выступает в орхонских надписях как название политического объединения, представляющего собой сложный в этническом отношении конгломерат¹⁶. В китайских источниках это название передано термином «тугю», с указанием местообитания их на Южном Алтае уже в первой половине V в. В генеалогической легенде о происхождении тугю, зафиксированной летописью, подчеркивается родственное происхождение племен тугю. Эту легенду, как известно, удачно интерпретировал Н. А. Аристов, связавший ее с этнонимами и топонимикой у современных алтайцев¹⁷. Эта легенда отражает также и некоторые особенности общественных и семейных отношений (черты матриархата, мин рат), религиозных представлений и обрядов (тотемизм, магическое воздействие на погоду). Из последних особенно интересно сопоставить умение старшего из братьев родоначальников тугю (родившегося от волчицы) вызывать ветры и дожди. Этнографам хорошо известно, что у дореволюционных южных алтайцев была особая категория колдунов — «ядачи», которым приписывалось умение вызывать любую погоду при помощи камня «яда-таш»¹⁸.

Историко-культурное родство современных алтайцев с тюрками тугю особенно хорошо устанавливается на археологическом и этнографическом материале. Китайская летопись Тан-шу содержит описание быта тугю, которое мы приводим в выдержках. «Обычаи тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят; живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериной ловлей; питаются мясом, пьют кумыс; носят меховое и шерстяное одеяние... Из оружия имеют: роговые луки со свистящими стрелами, латы, копыя, сабли и палаши. Знамена с золотою волчьей головою... Искусно стреляют из лука с лошади... Письмен (китайских.— Л. П.) не имеют. Количество требуемых

¹³ P. Pelliot, L'origine des Tou-kiou, nom chinois des Turks, «T'oung Pao», 1915.

¹⁴ О них см. W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, СПб, 1895, стр. 424—428.

¹⁵ Н. Я. Бичурин, Указ. сочинение.

¹⁶ В. В. Бартольд, Очерки истории туркменского народа. Туркмения, I, Л., 1929, стр. 9—10.

¹⁷ Н. А. Аристов, Указ. соч., стр. 5.

¹⁸ Поверье о яда-таш весьма распространено было у современных тюркоязычных племен и народностей (см. об этом С. Е. Малов, Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая, «Советская этнография», 1947, № 1). Подробный обзор материала по этому вопросу см. в работе F. Andrian «Über den Wetterzauber der Altaier», Correspondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1893, № 8.

людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве... Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закаляют лошадей и овец, и разложив перед палаткою, приносят в жертву... Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, а вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года...» Далее описываются похороны богатого человека и указывается на обычай ставить при могиле «нарисованный облик покойника» и камни по количеству убитых врагов. «Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах... По смерти отца, старших братьев и дядей по отце женятся на мачехах, невестках и тетках... Буквы письма их походят на буквы народа Ху... Пьют кобылий кумыс и упиваются до пьяна. Поют песни, стоя лицом друг к другу. Поклоняются духам, веруют в волхвов»¹⁹.

Вещевой материал, добытый археологами из раскопок могильников тюркского времени, рисует быт кочевников алтайских тугю теми же чертами, что и летопись. Кроме скотоводства, бывшего основным занятием алтайских тугю, о чем говорят костные остатки лошади, овцы, козы, верблюда, яка, им были известны и охота на зверя (изделия из рога марала, лося, горного козла, обрывки меховой одежды, шкурок пушных зверей), частично и земледелие (находки ручных каменных жерновов). О наличии у алтайских тугю земледелия свидетельствуют также следы оросительных каналов. С. В. Киселевым были обнаружены и следы плавки железной руды на Южном Алтае²⁰. Захоронение покойника с трупосожжением также обнаружено археологами при исследовании алтайских могильников описываемого времени.

Археологический материал подтверждает сообщение китайской летописи об обычае ставить каменные изображения покойника и вереницы камней у могилы богача, о наличии перечисленного выше оружия: луков, свистящих стрел, сабель и т. п. Еще в большей степени описание быта тугю китайской летописью подтверждается этнографическими материалами по южным алтайцам, относящимися к концу XIX и началу XX в. Южные алтайцы носили длиннополые шубы, запахивающиеся левой полой наверх, и жили в войлочных юртах, хотя волосы уже заплетали в косу. Они также пасли скот зимой и летом на пастбищах и охотились на зверя. Свистящие стрелы употреблялись ими при охоте в глухих районах Алтая вплоть до революции. Данные о количестве скота, долгах и т. п. они изображали зарубками на деревянных дощечках (кере агаш). Питались мясом и кумысом. Вместо кумыса опьяняли себя молочной самогонкой-араккой и также при угощении становились друг против друга на одно колено и пели песню. Обычай жениться на вдовах, оставшихся после старших братьев, был также широко распространен у южных алтайцев. Сохранилась и терминология родства, зафиксированная камнеписными орхоно-енисейскими памятниками. К таким терминам относятся, например, ата (отец), ана (в алтайском произношении äñä — мать), ini и ači (младший брат, сыновья брата), апа и siñil (старшая и младшая сестры и др.), kälín (невестка)²¹. Еще более поразительно сохранялись у южных алтайцев с описываемого времени элементы религиозного шаманского культа. Отметим прежде всего жертвоприношение овец и лошадей, сопровождавшееся обычаем выстав-

¹⁹ Н. Я. Бичурин, Указ, соч., т. I, стр. 229—231.

²⁰ С. В. Киселев, Указ, соч., стр. 515.

²¹ См. С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951. На термины родства в орхоно-енисейских надписях обратил внимание А. Н. Бернштам (Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок, М.—Л., 1946, стр. 88—93).

лять голову и шкуру животных, принесенных в жертву. Божества тюрков, упоминаемые в орхонских надписях, — кок тенгри (синее небо) и иер-су (земля и вода), почитались южными алтайцами вплоть до революции под теми же названиями.

В этническом составе древнего тюркоязычного населения Алтая, наряду с тугю, выдающееся место принадлежало племенам, относимым китайскими известиями к группе теле. Термин «теле» известен в китайских источниках с V в. и был термином собирательным, а не этническим. Он сменил термин «гао-гюй». В династийной хронике Вэй-шу упоминаются наименования 12 родов, входивших в состав предков гао-гюйцев — теле: 1) Лифули, 2) Тулу, 3) Ичжань, 4) Далянъ, 5) Кухэ, 6) Дабо, 7) Алунь, 8) Моюнь, 9) Сыфынь, 10) Фуфуло, 11) Киюань, 12) Юшупэй. Термин «теле» особенно распространился со времени Суйской династии (581—618), когда им обозначали, видимо, все кочевые скотоводческие племена, т. е. по признаку кочевого образа жизни, независимо от этнического происхождения и языка. Только этим, вероятно, и можно объяснить сообщение Суйской летописи о том, что телеских родов насчитывается свыше 8000 и расселены теле на огромной территории от Маньчжурии до Каспийского моря²². В этой же летописи имеется следующее описание быта теле: «Нравы телесцев вообще одинаковы с тукюескими. Только женятся у них уже взрослые мужчины и тотчас после свадьбы живут в доме родителей жены, ожидая, пока родится и вскормится грудью первый ребенок. Только тогда молодая чета возвращается в свой дом. Умерших они зарывают в землю. Вот и вся разница»²³. Следовательно, китайские источники отмечают различие между тугю и теле только в отношении похоронного обряда. Они свидетельствуют, что теле погребали умерших в землю, а тугю — сжигали. Это сообщение о различии в похоронном обряде подтверждается нашими археологами, исследующими могильники Алтая рассматриваемого времени.

В истории Танской династии (618—907) содержатся дополнения о гаогюйских поколениях, т. е. о теле, из которых упоминаются: 1) Сянтю, 2) Байегу, 3) Пугу, 4) Тунло, 5) Хуню, 6) Кибь, 7) Доланьгэ, 8) Адие, 9) Гэлोलу, 10) Басими, 11) Дубо, 12) Гулигань, 13) Байси, 14) Хусье.

Племена теле, по сообщениям китайских источников, довольно часто враждовали с тугю, даже будучи в составе единого военно-административного объединения, каким являлся тюркский каганат. Это подтверждается и содержанием орхоно-енисейских надписей. Объединения теле и тугю едва ли были постоянными. Вследствие причин, рассмотренных выше, состав их был текучим и часто менялся. Не вызывает сомнения лишь их культурно-бытовая общность, зафиксированная сообщениями китайских хроник и подтверждаемая археологическими данными. Однако в отношении языка различия были, судя по языкам современных разных тюркоязычных народностей и племен, связанных своим происхождением с тюркским каганатом. Правда, различия эти содержатся в рамках родственных между собой тюркских языков.

Приведенный выше материал об историко-культурном родстве современных южных алтайцев с племенами VI—VIII вв. тугю и теле китайских источников делает особенно важным и необходимым рассмотрение этнонимов тугю и теле в сопоставлении с родо-племенными названиями современных алтайцев. Китайские источники содержат данные об этнонимах только для племен теле и не дают материалов по этнонимам племен тугю. Однако этот пробел восполняется орхоно-енисейскими надписями, где наименования племен и родов, входивших в объединение «тюрк», представлены довольно полно, включая и те, которые, согласно

²² Д. Позднеев, Исторический очерк уйгуров, СПб., 1899, стр. 37—41.

²³ Там же, стр. 41.

китайским источникам, относятся к племенам теле. В упомянутых камнеписных памятниках встречаются этнонимы: Тюрк, Огуз или Токуз огуз, Телес, Кыпчак, Тюргешь, Карлук, Гардуш, Уйгур, Кыргыз, Байырку, Курыкан, Тонгра, Басмалы и др. Некоторые из них известны и по китайской летописи, в которой они причислены к племенам теле. Таковы, например, Гэлолу (Карлук), Сяньто (Сир-тардуш²⁴), Гулигань (Курыкан²⁵), Тунло (Тонгра²⁶), Байегу (Байырку²⁷), Басими (Басмалы²⁸). Термин «тюрк» как уже указывалось выше, был политическим наименованием военно-административного объединения, представлявшего в этническом отношении довольно пестрый конгломерат. В. В. Бартольд считал, что этнографическим термином племен, основавших тюркский каганат, был «огуз»; подразделениями огузов были тардуши, толесы. Это мнение не подтверждается фактическим материалом. Десятиплеменные огузы составляли только часть упомянутого конгломерата, в который входили и многие другие племена и роды, упоминаемые в камнеписных памятниках под своими этническими именами. Стало быть, термин «токуз-огуз» относился к определенному объединению племен, родственных по языку, но отличающихся в языковом отношении от других тюркоязычных племен, например, кыпчаков. Термин «огуз» получил расширительное значение только позднее, уже у восточных авторов, что разъясняется из фактов политической истории. Известно, что десятиплеменные огузы, входившие крупным и важным объединением в тюркский каганат, наряду, например, с кыпчаками, карлуками и другими, с падением тюркского каганата завершают продвижение на запад, где в IX в. смешиваются с потомками тюркизированных эфталитов-кидаритов²⁹ и закладывают основу нового объединения тюркоязычных племен с центром в низовьях Сыр-Дарьи. Вследствие своего политического значения огузы приобретают большую популярность, что находит отражение в сочинениях восточных авторов, которые именуют огузами или гузами не только население, входящее в сферу влияния этого нового военно-административного объединения, но и самую территорию Приаральских и Прикаспийских степей, называя последнюю в X в. «степью гузов»³⁰, как позднее (когда господство гузов в этих местах сменилось господством кыпчаков) — «степью кыпчаков» (Дешт-и-Кыпчак)³¹. Этноним огуз среди родо-племенных названий алтайцев не встречается, что вполне естественно в связи с фактом отколевки огузов на запад. Отсутствие огузского элемента в этническом составе южных алтайцев особенно убедительно выступает в языковых фактах. Язык южных алтайцев с его диалектами относится к кыпчакской группе тюркских языков, весьма отличной от группы огузской, представителями которой являются современные языки: туркменский, азербайджанский, турецкий³². Язык орхоно-

²⁴ См. F. Hirth. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. «Die Altürkischen Inschriften der Mongolei», Zweite Folge, стр. 56, 129, 133, 140. Это отождествление принял и E. Chavannes (Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux, St.-Pet., 1903, стр. 94, 95, 105 и др.

²⁵ См. F. Hirth, Указ. соч., стр. 133.

²⁶ F. Hirth, Указ. соч., стр. 133; V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. V, 1896, стр. 178.

²⁷ V. Thomsen, Указ. соч., стр. 123; E. Chavannes, Указ. соч., стр. 86.

²⁸ W. Barthold, Die Historische Bedeutung der Altürkischen Inschriften, стр. 8. См. «Die Altürkischen Inschriften der Mongolei». Neue Folge. СПб., 1897. См. также его работу «Очерк истории туркменского народа», стр. 9—10; его же, Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченской области, т. 2, Верный, 1898, стр. 87—88 и др.

²⁹ С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 100.

³⁰ В. В. Бартольд, Новый труд о половцах, «Русский исторический журнал», кн. 7, Пг., 1921, стр. 142.

³¹ См. С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 100—101.

³² Уже поэтому нельзя считать половцев-кыпчаков и огузов одним и тем же народом, как это думал J. Marquart (см. его «Über das Volkstum der Komanen», Berlin, 1914, стр. 29).

енисейских надписей, грамотность на котором была распространена преимущественно в среде кочевой знати, относится именно к огузскому типу тюркских языков³³. Фонетические и морфологические особенности его сохранились в современных туркменском, азербайджанском и других языках. Однако словарный состав огузских и кыпчакских языков имеет общие слова, что объясняется как родством этих языков, так и тем, что огузские и кыпчакские племена жили общей исторической и культурной жизнью в составе тюркского каганата.

У современных южных алтайцев весьма распространенными этнонимами из упоминаемых в орхоно-енисейских надписях и китайских хрониках являются: Теле — Телес и Кыпчак. Большая часть племенных наименований у южных алтайцев: теленгит, телес, телеут — имеет в своей основе термин «теле». Уже давно признано, что названия «теленгит» и «телеут» являются передачей древнего этнонима теле в грамматической форме монгольского множественного числа³⁴. Сомнение в этом отношении вызвал только термин «телес», засвидетельствованный в орхоно-енисейских надписях. В. Радлов, В. Томсен, Ф. Хирт, Э. Шаванн и другие высказались за отождествление этнонима телес с теле китайских летописей³⁵. Однако в этом усомнился В. Бартольд, поддержанный П. Мелиоранским³⁶. В настоящее время этот вопрос вполне прояснился в связи с тем, что установлено тюркологами: аффикс з(с) являлся показателем множественного числа в древних тюркских языках, в частности в языке камнеписных орхонских памятников³⁷. В этой связи этноним телес выступает как грамматическая форма тюркского множественного числа от теле. Следовательно, телесы южных алтайцев, как и родственные им теленгиты и телеуты, сохранили в своем самоназвании яркое указание на принадлежность их далеких исторических предков к объединению «теле», к телесам орхоно-енисейских надписей, монгольских сказаний и т. д., часть которых уже в VI—VII вв. обитала на Алтае и в прилегающих к нему районах. При этом можно еще указать, что одно из самоназваний современных южных алтайцев «теленгит» зафиксировано упомянутыми китайскими источниками в термине Доланьгэ как наименование одного из племен теле, что также привлекло внимание ряда ученых³⁸. С этнонимом телес у южных алтайцев связана значительная часть населения. Помимо того, что телесами себя называет довольно большая группа южных алтайцев, обитающая в бассейне рек Чулышмана и Башкауса, необходимо обратить внимание на наличие сеока Телес у теленгитов и у собственно алтайцев. По данным 1897 г., только сеок Телес, без чулышманских телесов, насчитывал 1799 чел. обоего пола, что составляло 7,9% всего населения южных алтайцев. Кроме того, к телесам нужно отнести еще сеоки Оргончи и Титтас, которые считались родственными телесам в такой степени, что между этими сеоками заключались браки³⁹. Все это говорит о том, что с этнонимом

³³ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 7.

³⁴ См., например, Н. А. Аристов, Указ. раб., стр. 341.

³⁵ W. Radloff, *Aus Sibirien*, I, стр. 126; V. Thomsen, Указ. раб., стр. 146; F. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk*, стр. 133; E. Chavannes, Указ. соч., стр. 14; L. Cahun, *Introduction à l'histoire de l'Asie*, Paris, 1896, стр. 101.

³⁶ W. Barthold, *Die historische Bedeutung der Alttürkischen Inschriften*, стр. 9; П. Мелиоранский, Памятники в честь Кюль-Тегина, «Зап. Вост. отдел. Русск. археол. об-ва», XII, вып. 2—3, 1899, стр. 109.

³⁷ См. А. Н. Кононов, Грамматика турецкого языка, Л., 1941, стр. 95. Ср. его же, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 36—37; С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 50—52 и др.

³⁸ В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПб., 1893, стр. 89—90; G. Schlegel, *Die chinesische Inschrift auf dem Uigurischen Denkmal in Kara-Balgassun*, *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, IX, Helsingfors, 1896, стр. 1; Н. А. Аристов, Указ. соч., стр. 301 и др.

³⁹ С. А. Токарев, Декапиталистические пережитки в Ойротии, Л., 1936, стр. 20, 22.

«теле» связана большая часть современных алтайцев, что служит важным указанием на происхождение их от тюркоязычного населения Алтая VI—VIII вв., относимого китайскими источниками к племенам теле.

Не менее важным доказательством древней этнической основы южных алтайцев является весьма распространенный у них этноним Кыпчак. В настоящее время можно уверенно ставить вопрос о кыпчакском происхождении южных алтайцев, о существовании алтайских кыпчаков. Об этом прежде всего говорит их современный язык, относящийся, как неоднократно указывалось, к кыпчакской группе тюркских языков. Факты языка нужно считать важнейшим источником и доказательством для решения вопроса о происхождении южных алтайцев, ибо известно, что «Элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»⁴⁰. Конечно, при этом необходимо опираться на конкретную историю алтайцев, так как известно также и то, что в процессе конкретной истории могут смешиваться разноязычные и различные по этническому происхождению племена и народности. Мы знаем, например, что некоторые группы современных хакасов еще в XVII в. говорили на языках, относящихся к самодоязычной или кетоязычной группе племен, а затем, в результате языкового скрещивания, стали только тюркоязычными. Конечно, было бы неправильно на основании современного тюркского языка этих групп хакасов относить их происхождение к тем или иным древним тюркским племенам и народностям, ибо нельзя забывать при этом и другого указания И. В. Сталина, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁴¹. Конкретная же история южных алтайцев свидетельствует, что на Алтае, по крайней мере с VI в. и до наших дней, было тюркоязычное население, следовательно, мы вполне можем считать в этом случае, что элементы современного южного алтайского языка были заложены в глубокой древности и могут восходить к рассматриваемому периоду. Об этом, между прочим, говорят и некоторые параллели с киргизским материалом. Дело в том, что у южных алтайцев и киргизов, ныне разделенных огромным расстоянием, оказываются близкими, относящимися к одной и той же классификационной группе, языки, общие этнонимы, например, такие родо-племенные наименования, как Кыпчак, Телес, Мундус⁴². Эти параллели отражают, конечно, былую общность некоторых этнических элементов южных алтайцев и киргизов, что подтверждается и лексикой. Вероятно, эта общность относится ко времени существования больших объединений племен теле, ибо общими являются этнонимы теле (телес, Мундус — род телеутов). Кыпчакский язык алтайцев возник в древности и был связан с территорией Алтая. Последнее обстоятельство может быть доказано тем, что исторические источники очень рано говорят об этнониме Кыпчак, который приурочивается к Алтаю. Термин «кыпчак» упоминается в тексте китайского летописного известия, относящегося к III в. до н. э., о завоеваниях гуннского шаньюя Модэ. Среди племен, живших на севере от гуннов, динлинов, кыргызов и других, покоренных Модэ, упоминаются племена под названием Кюеше или «цвюе ше»⁴³, название, которое, как обратил внимание А. Н. Бернштам, в старокитайском произношении этих иероглифов, согласно Б. Карлгрену, звучало кыйчак, что, вероятно, передавало уже существовавшее тогда название «кыпчак»⁴⁴.

⁴⁰ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

⁴¹ Там же, стр. 22.

⁴² Мундус — наименование одного из наиболее древних и широко распространенных родов у телеутов.

⁴³ Н. Я. Бичурин, Указ. соч., стр. 50.

⁴⁴ А. Н. Бернштам, Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 154; ср. В. Карлгрен, Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese, Paris, 1923.

Предположить обитание кыпчаков на Алтае и в ближайших к нему районах необходимо еще и потому, что кыпчаки упоминаются вместе с басмалами, бо-ма (видимо, остяками и селькупам), а также киргизами в числе племен, попавших с 641 г. в зависимость от западнотюркского кагана Дулу (ум. в 653 г.) и живших, как правильно указывается в китайских источниках, к северо-востоку от западных тюрков⁴⁵. Столетием позднее о кыпчаках говорится в камнеписном памятнике, найденном Рамстедтом на р. Селенге, где указывается, что тюрки-кыпчаки в течение пятидесяти лет властвовали над уйгурами⁴⁶. Это означает, что кыпчаки играли видную роль в восточном тюркском каганате, т. е. в государстве орхонских тюрков, алтайское происхождение которых сомнения не вызывает. При перемещении центра каганата из Алтая на Орхон тюркоязычное население не покинуло Алтай. На Орхон перебрались преимущественно кочевая тюркская знать и господствующие роды, обладавшие огромными стадами. Само собой разумеется, что за ними последовала и часть зависимого от них рядового кочевнического населения.

Вместе с тем имеются основания допустить, что на Орхоне оказалась только часть кыпчаков, что Алтай не опустел, что на Алтае кыпчакское население продолжало обитать. Свидетельством этому (кроме того, что на Алтае звучала кыпчакская речь) могут служить и некоторые археологические памятники, в частности погребения, вблизи которых стоят каменные изваяния, изображающие мужчину, держащего в руке сосуд, характерные для погребального обряда кыпчаков середины XIII в., наблюденного В. Рубруком. Последний пишет, что кыпчаки над усопшим насыпают большой холм «и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя перед пупком чашу»⁴⁷. Л. А. Евтюхова, исследовавшая подобные каменные изваяния Горного Алтая, довольно убедительно датирует их периодом VII—X вв. и правильно относит их, как на Алтае, так и в Монголии, к орхонским тюркам алтайского происхождения⁴⁸. Так как в составе орхонских тюрков кыпчаки играли видную роль и именно кыпчаки ставили в XIII в. каменные статуи, аналогичные описанным, то вполне допустимо, что упомянутые изваяния Алтая VII—X вв. принадлежат алтайским кыпчакам.

В этой связи обратим внимание еще на такую деталь. В. Рубрук сообщает, что кыпчаки во время его путешествия носили с собой мешочки, в которых складывали всякие мелочи. Называли их «каптаргак». Эти мешочки изображены подвешенными к поясу и на упомянутых каменных кыпчакских изваяниях Алтая. Но такие мешочки — кожаные сумки полукруглой формы — до последнего времени носили алтайцы-охотники, называя их также «каптарга». Подобный мешочек-сумку мы привезли в составе собранной нами этнографической коллекции для Государственного музея этнографии в Ленинграде. Надо сказать, что в Минусинской котловине такие изваяния в виде мужчины, держащего в руках чашу, крайне редки. Для этого района характерны другие, более ранние типы каменных изваяний⁴⁹. Любопытно в связи с этим, что язык тюркского населения Минусинской котловины относится не к кыпчакской, а к другой группе, условно именуемой уйгурской. Алтайские кыпчаки, видимо,

⁴⁵ См. E. Chavannes, Указ. соч., стр. 28—29.

⁴⁶ Г. Рамстедт, Перевод надписи «Селенгинского камня», Труды Троицко-Савского отделения Приамурского отдела РГО, т. XV, вып. 1, стр. 40.

⁴⁷ В. Рубрук, Путешествие в восточные страны. Перевод А. Маленна, СПб., 1911, стр. 80. Еще раньше Рубрука о сооружении каменных баб в Улусе Джучия кыпчаками или ползвцами сообщает Низами (В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894, СПб., 1897).

⁴⁸ Каменные изваяния Северного Алтая, Труды Гос. исторического музея, вып. XVI, М., 1941.

⁴⁹ М. П. Грязнов и Е. Шнейдер, Древние изваяния Минусинских степей, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929.

не населяли Минусинскую котловину, где издавна жили киргизы. Мы отнюдь не хотим сказать, что указанные выше каменные изваяния Алтая, Тувы и Монголии принадлежат только кыпчакам, ибо хорошо знаем, что обычай ставить их был вообще у орхонских тюрков, которых нельзя целиком отождествлять с кыпчаками. Последние занимали в составе орхонских тюрков большое место и входили, видимо, в группу племен теле, ибо современные теленгиты, телеуты, телесы и группа собственно алтайцев говорят на кыпчакском по происхождению языку. На прямую генетическую связь современных южных алтайцев с древними и средневековыми кыпчаками указывает наличие у южных алтайцев сеока или рода Кыпчак. Сеок этот встречается буквально у всех южных алтайцев, как у телесов, теленгитов, так и у телеутов и собственно алтайцев. Следовательно, он является общим для всех южных алтайцев. Более того, сеок Кыпчак у современных южных алтайцев один из самых многочисленных. Ниже дается таблица наиболее многочисленных сеоков южных алтайцев, которая составлена мной на основании переписи 1897 г., произведенной у алтайцев под руководством С. П. Швецова⁵⁰.

Наименование сеока (рода)	Численность населения	
	абсолютная	в %
Тодош	2 982	13,1
Кыпчак	2 117	9,3
Мундус	1 417	6,2
Иркит	2 015	8,9
Майман (Найман)	1 912	8,4
Кобек	1 604	7,0
Толес	1 799	7,9
Тснжоан	1 106	4,5
Кегиль	1 100	4,5
Сагал	934	4,1
Соен, Саян (тувинцы)	728	3,2
Алмат	660	2,9
Чапты	558	2,9
Очы	528	2,9
Прочие: Кооболу, Сары, Олюп, Мюркут, Пурут, Тумат, Байлагас и др.	3 306	14,2
Итого	22 766	100%

Родственным по крови сеоку Кыпчак считался сеок Мундус. Кровное родство этих сеоков подчеркивалось запрещением браков между их членами. О кровном родстве их говорится и в легенде о происхождении сеока Мундус. Согласно этой легенде, основатель сеока Мундус родился от девушки, принадлежавшей к сеоку Кыпчак, зачавшей сына от того, что она съела три градинки (мус). Сеок Мундус, особенно распространенный у телеутов, известен, как уже говорилось, в качестве одного из родо-племенных подразделений у современных киргизов. Наличие общего родо-племенного подразделения Мундус у южных алтайцев и у киргизов отражает реальную историческую общность этнических элементов предков

⁵⁰ С. П. Швецов, Горный Алтай и его население, т. I, вып. 1, Барнаул, 1900. Приложение V. Таблица распределения алтайцев по сеокам, дючинам и волостям, стр. 8—23. Общее количество южных алтайцев, сосредоточенных в семи алтайских дючинах и двух чуйских волостях, исчислялось в 23 797 человек обоого пола, из которых для 1031 человека принадлежность к сеоку не выяснена. Поэтому мы вычислили процентный состав сеоков, исходя из общей численности южных алтайцев, указавших свой сеок, т. е. из 22 766 человек обоого пола.

этих народностей, что подтверждается и характером их языка, относящегося к общей кыпчакской группе.

Возвращаясь к нашей таблице, можно указать, что кыпчаки у южных алтайцев составляли (считая сеок Мундус) 15,5%. Но этнографические данные позволяют считать сеок Кыпчак в тесном племенном родстве с сеоком Тодош, ибо оба они находились между собой в отношениях «кудалышка», т. е. в отношениях родства по некогда обязательным (позднее предпочтительным) брачным связям. Отсюда оба упомянутых сеока были между собой «куда», т. е. сваты. Этот факт заслуживает особого внимания, ибо он прекрасно согласуется с подобным же старинным обычаем, существовавшим у кыпчаков-половцев, которые находились в отношениях «сватовства» с печенегами. В рассказах Ипатьевской летописи о походах русских князей в 1187—1192 гг. указывается на родство между печенегами и половцами, называвшими друг друга «сватами» и не желавшими сражаться друг с другом⁵¹. На этом основании мы вполне можем отнести к кыпчакским все алтайские сеоки, находившиеся с сеоком «Кыпчак» в отношениях «кудалышка». Следовательно, доля кыпчакского племенного элемента у южных алтайцев возрастает до 28,6, а принимая во внимание отношения «кудалышка» между сеоком Тодош и сеоком Чапты — до 31,5%.

На древность кыпчакских элементов у южных алтайцев указывает еще то обстоятельство, что из этих родов у южных алтайцев были зайсаны по крови, «родовичи», так называемые «укту-жайзан», звание которых было древним и наследственным. Это отметил еще В. Радлов, который сообщил о наличии у южных алтайцев наследственных зайсанов по крови из сеоков: Кыпчак, Мундус, Тодош и Иркит. Кроме всего этого, у современных южных алтайцев сохранялись до самой революции некоторые особенности культуры и быта, характерные для средневековых кыпчаков, в частности в области культа; они известны нам по описаниям западноевропейских путешественников, посетивших кыпчакские степи в XIII в. Из них, например, Марко Поло следующим образом описывает божество Натигай. «У каждого он в доме. Выделяют его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сыновей. Во время еды возьмут да помажут жирным куском рот богу, жене и сынам его»⁵². У теленгитов и телеутов Алтая такие божества в виде куколок из войлока были очень распространены вплоть до революции. Их держали в каждой юрте и кормили именно таким образом, как описывает Марко Поло. Более того, современные теленгиты называли это божество «Натигай» (как это зафиксировал Г. Н. Потанин во время своего путешествия по долине р. Чуи)⁵³, т. е. тем же термином, который слышал и Марко Поло. Телеуты, у которых эти божества шили из холста, набивая куколку тряпками, войлоком или шерстью, утратили собственное имя данного божества и именовали его общим термином «эмегендер», т. е. предки старушки. В этой связи укажем еще на некоторые особенности погребального обряда кыпчаков, сообщаемые В. Рубруком. Кроме его сообщения о том, что кыпчаки над усопшим насыпают большой холм «и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руках перед пупком чашу...», о чем уже говорилось выше, напомним следующие слова В. Рубрука: «Я видел одного недавно умершего, около которого они (кыпчаки.— Л. П.) повесили на высоких жердях шестнадцать шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира»⁵⁴. Аналогичный обряд при похоронах сохранялся у южных алтайцев до XIX в. включительно и по-

⁵¹ Ипатьевская летопись, стр. 134, 141. Полное собрание русских летописей, т. II, СПб. 1843.

⁵² Марко Поло, Путешествие, Л., 1940, стр. 63, 117.

⁵³ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 97.

⁵⁴ В. Рубрук, Указ. соч., стр. 80.

сил название «койлого», а лошадь, предназначенная сопровождать покойника в загробный мир, называлась «койло ат»⁵⁵. Все это свидетельствует о том, что современные южные алтайцы в своей этнической основе являются потомками древних и средневековых алтайских кыпчаков.

Необходимо также обратить внимание на наличие у алтайцев этнонима «тиргеш», что должно служить указанием на наличие в среде алтайцев потомков древних тюргешей, игравших видную роль в западном тюркском каганате. Тюргеши составляли часть тугю, жили в своей массе в VII—VIII вв. на запад от Иртыша в непосредственном соседстве с западным Алтаем⁵⁶. Тюргеши в VII в. входили в объединения племен Дулу, кочевавших на территории Семиречья⁵⁷. Дулу или Тулу, как указывалось выше, упоминается в перечне телеских поколений в китайской летописи. Наименование «тюргеш» сохранилось у тубаларов в названии сеока (Радлов его считал племенем⁵⁸), затем в названии Кергешской волости, упоминающейся в русских исторических документах XVII—XX вв. А. В. Адрианов справедливо отметил, что тубалары-тиргеш (у Адрианова Кергеш) относятся по этнографическим признакам к южным алтайцам⁵⁹. Мужчины у них носили волосы заплетенными в небольшую косичку, женщины — безрукавную верхнюю одежду «чегедек», что характерно именно для южных алтайцев⁶⁰. Мы прибавим к этому еще изготовление ими молочных продуктов, по способу приготовления и терминологии характерных для кочевников, в том числе и для южных алтайцев. Таким образом, сеок Тиргеш в составе тубаларов явно южноалтайского происхождения и еще не успел утратить особенностей своего древнего быта, связанного с культурой южных алтайских племен. В русских документах XVII в. отмечено⁶¹, что «тирхеши» были раньше данниками телесов («телеских людей кыштымы»).

Помимо проанализированных древних этнонимов тюркоязычных племен Саяно-Алтайского нагорья, в составе современных алтайцев встречаются этнонимы: Кыргыз, свидетельствующий об участии енисейских киргизов в этногенезе алтайцев, Дубо и Аба, упоминаемые в составе телеских поколений в китайских летописях, и др. Последние два этнонима целесообразно рассмотреть в связи с этногенезом северных алтайцев.

Подытоживая изложенное выше, необходимо констатировать, что археологический, антропологический, этнографический, исторический (письменные источники) и лингвистический материал⁶² согласно свидетельствуют, что современные южные алтайцы связаны своим этническим проис-

⁵⁵ Ср. монгол. «хойлга» как название обычая погребения лошади с покойником, сообщаемое Санан Сэцэном (XVII в.) в летописной хронике Эрдэнийн Тобчи. См. I. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen, Leipzig, 1829, стр. 235. У якутов «хой-луга» — животное, убиваемое на поминках. У хакасов (качинцы, сагайцы, бельтиры) — «койлага».

⁵⁶ W. Radloff, Die Altürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, СПб., 1895, стр. 427; Н. А. Аристов, Указ. соч., стр. 301.

⁵⁷ Н. А. Аристов, Указ. соч., стр. 301.

⁵⁸ W. Radloff, Aus Sibirien, I, стр. 213.

⁵⁹ А. В. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. Записки РГО по общей этнографии, т. XI, СПб., 1886, стр. 294.

⁶⁰ Обычай носить волосы заплетенными в косу упоминается в китайских источниках для сяньбийских племен (III—IV вв.), представлявших в этническом отношении конгломерат монгольских, тюркских и динлинских элементов (Н. Я. Бичурин, Указ. соч., I, стр. 167, 208—209). Имеются сведения о ношении кос и динлинами (E. Chavannes, Les pays d'Occident d'après Le Wei-Lio, «T'oung-Pao» ser. II, vol. VI, 1895, стр. 524); это подтверждается и тем, что их далекие потомки, енисейские остяки-кеты, придерживались такого обычая вплоть до революции.

⁶¹ С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 86.

⁶² К сожалению, мы не могли привести здесь лексического материала, который указывает на связь словарного состава языка орхоно-енисейских надписей с современным алтайским языком. Убедиться в этом легко всякому, кто заинтересуется хотя бы сопоставлением словаря, приложенного к работе С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности», с известными словарями алтайского языка (Вербицкий, Баскаков и Тошаква).

хождением с тюркоязычным населением, преобладавшим на Алтае и в прилегающих к нему районах в VI—VIII вв. Это население фигурирует в китайских летописных источниках под собирательными названиями — теле и тугю. В составе обеих групп находились кыпчакские племена, язык которых вышел победителем и сохранился в процессе скрещивания различных тюркских языков и диалектов на протяжении многовековой истории Южного Алтая. Эти древнеалтайские, кыпчакские по языку, племена являются далекими историческими предками современных южных алтайцев. Следовательно, упомянутые древнеалтайские этнические элементы продолжали обитать на Алтае и в последующие исторические времена, сохранившись до наших дней. Это, конечно, не означает, что этнический состав алтайских тюркоязычных племен на протяжении более чем тысячелетия оставался постоянным. Напротив, этнический состав алтайцев в связи с известными историческими событиями, протекавшими в восточной части Центральной Азии, подвергался изменениям, сохраняя при этом свою кыпчакскую основу. Существенным моментом в этнической истории алтайских племен нужно признать влияние монгольских племен. Это обстоятельство выступает особенно ясно в XI—XIII вв., когда на алтайцев распространяется господство найманов, и затем в период империи Чингис-хана и его потомков. На Алтае в указанное время продолжает обитать тюркоязычное население. Кыпчакские племена, часть которых известна у восточных авторов под именем «кимаков», упоминаются уже у арабского географа первой половины IX в. ибн-Хордадбега. По рукописи Гардизи, составленной в первой половине XI в., кимаки «живут в лесах, ущельях и степях, все владеют стадами коров и баранов; верблюдов у них нет... Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом: на зиму они заготавливают сушеное мясо баранье, лошадиное, коровье, каждый по мере своих средств. Предмет охоты кимаков — соболи и горностаи...»⁶³. Кыпчаки в средние века составляли западную ветвь кимаков. В сочинениях восточных авторов кимацко-кыпчакские племена выступают как жители долины Иртыша и западносибирских степей. Они, конечно, обитали в горах Алтая, особенно западного, где охотились на соболей и горностаев, которыми еще до недавнего времени славилась эти горы. Южноалтайские кыпчакские племена, например, собственно алтайцы, кочевавшие в западном Алтае еще в XVIII в., также продолжали на зиму уходить со стадами на левый берег Иртыша, где пасли скот в степях на своих зимних кочевьях и охотились на козуль. Телеуты кочевали в Прииртышских степях и по Оби еще в конце XVI и в XVII в. В степях Западной Сибири кыпчакские племена могли появиться только из Алтая, ибо Семиречье после падения тюркского каганата находилось сначала в руках тюркшей, а затем, со второй половины VIII в., — карлуков, которые считаются также выселенцами с Алтая. Приаральские и Прикаспийские степи были под гегемонией огузов. Конечно, часть кыпчаков могла оказаться на Иртыше с конца V в., ибо китайские источники сообщают, что в 492 г. часть племен теле откочевала с р. Селенги на Иртыш⁶⁴.

Распространившие свое господство на Алтай найманы кочевали близ верховьев Иртыша. Их влияние распространилось, видимо, на юго-западный Алтай, так как телесы и теленгуты подчинились монголам позднее, непосредственно войскам Чингис-хана. Памятником смешения алтайцев с монголоязычными найманами следует считать наличие среди алтайцев многочисленного сеока Найман (с различными подразделениями его). При скрещении найманов с алтайцами победил тюркский язык, найманы растворились в тюркоязычной алтайской среде, дав только

⁶³ В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894, стр. 107.

⁶⁴ Н. Я. Бичурин, Указ. соч., стр. 195.

наименование некоторым родовым подразделениям алтайцев. Довольно определенно о смешении алтайцев с монголами повествует «Сокровенное сказание монголов», где говорится о том, что по повелению Чингис-хана телесы и теленгуты в начале XIII в. были включены в состав населения, находящегося в ведении темника Хорчи, куда входили монгольские роды бааринцев, адаркинцев, чиносцев и лесные (в том числе монголоязычные) народы, обитавшие в Саяно-Алтайском нагорье⁶⁵. При смешении телесы и телеуты сохранили свой тюркский язык и, как известно, говорят на нем и в наше время. Это свидетельствует о том, что алтайский тюркский язык при скрещивании с монгольским выходил победителем. При этом в тюркский язык алтайцев проникало значительное количество монгольских слов, которые сохранились в лексике алтайского языка до сего времени, обогатив словарный состав этого языка. Монголы, вошедшие в состав алтайцев, принесли с собой в алтайскую среду и некоторые черты кочевого быта, характерные для монгольских племен. Например, монгольское название напитка из заквашенного молока — «чиген» и способ его изготовления (из кипяченого молока) настолько распространились у алтайцев, что они вытеснили обычные у тюркских народностей наименование «айран» и приготовление его из сырого молока, как это принято у многих тюркоязычных кочевников. Укажем на древний монгольский способ умерщвления овцы путем надреза брюшины, просовывания руки в грудную полость и разрыва аорты, вместо перерезывания горла ножом по алтайскому способу, и т. д. Примеры распространения у алтайцев монгольских особенностей быта можно было бы привести в отношении одежды, устного творчества, народного календаря, религиозных верований и т. п. Они, как и данные языка, служат убедительным доказательством ассимиляции в алтайской среде монгольского этнического элемента в результате дробления и расхождения некоторых монгольских племен, смешивания и скрещивания их с тюркоязычными алтайцами.

Важной фазой этногенеза южных алтайцев, с которой непосредственно связано происхождение их ближайших исторических предков, явился тот интенсивный процесс тюркского этногенеза, который протекал с XI по XV в. на обширных пространствах степей от Алтая до Крыма и Дуная и в результате которого завершилось формирование таких народов, как современные казахи, узбеки, сибирские татары и т. п. В этот период, как известно, степи Западной Сибири, Казахстана, Северного Приаралья и Прикаспия, южнорусские степи до Северного Причерноморья, Крыма и Дуная включительно оказались в сфере влияния многочисленных кочевых тюркоязычных племен. Из них наиболее сильными оказались на некоторое время союзы тюркских племен под главенством печенегов в степях Приаралья и Прикаспия (X—XII вв.) и особенно кыпчаков в южнорусских степях. Известные с гуннского и тюркского времен на Алтае, а затем и на Иртыше кыпчаки выступают в XII и начале XIII в. в качестве хотя и недолговечной, но крупной политической силы. В восточных источниках большие степные пространства, на которые распространилось господство кыпчаков, как указывалось выше, получили название Дешт-и-Кыпчак. Временное объединение тюркоязычных кочевников под гегемонией кыпчаков содействовало созданию культурно-бытовой общности между этими племенами, находившимися на более или менее одинаковом уровне общественно-экономического развития.

Политическому господству кыпчаков был положен конец монгольским государством Чингис-хана. В 30-х годах XIII в. политическими хозяевами Дешт-и-Кыпчака становятся монголы. С образованием Джучиева улуса процесс тюркского этногенеза осложнился новым, монгольским влиянием. Однако в основе его попрежнему лежали различные комбинации тюркоязычных племен, составлявших большинство населения Дешт-и-

⁶⁵ «Сокровенное сказание Юань-чао бн ши», М.—Л., 1941, стр. 161, 174, 175.

Кыпчака, хотя и в соединении с другими и, прежде всего, монгольскими. Рядовые кочевники-монголы растворялись в тюркоязычной кыпчакской среде не только на Алтае, о чем имеются прямые свидетельства мусульманских авторов. Арабский историк XIV в. ал-Омари сообщает относительно Улуса Джучия, или Золотой Орды, следующее: «В древности это государство было страной кыпчаков. Но когда им завладели татары (т. е. монголы. — Л. П.), то кыпчаки сделали их подданными. Потом (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто бы одного с ними рода, от того, что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кыпчаков)»⁶⁶. Тюркоязычный субстрат упомянутого процесса выступает и в том общеизвестном факте, что даже литературным языком в Улусе Джучия был один из тюркских языков с наличием в нем кыпчакских языковых элементов, не говоря уже о наречиях кочевых племен, населявших степи, где эти кыпчакские элементы преобладали. На этом тюркском литературном языке писались и официальные грамоты-ярлыки золотоордынских ханов, а некоторые из них даже на местном кыпчакском языке» (ярлык Тохтамыш-хана 1393 г.)⁶⁷.

Алтайские южные племена, входившие в восточную часть Джучиева улуса (Белая орда), представляли восточную окраину распространения кыпчакских племен и жили общей культурно-бытовой жизнью с соседними кыпчакскими племенами Белой орды.

После смерти хана Бату (1256) в процессе политического раздробления Улуса Джучия, видимо, возникали новые комбинации кыпчакских тюркоязычных племен, которые в смешении с монголами оказали большое влияние на этнический состав таких современных народностей, как казахи, узбеки, каракалпаки, башкиры и др., значительной части южных алтайцев (в том числе современных телеутов). Сказанным выше вполне объясняется тот общеизвестный факт, что в родо-племенном составе казахов, киргизов, каракалпаков, бывших кочевых узбеков, башкир, южных алтайцев и других народностей, живущих в течение ряда веков на далеком расстоянии друг от друга, встречаются одни и те же родо-племенные названия (Кыпчак, Найман, Меркит и т. д.). Этим же разъясняется и тот факт, что эпическое творчество времени Улуса Джучия (например, сказания о Чара-Батые, Едиге, Тохтамыше) сохранилось до недавнего времени в Крыму, у ногайцев Северного Кавказа, у казахов, у различных групп сибирских татар, а также у южных алтайцев и других тюркоязычных народностей⁶⁸. Кроме эпоса, о совместной исторической жизни южных алтайцев и ряда перечисленных народностей в период существования Улуса Джучия говорит также и культурно-бытовая общность, прослеживающаяся на этнографическом материале до сего времени. Достаточно указать, что переносное войлочное жилище южных алтайцев «кереге» тождественно казахскому, киргизскому, узбекскому и т. д. не только по материалу, конструкции, но и по названию его отдельных частей (решетчатые стены основы, палки крыши, деревянный круг для дымового отверстия и т. д.). Это тождество в названиях наблюдается и в отношении плечевой мужской одежды. Достаточно для этого сравнить наименование алтайского халата чокпен с казахским шекпен, овчинной шубы (тон), дохи с шерстью наружу (jarгак) и т. п. Особенно много сходства наблюдается в способе приготовления мяса барана и

⁶⁶ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 235 (русс. перевод).

⁶⁷ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М. — Л., 1950, стр. 66.

⁶⁸ См. мою работу «Героический эпос алтайцев», «Советская этнография», 1949 № 1.

молочных продуктов, а также в соответствующей терминологии. Кислый молочный сыр алтайцев «курут» под схожим названием известен казахам, киргизам, башкирам и др. То же можно сказать о названиях: сливок с вареного молока «каймак», кислого молока «айран» (для которого у алтайцев, кроме этого, бытует еще монгольское название «чеген», означающее по-монгольски кумыс) и т. д. Даже название сосуда для хранения кислого молока «саба» одинаково известно на Алтае, у казахов, киргизов и др. Или возьмем такой простой инструмент, как деревянная палка с зазубринами для разминки и выделки шкур: он и у алтайцев, и у киргизов Памира носит одно и то же название «идрек» и до такой степени схож по форме, что положенные рядом два таких инструмента невозможно отличить. Перечень этих совпадений можно было бы продолжить; они встречаются и в народном орнаменте, и в календаре, народных музыкальных инструментах, терминологии родства, в ряде народных обычаев и домусульманских верований казахов, киргизов, кочевых узбеков, южных алтайцев и др.

Из всего сказанного вытекает следующий вывод. Ближайшими историческими предками современных южных алтайцев были кыпчакские тюркоязычные племена — как те, которые жили на Алтае с древних времен, так и те, которые оказались здесь в результате распада Улуса Джучия, в частности его восточной части — Белой орды, когда произошла большая передвижка тюркоязычных племен, когда завершилось также образование казахской народности и т. п. На Алтае эти поздние кыпчакские элементы, как указывалось, смешивались не только с потомками других древних алтайских тюркоязычных племен времени тюркского каганата (телесы, тюргеши и др.), но и с западномонгольскими этническими элементами.

С распадом Улуса Джучия историческое и этническое развитие алтайцев происходит под сильным воздействием западных монголов или ойратов, так как с конца XV и начала XVI в. Алтай оказывается в сфере политического господства западномонгольских или ойратских ханов. Западномонгольские племена распространяют свои кочевья и на Горный Алтай. Однако и в это время, скрещиваясь с тюркоязычными алтайскими племенами, они частично растворялись, ассимилировались среди южных алтайцев. При этом скрещивании тюркский язык южных алтайцев снова оказался победителем. Свидетельством этого процесса служит появление у современных южных алтайцев сеоков Чорос, Тербет, Тумат и др. Приведенные этнонимы хорошо известны у западных монголов или ойратов, у которых они служат наименованием отдельных крупных племен или племенных и родовых объединений. Влияние западных монголов на этнический состав алтайцев продолжалось до половины XVIII в., когда распалось Джунгарское государство западных монголов.

Таким образом, на основании всего сказанного выше можно сделать вывод, что современные южные алтайцы сложились этнически в результате длительного и сложного исторического процесса, в результате раздробления и расхождения, смешивания и скрещивания различных, преимущественно тюркоязычных, кыпчакских по языку, племен. Следовательно, это — потомки древних алтайских и средневековых кыпчакских племен, в формировании которых принял значительное и неоднократное участие монгольский этнический элемент. При всех многочисленных скрещиваниях разноразличных элементов южноалтайский тюркский язык, возникший в глубокой древности на базе кыпчакских диалектов, вышел победителем. Южные алтайцы родственны по этническому происхождению ряду тюркоязычных народностей нашей страны и прежде всего казахам, киргизам и части узбеков, сибирским татарам и др.

Р. Б. АХМЕРОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИР ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Башкирские племена впервые упоминаются в известиях восточных писателей IX—X вв. Ал-Масуди (ум. в 956 г.), касаясь причин движения тюркских племен в конце IX в. в Европу, писал, что оно было вызвано борьбой «у моря Гурганча» (Аральского) «между ...четырьмя тюркскими племенами баджнук, баджане, баджгард и наукерде, с одной стороны, и гузами, карлуками и кимаками — с другой». Тот же автор сообщает, что четыре тюркских племени — баджане, баджнук, баджгард и наукерде были соседями хазар и алан и участвовали в войне с Византией за обладание городом Валандаром. По объяснению А. Я. Гаркави и С. П. Толстова первые два названия, упомянутые Масуди, являются вариантами названия печенегов, третье — башкир¹.

Несколько более подробные сведения о башкирах дает ибн-Фадлан (начало X в.) в своих записках о путешествии в Волжскую Булгарию. Он пишет: «Мы оставались у печенегов один день, потом отправились и остановились у реки Джайх... Потом мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха, потом после нее через реку Азхан потом через Баджа; потом через Самур, потом через Кабал, потом через реку Сух, потом через реку Ка(н)джалу, и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд»².

По свидетельству ибн-Фадлана, башкирские племена тогда были могущественными и воинственными и даже вызывали страх у мусульманских миссионеров. Они почитали двенадцать богов: зимы, лета, дождя, ветра, деревьев, людей, лошадей, воды, ночи, дня, смерти и земли. Кроме того, у них был главный бог — бог неба. Некоторые башкирские племена обожествляли змей, рыб и журавлей.

Интересные сведения о башкирах сообщает историк первой половины X в. ал-Балхи: «Башджарды разделяются на два племени: одно племя живет на самой границе Гузия — то-есть, гузов-куман близ Болгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны болгарам»³.

Таким образом, из известий арабских путешественников мы знаем, что в IX—X вв. н. э. башкирские племена жили на Южном Урале и расселились примерно на территории, ныне занимаемой Башкирской АССР. В то время башкирские племена были в близких взаимоотношениях с гузами, печенегами, мадьярами и волжскими болгарами. Более ранних сведений о башкирах (до IX—X вв. н. э.) исторические источники не дают.

¹ А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русски СПб., 1870, стр. 148; С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947 № 3, стр. 77.

² «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л. 1939, стр. 66.

³ См. Д. А. Хвольсон, Известия Ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 105.

Делая первую попытку выяснения этногенеза башкир на основе анализа археологических материалов, мы отнюдь не претендуем на исчерпывающую полноту освещения вопроса. Придется еще много поработать не только над археологическими памятниками Башкирии, но и над этнографией и, в особенности над историей башкирского языка, для того, чтобы более или менее удовлетворительно выяснить этногенез башкирского народа.

* * *

На территории Башкирской АССР люди жили с древнейших времен. Данные геологии и палеонтологии свидетельствуют о том, что в ледниковый период большая часть Прикамья и Приуралья оставалась свободной от льдов. К этому времени относятся верхне-палеолитические стоянки, обнаруженные в нагорной полосе Южного Урала по р. Юрюзани в пещерах Ключевой, Бурановской, Смирновской, Гребневой и Усть-Катавской II⁴. Исходя из характера находок на палеолитической стоянке у р. Чусовой близ г. Молотова, О. Н. Бадер высказал предположение о вероятности первоначального заселения Урала с востока, т. е. из Сибири, а не из Европы⁵.

В последние годы на территории Башкирской АССР обнаружено несколько неолитических стоянок (не считая случайных находок каменных орудий), раскопки и изучение которых дадут очень ценный материал для характеристики неолитической эпохи Южного Урала.

Большой интерес представляют неолитические стоянки, обнаруженные на берегах р. Уфимки в районе устья Юрюзани в 1948 г. во время разведывательной экспедиции Л. Я. Кржевской. Экспедиция выявила такие стоянки у с. Тургенева Байкибашевского района и около деревень Н. Бурунгут и Абзанова Караидельского района. Эти стоянки, расположенные на небольшом расстоянии одна от другой, насыщены каменными орудиями и своеобразной керамикой. Если при этом еще учесть неолитические и энеолитические культурные остатки в пещерах Южного Урала по р. Юрюзани⁶, то можно предположить существование Караидельско-Юрюзанской группы неолитических стоянок, относящихся к одной культуре. Дальнейшие археологические раскопки в названном районе дадут возможность выявить особенности этой культуры. Подобным густо заселенным пунктом в эпоху неолита был район р. Чусовой на Урале в нынешней Молотовской области⁷.

Вторым по значимости местом неолитических находок в Башкирии является исток р. Исян-Елга около колхоза им. Худайбердина Верхне-Ярковского сельсовета Илишевского района. Здесь во время торфоразработок в 1946 г. были найдены многочисленные кремневые и костяные наконечники стрел типа шигирской культуры на Урале⁸.

Значительно лучше обстоит дело с изучением памятников эпохи бронзы, хотя они также были обнаружены случайно, а не в результате планомерных раскопок. Наиболее ранними памятниками этой эпохи, повидимому, являются каменные полированные топоры, найденные в Улу-Телякском, Иглинском, Архангельском и Туймазинском районах Башкирии. Возможно, к тому же времени относится клад бронзовых

⁴ С. Н. Бибилов, Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала, «Советская археология», XII, 1950, стр. 75—76.

⁵ О. Н. Бадер, Каменный век на Урале, «Первое уральское археологическое совещание», Молотов, 1948, стр. 9.

⁶ С. Н. Бибилов, Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала, «Советская археология», XIII, 1950.

⁷ Н. А. Прокошев, К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 1, М.—Л., 1940, стр. 40.

⁸ Р. Б. Ахмеров, Археологические находки в Башкирии, «Краткие сообщения ИИМК», XXXIX, 1951, стр. 120—125.

орудий, найденный в 1945 г. у подножья Долгой горы в Макаровском районе. Находки у подножья Долгой горы важны в том отношении, что некоторые предметы (нож и шило) находят себе аналогию в материалах Левшинской неолитической стоянки Молотовской области. Кроме того, среди этих предметов обнаружен полуфабрикат, свидетельствующий об их местном происхождении⁹.

В 1872 г. около дер. Миловки, в 12 км севернее Уфы, на берегу речки у Лазаревого озера был найден клад бронзовых орудий более позднего времени, состоящий из шести бронзовых серпов, топора и долота.

В 1874 г. около г. Бирска, в кургане у р. Белой, были найдены висло-обушный топор, наконечник копья с прорезными перьями и с перечными косыми насечками, навершие булавы и две бляшки.

В 1950 г. во время дорожного строительства в Стерлибашевском районе около дер. Н. Ибракай, на р. Стерля, была обнаружена стоянка бронзового века, где были найдены 11 бронзовых серпов, кайло, долото, каменные ступки и в большом количестве обломки керамики и кости домашних и диких животных. Уже предварительное ознакомление с керамическим материалом стоянки позволяет говорить о скрещивании двух культур: андроновской и срубно-хвалынской, с преобладанием элементов последней. Такое явление характерно для всех памятников бронзовой эпохи юго-западных и западных районов Башкирии. Таков керамический материал, собранный на стоянке Н. Курмантау Гафурийского района, с зигзагообразной и ромбической орнаментацией. «Скрещение этих культур,— пишет Б. А. Коишевский,— еще более отчетливо обрисовывается в инвентаре могильника у с. Куганак Гафурийского района, где, наряду с характером керамики срубно-хвалынского типа, встречаются сосуды андроновского типа с меандровым орнаментом... могильник у дер. Ябалаклы Чишминского района дает керамику с орнаментом зубчатым штампом в виде наклонных линий по краю венчика сосуда, типичную для срубно-хвалынской культуры. Могильник у дер. Чубук-Каран Бижбулакского района, где М. И. Касьянов в 1938 г. исследовал 8 погребений, дает низкие широкие чаши с плоским дном, так характерные для той же культуры, а также высокие сосуды баночной формы, говорящие о возможности сибирских влияний»¹⁰. Керамический материал селца Баланбаш на р. Белой близ с. Красный Яр Стерлитамакского района содержит в орнаментации элементы андроновской культуры Сибири и абашевской культуры Поволжья.

В памятниках эпохи бронзы восточной зауральской Башкирии явно доминируют элементы андроновской культуры.

В ранний железный век в пределах Башкирии развивались параллельно две культуры, соответствовавшие различным этническим группам. В центральных и северных районах Башкирии развивалась культура, почти аналогичная культуре ананьинских племен Прикамья, а в южных и юго-восточных районах одновременно бытовала и развивалась культура савроматов. Такое близкое сосуществование различных культур не могло не отразиться на характере археологических памятников тех времен.

Памятники ананьинской культуры известны в ряде мест северо-западной, северной, северо-восточной и отчасти центральной Башкирии, в частности в виде могильников и городищ на берегах рек Белой и Уфы. Самым ранним из них, очевидно, является могильник, случайно открытый в Уфе в 1950 г. В этом могильнике нами были обследованы два погребения хорошей сохранности. По обрядам захоронения и по най-

⁹ Р. Б. Ахмеров, Указ. раб., стр. 120—125.

¹⁰ Б. А. Коишевский, Итоги археологического изучения Башкирской АССР, «Историко-археологический сборник Научно-иссл. ин-та краеведческой и музейной работы», М., 1948, стр. 165.

денным предметам данный памятник в основном сходен с памятниками ананьинской культуры Прикамья; некоторые отличия имеются лишь в деталях предметов. Положение костяков свидетельствует о том, что второй похороненный был насильственно умерщвлен и принесен в жертву первому. Оба похороненные были сравнительно высокого роста: длина костяка первого около 1,70 м. (измерено в могиле). Черепа, найденные в обоих погребениях, относятся к брахицефальному, т. е. короткоголовому типу, что видно по результатам измерения (табл. 1).

Сравнительно большие и грубые черепа с сильно развитыми надбровными дугами составляли характерную особенность человека ананьинской культуры. Черепа уфимских погребений в основном однотипны с черепами других могильников ананьинской культуры, и, по видимому, они относятся к одной монголоидной расе. Правда, Т. А. Трофимова установила, что среди них иногда встречаются черепа с некоторой примесью длинноголового европеоидного типа ¹¹.

С IV—III вв. до н. э. начинается продвижение сармат к северу. П. А. Дмитриев, исследовавший в 1934 г. один из 15 курганов у с. Кишки, близ г. Уфы, отнес его к группе Прохоровских ¹². М. С. Смирнов в 1921 г. производил раскопку курганов у дер. Алагуватова в 18 км южнее Стерлитамака. Найденные в них наконечники стрел, железные ножи, кинжалы, мечи, глиняные сосуды, «остатки дерева, которыми, возможно, была покрыта могила», и другие предметы, тоже вероятно, относятся к прохоровской культуре. В Куганакском кладе, опубликованном Н. И. Булычевым в 1904 г., ¹³ были найдены бронзовые зеркала сарматского типа, бронзовые копья с большими прорезами в перьях, чашка и зеркало. Если при этом учесть еще случайные находки кинжалов, мечей и наконечников стрел сарматского типа в центральных и южных районах Башкирии, то можно прийти к убеждению, что передвижение сарматских племен с юга на север имело существенное значение в деле формирования народностей Южного Урала, и оно, несомненно, накладывало свой отпечаток на материальную и духовную культуру населения тех времен.

Особо следует указать на поздние сарматские, а возможно, ранние аланские, могильники на территории Уфы и в ближайших районах от города. Ф. Д. Нефедов в конце XIX в. писал, что «город Уфа построен на курганах». Он насчитывал до 50 курганов «на высоком берегу, где здание духовной семинарии и магометанское кладбище» ¹⁴. Один большой курган из восемнадцати, расположенных на татарском кладбище в

Таблица 1

Основные размеры черепов из могильника ананьинской культуры в г. Уфе

(По данным проф. С. З. Лукмынова и доц. Г. Ш. Сюндюковой)

Признаки	Череп	
	из 1-го погребения	из 2-го погребения
Длина черепа	175	180
Ширина	140	145
Высота	120	130
Черепной указатель	80	80,5
Высотно-продольный указатель	68,5	61,1
Высота лица	73	63
Ширина	135	140
Верхнелицевой указатель	54,07	45
Емкость черепа, см ³	1600	1560

¹¹ Т. А. Трофимова, *Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии*, «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 64; то же в сб. «Происхождение казанских татар», Казань, 1948, стр. 43—44.

¹² «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 136—140.

¹³ «Древности из Восточной России», т. II, 1904.

¹⁴ Ф. Д. Нефедов, *Отчет об археологических исследованиях в южном Приуралье*, «Материалы по археологии восточных губерний», т. III. М., 1899, стр. 2.

Уфе, был раскопан Р. Г. Игнатьевым в 1867 г. В нем были найдены железные и серебряные предметы, а также бусы¹⁵. Ф. Д. Нефедов производил раскопку курганов близ с. Тур-Баслы Благовещенского района, в 25—30 км севернее Уфы. В этих курганах находились изделия из бронзы, серебра и железа. По нашему предположению, все эти курганы предшествовали некурганам бахмутино-уфимским могильникам V—VIII вв. н. э., которые характеризуют новый этап в развитии племен бельско-уфимской культуры.

Бахмутинский и Уфимский могильники имеют важное значение для выяснения этногенеза башкирских племен, поэтому остановимся на них несколько подробнее.

Могильник около дер. Бахмутина Покровского района исследован А. В. Шмидтом в 1928 г.¹⁶ Всего было обнаружено 34 могилы. Глубина могил от 0,81 до 2,02 м, в среднем около 1,35 м. План могильной ямы прямоугольный, несколько суживающийся к ногам, с чуть закругленными углами. Длина ям 1,70—2,35 м, ширина 0,41—0,60 м. Все костяки лежали на спине, руки вдоль тела, и только в двух случаях правая рука была на животе. Ориентировка костяков в 19 случаях на восток и только в 5 погребениях (из них два детские) на запад. В двух погребениях, как отмечает А. В. Шмидт, обнаружены небольшие следы дерева, быть может, остатки от истлевшего гроба. К ритуальным особенностям нужно отнести еще следы меха и мелкие угли. Покойников погребали одетыми и с украшениями; копья клали рядом с покойником, топоры и кельты на животе или в ногах, стрелы в ногах, меч в изголовье. В одном случае топор, наконечник копья и две височные подвески были положены под голову. Горшки ставили в изголовье, или в ноги, или на грудь.

Предметы Бахмутинского могильника А. В. Шмидт распределил на две хронологические группы: более ранние, датируемые V—VI вв., и поздние VI—VII вв. н. э. К первой группе предметов он относил железные топоры, кельты, ножи, удила, пряжки «сармато-готского» типа с длинным язычком, серьги или привески в виде вопросительного знака с сомкнутыми концами и напущенными бусами на нижнем конце, и бусы мелко рубленые, красные. К поздней стадии отнесены кольцевые застёжки, привески в виде коньков и бутылок, в виде кольца с выпуклыми «горошинами» по ободу и в виде колесика со спицами, а также серебряные бляхи, витые гривны, сердоликовые и янтарные бусы.

На левом берегу Уфимки, против Бахмутинского могильника, было исследовано селище у хутора В. Чандар. Коньковые подвески, сердоликовые бусы и керамические материалы, найденные на территории селища, подтверждают, что он современен могильнику. Около селища, на возвышенности «Соколиный камень», расположено укрепленное место с земляными валами и рвами, синхронность которого могильнику тоже не вызывает сомнения. В могильнике и на селище найдены круглодонные сосуды. Одни из них имели ямочный орнамент по всей поверхности, на других орнамент был в виде поясков из насечек елочкой или гребенчатого зигзага. По утверждению А. В. Шмидта, керамика чандарского типа вообще широко распространена в северной Башкирии. Таким образом, в районе Бахмутина и В. Чандара был обнаружен комплекс памятников одной и той же культуры.

Характеризуя экономический облик памятника, А. В. Шмидт писал: «Экономическая база этой культуры пока еще не совсем отчетливо выступает перед нами. Некоторые данные, однако, показывают, что были

¹⁵ Р. Г. Игнатьев, Памятники достоисторических древностей Уфимской губернии, Справочная книжка Уфимской губ., Уфа, 1883, стр. 348—349.

¹⁶ А. В. Шмидт, Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук, Уфа, 1929.

известны земледелие и домашние животные»¹⁷. Отсюда можно заключить, что бахмутинцы имели оседлое хозяйство. Разнообразные железные орудия и оружие, бронзовые предметы украшения свидетельствуют о сравнительно развитой металлургии. Янтарные, сердоликовые, различные стеклянные и пастовые бусы, серебряные бляхи и витые гривны свидетельствуют о развитом обмене и торговле. Могильный инвентарь показывает, что среди членов патриархальных семейных общин Башкирии существовала значительная имущественная дифференциация.

А. В. Шмидт отмечал, что «культура типа Бахмутина и Чандара носила хорошо выраженный лесной характер. Она не знает типичных для степи курганных захоронений, и ей чужды погребения с конем»¹⁸. В то же время Шмидт подчеркнул локальные отличия Чандаро-Бахмутинского памятника от современных ему пермских памятников и сделал заключение «о существовании в Приуралье в эпоху переселения народов двух культурных типов — пермского и башкирского, соответствующих, очевидно, особым этническим группам». Население лесной Башкирии он считал родственным финно-угорским племенам, которые, по его словам, являлись предшественниками башкир северных районов республики¹⁹.

Некоторые железные и бронзовые предметы Бахмутинского могильника встречают себе аналогию в материалах Кошибеевского, Борковского и Кузьминского могильников на Оке и в отдельных материалах пермских могильников. Таковы, например, удила, топоры, так называемые железные кельты, кольцообразные бронзовые подвески и некоторые формы пряжек. Кроме того, некоторое сходство можно установить и в обрядах захоронения. Локальные отличия Чандаро-Бахмутинского памятника проявляются в керамических материалах, украшениях и предметах культа. Так, например, у бахмутинцев были широко распространены кольцообразные подвески с круглыми выступами по ободу, подвески в виде колесика со спицами, круглые застёжки с железным язычком, круглопластинчатые бляхи с небольшим отверстием в центре, очевидно, символизирующие солнечный диск. Все эти предметы, так же как и бронзовые коньки и амулеты Бахмутинского могильника, в отличие от подобных пермских находок, по своим формам ближе стоят к северокавказским. В последующих веках первого тысячелетия н. э. бельско-уфимская культура еще резче меняет свою форму в сторону сближения с северокавказскими памятниками. Такая эволюция прежде всего бросается в глаза в предметах Уфимского могильника VI—VIII вв.

Обряд погребения, характерный для Уфимского могильника, в значительной мере совпадает с обрядом как Бахмутинского могильника, так и «финских» могильников Прикамья и Приуралья. Покойники были закопаны на глубину 1,5—2 м, они лежали на спине, с вытянутыми руками и ногами, а иногда кисти рук находились на животе или на тазе. В насыпи и под костяками обнаружено много угля, золы и кости животных. Ориентированы погребения в большинстве случаев головой на север или на северо-восток. Некоторых покойников хоронили в гробу. В уфимских погребениях наблюдается искусственная деформация черепов, напоминающая деформацию черепов поздних сарматских погребений. Погребальный инвентарь Уфимского могильника имеет специфические отличия от инвентаря современных ему финских могильников Прикамья и Приуралья. Вот почему можно утверждать, что племена, проживавшие по среднему и нижнему течению рек Белой и Уфимки, испытывали влияние как угрофинских племен северных районов Приуралья, так и южных степных племен. Об этом свидетельствует сходство многих предметов из уфимских погребений с предметами, найден-

¹⁷ А. В. Шмидт, Указ. раб., стр. 25.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 25—26.

ными в могильниках Северного Кавказа. Интересно отметить, что кости в некоторых погребениях как на Северном Кавказе, так и в Уфимском могильнике № 2 раскопок 1936 г., были засыпаны мелкими круглыми бляшками в виде розетки из тонкой золотой пластинки.

Уфимские золотые и серебряные предметы, янтарные, сердоликовые и стеклянные бусы свидетельствуют о торговых сношениях приуральских племен с югом и с некоторыми областями Азии и Восточной Европы. Они указывают на то, что среди племен, проживавших в Прикамье и Приуралье, в то время появилась потребность в привозных изделиях и, в частности, в предметах роскоши.

Таким образом, изучение Бахмутинского и Уфимского памятников дает основание предполагать, что в середине и во второй половине первого тысячелетия в составе местных племен появились сармато-аланские и угрофинские компоненты, которые впоследствии участвовали в этногенезе башкирского народа. Возможно и наличие гуннских элементов, так как смешение древних обитателей приволжских степей — сарматов с гуннами является несомненным фактом²⁰.

Исключительно большой интерес для выяснения этногенеза башкирского народа представляет могильник, обнаруженный в 1950 г. в 5—6 км севернее Стерлитамака, между деревнями Левашовкой и Бугоровкой. Могильник был открыт случайно, во время земляных работ на строительной площадке. Географическое положение могильника характеризуется тем, что он находится на рубеже лесостепных и степных районов Башкирии. Могильник расположен в 1—1,5 км от р. Белой, на вершине возвышенности с ровной поверхностью. Каких-либо внешних признаков могил на поверхности земли не было замечено. Глубина могил колеблется между 0,75 и 1,5 м. Кости лежали на спине, с вытянутыми конечностями, с ориентировкой головой на запад, северо-запад и юго-запад. На обширной площади радиусом до 1 км были обнаружены одиночные или групповые погребения. К последнему типу мы относим находящиеся рядом отдельные погребения, которые, по нашему мнению, принадлежали одной патриархальной семье. В одном женском погребении рядом с костяком женщины лежал костяк ребенка. В погребениях обнаруживался иногда богатый, иногда бедный инвентарь. Кроме орудий труда, оружия и предметов украшения, во многих погребениях встречались кости лошадей, быков и других животных. По словам рабочих, в одном погребении был обнаружен целый скелет лошади.

В мужских могилах часто встречались железные боевые топоры с молоткообразно оттянутыми обухами, палаши, ножи, конская сбруя. Найденные стремяна состоят из овальных дужек, соединенных внизу узкими желобчатыми перекладинами для поддержания ноги. Для подвешивания стремени к седлу сверху дужек приделаны плоские расширения с четырехугольными отверстиями. Удила состоят из двух подвижных на кольцах стержней, с прямыми плоскими псалиями и кольцами на концах для прикрепления ремня. Бронзовые бубенчики, слегка сплюснутые, — с вертикальными нарезками и с продольными желобками. Найдено также несколько типов железных наконечников стрел. Встречались поясные наборы — пряжки, бляшки, наконечники ремней и крючки. Кроме того, в мужских погребениях обнаружены глиняные сосуды. Почти все они круглодонные, шарообразные, с невысоким цилиндрическим горлом, украшенные вокруг горла ямочным накатом или насечками. В детских погребениях найдены очень мелкие и тонкостенные сосуды с сетчатым нарезным орнаментом на плечиках. Поверхность сосудов сохранила следы лощения. Глина сосудов серая, рыхлая. В одном сосуде была обнаружена шелуха овса.

Особенно разнообразен инвентарь женских погребений, состоящий

²⁰ А. П. Смирнов, Волжские булгары, «Труды ГИМ», вып. XIX, М., 1951, стр. 19.

из серебряных и бронзовых предметов. Часто встречаются коньковые подвески с утиными лапками на цепочках, серебряные пряжки с неподвижной обоймицей, небольшие бляшки в виде пальметок, круглые и других форм, часто с листовидным орнаментом, наконечники ремней с резным растительным орнаментом или граненой поверхностью, браслеты из крупного прута или пластинчатые с резной гравировкой, перстни со вставным стеклом в щитках и простые, без стекла, с полусферическим щитком, серьги из овального кольца, с каплевидной подвеской. Найдены флаконовидные подвески из синей стекловидной массы, с желтыми глазками в красной кайме и много бус — цилиндрические, граненые, бочковидные, круглые из разнообразных материалов — бронзовые, сердоликовые, хрустальные, стеклянные, пастовые с глазками, глиняные. Среди предметов женского украшения оказались два арабских серебряных диргема VIII в.: абассидский и омайядский. Это позволило с уверенностью датировать памятник VIII—IX вв., что полностью соответствует характеру находок.

Инвентарь могильника показывает, что племя, оставившее этот памятник, имело относительно высокую материальную культуру. Очевидно, оно вело полукочевой образ жизни и занималось прежде всего коневодством.

Почти все материалы, найденные в могильнике близ Стерлитамака, аналогичны материалам салтовских катакомбных погребений на Донце. Таким образом, по обрядам захоронения и найденным предметам Стерлитамакский могильник относится к типичным памятникам позднеаланской культуры. Если в Бахмутинском и Уфимском погребениях отражен синтез двух культурных влияний сармато-аланского и угрофинского, то в Стерлитамакском могильнике аланская культура выступает в более или менее чистом виде. В отличие от салтовских и северокавказских памятников в Стерлитамакском могильнике отсутствуют катакомбные захоронения. Есть между ними различия и в формах глиняных сосудов. Но близость культуры очевидна.

В связи с этим возникает вопрос: откуда появились аланские племена на территории Башкирии, не были ли они пришельцами из южных районов? Допуская возможность передвигания отдельных аланских племен с юга на север, мы все же считаем, что данный памятник отражает переплетение сармато-аланской культуры на месте, т. е. на территории самой Башкирии. Для нас вполне приемлемо предположение Е. И. Крупнова о том, что «мы вправе вполне закономерным признать положение о преемственности поздней, названной аланской, культуры от сарматской, и рассматривать носителей этой культуры как конгломерат племен, ранее объединенных общим именем «сарматы»²¹.

Таким образом, могильник, обнаруженный около Стерлитамака, нужно рассматривать как памятник, генетически связанный с местными сарматскими древностями Башкирии. Подтверждением этому может служить однотипность его глиняных сосудов с найденными в 1934 г. в поздних сарматских курганах в районе Стерлитамака²².

Рассмотренный памятник имеет особенно важное значение потому, что он хронологически приближается к тем письменным историческим документам IX—X вв., в которых впервые упоминается о башкирских племенах на территории Южного Урала.

При изучении этногенеза башкирского народа необходимо учитывать и курганные памятники восточной, зауральской Башкирии.

В 1865 г. в восточных районах Башкирии, южнее г. Миаса, местным краеведом историком Р. Г. Игнатьевым были раскопаны 5 курганов

²¹ Е. И. Крупнов, Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи, «Археологический сборник. Труды ГИМ», вып. XVII, М., 1948, стр. 46.

²² «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.», табл. 23, рис. 1, 3, 11.

из 21 находившихся поблизости²³. Курганы имели полусферическую форму с диаметром 2—5 м (3—7 аршин) и высотой 0,5—1,2 м (0,75—1,75 аршина). Костяки покойников находились в засыпанных ямах, покрытых известняковыми плитами, которые в свою очередь тоже были засыпаны землей на 0,3 м (0,5 аршина).

В насыпи курганов попадались мелкие угли и древесная зола, кости человека и лошадей. Рядом с костяками найдены железные стремена, удила, обломки серебряной проволоки, два наконечника стрелы, серебряные пряжки, пуговицы с ушком, два серебряных шарика, серебряные и бронзовые бляшки в виде сердечка, золотая серьга и бусина из синего стекла. Из раскопанных курганов четыре оказались разграбленными и только один сохранился в целости, с нетронутой насыпью и плитами; в нем обнаружены два целых скелета, лежащих ногами крест-на-крест, головой на запад, но без всяких вещей. Курганы носят следы коллективного захоронения.

В том же году и примерно в том же районе Р. Г. Игнатьев исследовал еще 2 кургана из 10 расположенных в один ряд, посередине которого находился самый большой из них. В ямах раскопанных курганов оказалось по два-три захоронения. В погребениях обнаружены кости крупных животных (по мнению Р. Г. Игнатьева, — верблюды), обломки серебряной серьги, три обломка серебряной палочки, три обломка серебряной круглой бляхи и фрагменты глиняных сосудов графитового цвета.

Материалы, найденные в этих курганах, были опубликованы Н. И. Булычевым («Древности из восточной России»), но культурная принадлежность их никем еще не определена. Только Р. Г. Игнатьев, учитывая наличие «верблюжьих» костей в этих курганах, предполагал, что «курганы принадлежат пришельцам азиатским, но эти пришельцы все-таки долго жили в здешних местах, когда оставили целые кладбища»²⁴.

Из найденных материалов наиболее характерными являются железные стремена — с овальным подножием и пластинчатыми или четырехгранными дужками, с прорезным овальным подножием, с прямой или вогнутой подножкой и высокой прямоугольной петлей для ремня, а также железные удила из круглых или граненных в сечении стержней с эсвидными или плоскими прямыми мундштучными частями. Все эти предметы хорошо известны по курганным материалам Южной Сибири²⁵ и енисейских кыргызов²⁶, которые датируются VII—IX вв. Аналогичные стремена и удила, датированные Б. А. Рыбаковым VIII в. н. э., были обнаружены близ Днепровских порогов в древностях уличей²⁷.

Исходя из сказанного, можно полагать, что курганы, изученные Р. Г. Игнатьевым в восточной Башкирии, по некоторым элементам культуры близки южносибирским курганам. Иными словами, это дает основание допустить, что в сложном процессе формирования башкирского народа и его культуры участвовали и племена, которые находились в контакте с тюркскими народностями Южной Сибири.

Примерно в том же районе восточной зауральской Башкирии, в окрестностях с. Кизничей, в 1927 г. А. В. Шмидт производил раскопку трех низких, почти распаханных курганов у подножья горы Бугор. «Курганы

²³ «Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 1867 гг.», Уфа, 1868.

²⁴ Р. Г. Игнатьев, Археологические находки в курганах в землях Миасских золотых приисков, стр. 37.

²⁵ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 292—293.

²⁶ Л. А. Евтюхова, Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948.

²⁷ Б. А. Рыбаков, Улич, «Краткие сообщения ИИМК», XXXV, М.—Л., 1950.

оказались перерытыми, очевидно, с целью грабежа. Тем не менее сохранившиеся предметы дают возможность датировать эти курганы IX—X вв. н. э. Таким образом, эти курганы являются одними из немногих научно раскопанных позднекочевнических захоронений зауральских степей». В курганах обнаружены «наконечники стрел, копий, кольчуги, сабли, шишак; кольчуги и некоторые другие предметы изломаны, вероятно, в результате гробокопательских поисков. Стремена, удила, конские остатки свидетельствуют о роли лошади. Воинственный конный народ — вот как, повидимому, следует характеризовать племя, следы которого обнаружили раскопки академической экспедиции»²⁸.

Для выяснения интересующего нас вопроса должны быть привлечены и курганные памятники юго-восточной, южной и юго-западной Башкирии. Еще П. С. Паллас во время своего путешествия писал, что «между каменными горами по ту сторону Самары есть много сложенных из камней могильных холмов, на которых наставлены каменные болваны»²⁹. Большинство каменных изваяний, часто встречавшихся на территории бывших Оренбургского, Орского и Троицкого уездов³⁰, принадлежит кочевым племенам.

В 1880-х годах прошлого столетия Н. Малиев производил раскопку кладбища на правом берегу р. Демы близ д. Ильчегулова, в нынешнем Миякинском районе Башкирии. Описывая этот памятник, он сообщал: «Кладбище... расположено на ровной местности... Большинство могил сравнялось с уровнем окружающей почвы. Только некоторые могильные насыпи возвышались над окружающим на поларшина или несколько более и были обложены кругом камнями, стоявшими, очевидно, сначала боком, стоямя,— вроде надгробных памятников... *Более высокие могильные курганы, принадлежащие, как можно думать, судя по раскопкам, именитым людям, имели в длину 7 аршин, в ширину 5—5½ аршин. При разрытии кости человека и другие вещи находимы были на глубине 2—3 аршин и обыкновенно не прямо на дне могилы, а для отыскания их нужно было углубляться несколько в сторону... Кроме костей человека, лежавшего обыкновенно с вытянутыми вдоль тела руками, таким образом, что голова была обращена к востоку, а ноги к западу, в некоторых могилах найдены были и кости лошади (голенные и плюсневые), а также и некоторые другие предметы. В одной могиле с более высокою могильной насыпью нашлись рядом с костями человека остатки седла, железные удила, железное стремя, в другой — остатки полугнившей дубовой доски... Кроме остатков седла и лошади в некоторых могилах найдено также несколько медных вещей... застежки..., медная с каменной привеской серьга и т. п.»³¹. Это описание дает возможность полагать, что данные курганы принадлежат поздним кочевникам.

Изучение археологических материалов показывает, что формирование башкирского народа шло в процессе скрещивания и взаимодействия различных, в большинстве случаев родственных племен, которые в результате длительного исторического развития приобщались и сближались в хозяйственном, бытовом и культурном отношении, превращаясь постепенно в одну народность.

О том, что башкирский народ складывался в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни различных племен, свидетельствуют не только археологические, но и этнографические данные. Башкиры как по физическому типу, так и по диалектам разговорной речи не представляют собой чего-либо единого, а в различ-

²⁸ «Уральское краеведение», вып. 1, Свердловск, 1927, стр. 93.

²⁹ П. С. Паллас, Путешествие по разным местам Российского государства, кн. 1, 1770, стр. 332—333.

³⁰ И. А. Кастанье. Древности Киргизских степей и Оренбургского края, Оренбург, 1910.

³¹ Н. Малиев. Антропологический очерк башкир, «Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те», т. V, вып. 5, Казань, 1876, стр. 8—9.

ных районах республики имеют свои специфические особенности. На основе анализа физического типа башкир различных районов С. И. Руденко разделяет их по трем областям. В первую, восточную область входят: «катайцы зауральские, кара- и барын-табынцы, тамьяно-табынцы и бурзяно-усергане. От остальных башкир они отличаются более темной пигментацией, некоторой наклонностью к коротконогости, большей короткоголовостью, несколько большей относительной шириной носа, наклонностью к широколицести, при абсолютно больших размерах скулового диаметра, сравнительно большей длиной и оттопыренностью ушей. Вторая область занимает юго-западную и центральную часть Башкирии. Живущие здесь башкиры — кипчаки, минцы, табынцы и юрматынцы — по своим антропологическим признакам почти не отличаются от средних, полученных нами для всех башкир». Этот тип как бы составляет промежуточное звено между типами башкир северных, северо-западных, южных и восточных районов. В третью область «входит вся северная, уфимская и пограничная ей пермская Башкирия, а также северная часть башкирского Урала. Для башкир третьей области — инзер-катайцев, кудейцев, айлинцев, кайлино-каршинцев, западной и северо-западной группы — характерны: значительная примесь смешанно пигментированных, наклонность к длинноногости, весьма умеренная короткоголовость, сравнительная узконосость, более узкое и удлинненное лицо при небольшой ширине лица и сравнительно короткое, менее оттопыренное ухо»³².

Такое различие между башкирами, по мнению С. И. Руденко, объясняется тем, что на севере и западе они смешались с мешчеряками, тептярями, казанскими татарами и отчасти удмуртами, чувашами, мари и пермяками. На юге, юго-востоке и в Зауралье башкиры были в контакте с сибирскими татарами, казахами, ногайцами, калмыками и другими среднеазиатскими народами. Но есть башкиры, живущие по правую сторону р. Белой, ниже г. Уфы, и отчасти в горах Южного Урала, которые меньше всего смешаны с соседними народами и в то же время отличаются относительной длинноногостью, весьма умеренной короткоголовостью (доходящей до мезокефалии), сравнительной узконосостью и узколицестью. Повидимому, эти башкиры являются потомками древних длинноголовых обитателей Южного Урала³³.

В доревольционной Башкирии существовала разница между башкирами различных районов в хозяйстве и в быту.

Различия в физическом типе башкир и в их диалектах, разница в хозяйстве и в быту, очевидно, связаны не только с влиянием соседних народов в позднее время (хотя оно имело немалое значение), но и с пережитками более древних времен, когда башкирский народ только что начинал складываться из различных аборигенных племен Южного Урала. Несомненно, этот процесс шел в тесной взаимосвязи с ходом истории народов и племен Восточной Европы, Средней Азии и Сибири. Поэтому при складывании башкирского народа немалую роль сыграли и те соседние народы, которые с древнейших времен соприкасались с племенами Южного Урала. На северо-западе и западе башкиры были в близких взаимоотношениях с племенами и народностями Прикамья — Поволжья и прежде всего с булгарами. Как известно, восточная граница Булгарского государства временами доходила до рек Белой и Яика³⁴. Некоторые башкирские племена платили подати Булгарскому государству и вели с ним торговлю. К тому времени относится клад земледельческих орудий, найденный около дер. Хозятова в Чишминском

³² С. И. Руденко, Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. I, Пг., 1916, стр. 264—265.

³³ С. И. Руденко, Указ. раб., стр. 144, 163, 164, 269, 270.

³⁴ А. П. Смирнов, Очерки по истории древних булгар, «Труды ГИМ», вып. XI, М., 1940, стр. 81.

районе Башкирии. Там были найдены железный лемех, железный ре-
зец от плуга, две железные косы, мотыга, серп, два топора. Среди родо-
племенных групп башкир, перечисленных П. И. Рычковым в книге
«Топография Оренбургская...» (1762), имеются бюлярцы, которые, ве-
роятно, были выходцами из Волжской Булгарии. В Чекмагушевском
районе Башкирии имеется деревня Болгары. Такое название наводит
на мысль: не являются ли жители этой деревни потомками волжских
булгар?

Некоторые родо-племенные названия башкир сходны с родо-племен-
ными названиями среднеазиатских народов и прежде всего с киргизо-
казахскими, как, например, мин, табын, кипчак, тамьян, гирей, тазлар,
киргиз, туркмен, сартлар и др.³⁵ Как известно по Масуди, еще в древ-
ности племенные названия печенегов «баджнук» и «баджане» были
очень сходны с племенным названием «башкир» — «баджгард». Кроме
того, основные формы башкирских тамг совпадают с основными там-
гами других народов тюркского происхождения и, что интересно, они
почти идентичны с древним орхонским алфавитом³⁶. С. Е. Малов в
своей работе «Тюркизм в языке „Слово о полку Игореве“» объединяет
в одну языковую группу (для раннего времени) башкир, печенегов,
половцев, караймов и кипчаков³⁷. Учитывая эти факты, можно пола-
гать, что некоторые этнические элементы башкир имеют общее родство
с другими тюркоязычными народами Средней Азии и, быть может,
Алтая.

Остановимся теперь на мадыарском элементе в этногенезе башкир,
так как этот вопрос получил широкое отражение на страницах истори-
ческой литературы. У некоторых восточных писателей слово «мадыар»
отождествлялось со словом «башкир», так как мадыары и башкиры при-
нимались за один народ, почему и сам край, обитаемый башкирами,
назывался Великой Венгрией. Историк ибн-Русте (X в.) писал: «Между
землею печенегов и землею болгарских эсегель лежит первый из краев
мадыарских. Мадыары эти — тюркское племя... Живут они в шатрах и
перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удоб-
ные пастбища»³⁸. О сходстве мадыарского и башкирского языков в свое
время писали западные путешественники — Плано-Карпини, Рубрук
и другие.

А. В. Шмидт, производивший археологические раскопки в Башкирии
в 1928 г., писал: «...возможно, именно в этой области нам следует искать
родину венгров, точнее — ту лесную землю, из которой они вышли в ши-
рокие степные равнины юга, странствия по которым привели, в конце
концов, этот народ в низменность Дуная»³⁹. С. П. Толстов тоже пред-
полагает, что: «потомки этих восточных мадыар принимают впоследствии
участие в этногенезе башкир, самое имя которых является закономерным
вариантом имени мадыар, и в этногенезе узбеков, в составе которых до
ныне сохранилось племя — „маджар“»⁴⁰.

Судя по всему, племена древних мадыар или маджар зародились
где-то в Приуралье или Прикамье и уже тогда испытывали до такой
степени сильное влияние тюркских народов, что во многом восприняли
их облик, обычаи, нравы и язык. Константин Багрянородный относил
мадыар к тюркским племенам и считал соплеменниками булгар и пече-

³⁵ Д. Н. Соколов, О башкирских тамгах, «Труды Оренбургской ученой
архивной комиссии», вып. XIII, стр. 3.

³⁶ Там же, стр. 74—75.

³⁷ Известия АН СССР, т. V, вып. 2, 1946, стр. 131.

³⁸ Д. А. Хвольсон, Известия Ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 25—26.

³⁹ А. В. Шмидт, Археологические изыскания Башкирской экспедиции Акаде-
мии Наук, стр. 15—16.

⁴⁰ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948,
стр. 246.

негов⁴¹. В венгерском языке в настоящее время имеется очень много тюркизмов. По подсчету В. Г. Егорова, в нем сохранилось до 200 древне-българских слов⁴². Необходимо отметить также, что в числе восьми племен венгров, перечисленных Константином Багрянородным, имеется племя «курти-гермата»; это название почти совпадает с названием башкирского племени «юрматы»⁴³. В Кармаскалинском районе Башкирии имеется башкирское село Бишаул-Унгарово, происхождение которого некоторые местные жители связывают с угро-мадьярами.

Можно полагать, что угро-мадьяры были в близких взаимоотношениях с другими племенами Южного Урала и, быть может, играли некоторую роль в этногенезе башкирского народа. Конечно, нельзя отождествлять башкир с мадьярами, как это делали некоторые историки. Мадьяры участвовали в этногенезе башкир лишь в комплексе с другими племенами и не играли ведущей роли в складывании башкирского народа.

* * *

Итак, анализ археологических памятников Башкирии позволяет установить, что башкирский народ складывался главным образом из местных родо-племенных групп Южного Урала.

В этногенезе башкир участвовали различные родо-племенные компоненты, среди них сармато-аланские, угрофинские, тюркские и другие этнические элементы. Следует подчеркнуть, что примерно с середины первого тысячелетия н. э. преобладало влияние сармато-аланских племен. При этом складывание башкирского народа нельзя понимать как механическое объединение родо-племенных групп Южного Урала, а необходимо представлять его как длительный и сложный процесс исторического развития.

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин отмечает, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»⁴⁴. Исходя из этого указания товарища Сталина, можно полагать, что процесс тюркизации языка южноуральских племен начался еще в глубокой древности; скрещивание и взаимосвязи их с другими тюркскими народностями еще усилили этот процесс. Если в эту среду вливались угрофинские элементы, то они не могли изменить общего хода развития, так как «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»⁴⁵.

Характеризуя основные признаки нации, И. В. Сталин пишет: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁴⁶. Это определение товарищем Сталиным нации мы должны учитывать и при разрешении вопросов этногенеза народов.

Таким образом, при выяснении этногенеза башкирского народа необходимо прежде всего изучать развитие аборигенных племен Южного Урала, но не упускать при этом из виду и общий ход развития народов Восточной Европы, Средней Азии и Сибири в целом.

⁴¹ Ю. Готье, Железный век в Восточной Европе, М.—Л., 1930, стр. 135.

⁴² В. Г. Егоров, Этногенез чувашей по данным языка, «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 82.

⁴³ См. «Известия ГАИМК», вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 18.

⁴⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 26.

⁴⁵ Там же, стр. 29—30.

⁴⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296.

Вместе с тем товарищ Сталин указывает, что «нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец»⁴⁷.

В настоящей статье мы осветили лишь первоначальный период складывания башкирского народа, когда он еще не представлял собой единой народности в полном смысле слова. Для выяснения дальнейшего процесса формирования и развития башкирского народа необходимо привлечение не только археологических данных, но главным образом этнографических материалов и изучение литературных источников в неразрывной связи с историей народов СССР. Важное место в выяснении этногенеза башкир займет история башкирского языка, которая, к сожалению, еще не изучена и не освещена в литературе.

⁴⁷ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 297.

⁴ Советская этнография, № 3

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. Г. РАБИНОВИЧ

ДОМ И УСАДЬБА В ДРЕВНЕЙ МОСКВЕ

(По материалам раскопок 1946—1950 гг.)

История славянского и русского жилища еще мало освещена в нашей научной литературе. Планировка древних городов и иных поселений в целом, планировка жилого квартала и даже отдельных усадеб и жилищ — мельчайших ячеек древнерусского поселения — изучены далеко не достаточно. Это происходит, во-первых, потому, что внимание исследователей русских древностей привлекали до недавнего времени преимущественно аристократические кварталы городов, дающие наибольшее количество вещевых находок, а письменные и графические источники также содержат сведения в основном о жилищах высших слоев населения, хотя и эти сведения чрезвычайно бедны. Во-вторых, древнерусское жилище строилось по большей части из дерева, которое обычно не сохраняется. Жилища и целые кварталы исчезали бесследно, и восстановить их контуры можно только по остаткам печей, подпольным ямам и вещевым находкам.

Между тем вопрос о жилище и поселении является одним из узловых вопросов истории русской культуры. С ним тесно связаны важнейшие проблемы истории народа, начиная от его происхождения и общего характера хозяйства и кончая проблемами духовной культуры (народное искусство, верования и т. п.). Следует особо отметить, что для разрешения всех этих проблем наибольший интерес представляет именно жилище средних и беднейших слоев населения — крестьян, посадских людей, так как дворцы знати — князей, бояр, богатых купцов — далеко не всегда отражали национальный характер жилища. Однако и жилища, (а в особенности — усадьбы) представителей высших классов содержат зачастую важнейший материал для выявления экономики феодального общества.

Важность изучения древнерусского жилища хорошо сознавали многие ученые, но отсутствие полноценных археологических материалов заставляло их класть в основу своих работ письменные источники сведения которых, как мы уже говорили, отрывочны и часто недостоверны (в особенности записки иностранных путешественников). Поэтому ранние периоды истории жилища восстанавливались нередко весьма произвольно¹, и только для поздних сравнительно периодов (XVI—XVII вв.) И. Е. Забелину удалось, на основании главным образом

¹ Ср. хотя бы работу М. П. Погодина, «О жилищах древнейших руссов», М., 1825

письменных и графических источников, дать содержательный очерк древнерусского зодчества, подчеркнув очень убедительно его самобытность².

Для истории древнерусского жилища исследователи чрезвычайно охотно и широко привлекали материалы этнографические, справедливо полагая, что бытовавшее еще в XIX и даже в XX в. крестьянское жилище в разных областях России сохранило в своей планировке и архитектуре ряд важных черт с глубокой древности и что жилище средних и беднейших слоев городского населения должно было, особенно в древности, когда городское население еще не порвало связей с сельским хозяйством, быть в основных своих чертах схожим с деревенским.

В начале XX в. археологам удалось добыть важные сведения о древнерусских жилищах³, а после Великой Октябрьской социалистической революции, когда раскопки древнерусских городов стали производиться в невиданных до тех пор масштабах, археологические материалы о жилище увеличились во много раз. Исследования П. Н. Третьякова, П. П. Ефименко, Н. Е. Макаренко и других открыли раннеславянские жилища, а В. А. Городцов, А. Ф. Дубынин, А. В. Арциховский, М. К. Каргер, Н. П. Милонов, И. И. Репников и другие раскопали и описали целый ряд городских построек феодальной эпохи в Киеве, Новгороде, Суздале, Старой Рязани и других городах. Сочетая материалы раскопок с письменными и этнографическими данными, Н. Н. Воронин смог уже довольно полно обрисовать древнерусские поселения и жилища⁴. Однако, в послевоенные годы археологами вновь добыт обильный материал как по древним, так и по более поздним жилищам. Тщательные исследования в Киеве⁵ и в Старой Рязани⁶ позволили почти во всех деталях восстановить тип жилища, господствовавший на юге и юго-востоке Руси в домонгольский период (X—XIII вв.).

Особенную важность представляют раскопки на севере Руси, в Старой Ладогe и в Новгороде, где открыты целые кварталы⁷. Благодаря хорошей сохранности дерева, в культурном слое Новгорода вскрыто множество построек XII и XV вв., а в Старой Ладогe найдены сравнительно хорошо сохранившиеся нижние части построек даже VII—VIII вв.

При наших раскопках в Москве в 1946—1950 гг. также вскрыт ряд жилищ. Особый интерес представляют жилища, открытые в Зарядье, так как сохранность дерева здесь не хуже, чем в Новгороде и Старой Ладогe, и многие постройки сохранились на значительную высоту (до 10 венцов). Благодаря большой сравнительно площади раскопок удалось составить представление не только о домах, но и обо всем комплексе, составлявшем усадьбу в целом, на что ранее обращалось мало внимания.

Район Зарядья (южная часть Китай-города), являющийся в топографическом отношении непосредственным продолжением кремлевского Подола, был, как выяснилось в результате раскопок, заселен уже с древнейших периодов существования Москвы-города. Нижний горизонт культурного слоя отложился здесь уже по крайней мере в XI в. В ту пору это была окраина города, его торговый и ремесленный посад, вы-

² И. Е. Забелин, Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве, М., 1909, его же, Домашний быт русского народа, т. I, Домашний быт русских парей; т. II, Домашний быт русских царей, разные издания.

³ В. В. Хвойка, Древние обитатели среднего Приднепровья, Киев, 1913.

⁴ См. История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1948, стр. 182—233.

⁵ М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева, Киев, 1950.

⁶ А. Л. Монгайт, Древнерусские жилища XI—XIII вв. по раскопкам в Старой Рязани, «Советская этнография», 1948, № 4.

⁷ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, «Советская археология», вып. XI, Л., 1949; А. В. Арциховский, Раскопки в Новгороде «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXXIII, М., 1950.

тянувшийся узкой полосой вдоль берега Москвы-реки. Позднее этот район стал центральным и получил название Большого, или Великого, посада, а его главная улица, очевидно, соединявшая Кремль с пристанью, называлась также Большой, или Великой, улицей. Эта улица являлась организующей магистралью района в течение ряда столетий и сохранила свою роль до недавнего времени. При раскопках вскрылось несколько слоев ее деревянных мостовых. По обеим сторонам улицы, очевидно, уже с самого начала существования поселка, стоял ряд домов. С течением времени эти дома разрушались и на их месте строились новые, но нижние части старых домов оставались зачастую на месте и сохранились в земле до наших дней. Благодаря этому удалось проследить остатки строений, начиная с XII—XIII вв. до XVII в. Строения эти принадлежали, как мы увидим ниже, различным социальным группам населения (в древнейший период — ремесленникам, потом купцам и даже знатнейшим боярам). Поэтому особенно интересно выявить разницу как в характере самого жилища, так и в планировке двора (когда это позволяет установить материал раскопок), и в отношении дома к улице у этих разнородных прослоек городского населения древней Руси.

Публикация новых материалов о застройке и планировке района Зарядья тем более нужна, что до последних лет мы не имели сколько-нибудь достоверных сведений о жилище, усадьбе и квартале в Москве до XVII в. Работы по истории жилища в Москве обычно отправлялись от планов Москвы XVI—XVII вв. и составленных в конце XVII в.⁸ чертежей приказа тайных дел, ограничиваясь, как правило, для более ранних периодов лишь общими положениями о характере русского жилища⁹. Между тем ведущая роль Москвы в образовании русского государства уже в XIV—XV вв. не могла не быть обеспечена передовой экономикой, что безусловно должно было отразиться как на облике города в целом, так и на застройке отдельных кварталов, в особенности же районов, непосредственно прилегающих к центру, каким и был Великий посад.

«Историк,— писал М. Н. Тихомиров еще в 1947 г.,— наталкивается на почти непреодолимые трудности, когда по обрывочным заметкам древних летописей и актов ему приходится восстанавливать черты древнего города, обычно основательно стертые прошедшими столетиями. Это в особенности можно сказать о топографии древней Москвы XIV—XV веков»¹⁰. Добытые археологическими раскопками материалы не только уточняют сведения о постройках и усадьбах XVII в., о которых в силу специфичности древних планов мы далеко не всегда имели достаточно полное представление, но и позволяют проникнуть на несколько веков вглубь, воссоздавая картину московского дома, а иногда и усадьбы, начиная с XII—XIII вв., на что историки Москвы уже переставали надеяться.

Если ряд вещевых находок и массовый керамический материал указывают на возникновение поселения в районе Зарядья по крайней мере в XI в., то древнейшие из открытых раскопками строений относятся только к XII—XIII вв. На следы первых строений московского посада нам еще не посчастливилось напасть. Эти постройки сохранились хуже других, так как здания, очевидно, погибли при пожаре.

В районе Великой улицы, к северо-западу от одной из древнейших

⁸ Например, П. Гольденберг и Б. Гольденберг, Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII и XIX вв., М., 1936.

⁹ С. П. Бартенев, Московский Кремль в старину и теперь, тт. I и II, М., 1912—1916.

¹⁰ М. Н. Тихомиров, Древняя Москва, М., 1947, стр. 147.

на посаде церквей — Николы Мокрого на 14—15 м севернее направления Великой улицы, непосредственно на материке, удалось проследить юго-западный угол сруба из дубовых бревен толщиной 16—20 см (рис. 1. Этот и последующие планы даны в восстановленном виде). Бревна настолько сильно обгорели, что невозможно точно установить характер крепления угла, но, по всей вероятности, сруб был рублен «в обло» (так, что концы бревен выступали наружу). Ориентировка

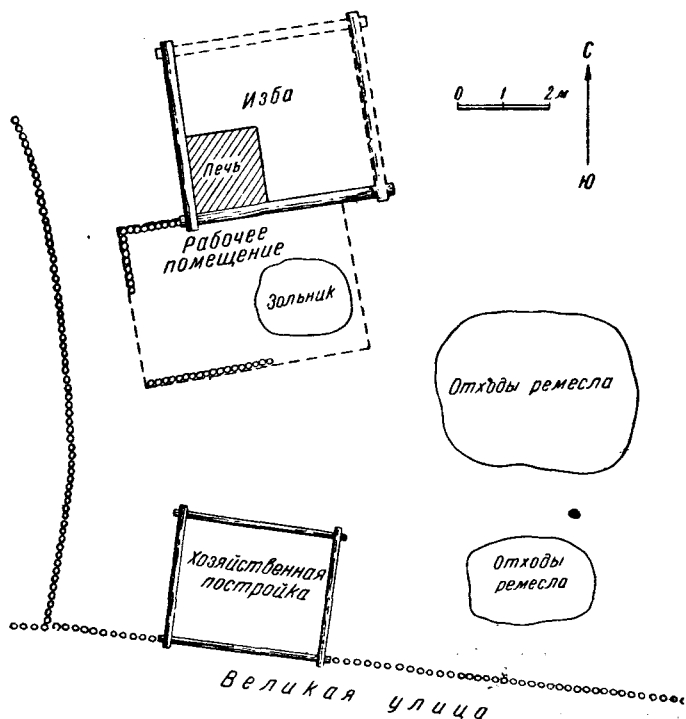

Рис. 1. Усадьба кожевника XII в.

западной стены постройки — точно с севера на юг, южной стены — с запада на восток, с небольшим отклонением к северу. С внутренней стороны сруба к углу вплотную примыкал развал печи — масса пережженной глины, занимавшая площадь $1,80 \times 1,70$ м. В этом глиняном пятне уцелели основания двух столбов, составлявших, очевидно, опору конструкции печи, как это прослежено и в других древнерусских городах (например, в Старой Рязани) и как делалось в русских деревнях еще в XIX в.¹¹

В 4—5 м к югу от южной стены постройки открыта длинная узкая канавка, очевидно — след врытого в землю частокола. Между этой канавкой и углом дома находилась яма овальной формы, площадью примерно $4,5 \text{ м}^2$ ($3 \times 1,5$) и глубиной 60—70 см. По соседству с ямой встречены обрезки кожаных изделий, главным образом части обуви, (части подошв, головки, задники, голенища, поднаряд и множество обрезков кожи) и скопления шерсти, а в самой яме — значительное количество коры (по всей вероятности дубовой).

По найденным в яме и в срубе остаткам посуды, среди которой преобладают грубые, сероватого цвета горшки, а также горшки, так

¹¹ «Благоразумные хозяева, — писал В. В. Селиванов, — делают опечек на особых столбах, врытых в землю независимо от стен избы и переводин пола, затем чтобы давление всей гряды печи не повредило избе» [В. В. Селиванов, Год русского земледельца (1856—57), Календарь Рязанской губ. на 1887 г., стр. 69).]

называемого курганного типа и встречается домонгольская поливная керамика, комплекс может быть отнесен к XII или началу XIII в.—к периоду до разорения Москвы татарами (1237).

Перед нами, очевидно, остатки кожевного и сапожного производств, еще не отделившихся друг от друга. Здесь отделяли от кожи шерсть, дубили кожу, кроили и шили из нее обувь. Подобный комплекс — изба кожевника-сапожника XII в.— был открыт А. В. Арциховским в Новгороде на Славне¹². Повидимому, в то время на Руси

Рис. 2. Остатки сруба постройки XIII в.

выделкой кожи и пошивкой обуви занимались одни и те же мастера, и лишь позднее разделение труда пошло дальше.

Остатки усадьбы московского кожевника XII—XIII вв., к сожалению, не дают нам возможности восстановить полностью ее облик. Однако можно с определенностью установить, что перед нами не врытая в землю землянка, а бревенчатая, рубленая «в обло» изба наземного типа с печью в юго-западном углу. С юга к избе, очевидно, примыкали какие-то производственные сооружения, до нас не дошедшие. Возможно, что это было холодное помещение, типа крытого двора, стены которого были устроены из вертикально вбитых в землю жердей, но, может быть, следы частокола относятся к ограде открытого двора. Размеры избы, расположение внутренних помещений, характер пола, кровли и окон установлены быть не могут.

Другая постройка относится к XIII в. Она расположена к югу от Великой улицы, на расстоянии 10—12 м, непосредственно против церкви Николы Мокрого. Как и первая, она была ориентирована почти точно по странам света. В пределы раскопа попала только восточная стена постройки длиной 3,65 м, шедшая в направлении с севера на юг. Здание было построено из толстых (25—30 см в диаметре) еловых бревен, рубленных «в обло». Сохранившиеся два нижних венца (рис. 2) были врыты в материковый песок, а ясно прослеживающаяся в профиле яма от верхних венцов прорезает только самый нижний (домонгольский) горизонт культурного слоя. Это обстоятельство позволяет нам датиро-

¹² А. В. Арциховский, Раскопки на Славне в Новгороде, «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 11, М., 1949, стр. 126.

вать сруб концом XIII в. В открытой части сруба не встречено почти никаких находок, если не считать деревянной бочки у юго-восточного его угла. Сруб не вскрыт полностью и не связан определенно ни с одним из открытых в раскопе комплексов. Трудно поэтому говорить о характере постройки в целом и тем более о характере всей усадьбы. Отсутствие находок, определенно говорящих о жилом бытовом комплексе, не позволяет предположить здесь углубленного в землю жилища типа землянки или полуземлянки. Против такого предположения говорят и мощность бревенчатых стен постройки. По всей вероятности, перед нами подклет здания, врытый в землю на глубину 1,0—1,10 м. Такая конструкция дома, как мы увидим ниже, была распространена в Москве, так же как и описанная выше.

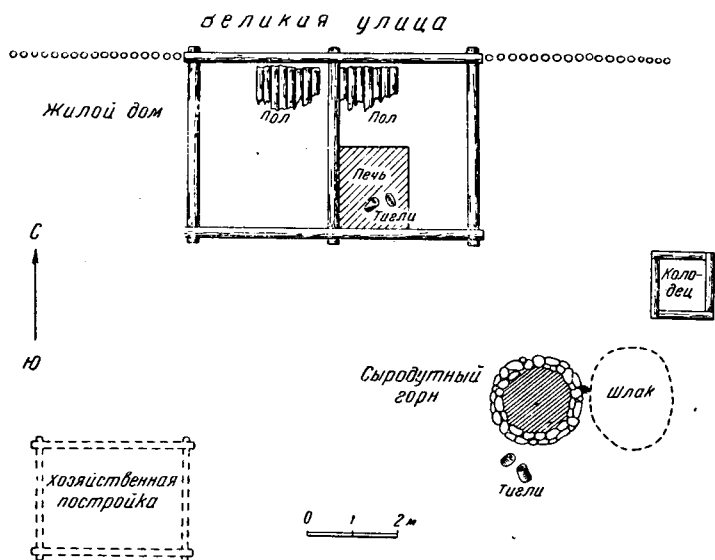

Рис. 3. Усадьба ремесленника XIV в.

К концу XIV — началу XV в. относится открытая на южной стороне Великой улицы, напротив церкви Николы Мокрого, усадьба ремесленника — кричника, ювелира и литейщика (рис. 3). Дом выявился в виде остатков нижнего венца сруба, конструкция которого чрезвычайно интересна. Прекрасно сохранилось центральное бревно сруба, образующее пятую стенку, разделяющую помещение на две комнаты. Другие три стены легко восстанавливаются по остаткам бревен, и только северная стена нарушена позднейшими сооружениями городского хозяйства. Перед нами — наземная изба-пятистенка из еловых бревен толщиной 28—32 см, концы которых зарублены «в обло». Длина избы 6,90 м, причем западная часть помещения, отделенная пятой стенкой, имеет длину 3,40 м, восточная — 3,50 м. Ширина избы вряд ли превышала 4 м. Длинная ось дома ориентирована довольно точно в направлении с запада на восток. Дом выходил непосредственно на улицу своим длинным фасадом. Внутреннее устройство жилища представляется нам в следующем виде. Изба имела деревянный пол, настланный из еловых досок, положенных в направлении с севера на юг, параллельно короткой стене. В юго-западном углу восточного помещения находилась печь, сложенная из маломерного кирпича, с большим количеством глины. Устройство печи восстановить нет возможности, так как она совершенно развалилась. В развале печи обнаружена кухонная посуда — два горшка и кувшин, а также два небольших тигля для плавки металла. Вход в дом был, по всей вероятности, со двора через восточную комнату, где

стояла печь, а уже из этой комнаты попадали в западную часть помещения. По крайней мере, так это бывает в современных избах подобного типа. Восточная комната служила не только для приготовления пищи, но и для работы хозяина, который брал сюда, очевидно, для отливки в формах изделий (литейная форма найдена рядом с домом) тигли с металлом и, чтобы металл не застыл, ставил тигли в печь. Самая же плавка металла происходила в горне, находившемся во дворе, в 3 м к юго-востоку от дома. Горн этот разрушен настолько, что нам не удалось восстановить хотя бы в общих чертах его конструкцию. Ясно только, что он был выложен из кирпичей того же размера, что и печь в доме, и из глины. Среди развалин горна найдено еще пять тиглей, по размеру и форме точно совпадающих с найденными в доме. Рядом с развалинами горна было большое скопление железистого шлака.

В глубине двора, в 6 м к западу от горна, был обнаружен накат из неошкуранных березовых бревен диаметром 20—25 см, ориентированных с севера на юг и покрытых рогожей. Значительное количество навоза вокруг этих бревен заставляет предположить, что здесь — остатки хозяйственной постройки.

Такова планировка усадьбы московского ремесленника-ювелира, производившего, судя по найденной литейной форме и остаткам металла в тиглях, украшения из бронзы и получавшего из руды кричное железо: просторная двухкамерная наземная изба, с деревянным полом, выходившая длинным фасадом на улицу, и открытый двор, в глубине которого располагались хозяйственные и производственные сооружения (рис. 3). Описанная только что изба XIV—XV вв. — первая известная нам русская изба-пятистенка. Этнографы до недавнего времени считали, что этот тип постройки появляется у восточных славян лишь в сравнительно позднее время — в XIX в.

В середине XV в. район Зарядья целиком выгорел во время одного из пожаров, которые были обычным бедствием для деревянного города Москвы. Под 1468 г. Московский летописный свод сообщает: «Того же лета месяца мая в 23 день в 2 час ночи загорелся посад на Москве у Николы Мокрово, и много дворов бесчисленно згоре. Горело вверх по рву за Богоявленскую улицу, а от Богоявления улицею мимо Весаковых двор по Иван святы на пять улиц, а от Иоанна святаго на Подол по Васильевской луг да на Большую улицу, на Вострой конец, и по самую реку, да по Кузму Демиана на Вострой конец. Истомно же тогда было и нутрь городу, понеже бо ветрено было и вихор мног, но бог сохрани его»¹³. Этот колоссальный пожар, во время которого, как явствует из повествования летописи, погиб почти весь Великий посад, выгорели сплошь строения по обе стороны Большой, или Великой, улицы и едва не пострадал и кремль, конечно оставил в культурном слое весьма значительный след. Во время раскопок, особенно к северу от бывшей Великой улицы (которая по направлению совпадала с Мокринским переулком, существовавшим до 1941 г.), вскрыт ряд построек, погибших во время этого пожара. Постройки эти, стало быть, были созданы за несколько времени до пожара 1468 г., т. е. по крайней мере в 40—50-х гг. XV в. Здесь вскрыта значительная часть участка, который в XV в. был занят двумя усадьбами.

Участки обеих усадеб были огорожены заборами, причем в эту пору, очевидно, не практиковалось устройство одного общего забора между смежными участками. Каждая усадьба имела свой крепкий частокол (рис. 4 А, В) из еловых кольев толщиной 15—20 см у западной усадьбы и 20—25 см — у восточной. Нижние концы кольев были врыты в землю и укреплены дополнительно горизонтальными лагами.

¹³ Московский летописный свод конца XV в., М.—Л., 1949, стр. 281.

Между частоколами имеется проход — линия «ничей земли» шириной в 2—2,60 м. В этом проходе расположен колодец размером 1 × 1,10 м глубиной примерно 1,75—2 м. Он был укреплен не срубом из горизонтальных венцов, как обычно укреплялись русские колодцы, а вертикально вбитыми в грунт горбылями, обращенными внутрь колодца наружной неошкуренной стороной и заостренными на концах, чтобы их легче было вбивать в землю (рис. 4, Б). Такое крепление и небольшая

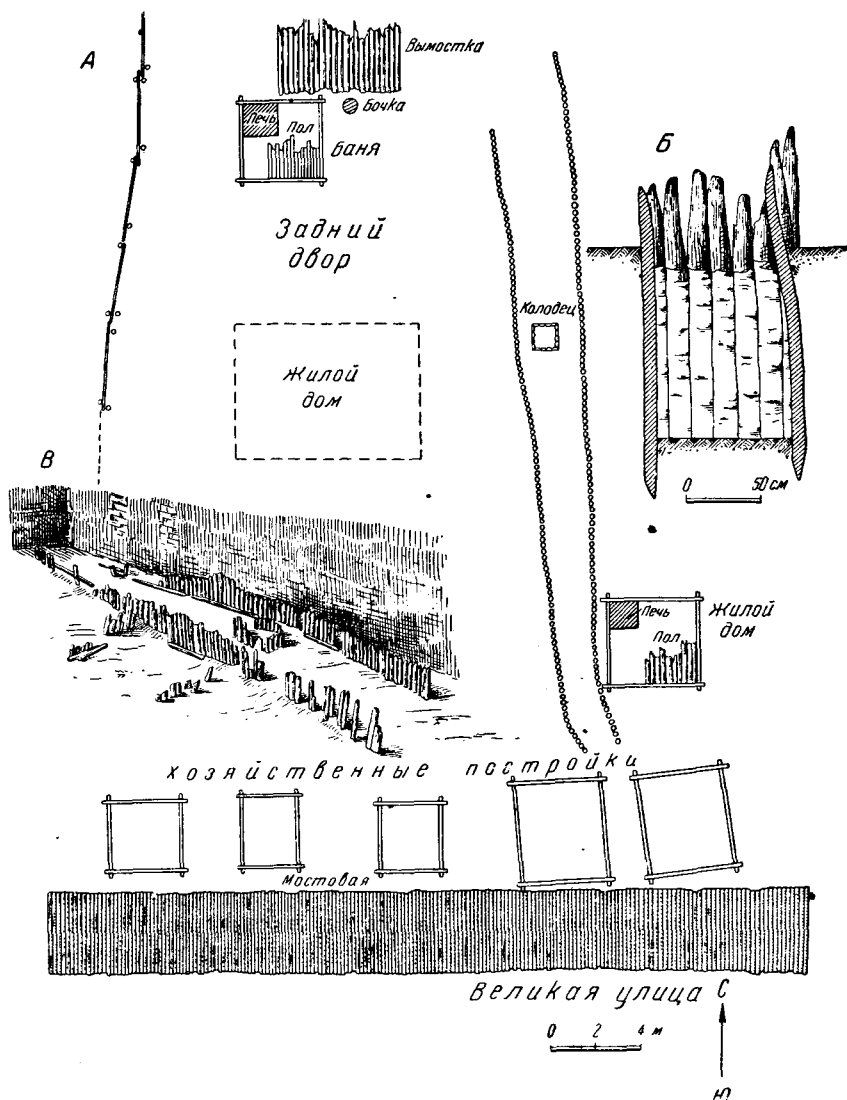

Рис. 4. Две усадьбы посадских людей XV в.: А — схематический план; Б — деталь (колодец); В — вид частоколов и колодца

глубина колодца указывают, по нашему мнению, на временный характер этого сооружения. И частоколы, и колодец сильно обгорели во время пожара. Очевидно, выгорела вся их наружная часть и остались лишь незначительные куски над землей и те части, что были врыты в землю. Поэтому, по уровню обгоревших остатков мы можем ориентировочно определить и уровень дневной поверхности того времени, который находился на глубине 3—3,5 м от современной поверхности земли. На этом уровне обнаружены и обгоревшие остатки зданий, принадлежавших к обоим соседним усадьбам.

Исследование участка к западу от частокола показало, что здесь находились какие-то крупные постройки, которые были растащены, очевидно, во время пожара и теперь представляют собой лишь беспорядочно лежащие бревна, по которым нельзя судить о характере этих построек.

В центре участка, очевидно, находился основной комплекс жилых построек. На это, по нашему мнению, указывает большая толщина словых бревен, из которых он был сооружен (35 см и более). От разрушенного до основания дома осталось лишь небольшое надворное строение, расположенное позади него. Оно было сооружено из строительных отходов (употребляя современное выражение), причем в основной

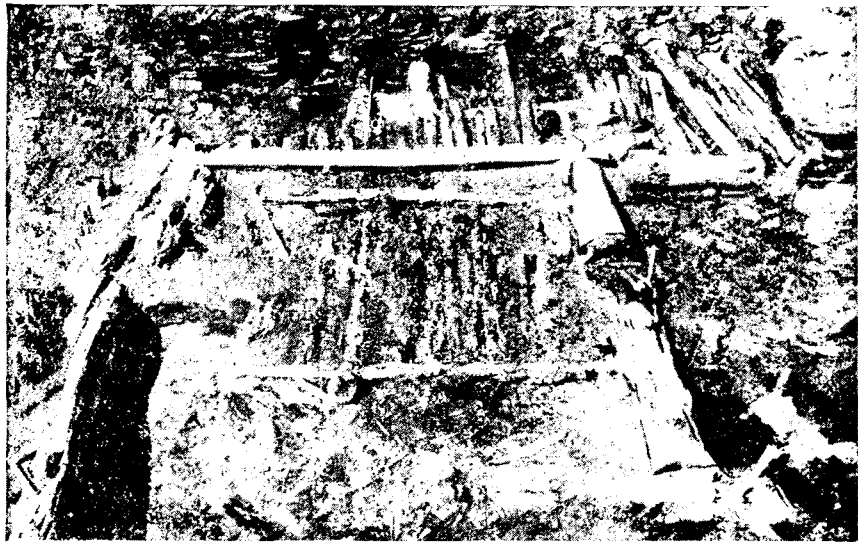

*Рис. 5. Остатки бани на усадьбе XV в.

его венец попали бревна разной толщины (что обычно не практикуется). Ориентировано оно, так же как и другие постройки района, почти точно по странам света. Восточное и западное бревна венца достигали толщины 38 см, в то время как поперек них лежали бревна толщиной 15—18 см, врубленные в толстые бревна «в обло». Размер строения, насколько можно судить по сохранившейся его части, был примерно $3,60 \times 3,80$ м. В северо-восточном углу помещалась большая глинобитная печь, занимавшая почти всю площадь постройки. Пол был настлан из круглых жердей, толщиной 8—10 см, лежащих в направлении с севера на юг, причем такая же вымостка шла и вне постройки вдоль ее северной стенки (рис. 5). Весь характер постройки ясно определяет ее назначение. Перед нами баня, какие встречаются в некоторых деревнях в виде пережитка и до сих пор. В частности, действовавшую баню совершенно такой же конструкции, но с печью-каменной мне удалось осмотреть в 1950 г. в деревне Тушков городок Можайского района. В северо-западном углу бани найдена маленькая овальная костяная печать с изображением воина, держащего в правой руке копьё, а в левой — щит. По краю печати вырезана надпись: «Печать Ивана Карови». Возможно, что это и есть имя владельца усадьбы, хотя определенно утверждать этого нельзя. К западу от частокола, примерно в 17—18 м, прослежены остатки забора из кольев и горизонтальных слег, очевидно, ограничивавшего усадьбу с запада. Южной и северной границы усадьбы не обнаружено, но надо думать, что с юга усадьба была ограничена Великой улицей, а на север она могла про-

стираться до линии современного Ершова переулка. Таким образом, длина участка усадьбы определяется примерно в 45—50 м, ширина 18—20, а площадь, следовательно, 900—1000 м², что составит около 220 кв. сажен. Несомненно, что это была усадьба зажиточного человека.

Восточная усадьба, как и западная, вскрыта лишь частично. Ее постройки также почти целиком уничтожены (частью при пожаре 1468 г., частью же при постройке позднейших сооружений). До нас дошли лишь остатки какого-то дома и службы. Дом расположен в западной части участка, почти вплотную к частоколу, на расстоянии 8 м от улицы, и ориентирован точно по странам света. Обуглившиеся остатки бревен диаметром 15—20 см образуют единственный уцелевший угол здания. Пол был настлан из досок шириной 28—30 см, опирающихся на перпендикулярные им лаги. Направление досок — с севера на юг. Печь находилась, очевидно, в несохранившемся северо-западном углу здания, где ясно прослежены четыре столба, на которые она опиралась (рис. 4, А). Пространство между столбами (площадью 1,30 × 1,40 м) не покрыто досками пола, что подтверждает нашу догадку и выявляет ту же конструкцию русской печи, о которой говорилось выше.

Размер постройки, когда она не была разрушена, в направлении с запада на восток достигал 4 м. Южная часть дома нарушена позднейшим сооружением. Поэтому мы не можем составить себе полного представления о характере постройки, но, по всей вероятности, это была изба, поставленная непосредственно на поверхность земли. Наличие русской печи и досчатого пола заставляет нас предположить, что это был жилой дом, но малая площадь здания в сопоставлении с большой сравнительно площадью усадьбы наталкивает на мысль о том, что дом этот не был единственным на территории усадьбы. Здесь могли быть и другие жилые помещения, как самостоятельные, так и связанные непосредственно с открытым нами домом. В зависимости от этого и дом мог быть частью большого здания либо самостоятельным однокамерным жилищем размером примерно 4 × 4 м. Так или иначе, жилые постройки восточной усадьбы XV в. размещались во дворе, а на улицу выходили службы. Прямо к мостовой улицы примыкал сруб размером 4,20 × 4 м из тонких бревен, рубленных «в обло». Сохранились его южная, восточная и западная стенки (северная стенка разрушена позднейшими постройками). То обстоятельство, что бревна обгорели в основном изнутри, показывает, что сруб был врыт в землю. Отметка пола его примерно на 1 м глубже отметки пола описанного выше дома. Судя по находкам в срубе днищ от бочек и двух столбов, стоящих на полу, при отсутствии окон, это был погреб. Ниже мы увидим, что постройка погребов отдельно от основного здания в Москве в XV—XVI вв. практиковалась. На плотном убитом земляном полу найдены остатки тонких досок, возможно от кровли.

Итак, части двух усадеб XV в., примыкавших к Великой улице, принадлежали, судя по размерам участков, характеру оград и находке печати, зажиточным людям. Обе усадьбы представляли собой сложные комплексы построек, причем жилой дом (или дома) помещался во дворе, на улицу же выходили службы. Баня располагалась позади дома. Самый дом, как это устанавливается по его остаткам, строился непосредственно на поверхности земли, без подклета. Участки были вытянуты в направлении, перпендикулярном улице.

Часть усадьбы посадского человека конца XV — начала XVI в. была раскопана нами совсем в другом районе Москвы, за Яузой, в Гончарной слободе. Усадьба эта была расположена на склоне Таганского холма, под самой кручей, во владении б. дома № 7 по Подгорскому переулку, где в настоящее время построено высотное здание. Чрезвычайно тесная застройка района каменными зданиями в XIX—

XX вв. не позволила нам вскрыть усадьбу полностью и выявить ее отношение к улице, но есть основания предполагать, что улица проходила западнее усадьбы, примерно по линии современного Подгорского переулка.

В этом районе, в связи с несколько иными условиями залегания в культурном слое, дерево не сохраняется, и остатки постройки, исследованные нами, сохранились только потому, что усадьба погибла при пожаре и обуглившиеся бревна дома не сгнили. Так, удалось расчистить четыре нижних венца сруба жилого дома и шесть венцов сруба

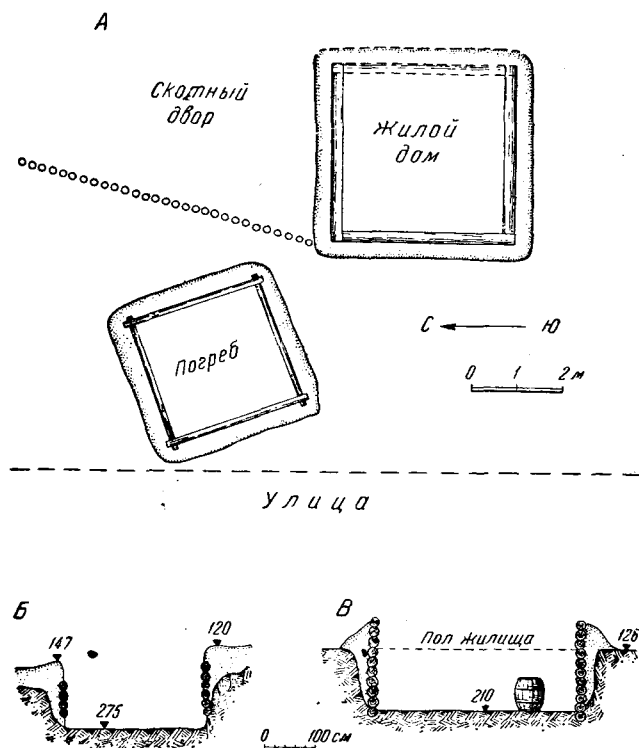

Рис. 6. Усадьба посадского человека XV в.: А — схематический план; Б — разрез погреба; В — разрез жилого дома

хозяйственной постройки. Жилой дом стоял в глубине двора и был ориентирован почти точно по странам света. От него сохранились три стены (восточная стена нарушена позднейшими сооружениями), длиной 4—4,20 м каждая. Очевидно, здание было размером примерно 4×4 м. Характер скрепления бревен на углах определить не было возможности. Сруб был врыт в материковый песок на глубину 20—25 см, а вырытый из ямы песок, как удалось это установить, был присыпан к стенам дома, образуя завалинки, какие можно видеть и сейчас в некоторых бревенчатых зданиях (рис. 6, В). Открытая при раскопках нижняя часть дома была не жилой комнатой, а подклетом, который использовали и для хранения продуктов. Жилое помещение находилось выше. Это предположение подтверждается тем, что помещение не имело деревянного пола. Пол здесь образовывал плотно убитый песок. На этом земляном полу стояли бочки и бочонки с зерном (рожью, ячменем, пшеном). При пожаре дома в подклет обрушился деревянный пол верхнего помещения, а с ним вместе и некоторые предметы, говорящие о жилье,— часть двери с большим железным внутренним замком (дверь, как видно, была поблизости от северо-восточного угла

дома), куски слюды от окон из южной стены дома, несколько обломков кирпича (возможно, от печи), обломки посуды, бронзовый нателный крест хорошей работы с рядом изображений, по которым можно

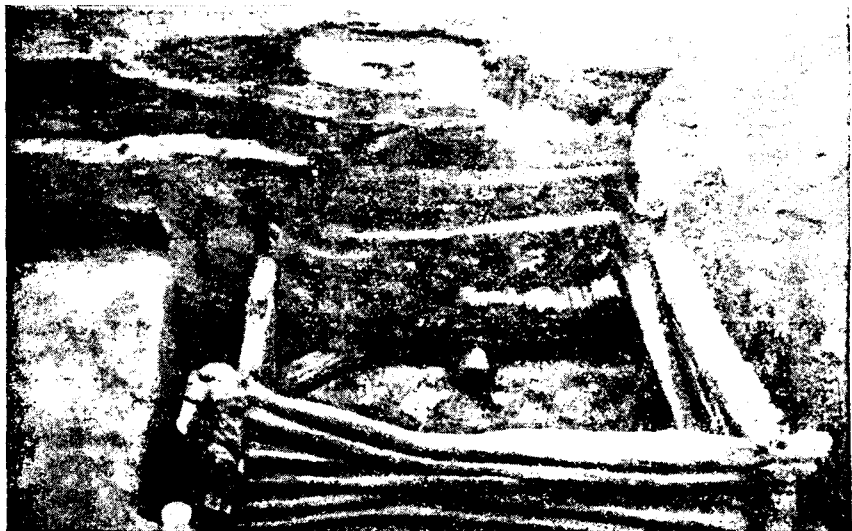

Рис. 7. Вид погребя, перекрытого накатом сверху (XVI в.).

датировать и все сооружение концом XV—началом XVI в., и даже кусок хлеба, впрочем совершенно обугленного.

С севера к дому примыкал скотный двор. Он был огорожен частоколом из бревен толщиной 15—16 см (а дом построен из бревен

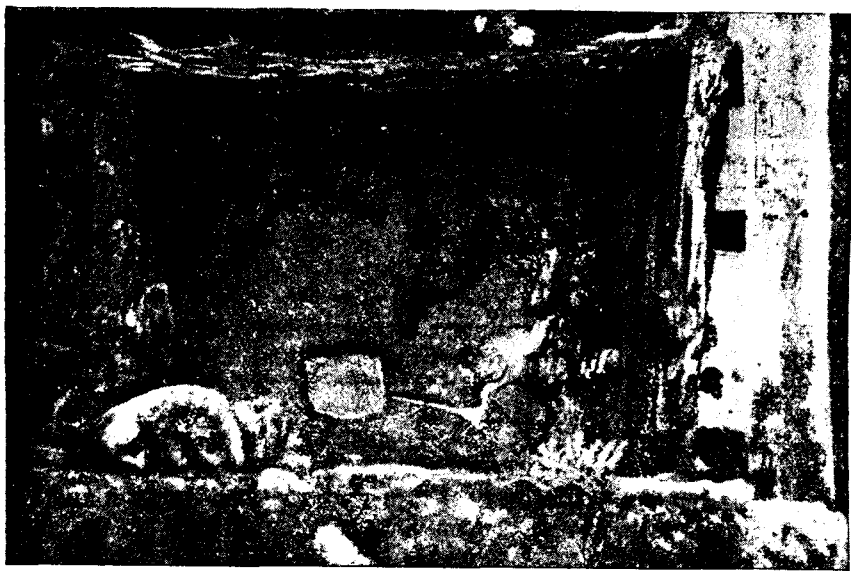

Рис. 8. Вид погребя XIV в.

диаметром 20—22 см). Внутри частокола слоем лежал навоз, перемешанный с соломой, среди которой найдены остатки корзины, железные подковки и лыковый лапоть. Трудно сказать, был ли скотный двор крытым, так как остатков кровли обнаружить не удалось. Возможно, что

кровля эта была соломенной или же что она упала при пожаре на ту часть площади двора, которая осталась не раскрытой. В двух с небольшим метрах к западу от скотного двора находился погреб. Он помещался в прямоугольной яме размером $3,20 \times 2,85$ м, вырытой в материковом песке на глубину 0,90—1,00 м. В яму был опущен сруб несколько меньших, чем яма, размеров, срубленный из еловых и дубовых горбылей и плах, концы которых соединены «в лапу». Пространство между стенами сруба и границей ямы было вновь забито песком, а сверху из того же песка была насыпана завалинка до 70 см высотой. Общая высота сохранившейся части погреба — до 1,60 м. Кровля его была, по всей вероятности, деревянной. Ее обгорелые остатки покрывали дно погреба. Погреб был пуст. Очевидно, его содержимое представляло для хозяев большую важность и было целиком спасено от пожара. Сооружение погреба такой же конструкции нам случилось видеть в том же районе в 1947 г.

Погреба несколько иной конструкции встречены при раскопках в районе Великой улицы. Это были срубы из еловых бревен, рубленные, как правило, «в обло» и чаще всего покрытые сверху накатом из тонких бревен (рис. 7). Размер их обычно около 3×3 м, глубина 1,50—2,00 м. На земляном полу этих погребов нередко оставались днища бочек (рис. 8). Погреб был, как видно, необходимым частью всякого московского жилища, богатого и бедного. Разница была лишь в содержимом стоявших в погребе бочек, в которых у рядового населения хранилось зерно и простейшие соленья, а у богатых, кроме того, и дорогие меды. Так в повести «О московском взятии от царя Тохтамыша» 1382 г. говорится, что во время осады возмущившееся население «начаша обходить по дворам и износяще из погребов меды господские»¹⁴.

Открытая на устье Яузы усадьба XV—XVI в., судя по находкам сложного металлического внутреннего замка, бронзового нательного креста хорошей работы, а также по общему характеру дома (с закрытыми слюдой окнами) и надворных построек, принадлежала довольно зажиточному человеку, но во всяком случае не крупному феодалу. По данным археологических раскопок 1946/47 г. и по письменным источникам, в XV—XVI вв. этот район (Заяузь) был заселен в основном ремесленниками различных профессий (гончарами, кузнецами, оружейниками и т. п.), среди которых встречались и люди зажиточные вроде кольчужника Григория, Дмитриева сына, богатое надгробие которого открыто на почетном месте у алтарной абсиды приходской церкви Никиты¹⁵. Бояре и дворяне селились в этом районе лишь с XVII в.¹⁶

На Великом же посаде процесс вытеснения ремесленников высшими слоями населения Москвы начался значительно раньше. В частности, упоминавшийся уже нами район Большой, или Великой, улицы, примыкавший к церкви Николы Мокрого, уже в конце XV в. принадлежал крупному феодалу, князю Ивану Юрьевичу Патрикееву¹⁷, у которого был отобран великим князем, давшим Патрикееву взамен другие участки земли в Москве. Отобранные у Патрикеева земли князь, очевидно, давал меньшими участками для дворов боярам, дворянам, а может быть и купцам, которые, как известно, переселялись в Москву в этот период довольно интенсивно. Во всяком случае, уже с начала XVI в. на посаде в районе Великой улицы не встречается дворов

¹⁴ «Московский летописный свод», стр. 207.

¹⁵ М. Г. Рабинович, Раскопки в Москве на устье р. Яузы в 1946/47 г., «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 12, М., 1949.

¹⁶ Там же, стр. 42—43.

¹⁷ Духовная грамота кн. Ивана Юрьевича Патрикеева, «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVII вв.» М.—Л., 1950, № 86, стр. 347—348.

ремесленников. Здесь при раскопках открыты только усадьбы представителей высших классов.

Одна такая усадьба первой половины XVI в. была по соседству с церковью Николы Мокрого, на северной стороне Великой улицы. Она расположена как раз на месте описанной выше восточной усадьбы XV в., и ее постройки частично нарушили остатки строений этой усадь-

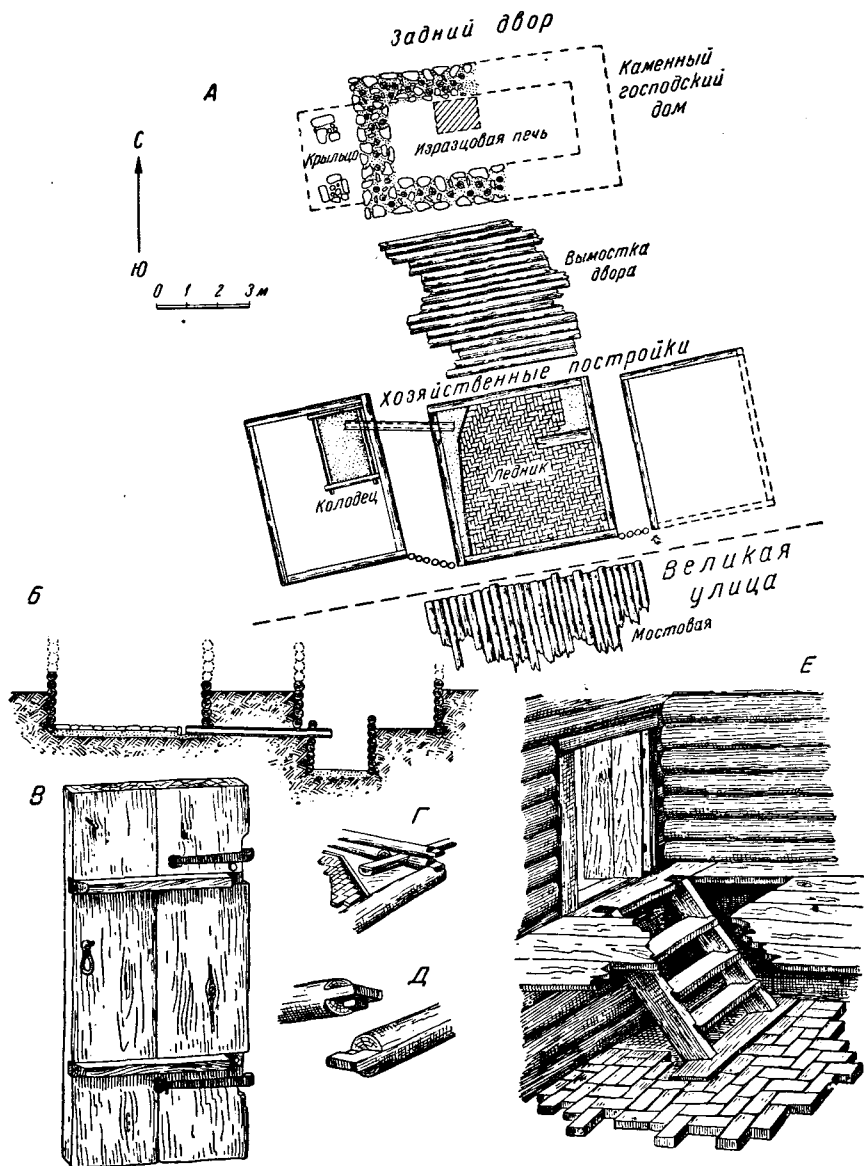

Рис. 9. Боярская усадьба XVI в.: А—схематический план; Б—разрез ледника и поглощающего колодца; В—дверь ледника; Г—выход дренажной трубы из ледника; Д—соединение бревен на углах («в лапу с зубом»); Е—часть погреба (реконструкция)

бы, уцелевшие после пожара. Жилой дом здесь был каменным (рис. 9). Он стоял в глубине двора, на расстоянии 18 м от мостовой улицы. Открывшаяся часть фундамента дома дает возможность составить представление о некоторых чертах постройки в целом. Дом был, очевидно, прямоугольный и стоял длинной стороной к улице. Его короткая сто-

рона, открывшаяся в раскопе, ориентирована почти точно в направлении с севера на юг. Длина ее 4,6 м. С западной стороны дома находилось высокое крыльцо, стоявшее на специальных каменных опорных столбах, квадратные основания которых удалось проследить в земле. Фундамент дома был сложной конструкции. В землю были вбиты по всей линии будущей кладки фундамента, на расстоянии 30—40 см друг от друга, дубовые сваи длиной 1,20—1,50 м и толщиной 20—22 см, заостренные на нижних концах. На этом свайном основании был выложен

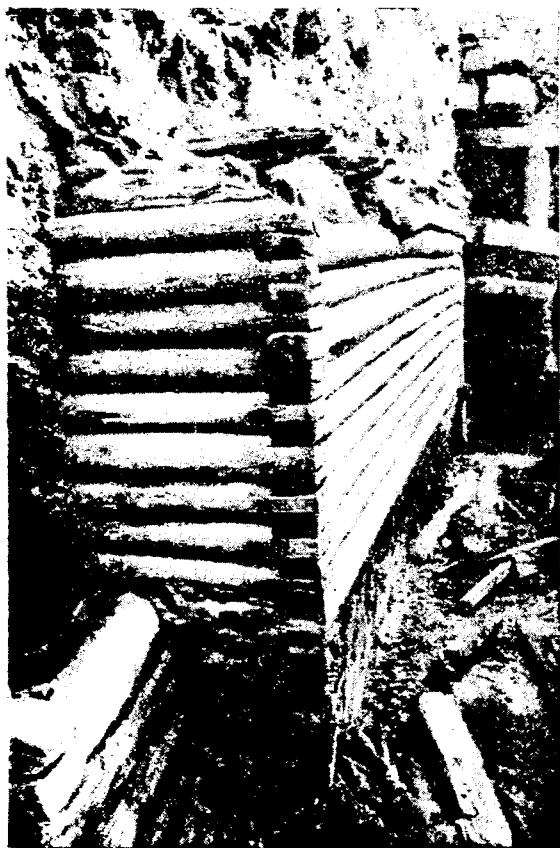

Рис. 10. Сруб XVI в.

из белого бутового камня самый фундамент здания. Стены его достигали толщины 1,20 м. Основания столбов крыльца 1×1 м. Мы не можем представить себе внешнего вида здания, за исключением той его особенности, что оно имело выносное на столбах крыльцо. Жилые помещения находились на 1,20—1,50 м выше основания фундамента. На этой высоте открылись остатки толстых деревянных брусев, на которых стояла печь, находившаяся у северной стены дома (рис. 9, А). Здание стояло до начала XVII в., как это видно из находок в его развалинах большого количества терракотовых (так называемых «красных») изразцов, которые вошли в широкое употребление в Москве в конце XVI—начале XVII в. как во внешней отделке зданий, так и в убранстве их интерьера¹⁸. Изразцами в этом доме была облицована печь, служившая не только для тепла, но и для украшения парадной комна-

¹⁸ А. В. Филиппов, Древнерусские изразцы, т. I, М., 1938; см. также М. Г. Рабинович, Московская керамика, «Материалы и исследования по археологии СССР», вып 12

ты, которая, видимо, находилась сразу при входе. Жилые же помещения находились в восточной части здания.

Хозяйственные постройки располагались вдоль улицы (рис. 9), выходя на нее своими глухими стенами. У самой мостовой открылись два сруба из толстых дубовых бревен (толщиной 25—30 см), рубленных «в лапу». Западный сруб, с земляным полом, укрепленный по углам «стульями» — врытыми в землю толстыми деревянными столбами, на которые он опирался, очевидно, был каким-либо сараем. Восточный же сруб, расположенный в 2 м от первого, имел совершенно особую конструкцию, на которой стоит остановиться.

Это было большое здание, размером 5,20 × 5,20 м, срубленное из неокоренных дубовых бревен, причем углы скреплены сложным замком «в лапу» с зубом (рис. 9, Г), и врытое в землю на глубину 1,0—1,5 м. Пол его был выложен «в елочку» красным кирпичом (средний размер 29—30 × 12,5—14 × 5,5—6,5 см), причем вдоль западной стены сруба оставалось не замощенное кирпичом пространство в 30—40 см шириной для стока воды, укрепленное специальной доской. К этому жолобу через специальное отверстие, прорубленное в западной стенке сруба на уровне пола, в 50—60 см от северо-западного его угла, была подведена дренажная труба (рис. 9, Г), отводившая воду из сруба в специальный сточный колодец, находившийся в полу западного сруба. Труба эта представляла собой дубовое бревно длиной 2,80 м и толщиной 28 см, в котором сверху выдолблен квадратный в сечении канал, шириной и глубиной 12 см, прикрытый сверху доской. Колодец — удлиненный, прямоугольный сруб, с углами, скрепленными «в обло». Бревна тщательно пригнаны друг к другу «в паз». Вся система (рис. 9) представляет собой дренажное сооружение, встречаемое впервые. В северо-восточном углу сруба пол также не был замощен кирпичом. Здесь, на расстоянии 1,75 м от северной стенки сруба, было врыто в землю стесанное сверху бревно длиной 2,20 м, шириной 33 см и толщиной 30 см. На стесанной поверхности бревна ясно видны пазы от стоявших здесь наклонных брусьев лестницы, ведущей из подвала наверх. Тут же лежала упавшая сверху во время разрушения здания массивная дверь, сделанная из двух досок, с двумя железными петлями для навески и пробоем для всячего замка (рис. 9, В). В южной части сруба найдены остатки обрушившегося деревянного перекрытия. В засыпке подвала встречаются различные предметы, говорящие о назначении всего здания в целом, — остатки больших и малых бочек, удила, тележная ось, часть передка от саней, украшенного богатой резьбой, обшлаг рукава одежды из грубой шерстяной ткани, деревянная мешалка, обрывки рогожи. Все это указывает на хозяйственное назначение этой постройки.

Это была чрезвычайно благоустроенная двухэтажная надворная постройка, нижний (подвальный) этаж которой представлял собой погреба-ледник для хранения в основном каких-то жидкостей (бочки в нем снабжены пробками), оборудованный по последнему слову тогдашней холодильной техники. На его каменный пол мог накладываться лед, а летом вода от таяния льда и почвенные воды, какие могли проникнуть в подземное помещение, отводились в сточный колодец. Верхний этаж постройки использовался для хранения разной хозяйственной утвари. Об обычае хранить в леднике всякого рода хмельные напитки говорит старая русская поговорка: «Есть и медок, да засечен в ледок»¹⁹. На расстоянии 1,5 м к востоку от погреба-ледника открылась часть небольшого сруба из тонких еловых бревен, углы которого также были рублены «в лапу» (рис. 10). Возможно, что это также хозяйственная постройка той же усадьбы.

¹⁹ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, М., 1937. стр. 248.

Двор усадьбы был замощен, причем основу вымостки составлял каркас из бревен, лежащих на расстоянии в одно бревно друг от друга и скрепленных лежащими внизу поперечными лагами. Пространство между бревнами было плотно забито щепой, прутьями, землей. Сверху на ряде участков все это было прикрыто дранкой или устлано вязанками прутьев. Остатки такой вымостки прослежены как со стороны улицы

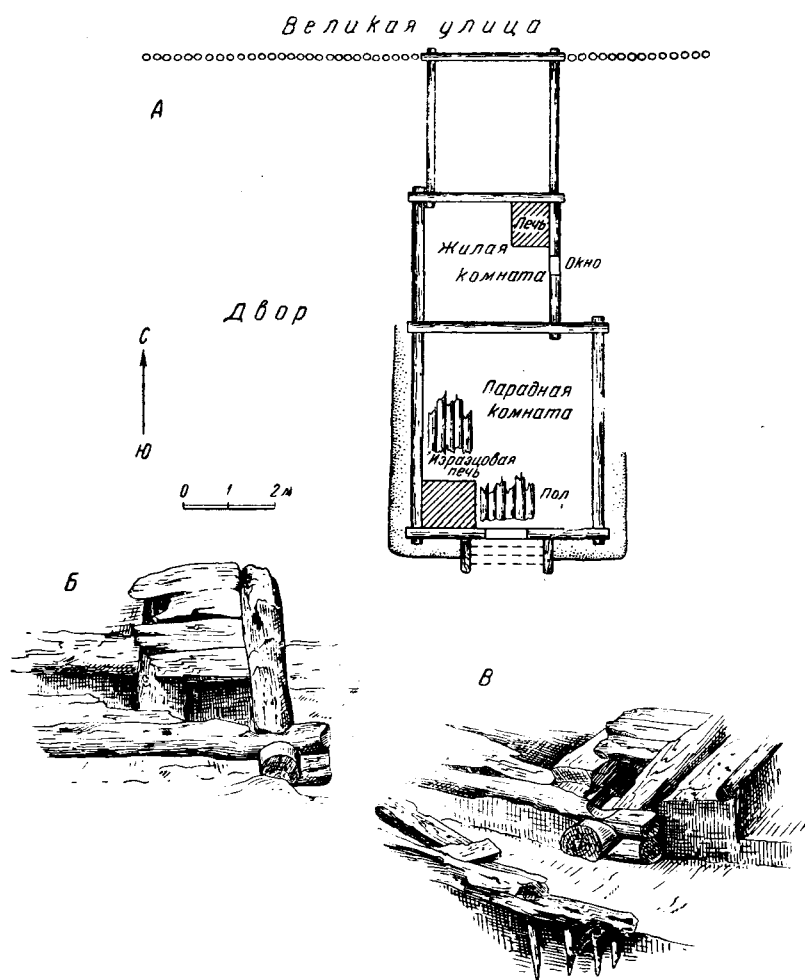

Рис. 11. Дом приказного XVII в.: А — схематический план; Б — деталь устройства пола; В — деталь устройства завалинки

между домом и надворными постройками, так и (главным образом) позади дома. Здесь найдены колесные чеки, часть тележной оси, ступица колеса, санный полоз.

Позади дома располагался, очевидно, обширный скотный двор. Здесь навоз лежал целым слоем, а в некоторых местах, где нужно было проходить людям, были положены такие же дранки, как описано выше. Среди остатков скотного двора найдено большое количество растяжек для разделки туш, а также, что гораздо интереснее, около двух десятков «бирок» — деревянных палочек с зарубками, служивших своеобразными бухгалтерскими документами в раскрытом нами хозяйстве крупного феодала. То, что усадьба принадлежала какому-то очень богатому человеку, несомненно. Ее площадь могла достигать 2000 кв. саж (около гектара по современным единицам измерения). Каменные барски

палаты в центре усадьбы, выдвинутые на улицу богатые, солидно построенные службы, небольшой передний двор и огромный задний двор — все это предвосхищает уже известную нам по чертежам конца XVII в. планировку усадеб московских бояр. Такова, например, в общих чертах планировка усадьбы бояр Стрешневых, занимавшей когда-то угол Смоленской улицы (ныне ул. Калинина, где сейчас новое здание библиотеки им. Ленина)²⁰. Но еще ближе к открытой нами усадьбе по характеру планировки передней части двор Юрьева. На чертеже видны ворота, ведущие на улицу. Вдоль забора по улице стоят: ледник²¹, каменная людская палата, чуланы, под прямым углом к ним по другой границе двора — конюшня, сарай, поварня. Барские палаты находятся поодаль, в глубине двора.

Таким образом, усадьба середины XVI в. (времени Грозного) является прототипом позднейших барских усадеб XVII в. и в особенности XVIII в. с их «почетными дворами», окруженными выходящими на улицу «чистыми службами».

Но наряду с такой планировкой усадьбы в Москве долго еще держалась и иная планировка, при которой жилой дом стоит торцом к улице, выходя на нее своим коротким фасадом, как это и сейчас обычно бывает в великорусских деревнях.

Последняя из описываемых в данной работе усадеб относится к середине XVII в. Она находилась на южной стороне Великой улицы, наискосок к юго-востоку от только что описанной, напротив церкви Николы Мокрого. Весь дом сгорел при каком-то пожаре, и бревна его были растащены. Остались лишь обугленные части нижнего венца, причем и здесь многие бревна оказались сдвинутыми со своих первоначальных мест (рис. 11). Дом состоял из трех рядом стоящих срубов, очевидно соединенных дверями. Все три сруба, ориентированные с севера на юг, рублены «в обло» из еловых бревен толщиной около 20 см. Наибольший из них, самый южный, размером 4,40 × 4,55 м, средний — 3,30 × 3,50 м и, наконец, северный, выходящий на улицу, очевидно 3,00 × 3,00 м (северная его стенка нарушена позднейшими уличными сооружениями). Все три сруба, по всей вероятности, имели досчатый пол, но доски пола, лежащие в направлении с севера на юг на положенных снизу лагах, упираясь концами в стенки сруба (рис. 11, Б), сохранились лишь в южном помещении. Находки слюды в среднем срубе позволяют предположить, что окна были прорублены и в его восточной и в западной стенках. Печи удалось проследить в двух помещениях. В южном (наибольшем) печь стояла в юго-западном углу и была облицована нарядными зелеными «муравлеными» изразцами, какие были в моде в Москве в середине XVII в.²² В средней комнате печь стояла в северо-восточном углу и не была столь богато украшена. В северной комнате, выходявшей на улицу, печь если и была, то в северной части, разрушенной позднейшими сооружениями.

Обращает на себя внимание конструкция завалинки, прослеженная у юго-западного угла здания (рис. 11, Б). Завалинка была укреплена рядом бревен, шедших параллельно стене здания, удерживавшихся вбитыми в землю небольшими деревянными кольями. Пространство между бревнами и стеной было завалено, тут же взятой черной землей. Таким образом, открытый нами дом XVII в. представлял собой усложненный вариант наземной избы, не углубленной в землю, с завалинкой. Усложнение жилища здесь шло за счет пристройки к нему дополнительных срубов, образовавших жилые комнаты. При этом парадной

²⁰ «Сборник чертежей Москвы и города Пскова», составлен В. И. Ламанским, М., 1915, табл. XIV.

²¹ Ледники и в XVII в. являлись принадлежностью только очень богатых домов. Например, особо отмечается постройка царского дворца «с ледниками».

²² А. В. Филиппов, Древнерусские изразцы, т. I, М., Изразцы эти могли быть в печи до самого конца XVII в.

комнатой являлась, очевидно, задняя, украшенная изразцовой печью, а в двух других проходила частная жизнь хозяев. Хозяйственные и обслуживающие постройки находились, вероятно, где-то поблизости (вероятнее всего, на некотором расстоянии от дома), но от них не осталось и следов. Дом принадлежал, как видно из самой усложненности постройки и наличия в ней изразцовой печи, человеку зажиточному, хотя и не очень богатому. О занятиях хозяина дают нам представление некоторые находки. В доме найден глиняный подсвечник и две чернильницы, причем одна из них портативная, с отверстиями для шнура, за который она могла подвешиваться, и с узким горлышком, чтобы чернила не проливались, а другая — настольная, представляющая собой как бы целый письменный прибор из трех отделений: пузырька для чернил, отделения с круглыми отверстиями для гусиных перьев и открытой коробочки для песка, нередко употреблявшегося еще и в XIX в. вместо пресс-папье. Такое обилие письменных принадлежностей могло быть в ту пору только в доме какого-нибудь приказного.

Наиболее поздний из открытых нами домов стоял рядом с церковью Николы Мокрого. Он принадлежал, как выяснилось, одному из очень знатных крымских феодалов, выехавших на службу московским царям, — князю Василию Сулешеву. Сулешевы — одни из самых родовитых московских бояр, выигравшие в конце XVII в. местнический спор с самими Шереметевых. Дом Сулешева был настоящим дворцом, выстроенным из белого камня. Но этот дом, просуществовавший до 1941 г., был так сильно перестроен в XVIII—XX вв., что выявление его древнейшего комплекса, правда уже намеченное нами по археологическим данным, требует специальной работы историко-архитектурного характера и заслуживает особой публикации. Поэтому мы не будем включать рассмотрение плана этого дома в настоящую работу, тем более, что по изложенным в начале работы соображениям дворцы московской знати представляют для нашей темы меньший интерес, чем хижины ремесленников.

* * *

Подведем краткие итоги нашего описания домов и усадеб древней Москвы, вскрытых археологическими раскопками в 1946—1950 гг. Наши материалы, хотя и не очень обильные, являются, однако, первыми материалами для Москвы и позволяют попытаться сделать некоторые выводы.

Всего было исследовано девять жилищ.

Из них два дома (XII и XIV вв.) принадлежали бесспорно ремесленникам, два (XIII и XV вв.) — посадским людям, занятий которых точнее определить не удалось, два (XVI и XVII вв.) — дворянам или боярам, один (XVII в.) — приказному и два (XV в.) — зажиточным людям, социальное положение которых также пока не установлено.

Все дома оказались ориентированными довольно точно по странам света, лишь с незначительными отклонениями. Ориентировка же хозяйственных построек, хотя и связана с ориентировкой домов, но допускает большие отклонения.

Дома выходили фасадом непосредственно на улицу всего в трех случаях: дом ремесленника-литейщика XIV—XV вв., дом приказного XVII в. и палаты бояр Сулешевых XVII в. В остальных случаях мы либо бесспорно установили, либо имеем достаточно веские основания предполагать, что дом стоял во дворе, а на улицу выходили хозяйственные постройки.

Ориентировка и размещение всех построек, открытых на Великом посаде, позволяют предположить, что уже с XII—XIII вв. основной организующей его магистралью была Великая улица, ведущая от устья

Неглинной к пристани, которая находилась, очевидно, где-то в районе позднейших Проломных ворот. Улица эта была одной из главных в древней Москве. Древнейший посад представлял собой, очевидно, два ряда **■**воров, вытянувшихся узкой полосой вдоль дороги к пристани, пролегавшей по относительно возвышенной и сухой гряде низкого, заболоченного берега Москвы-реки. Когда появилась на посаде у пристани церковь Николы Мокрого, «покровителя плавающих и путешествующих», сказать трудно, так как следы древнейшей церкви, очевидно, уничтожены каменным зданием церкви XVII в. и, главное, существовавшим при церкви по крайней мере в течение 400 лет кладбищем. Во всяком случае, в середине XV в. это была одна из важных московских церквей, служившая ориентиром не только для летописца, описывавшего различные московские события, но и для тех читателей, на которых он рассчитывал. Великая улица в ту пору была уже замощена деревянной мостовой обычного для древнерусских городов типа и имела целую систему дренажных сооружений, состоявшую из разных видов деревянных труб и каналов, отводивших воду от улицы как в сторону реки, так и в ложбину берега (или в упомянутый в летописи ров или овраг), в противоположную от реки сторону. Эти устройства говорят о развитии городского хозяйства Москвы, стоявшем в ту пору выше большинства городов Западной Европы. Очевидно, в конце XV и в основном в XVI в. постепенно застроились и низкие части «подола», причем улицы и переулки под косогором шли примерно параллельно или перпендикулярно Великой улице. Вероятно, современная планировка этого района сохранила много от глубокой древности. По крайней мере, примерно такой она показана на Петровом чертеже, составленном в конце XVI в. Что же касается верхней (северной) части посада, то она была построена в пределах Китай-города значительно раньше XV в.

С ростом значения сухопутных дорог Великая улица перестала играть роль основной магистрали посада, так как она упиралась в болотистый Васильевский луг. Большую роль стали играть в эту пору улицы, позднее называвшиеся Варьской, или Варварской, Ильинской и Никольской, шедшие по гребню холма от Константино-Еленинских, Фроловских, или Спасских, и Никольских ворот Кремля и выводившие на разные дороги, на юг и юго-восток от Москвы. Уже в 1380 г. из трех упомянутых ворот кремля вышло тремя колоннами по трем разным дорогам войско Дмитрия Ивановича, для того чтобы впоследствии соединиться в Коломне и встретить татар на поле Куликовом. Великая же улица перестает играть на посаде главную роль, а после постройки каменных стен Китай-города она должна была иметь только местное значение. В XVI в. она, очевидно, утрачивает и самое название Великой улицы. Во всяком случае, это название не встречается в источниках того времени, а на планах районов Китай-города XVII в. улица называется уже Зачатской, по имени церкви Зачатия Анны, а еще позднее — Мокринским переулком по церкви Николы Мокрого.

Таковы вкратце выводы о развитии планировки района, которые мы можем сделать на основании археологических, картографических и письменных источников.

Что касается планировки отдельной усадьбы, то найденные при раскопках остатки жилищ и усадебных строений позволяют нам сделать вывод о том, что в XII—XIII вв. и усадьбы ремесленников в Москве планировались таким образом, что жилой дом стоял в глубине двора. Но уже в XIV—XV вв. дома ремесленников выходили на улицу. К тому времени развитие экономики уже создало те условия, при которых ремесленник должен был работать не на заказ, а на рынок, на случайного покупателя. При таких условиях дом должен был выходить на торговую улицу. В XVI—XVII вв. дома ремесленников уже почти всегда выходили на улицу, как это отмечено исследователями поздней плани-

ровки Москвы²³. Открытая нами изба приказного также вплотную примыкала к улице, возможно и потому, что этот приказный, носивший всегда с собой чернильницу, промышлял также писанием челобитных для разных клиентов, которых всегда должно было быть множество в бойком районе Зарядья.

Люди же позажиточнее, в особенности дворяне и бояре, вплоть до XVIII в. ставили дома в глубине двора, ограждая себя от улицы рядом хозяйственных построек, выходивших на проезд глухими стенами. Эта застройка сообщала усадьбе характер небольшого укрепления. Очевидно, уже в XVI в. складывается планировка дворянской усадьбы с «чистым» двором впереди, превратившимся в XVIII вв. *cour d'honneur*.

Исключение представляют каменные палаты бояр Сулешевых, выходившие прямо к мостовой улицы. Возможно, что здесь сыграли роль какие-либо соображения эстетического порядка или желание этих богатых и знатных выходцев из Крыма показать все великолепие своих хором, выставив их на улицу, в один ряд с только что построенной нарядной, каменной, в стиле так называемого «московского барокко», церковью Николы Мокрого.

Хозяйственные постройки московских усадеб отличаются обилием и разнообразием. Даже у ремесленников наряду с домом имеется ряд надворных построек; и в XVII в., когда гнет феодальной эксплуатации тяжело отразился не только на сельском, но и на городском населении, когда положение городских низов настолько обострилось, что вспыхнул ряд городских восстаний, усадьбы ремесленников включали множество хозяйственных построек. «На дворе хором горница белая на глухом подклете, да горница черная на глухом же подклете, меж ними сени... да под сенями погреб. В огороде баня с сениями. Ворота в заборе, конюшня с навесом»²⁴, — читаем мы о дворе зажиточного ремесленника Кадашевской слободы в одном из документов, относящихся к 1664 г. Усадьбы богатых людей, даже боярские и дворянские, отличались, как видно из наших материалов, преимущественно большим размером участка, который превосходил участок ремесленника в десять раз и более, количеством и качеством надворных построек, наличием сада, который, впрочем, по археологическим материалам никогда не прослеживается и известен лишь по источникам письменным и графическим.

И в ранние периоды — в XIV, XV, XVI и даже в XVII в. — московские ремесленники и посадские люди держали на своих дворах скот, причем органические остатки, находимые при раскопках, а также состав костного материала говорят о том, что держали не только мясной и молочный, но и рабочий скот — лошадей. Более всего был распространен крупный рогатый скот, затем свиньи, на третьем месте — лошади и только на четвертом — мелкий рогатый скот. И если у бояр и дворян лошади содержались на московских дворах для целей военной службы, парадных выездов и т. п., то у ремесленников это были, по всей вероятности, рабочие лошади. Это обстоятельство позволяет нам предположить, что во всяком случае в XI—XIV вв., а может быть и позже, московские ремесленники и посадские люди не оставили еще вполне земледелия, хотя оно существовало лишь в качестве подсобного занятия.

Помещения для скота — хлевы, конюшни — стоят в московских усадьбах, как правило, отдельно от жилого дома. Лишь в одном случае — в слободе за Яузой (XV—XVI вв.) — мы смогли проследить скотный двор, непосредственно прилежавший к дому. Но и в этом случае стоящий отдельно от дома погреб не позволяет нам предположить существование на московском посаде крытых дворов, столь характерных для позднейших великорусских деревень. По всей вероятности.

²³ П. и Б. Гольденберг, Указ. раб., стр. 50.

²⁴ И. Е. Забелин, Домашний быт русских царей, М., 1918, стр. 456.

здесь имели место открытые дворы с довольно разнообразным расположением надворных построек, в котором и в более поздние времена (в XVII в.) мы не можем заметить строгой закономерности. Особо следует отметить наличие погребов, стоящих, как правило, отдельно от домов. Оборудованный рядом приспособлений погреб-ледник из боярской или дворянской усадьбы XVI в. является наиболее выразительным примером того внимания, которое уделяли своему домашнему быту высшие классы населения Москвы. Над погребом располагалась обычная какая-либо нежилая постройка (ср. в цитированном выше документе под сенями погреб»).

Производственные помещения — мастерские — располагались у ремесленников обычно во дворе, неподалеку от дома. При этом необходимо отметить, что ряд производственных процессов протекал в самом жилом доме. Не только такие ремесленники, как сапожники, работали зачастую у себя в комнате, но и, например, ювелиры-литейщики, как это нам удалось проследить при исследовании мастерской XIV—XV вв., какую-то часть своей работы проводили в жилом доме. Крупные мастерские, вроде гончарной мануфактуры, открытой на устье Яузы в Гончарной слободе, очевидно, вовсе не были связаны с жилищем²⁵. Дворы же крупных феодалов нередко включали в себя целые дворы ремесленников, зависимых от владельца.

Прежде чем перейти к конкретным выводам относительно устройства жилых помещений в Москве, необходимо констатировать, что тип московского жилища в течение всего рассматриваемого нами периода был чрезвычайно устойчив. Это был ярко выраженный северно-русский тип постройки. Ни в археологических раскопках, ни в письменных источниках мы не встретили для Москвы никаких указаний на жилище, столь характерное для южной Руси, — углубленное в землю, с глинобитным полом и стенами, какие были многократно открыты раскопками в Киеве, Старой Рязани, Суздале²⁶ и других городах. Из московского усадебного комплекса на северно-русский тип постройки указывает наличие бань — «мылен». «Баня, — пишет Н. Н. Воронин, — является поныне одним из основных этнографических признаков северной русской деревни»²⁷, причем и в древней Руси она преимущественно встречалась в северных областях. С другой стороны, в московских жилищах, как правило, отсутствуют подпольные ямы для хранения продуктов, столь часто встречающиеся, например, в Старой Рязани²⁸. В Москве их заменяют погреба, стоящие отдельно от дома, а иногда — подклеты домов.

Основных типов постройки жилого дома в Москве было два — наемная изба с деревянным полом и завалинкой и дом на подклете, иногда также с завалинкой. Общее у обоих типов — срубный характер жилища, резко отличающий его от глинобитных домов южной Руси. Такой тип жилища господствовал на севере по крайней мере с X в., как показали, например, раскопки в Старой Ладоге²⁹.

Среди исследованных нами построек пять раз встречены наземные избы и четыре раза дома на подклете. Хронологической закономерности в распространении этих типов не выявляется. Не проследили мы пока и закономерностей социальных. Конечно, оба каменных боярских дома стояли на высоких цоколях, так что в жилые покои надо было подниматься по лестнице. Но, с другой стороны, дом зажиточного

²⁵ М. Г. Рабинович, Раскопки в Москве на устье Яузы в 1946/47 г., стр. 21—31.

²⁶ См., например, М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева, стр. 42—43.

²⁷ «История культуры древней Руси», т. I, стр. 228. Следует отметить, что этот важный гигиенический узел, столь обычный для русского жилища, был почти неизвестен в Западной Европе.

²⁸ А. Л. Монгайт, Древнерусские жилища XI—XIII вв. по раскопкам в Старой Рязани, стр. 63 («подпольные ямы открыты почти во всех домах»).

²⁹ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, стр. 15.

приказного XVII в. представлял собой избу с завалинкой, а дом посадского человека из Гончарной слободы стоял на подклете. Позднейшие письменные источники не раз указывают нам на дома ремесленников на подклетах. По всей вероятности, эта конструкция была и удобнее и гигиеничнее, но требовала большого количества строевого леса, и сооружение постройки того или иного вида диктовалось рядом случайных обстоятельств, например, ценой леса в данном сезоне.

Таким образом, на основании раскопок мы можем уточнить древнюю границу распространения северного и южного типа жилищ. Граница эта проходила, очевидно, с северо-востока на юго-запад от Волги, оставаясь к юго-востоку Суздаль и Рязань, а к северо-западу Москву, направляясь к Вщижу, в котором также господствовали еще в домонгольскую эпоху срубные постройки³⁰. Дальнейшее направление этой линии можно будет установить только после раскопок в Смоленской области. Следует отметить, что в дяковскую эпоху и к северу от намеченной нами линии были жилища как полуземляночного типа, открытые в ряде пунктов Московской и Смоленской областей, так и наземные.

Границу распространения южного и северного типа жилища логически следовало бы связать с ландшафтными и климатическими зонами, в частности с границей лесостепи и леса. Но на северо-востоке намеченная нами линия пререзает область смешанных лесов в районе Суздаля. Впрочем, это можно объяснить местными особенностями ландшафта Ополя, где мало было хорошего строевого леса.

Материалом для строений в Москве служили преимущественно еловые и дубовые бревна. Можно заметить некоторое преобладание ели особенно в жилых постройках. Это легко объяснимо высокими строительными качествами хвойного дерева, которое дает прямые ровные бревна, хорошо сопротивляющиеся процессам гниения благодаря значительному содержанию смолы. Однако, хвойные породы немногочисленны в механической прочности дубу. Поэтому наиболее ответственные сооружения рубились из дуба. Достаточно упомянуть дубовые стены кремля Ивана Калиты. В городских же строениях дуб шел главным образом на важные хозяйственные постройки, которые не конопатились, поэтому неровность дубовых бревен не сказывалась на постройке отрицательно. Особо следует отметить, что во влажной почве Зарядья дуб прекрасно сохранялся, почему дубовые погреба и подклеты домов прослежены на значительную высоту.

В плане жилой дом представлял собой в большинстве случаев квадратный сруб, размеры которого ограничивались длиной бревна и колебались в среднем около 4×4 — 5×5 м. При этом жилища ремесленников ограничивались, как правило, одним срубом, а жилища зажиточных людей могли состоять из двух, трех и более расположенных рядом срубов. О жилищах рядового населения Москвы Барберин еще в 1565 г. писал, что «...В них одна комната, где едят, работают и делают все; в комнате для тепла печь, где обыкновенно спит вся семья; они дают дыму вылетать в дверь и окна»³¹. Однокамерное жилище бедных и средних жителей московского посада дополнялось, как мы видели, несколькими не связанными с избой хозяйственными постройками. Трехкамерный тип жилья (хата + сени + комора), столь распространенный в русской деревне, на нашем материале не прослеживается. Ни двухкамерное жилище, как видно, бытовало и у московских ремесленников. На это указывает описанная выше изба-пятистенка московского литейщика-ювелира XIV—XV вв., состоявшая из двух комнат.

Непременной принадлежностью жилища была глинобитная печь. Печей-каменок, как в Старой Ладог³² нами не прослежено, а кирпич

³⁰ По сообщению Б. А. Рыбакова.

³¹ См. «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», т. I, М., 1950, стр. 6.

³² В. И. Равдоникас, Указ. соч., стр. 20.

ная печь всего одна. Из семи открытых при раскопках печей в трех случаях печь стояла в юго-западном углу комнаты, в трех — в северо-западном и в одном случае — в северо-восточном углу. Однако вряд ли на этом основании можно сделать вывод об устойчивой планировке жилища с обязательным положением печи в северо-западном углу. В разных комнатах одного дома (например, в доме приказного) печи оказались стоящими в разных углах. По всей вероятности, в Москве не была гринята традиционная планировка внутреннего помещения деревянных домов, при которой печь расположена обязательно на определенном месте, устьем в сторону, противоположную входной двери. Мы не рискуем поэтому восстанавливать, например, место входной двери, отправляясь от положения устья печи, как это делает В. И. Равдоникас³³, тем более что все печи, вскрытые нашими раскопками, совершенно разрушены.

Мы не сможем поэтому восстановить полностью и конструкцию печи. Но в нескольких случаях прослежено, что основанием печи служили четыре столба, не связанные конструктивно с другими частями дома. Один раз обнаружены остатки деревянных брусев подпечья, какие можно встретить иногда и теперь в деревнях. Исходя из всей совокупности наших источников, следует предположить, что до конца XV в. подавляющее большинство печей не имело дымовой трубы. Да и в XVI—XVII вв. рядовые дома посадских людей отапливались по-черному. Еще в XVII в. шведский посол Петр Петрей писал, что в Москве «у небогатых и бедных курные избы, как и у крестьян в деревнях. Когда топят эти избы, там быть никому от дыма невозможно... а знатные и богатые — те печи у себя в домах кладут «изразцовые»³⁴. Эти изразцовые печи имели, конечно, дымовые трубы. При раскопках в комплексах XVI—XVII вв. можно встретить обломки керамических труб, закопченных изнутри и служивших, стало быть, для вывода дыма³⁵. Вероятно, и ранее в богатых домах были печи с дымовыми трубами, но большинство московского населения еще и в XVII в. познавало всю горечь изречения XII в.: «Горести дымные не претерпев, тепла не видати».

Изразцовые печи обнаружены в трех жилищах: боярской усадьбе XVI в., в доме приказного XVII в. и в палатах Сулешевых, где, впрочем, остатки изразцовой печи относились уже к XVIII в. Анализ «красных» изразцов XVI—начала XVII в. и зеленых «муразленных» изразцов середины XVII в., найденных в Зарядье, позволяет установить, что изразцы для печей и внешнего убранства домов этого района покупались по соседству, у мастеров московской Гончарной слободы, продукция которых описана нами в специальной работе³⁶. Здесь же лишь напомним, что изразцовая печь не только давала тепло, но и составляла основное внутреннее украшение комнаты. Различными сюжетами, изображенными на изразцах, любовались, как в XVIII—XIX вв. любовались развешенными по стенам картинами в какой-нибудь богатой гостиной. Понятно, что такого рода печи при чрезвычайной дороговизне изразцов могли быть не во всякой комнате даже у зажиточных людей. Они украшали лишь парадные комнаты, предназначенные для приема гостей. А самые комнаты эти могли быть далеко не во всяком доме.

Мы говорили уже, что основным типом жилища рядового населения Москвы был однокомнатный дом. Но богатые люди могли пристроить к основному еще несколько срубов, как это и было, например, в доме приказного. Известны и двух- и даже трехэтажные деревянные

³³ В. И. Равдоникас, Указ. соч., стр. 26.

³⁴ См. «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», т. I, М., 1950, стр. 80.

³⁵ М. Г. Рабинович, Московская керамика, стр. 97.

³⁶ Там же.

дома, а каменные палаты, конечно, имели ряд комнат. Однако число жилых комнат даже в очень богатых домах вряд ли достигало десяти и более. «Интимная жизнь феодала протекала в покоевых хоромах, состоявших даже у царя из 3-х и 4-х небольших горниц», — читаем мы в одном исследовании, посвященном планировке жилища³⁷. И даже в тех случаях, когда дом имел несколько комнат, зимой жизнь обитателей протекала в одной-двух комнатах, так как отапливать все комнаты дома при тогдашнем несовершенном отоплении было очень трудно.

Вообще проблема теплоизоляции была для Москвы очень острой. Суровый климат заставлял особенно заботиться об утеплении жилищ. Помимо самого типа жилища (избы с завалинкой и дома на подклете), создавшегося в процессе борьбы с холодом, влияние климата сказалось и в конструкции стен, которые тщательно проконопачивались, и в устройстве окон. В избах, топившихся по-черному, естественно не могло быть больших окон. Доступ дневного света зачастую ограничивался волоковым оконцем. Большие оконные проемы были в горницах с печами, снабженными трубами, и в неотапливаемых летних помещениях. Но и в этих комнатах окна не могли быть большими, так как оконное стекло доявляется в Москве только в конце XVII в., а слюдяные оконницы, которые применялись даже в царском дворце, позволяли иметь лишь небольшие оконные проемы. Слюдяные окна были распространены широко. На это указывают находки слюды в развалинах дома посадского человека XV—XVI вв. и дома приказного XVII в.

Небольшие оконные проемы, закрытые малопрозрачным материалом, конечно, пропускали очень немного света. Поэтому не только в длинные зимние вечера, но и в короткие зимние дни жилища требовали искусственного освещения. Разнообразные металлические светцы, в которые вставлялись лучины, хорошо известны по археологическим находкам. Но с XVI в. в рядовых домах находятся и подсвечники: металлические, вбивавшиеся в стену, и глиняные — настольные. Однако даже сальные свечи долгое время были роскошью, и найденный в доме приказного подсвечник подтверждает предположение о зажиточности его хозяина.

Об устройстве дверей у нас очень мало сведений. Единственная целая дверь найдена не в жилой, а в хозяйственной постройке. Но можно предположить, что и в жилых помещениях двери были одностворчатые и навешивались на металлические петли. Очевидно, уже с древнейших времен они запирались висячими пружинными замками, столь хорошо известными по находкам в домонгольских слоях древнерусских городов. Замки и ключи от них найдены в Зарядье в большом количестве во всех слоях, с XI по XVII в. Дверь, обрушившаяся в подклет дома посадского человека XV—XVI вв. на устье Яузы, имела уже внутренний замок, к которому должен был быть ключ современного типа.

Пол во всех открытых нами жилищах был досчатый, причем в большинстве случаев доски пола ориентированы в направлении перпендикулярном улице. Впрочем, вряд ли можно говорить о какой-либо закономерности в этой области жилищного строительства в древней Москве. Пол хозяйственных построек, как правило, земляной. Только в мыльне он был устлан жердями, да в богато оборудованном погребе-леднике вымощен «в елочку» кирпичом. Пол из керамических плиток, а позднее из чугунных плит мог быть только в общественных зданиях, тем более что в жилых помещениях он и неудобен во всех отношениях.

О конструкции потолка и крыши раскопки не дают почти никаких сведений, что и понятно, так как эти части зданий ни в одном случае не сохранились даже в виде груды обломков. Восстановить их можно по древним рисункам, указывающим, кстати сказать, на большое разнообразие

³⁷ П. Гольденберг и Б. Гольденберг, Указ соч., стр. 34.

разные конструкций кровли, но это не является задачей настоящего исследования.

Мы подвели итоги археологическим материалам для истории московских домов и усадеб и, в известной мере, для истории планировки Великого посада Москвы, полученным в основном при археологических раскопках в Зарядье. Материалы эти, несмотря на то, что ни одно здание, и тем более усадебный комплекс, в силу ряда причин не исследованы целиком, все же позволяют нам восстановить основные черты московской застройки в XII—XVII вв. Мы видели, что на протяжении всего этого периода здесь господствовал севернорусский тип построек и что различия в постройке жилища и планировке усадьбы носили не столько хронологический, сколько социальный характер.

Дальнейшие археологические раскопки в Москве позволят продолжить изучение этого вопроса, столь важного для истории нашего города и для истории русской культуры в целом.

Б. О. ДОЛГИХ

РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания вызвали общий подъем в области исследований о происхождении народов и языков. Разоблачив лженаучное «новое учение» о языке Н. Я. Марра, запутавшее его сторонников и приведшее их в болото идеализма, товарищ Сталин вместе с тем указал пути, по которым должна идти советская наука для установления происхождения как отдельных народов, так и широких лингвистических общностей, групп родственных по языку племен и народов. Это путь конкретного, детального и глубокого изучения истории образования этих народов и племен, путь изучения происхождения и истории языков этих народов и племен.

Для решения проблем происхождения конкретных народов и групп родственных по языку народов и племен важное значение имеет также установление древнего их расселения. Можно сказать, что одно только выявление области древнейшего расселения этнической группы, предков современного народа, уже само по себе в значительной степени освещает происхождение данного народа, во всяком случае очерчивает территориальные рамки определенного этапа этнической истории этого народа.

Особенно большое значение имеет установление первоначального расселения для истории народов, этнических общностей и племен в тех районах, этнографическая карта которых за последние столетия резко изменилась. Одним из таких районов является Сибирь.

В то же время установление расселения этнических групп и племен Сибири к периоду включения их в состав русского государства имеет большое научное значение. Этнографическая карта Сибири на конец XVI — начало XVII в. является результатом тысячелетних стихийных этногенетических и миграционных процессов, происходивших на одной десятой территории земной суши. Изучив их, мы приблизимся к познанию прошлого значительной части человечества на ранних ступенях его развития. Поэтому, несмотря на малочисленность местных сибирских народов, изучение их прошлого и их происхождения представляет важный участок всеобщей истории человечества. Изучение прошлого народов Сибири особенно важно также для того очень раннего периода истории человечества, когда происходило заселение эйкумены, в частности освоение Северной Азии и первоначальное заселение Америки.

Учитывая всю важность проблематики, связанной с происхождением народов Сибири, с их родоплеменным составом в прошлом, характером их расселения в древности, Институт этнографии Академии Наук СССР prepares подробную карту расселения племен и родов коренного населения Сибири ко времени прихода русских, т. е. на конец XVI и первую половину XVII в. В качестве предварительного результата этой работы подготовлена более схематическая, в частности без детального указания племенного состава, приводимая в настоящей статье карта расселения народов Сибири на это же время. Эта карта должна показать, как

были расселены народы Сибири перед приходом сюда русских. Такая карта оказалась нужной также и потому, что она объясняет ряд этнографических явлений, которые, если исходить из современного расселения народов Сибири, остаются непонятными. Например, ряд черт сходства в культуре народов Алтая и селькупов и хантов Оби, совершенно необъяснимых сейчас, когда алтайцы отделены от хантов и селькупов широкой полосой, занятой русским населением, становятся совершенно понятными при взгляде на прилагаемую карту. Оказывается, что когда-то тюркские племена Южной Сибири имели непосредственный контакт с хантами и селькупками.

Также и такая проблема, как происхождение самоедских народов с Саян, приобретает совершенно осязательный характер при взгляде на данную карту. Оказывается, что разрыв между северными самоедами и южными был в свое время не так велик. Вместе с этим сразу возникает вопрос: не являются ли отделявшие северных самоедов от саянских чукымские «татары» и частично качинцы, тюркизированными самоедами, недостающим для решения проблемы происхождения северных самоедов соединительным звеном? Так же встает в результате составления настоящей карты и целый ряд других проблем, с одной стороны, и, наоборот, намечаются пути решения некоторых, казавшихся неразрешимыми вопросов, с другой. Например, при современном расселении народов Сибири говорить о самоедско-юкагирских связях кажется бессмыслицей. Но на данной карте мы видим, что в XVII в. тавги (предки части нганасанов) и западные группы юкагиров были разделены относительно совсем небольшим пространством, занятым тунгусами.

При нанесении на карту районов расселения народов Сибири применялся принцип этнических территорий, т. е. соответствующей штриховкой покрывалась вся территория, осваиваемая данным народом. Незаселенные места, за исключением арктических пустынь, не выделялись.

В основном на карте показаны границы распространения языковых групп. В ряде случаев надписями показаны и племена. Русское население не показано для того, чтобы яснее были выражены территории коренных народов Сибири. Но надо иметь в виду, что уже в XVII в. русских в Сибири было немало, а к концу XVII в. русское население Сибири по своей численности превосходило ее коренное население.

Основным источником для составления этнографической карты Сибири на конец XVI и первую половину XVII в. являются архивные материалы. Русские служилые люди, осваивавшие Сибирь, одной из главных задач имели выявление и учет всех групп коренного населения в целях обложения его ясаком. С этой задачей служилые люди в общем справились, и их материалы (большей частью в подлинниках, а частью в копиях) ¹ дошли до нас. Они и положены в основу настоящей работы.

Сибирь XVII в. была разделена на 19 уездов. Западную Сибирь образовали 12 уездов: Верхотурский, Пелымский, Туринский, Тюменский, Тарский, Тобольский, Березовский, Сургутский, Нарымский, Кетский, Томский и Кузнецкий; Среднюю Сибирь — 4 уезда: Мангазейский, Енисейский, Илимский и Красноярский; Восточную Сибирь — 3 уезда: Иркутский, Нерчинский и Якутский. О 20-м уезде — Албазинском см. ниже.

Территории и населенность сибирских уездов XVII в. были очень неравномерны. В Якутском уезде было не менее 40 тыс. коренного населения, а в ряде западносибирских уездов всего по несколько сот человек.

¹ Мы имеем в виду Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), фонд Сибирского приказа (№ 214), фонды ряда приказных изб — Якутской (№ 1177), Иркутской (№ 1121), Нерчинской (№ 1142), Баргузинской и др.; архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР; Архив АН СССР в Ленинграде и др. Часть этих материалов опубликована в «Дополнениях к актам истории» (ДАИ), в сборнике «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» (Л., 1936) и др. (см. А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири XVII в., Л., 1940).

Поскольку почти все архивные материалы времен освоения русскими Сибири сгруппированы по уездам, нам пришлось в качестве рабочей единицы исследования тоже взять уезд.

По степени изученности материала и достоверности нанесенных на карту данных территория Сибири XVII в. может быть разделена на три части:

1. По шести уездам Сибири XVII в. уже составлена карта расселения племен и родов. Поэтому и настоящая карта расселения этнических групп в этих уездах представляет собой почти завершенное исследование. Эти уезды — Мангазейский (Туруханский), Енисейский, Илимский, Красноярский, Иркутский и Нерчинский. По первым четырем названным уездам использована карта, напечатанная в «Кратких сообщениях Института этнографии АН СССР» (вып. VIII, 1949); материалы по последним двум из названных выше уездов печатаются в вып. XVII «Кратких сообщений» (1952).

2. По одному, самому большому уезду Сибири XVII в. — Якутскому, карта расселения родов и племен еще не опубликована, но расселение этнических групп в общем установлено. Большую помощь в составлении карты расселения этнических групп Якутского уезда оказали также: работа В. И. Огородникова «Поколение юкагирской земли» (Чита, 1922); историческая карта крайнего северо-востока Сибири, составленная В. Г. Богоразом и В. И. Иохельсоном, и статья И. С. Вдовина «Расселение народностей северо-востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII в.»²

В работе Огородникова в отношении расселения юкагиров можно отметить только одну существенную ошибку — отнесение анаулов к корякам, в то время как по всем данным и по всей этнической ситуации нашего крайнего северо-востока в прошлом это, вероятно, были пешие юкагиры³, сидевшие на Анадыре и существовавшие осенней и весенней охотой на диких оленей на глывях через эту реку. Поэтому в этом районе мы значительно отклоняемся от предположений, высказанных Огородниковым в тексте, и от его карты.

Еще одно, на этот раз небольшое, отступление от Огородникова имеет место на нашей карте на самом крайнем западе расселения юкагиров в XVII в. Мы включили в территорию юкагиров всю реку Омолой (в XVII в. Омолоева река) и правый берег устья Лены. Это сделано на основании сохранившихся указаний о том, что нижнеяньские юкагиры считали своей землей и промыслили на всем пространстве от устья Лены до Индигирки, включая реки Омоллой, Чендон, Хрому. Само название «Омолоева» происходит от собственного имени юкагира Омолоя, кочевавшего по этой реке.

В остальном территория расселения юкагиров на настоящей карте мало отличается от карты и описаний Огородникова, который по этому вопросу подобрал весьма полный материал. Эта часть работы Огородникова выгодно отличается от некоторых других частей его книжки, где он допускает грубые ляпсусы, утверждая, например, что охота на диких оленей имела целью не потребление, а пополнение пойманными оленями стада домашних оленей (!!!).

Карта Богораз и Иохельсона позволила нанести расселение северо-восточных палеазиатов (чукчей, коряков, ительменов) и эскимосов. Пространство к югу от р. Анадыря, показанное Богоразом и Иохельсоном как

² «Известия Всесоюзного географического общества», т. 76, вып. 5, 1941 стр. 250—265. Некоторые замечания в отношении этой статьи см. «Советская этнография», 1952, № 1, стр. 56, 57. Карту Богораз и Иохельсона см. в монографии W. Bogoras, *The Chukchee*, р. 1. Material culture, Leiden — N. Y., 1909, стр. 17.

³ Определенно, в частности, называет анаулов юкагирами роспись ясыря в Анадырском остроге 1681 г. («Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», стр. 193).

⁴ ЦГАДА, ф. 1177, ст. 102, лл. 56, 59, 61; ст. 30, л. 2; ф. 214, кн. 382 лл. 403 об — 406.

«незаселенное», мы включили в юкагирскую территорию по материалам, приведенным у Огородникова в отношении анаулов.

3. Трудную задачу представило нанесение на карту расселения этнических групп на сравнительно небольшой территории Западной Сибири. В нашем распоряжении, правда, была рукопись № IV. 76 рукописного фонда библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, дававшая сведения об этническом составе и численности населения всех уездов Сибири на 1697 г., в том числе и по всем западносибирским уездам. По ряду уездов Западной Сибири использована книга Буцинского «Заселение Сибири»⁵. Мог быть также использован атлас С. У. Ремезова (издания 1882 г.). Для работы над настоящей картой мы могли также использовать подлинный атлас Ремезова, хранящийся в той же библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. По Западной Сибири еще не составлена карта расселения племен и родов, но работу над нанесением на карту этнических групп двенадцати западносибирских уездов облегчило то обстоятельство, что некоторые из этих уездов были населены лишь одной этнической группой коренного населения каждый и, следовательно, в ряде случаев этнические границы совпадали с границами уездов, выявить которые уже было гораздо легче. Кроме того, большая часть коренного населения западносибирских уездов была оседлой, что позволяло в ряде случаев использовать более поздние данные об этнической принадлежности населения тех или иных поселений или о происшедшей смене одного населения другим в определенных местностях.

По материалам ясачных книг начала XVII в., данным вышеупомянутой рукописи 1697 г. и другим источникам, «татарскими» (т. е. тюркоязычными) по этническому составу своего коренного населения являлись следующие уезды Западной Сибири: Туринский, Тюменский, Тарский, Кузнецкий. В Тобольском и Томском уездах жили «татары» и «остяки». Чисто «остяцкими» уездами были Сургутский, Нарымский и Кетский. При этом в XVII в. сургутские «остяки» все были хантами⁶, а нарымские и кетские — селькупам. Березовский уезд был населен «остяками» и «самоедами», причем здесь «остяками» назывались не только ханты, но и манси. Наконец, Пелымский и Верхотурский уезды были чисто «вогульские» (мансийские) по этническому составу своего коренного населения. Правда, Буцинский приводит данные, свидетельствующие, о том, что на верховьях р. Уфы и в районе оз. Аят (близ современного Свердловска) жили «татары», но в дальнейшем эти места, видимо, вышли из состава Верхотурского уезда, так что в нем остались одни «вогулы» (манси).

Территорию уездов можно было определить по атласу Ремезова и отчасти по описанию ее у Буцинского. Там, где уезды были заселены одной этнической группой, этим самым, как уже сказано выше, определялась и территория, занятая этническими группами (уезды Пелымский, Верхотурский, Туринский, Тюменский, Сургутский, Кетский, Тарский, Кузнецкий). В Тобольском уезде по описанию Спафарием своего пути вниз от Тобольска по Иртышу известно, что остяки (ханты) начинались с деревни Лебсут⁷ (в 8½ верстах ниже Увата). Таким образом, территория Тобольского уезда четко делилась на две части: «татарскую» и «остяцкую». В Нарымском уезде к территории хантов надо было лишь отделить бассейн Васюгана (за исключением бассейнов его притоков Чижапки и Нюрельки, занятых, по более поздним этнографическим данным, селькупам). В Березовском уезде граница между хантами и ненцами проведе-

⁵ П. И. Буцинский, Заселение Сибири и быт первых ее насельников, Харьков, 1889.

⁶ За исключением селькупских волостей — Тымской и Караконской (по р. Тым и верховьям Ваха) и Сымской (в истоках р. Сым).

⁷ См. «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году», СПб., 1882, стр. 34.

на на основе данных о размещении хантыйских и мансийских волостей по Оби и ее притокам. Остальная территория этого уезда отведена на карте ненцам. В Томском уезде граница между «татарами» и остяками (селькупам) проведена исходя из того, что по Оби самыми северными «татарскими» волостями были Шегарские, а низовья Чулыма были заняты «остячками» Байгульскими волостями.

Особо стоит вопрос об этнографической карте двадцатого Сибирского уезда XVII в.—Албазинского. Во-первых, и границы этого уезда были очень неопределенны и изменчивы, во-вторых в 1689 г. по Нерчинскому договору территория Албазинского уезда отошла к Китаю и была возвращена России лишь в 1858 г. по Айгунскому договору. В-третьих, этнический состав населения Албазинского уезда, даже за тот период времени, в течение которого Приамурье входило в состав России в XVII в. (1649—1689), резко изменился вследствие выселения маньчжурами дауров и дючеров с Амура в долину р. Нонни. Нанесенные нами в Приамурье этнические границы представляют попытку реконструкции расселения народов Амура в период, предшествующий походу Хабарова. При этом дауров мы отнесли к монголоязычным народам, а дючеров — к тунгусо-маньчжурским. Кроме сообщений Пояркова, Хабарова, Степанова и др., помещенных в ДАИ, использованы также данные Шренка и Огородникова⁸.

В общем на карту нанесены следующие этнические группы:

самоеды, в том числе предки тундровых самоедов энцев, ненцев, нганасанов («самоядь» и тавги), саянские самоеды (камасинцы, карагасы, кайсоты, моторы) и селькупы («остяки»);

тюркоязычные народы: разные группы сибирских татар, предки части алтайцев, шорцев («кузнецкие татары») и чулымцев, телеуты, енисейские киргизы, качинцы и другие, предки современных хакасов (хотя они особо не выделены на карте) и якуты;

тунгусо-маньчжуры, т. е. собственно тунгусы — предки эвенков, эвенов, долган, негидальцев; натки — предки нанайцев (гольдов), предки ульчей, орочей, удэгейцев; ороки на этой карте не показаны, так как к началу XVII в. они вряд ли уже переселились на Сахалин и обособились от остальных тунгусо-маньчжурских племен; как уже указывалось, на Амуре показаны также дючеры (маньчжуры);

монголоязычные группы — предки бурят, баргутские и другие племена (булагаты, эхириты, хоринцы, табунуты и хонгодоры), а также дауры;

кеты («остяки») даны одной штриховкой с коттами, асанами, аринами, ястынцами, яринцами, байкотовцами; к ним отнесены также енисейские «кузнецы», натские (кадские) и пумпокольские «остяки»;

юкагиры, в число которых, как уже было сказано выше, включены чуванцы, ходынцы, анаулы и другие их племена;

северо-восточные палеазиаты — чукчи, коряки и ительмены.

Кроме того, отдельно показаны: эскимосы, нивхи (гиляки), айны (курилы).

Таковы те 11 этнических групп, которые выделены на данной этнографической карте.

По сравнению с современной этнографической картой Сибири мы видим существенные различия в некоторых местах и сравнительно небольшие изменения в других. Сильно изменилась этнографическая карта по главной Сибирской магистрали — Сибирскому тракту, затем Великому Сибирскому железнодорожному пути. Эта полоса стала районом основного

⁸ Л. Шренк, Об инородцах Приамурского края, СПб., 1883, ч. I и II; В. И. Огородников, Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., Владивосток, 1927 (с картой).

сосредоточения русского населения, основным сельскохозяйственным районом Сибири. Часть племен коренного населения, обитавших в этой полосе, исчезла, слившись с русским населением (котты, частично арины, часть забайкальских верхоленских и других эвенков), часть слилась с другими народами (большая часть аринов, вошедшая в состав хакасов, асаны, слившиеся с эвенками, и т. д.), часть сохранилась в виде относительно небольших островков (телеуты, чулымцы, барабинцы, некоторые группы бурят). Исчезновение в этом районе некоторых этнических групп объясняется также уводом их враждебными России государствами за границу (увод енисейских киргизов джунгарами, дауров с Амура — маньчжурами и т. д.).

Русские расселились также по большим сибирским рекам: Оби, Енисею, Ангаре, Лене, верховьям Нижней Тунгуски и другим, иногда в значительном отдалении от указанной выше основной сельскохозяйственной зоны Сибири. При этом расселение русских в этих отдаленных районах также было очень ранним и часто предшествовало заселению некоторых современных сельскохозяйственных районов. К числу таких отдаленных районов, где русское население сменило коренное, относится большая часть Камчатки.

В целом мы должны признать заселение русскими Сибири в качестве одного из основных факторов, изменивших ее этнографическую карту.

Другим обстоятельством, внесшим значительные изменения в этнографическую карту Сибири, является увеличение численности якутов и распространение их на очень большом пространстве. Увеличение территории, занятой якутами, происходило главным образом за счет эвенкийских и юкагирских племен. Сюда надо отнести колонизацию якутами Вилюя, Оленека, Индигирки, Колымы, Хатанги, района оз. Есей и других местностей Северной Сибири. В свою очередь и эвенки (в том числе долганы и эвены), в ряде районов потесненные и частично поглощенные якутами и русскими, появились в новых районах, в прошлом занятых юкагирами, самоедами, кетами, коряками и ительменами.

Исчезновение большой, сплошной территории юкагиров, занятой якутами, эвенками (эвенами), чукчами, коряками и частью русскими, является едва ли не главным (если не считать заселения Камчатки русскими) отличием этнографической карты Северо-Восточной Сибири XVII в. от современных этнографических карт и даже карт конца XIX или начала XX в. Вместе с этим, важнейшим явлением, также сильно изменившим карту северо-востока Сибири, является увеличение в численности и распространение чукчей, частью за счет эскимосов, а главным образом за счет юкагиров.

В Приамурье и на Сахалине мы можем констатировать, если не считать заселения русскими, следующие основные изменения в расселении народов: переселение сперва ороков, а затем и некоторых групп эвенков на Сахалин; упомянутый выше увод дауров и дючеров в Маньчжурию; ассимиляция некоторых групп эвенков нанайскими племенами; возможно, — сокращение территории нивхов (гиляков) вследствие образования, в результате победы нанайского языка над нивхским в районе стыка нанайцев и нивхов, племени ульчей. Можно также констатировать некоторое отступление нивхов от района устья Тугура.

В Южной Сибири мы должны отметить два процесса, сильно повлиявшие на изменение ее этнографической карты (помимо заселения Сибири русскими):

1. В Забайкалье и Прибайкалье произошло обурячивание (омонголизация) части эвенкийского и большинства тувинского населения; это не исключает, впрочем, того, что часть эвенков (тунгусов) и даже бурят слилась здесь с русскими.

2. В Саянах и бассейне Верхнего Енисея самоедоязычные и частью кетоязычные племена сменили свои языки на тюркские. В настоящее вре-

мя они вошли в состав или тувинского (вместе с карагасами), или, как мы уже отмечали, хакасского народов.

Наконец, существенным изменением этнографической карты мы обязаны передвижению на север селькупов и кетов. Селькупы заняли бассейны Таза и Турухана, кеты спустились по Енисею до района устья Курейки включительно. Продвижение на север тех и других сопровождалось соответственным оттеснением энцев.

Еще до того, как селькупы и кеты заняли территории энцев по Тазу и Енисею, эвенки (тунгусы) заставили предков нгансанов (тавгов) уйти на запад за Хатангу и освободить районы низовьев рек Хатанга, Попига и Анабара, которые были заняты эвенками, обьякученными эвенками (долганами) и якутами.

Как мы уже указали, расселение народов Сибири к приходу русских отражало ряд процессов, происходивших до этого момента. Частью это были процессы, длившиеся в течение многих веков, частью, может быть, процессы, начавшиеся совсем незадолго до прихода русских.

На крайнем северо-востоке мы, видимо, застаем в середине XVII в. то время, когда чукчи уже сложились в особую этническую группу. Но чукчи-оленьеводы даже в середине XVII в., вероятно, еще не составляли (судя по территории, занятой тогда чукчами) преобладающей части чукотского народа. Коряки в это время занимали огромную полосу побережья от мыса Наварина до Тауйской губы, но не удалялись далеко в глубь материка. Даже оленные коряки держались на сравнительно небольшом расстоянии от своих береговых сородичей. Можно сказать, что расселение чукчей и коряков в XVII в. отражает «береговое» происхождение этой этнической группы и сравнительно недавний переход части ее к оленеводству.

Ительмены в начале XVIII в. занимали всю Камчатку, первый из Курильских островов и остров Карагинский.

Если в чукчах и коряках XVII в. мы можем видеть неолитических охотников на тюленей и моржей и рыбаков, частично перешедших к оленеводству, то юкагиры XVII в. представляли ставших тоже не так давно оленеводами неолитических охотников внутриматериковых, охотившихся на диких северных оленей и частью на лосей. Не было оленеводства, видимо, только у анаулов, янгинских юкагиров на Индигирке (на р. Уяндиной) и, может быть, у части нижнеколымских юкагиров — «омоков»; там, наряду с ездой на оленях, практиковалась и езда на собаках. Но если о чукчах и коряках можно говорить как об этнических группах, расширявших свою территорию за счет своих соседей (за исключением эвенков, перед которыми коряки отступали на побережье Охотского моря), то в юкагирах XVII в. мы видим этническую группу, теснимую своими соседями, в первую очередь эвенками (эвенами). Этот процесс поглощения и оттеснения юкагиров, видимо, начался давно, и значительная часть той территории, которая на нашей карте показана как эвенкийская (тунгусская), в более отдаленном прошлом была, вероятно, юкагирской. Поглощение и оттеснение эвенками (эвенами) юкагиров было одним из ведущих этногонических процессов Северной Сибири. Тунгусский язык, как язык более многочисленного народа, знавшего уже железо и скотоводство в виде оленеводства, явно побеждал юкагирский язык.

Большую часть территории Сибири занимали в XVII в. племена, говорившие на эвенкийском (эвенском) языке. При этом, как мы только что указали, на севере, северо-востоке эвенкийский (эвенский) язык распространялся за счет других языков. На западе эвенки также активно наступали на кетоязычные племена. Если бы не приход русских, то еще неизвестно, сохранились ли бы кеты до наших дней как особая этническая группа. Одно из кетоязычных племен, асаны, во всяком случае в конце XVII в. было уже частично ассимилировано эвенками. Неудач

терпел эвенкийский язык на севере лишь там, где он соприкасался с самоедскими. Здесь, наоборот, некоторые эвенкийские группы предков нгансаны и энцев (тавги, тидирысы, баи) были ассимилированы самоедами. Еще большие территориальные потери понес эвенкийский язык на юге. Здесь, как мы видим на карте, монголоязычные группы проникли далеко в глубь области расселения эвенков (тунгусов), и в районах обитания этих монголоязычных групп их язык вытеснял эвенкийский. Уже в XVII в. некоторые группы южных эвенков, вероятно, говорили по-монгольски.

Все же монгольский язык, видимо, вследствие того, что монголы стали проникать в пределы Сибири сравнительно поздно, не успел оказать большого влияния. Монголоязычные элементы проникли в область распространения эвенков лишь там, где имелись пространства степей и лесостепей; в глубь необозримой тайги монгольский язык не проник.

Но то, что не успел или не смог сделать монгольский язык, то успел и смог сделать предшествовавший монголам в лесостепях Забайкалья и Прибайкалья тюркский язык. Повидимому, в эпоху до возвышения монгол тюркоязычные племена жили в районе Байкала примерно там же, где к приходу русских обитали монголоязычные группы. Из района Верхней Лены часть этих тюрков сплыла вниз по Лене. В результате увеличения в численности этих переселенцев и поглощения ими некоторых групп эвенков и, может быть, юкагиров и образовались те острова тюркоязычного якутского населения, которые отмечены на настоящей карте. Оставшиеся же на юге соплеменники якутов эхириты были монголизированы. Отмеченные на карте острова якутского населения, несмотря на свои скромные размеры на огромном тунгусском фоне, уже тогда, в XVII в., представляли весьма крупные этнические массивы. На Лене (с низовьями Вилюя) было к приходу русских около 25 тыс. якутов и на Яне около 1000 якутов. Значительность этих цифр показывает сравнение с тем, что всех юкагиров тогда было не более 2½—3 тысяч.

Остальные тюркские по языку племена Сибири находились в XVII в. на ее юго-западной окраине. Только в одном месте они здесь врезались сравнительно далеко в глубь таежной Сибири, а именно по Чулыму. Здесь, вероятно, тюркскими элементами было поглощено самоедоязычное население. Несколько южнее по Томи были, видимо, поглощены тюркоязычными группами и кетские племена. Возможно, что и енисейские киргизы в значительной своей части представляли собой перешедших на тюркский язык кетов. Эти процессы ассимиляции тюрками кетов и самоедов, вероятно, совпадали с периодами господства тюркоязычных племен в центральноазиатских степях.

Кетоязычное население представлено было в XVII в. двумя группами. Южная группа состояла из коттов, аринов, байкоговцев и др. Это были скотоводы, немного и земледельцы, хотя вместе с тем и охотники. Русские называли их «татарами». Северная группа состояла из охотников-рыболовов, не имевших других домашних животных, кроме собак. Русские их называли «остяками». Повидимому, кетоязычные «остяки» образовались в результате усвоения кетского языка от предков кетоязычных «татар» каким-то аборигенным населением в эпоху господства кетоязычных племен в бассейнах Верхнего Енисея и Томи (вероятно, в тагарское время⁹). Можно считать, в частности, что железо на Енисей и умение его добывать принесли кеты. Впоследствии, как мы знаем, южные кетоязычные племена стали поглощаться с юго-запада тюрками.

Самоедоязычное население Сибири XVII в. состояло из трех групп: 1) саянских самоедов — оленеводов, коневодов и охотников; 2) селькупов — охотников-рыболовов, не имевших ни лошадей, ни оленей; 3) тундровых оленеводов и охотников.

⁹ См. С. И. Вайнштейн, К вопросу об этногенезе кетов, «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XIII, 1951, стр. 7.

Время распространения самоедов-оленоводов по тундрам датируется концом первого тысячелетия нашей эры¹⁰. С другой стороны, в культуре северных самоедов были черты, напоминавшие карасукскую культуру Южной Сибири. Можно также утверждать, что самоеды распространились с Саян на север раньше, чем стали распространяться на север кеты. Во всяком случае кеты теснили самоедов на север. Можно также предполагать, что эвенки (тунгусы) жили на севере (в районе Турухана, Таймыра) раньше самоедов. Ущербу территория самоедоязычных племен к XVII в. подвергалась только на юге, где их теснили кеты и позже тюрки. Наоборот, на севере они сами поглощали как эвенков (на востоке) так и угров (хантов) на западе, на низовьях Оби.

Наконец, происхождение обских угров (хантов и манси) связано с распространением в середине первого тысячелетия нашей эры угров с юга и поглощением ими местного аборигенного населения¹¹. В эту или предшествовавшую ей эпоху угры были, вероятно, господствующим этническим элементом в степях современного Северного Казахстана.

На Дальнем Востоке в формировании нанайских племен решающую роль сыграло, повидимому, поглощение аборигенного нивхского населения тунгусо-маньчжурскими элементами и заселение последними долины Амура.

Таким образом, этнографическая карта Сибири в XVII в. отражает постепенное распространение на север языков этнических групп, господствовавших или преобладавших в тот или иной период времени на южной окраине Сибири или в центральноазиатских степях. Эти языки побеждали языки аборигенного населения — юкагиров, нивхов и какого-то, нам еще неизвестного этнического элемента, вошедшего в состав хантов, селькупов и кетов, т. е. всех тех народов, которые раньше, несмотря на языковые различия между ними, назывались одним термином «остяки». Повидимому, были поглощены эвенками (тунгусами) и коряки к югу от Тайгской губы. Пешие эвенки XVII в. на Охотском побережье, вероятно, и представляли в некоторой степени потомков этих коряков, воспринявших эвенкийский язык. Но из всех палеазиатских групп северно-восточные палеазиаты сохранились к началу XX в. лучше других и, как мы указывали, даже расширили в ряде мест свою территорию.

После того как народы Сибири вошли в состав русского государства, помимо заселения Сибири русскими и указанных выше изменений в расселении сибирских народов, происходили и другие, очень важные процессы. Создавались предпосылки для образования народностей из разных, частью родственных, а частью неродственных племен и родовых групп. Так, из различных монголоязычных племен стала образовываться бурят-монгольская народность. Стали сближаться между собой предки современных хакасов — племена, поселившиеся на территории, которую до 1703 г. занимали енисейские киргизы, стали сближаться между собой племена Алтая. Продолжалось развитие в народность якутов. Все эти процессы протекали у разных народов в различных конкретных исторических условиях и нуждаются каждый в отдельном исследовании.

¹⁰ В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских югров, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941, стр. 27.

¹¹ В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 26; см. его же, Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н. э., Тезисы кандидатской диссертации, зачитанной на заседании Ученого совета историч. ф-та МГУ 27 мая 1942 г., отд. оттиск, стр. 153—156.

С. В. ИВАНОВ

МАТЕРИАЛЫ ОРНАМЕНТА К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ХАНТОВ И МАНСИ *

До недавнего времени основным источником при постановке и решении проблем этногенеза и культурно-исторических связей у народов Сибири, в частности хантов и манси, являлись антропологические, языковые, археологические, отчасти фольклорные материалы и данные родовой состава. Памятники материальной культуры современных народов привлекались для этой цели значительно реже, а произведения изобразительного искусства, в частности орнамент, при решении указанных проблем почти вовсе не принимались во внимание. В этом нетрудно убедиться, просматривая этнографические работы, в которых публикуются или исследуются материалы по орнаменту хантов и манси (А. А. Дунина-Горкавича, Л. Р. Шульца, В. Н. Пигнатти, Т. П. Гладышевой, Г. М. Дмитриева-Садовникова, И. Н. Шухова, М. Плотникова, У. Т. Сирелиуса, В. Семайера и др.).

Между тем народный орнамент является одним из важных источников при постановке тех или иных исторических проблем, так как проливает свет на многие, недостаточно ясные пока моменты, связанные с формированием тех или иных племен и народов и их историческими судьбами. Товарищ Сталин указывает, что «племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались...»¹ Эти процессы не могли не найти своего отражения и в искусстве.

Изменяясь относительно медленно и отличаясь в силу этого большой стойкостью своих форм и технических приемов, орнамент удерживает в своем составе различные разновременные мотивы, в числе которых оказываются и весьма древние, нередко находящие свои аналогии в археологическом материале.

Причина устранения или недостаточного использования этого ценного источника коренится, повидимому, отчасти в неизученности самого материала, отчасти в недостаточной разработанности методов его исследования.

Изучение угорского орнамента до недавнего времени проводилось в узко этнографическом плане, причем анализ материала нередко носил формалистический характер. Изучались главным образом материал, техника изготовления орнамента, его формы и цвета, производилась классификация орнамента по тем бытовым предметам, на которые он нанесен, записывались названия отдельных узоров. Изучение этих частных вопросов, конечно, не давало возможности в полной мере использовать орнамент как исторический источник, ибо орнамент как таковой, его структура, мотивы, типы, стилевые признаки, характер композиции, различие и сходство изучаемого орнамента с орнаментом родственных и соседних народов и т. д. не подвергались всестороннему исследованию.

* Переработанный доклад, прочитанный на совещании по методологии этногенетических исследований 1 ноября 1951 г.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 27.

Между тем только всесторонний анализ предмета исследования может дать тот материал, который в дальнейшем должен помочь изучению тех или иных исторических процессов.

Вопрос о связи угорского орнамента с более древними орнаментами известными по археологическим источникам, и проблема историческо-преемственности этого орнамента также не привлекали к себе внимания прежних исследователей².

В настоящее время советская наука, накопившая значительный материал по этнографии и искусству народов Сибири, опираясь на методологию марксизма-ленинизма и углубляя свою работу на основе той широкой программы исторических исследований, которая содержится в замечательной работе И. В. Сталина, посвященной вопросам языка, культуры, литературы, располагает всеми возможностями для постановки и решения ряда новых проблем, далеко выходящих за узкие рамки старой эмпирической науки, обычно рассматривавшей явления человеческой культуры в исторической статике, в отрыве от истории.

Привлекая для решения проблем, связанных с происхождением племен и народов, все виды исторических источников, а также данные антропологии, наша наука может и должна использовать в своих целях и те выводы, к которым приводит изучение различных видов художественного творчества, в частности народного орнамента.

Приступая к анализу орнамента того или иного народа в историческом плане, прежние исследователи обычно начинали эту работу с прослеживания происхождения и эволюции отдельных его мотивов и элементов, которые в дальнейшем сравнивали с родственными им мотивами орнамента других народов. Таким путем они устанавливали эволюционные ряды, в которых располагали мотивы, начиная от простых и кончая наиболее сложными. Подобного рода прием иногда давал положительные результаты, поскольку помогал раскрытию этапов развития тех или иных мотивов, но он не может быть нами положен в основу анализа орнамента, так как в таких случаях у исследователя нет полной уверенности в том, что тот или иной, выбранный им в качестве простейшего мотив действительно является исходным, лежащим в начале серии последующих, более сложных мотивов. Поручиться за правильность реконструкции таких эволюционных рядов нельзя. Они могут оказаться не более, как плодом фантазии ученого, в особенности в тех случаях, когда исследуется геометрический орнамент.

Всем, кто занимался изучением орнамента, хорошо известно, что простейшие мотивы могут оказаться не только первичными, но и позднейшими, представляющими собой результат распада или упрощения более сложных орнаментальных форм. Чтобы убедиться в первичности такого рода мотивов, необходимо, исследуя их в историческом развитии, привлекать для этой цели имеющиеся археологические источники. Нельзя упускать из виду и тот общеизвестный факт, что сходные и даже одинаковые мотивы нередко возникали и возникают у народов, говорящих на разных языках и живущих на значительном расстоянии друг от друга. Сравнивая такие мотивы между собой и ошибочно предполагая их генетическую связь, легко сойти с пути исторического анализа и углубиться в область бесплодных формалистических упражнений.

С другой стороны, нужно иметь в виду, что некоторые, несходные на первый взгляд, орнаментальные мотивы у различных, притом далеко жи-

² В 1941 г. В. Н. Чернецов впервые высказал мысль о том, что орнамент обских угров уходит своими корнями в андроновскую культуру («Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. IX, 1941, стр. 132). Эта мысль развита была им позже в статье «Орнамент ленточного типа у обских угров» («Советская этнография», 1948, № 1). См. также тезисы В. Н. Чернецова «К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы», опубликованные в «Тезисах докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований», М., 1951, стр. 29.

вущих друг от друга народов, могут иметь общий источник в прошлом и оказаться родственными.

Таким образом, те или иные отдельно взятые мотивы бытующего орнамента, так сказать, вырванные из «контекста», еще недостаточны для установления их исторической преемственности от аналогичных более древних по времени мотивов, равно как недостаточны и для доказательства родства орнамента одного народа с орнаментом другого народа.

Весьма важное значение имеет для нашей проблемы археологический материал (керамика, изделия из кости, дерева и металла, остатки тканей, вышивок, ковров и т. д.), но в нем существуют в ряде случаев досадные лакуны, охватывающие периоды в несколько столетий, а иногда и тысячелетий, что заставляет относиться к сопоставлению этого материала с этнографическим с известной осторожностью и пользоваться им лишь в рабочем порядке. Если же археологические источники позволяют более или менее отчетливо проследить развитие и историческую преемственность орнамента на протяжении длительного отрезка времени, их значение для этнографии неизмеримо возрастает. Особенно плодотворными сказываются исследования в тех случаях, когда удается установить и доказать непосредственную связь археологического материала с этнографическим.

Углубленное изучение орнамента отдельных народов, предпринятое в последние годы советскими этнографами, показало, что в историческом плане более правильным является анализ не столько отдельных элементов орнамента, сколько его наиболее распространенных мотивов, образующих собой более или менее устойчивый комплекс. Входящие в такой комплекс мотивы принадлежат обычно к одному или нескольким типам, отличным от типов орнамента другого комплекса. Если отдельные мотивы в поисках их аналогий могут вести нас весьма далеко и в разных направлениях, то комплекс мотивов имеет обычно строго очерченные границы — этнические или территориальные — и не является случайным. Если некоторые отдельные сходные или одинаковые мотивы могут быть обнаружены в орнаменте различных народов, то комплекс тех или иных определенных мотивов никогда не повторяется и бывает свойственен какой-либо одной народности или группе родственных или территориально близких народностей. Относительная устойчивость и своеобразие типов орнамента и образуемых ими комплексов позволяют видеть в этих типах и комплексах вполне надежный исторический источник, анализ которого должен приблизить нас к пониманию и решению ряда проблем, связанных с историей отдельных племен и народностей.

Наличие у разных народов двух или более совпадающих типов или комплексов орнамента служит достаточно веским доказательством единства или близости одной художественной культуры к другой. Если к орнаментальным мотивам этого комплекса прибавляются еще совпадающие дополнительные моменты, например цвет, принципы композиции, характер симметрии и другие, то это еще более усиливает вероятность общности художественной культуры ныне разобщенных народов, культура которых в прошлом относилась к одной историко-этнографической области.

Настоящая статья построена на этнографическом материале, относящемся к XIX — XX вв., и почти не затрагивает археологических источников, привлечение которых потребовало бы значительного расширения работы и специального анализа. Задачи, которые ставит перед собой автор, сводятся к тому, чтобы: 1) кратко охарактеризовать состав угорского орнамента; 2) проследить его связи с орнаментом соседних народов; 3) установить черты общности угорского орнамента с орнаментом более отдаленных народов.

Изучение искусства показывает, что в большинстве случаев орнамент того или иного народа не является однородным по своему составу и характеру. Выявление бытующих его типов ставит перед исследователем вопрос о времени их возникновения и о той общественной среде, в условиях которой они сформировались. При этом может оказаться, что различаемые в настоящее время типы восходят к единой основе и представляют собой не что иное, как результат расхождения, отражающий исторические судьбы носителей этих типов.

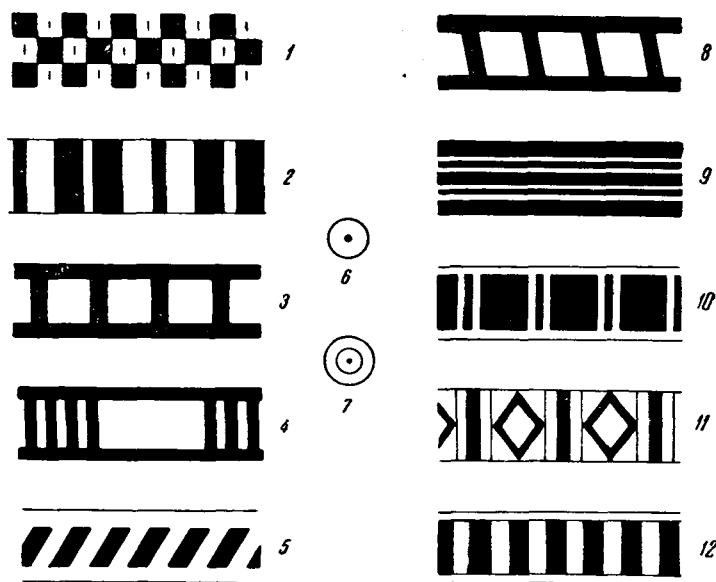

Табл. I. Образцы орнаментов I типа (1—5, 8—9, 11—по Сирелиусу; 6, 7, 10, 12—по коллекциям Музея антропологии и этнографии АН СССР)

С указанных точек зрения несомненный интерес приобретает орнамент угров, представляющий собой весьма стойкий элемент их культуры. Изучение этого орнамента говорит о том, что он включает в себя мотивы, вошедшие в его состав в разное время.

Одним из наиболее древних орнаментов хантов и манси является строго геометрический, простейший по формам орнамент, состоящий из кружков с точкой в центре, концентрических кружков, полос, квадратов, прямоугольников, треугольников и тому подобных фигур. Этот орнамент был разработан древнейшим населением Зауралья и имеет общие черты с орнаментом народов крайнего северо-востока Азии. В настоящее время он не характерен для художественной культуры хантов и манси. Циркульный орнамент встречается на изделиях из кости, остальные мотивы — на предметах из меха, сукна и бересты (одежда, сумочки, посуда) (табл. I). Можно предполагать, что указанный орнамент разработан был местным населением еще до формирования на территории Зауралья угорских племен. Отнесем этот орнамент к I типу.

Кроме него, в составе угорского орнамента насчитывается четыре других типа (II, III, IV и V).

II тип, северный, встречается на изделиях из меха, сукна и бересты, III и IV, южные, — в вышивке и в бисерных украшениях. II и III типы включают в себя только геометрические мотивы, IV тип наряду с геометрическими — много изображений птиц и деревьев. V тип, исчезающий, характерен для изделий из дерева и кости, отчасти из бересты.

Он включает в себя треугольники, пересеченные квадраты и прямоугольники.

Остановимся сначала на V типе. Подобно I типу он, кроме угров, известен многим народам Сибири, преимущественно Западной. Треугольно-выемчатые треугольники еще недавно широко применялись в резьбе по дереву у соседних с уграми кетов, селькупов и ненцев, а также у хакасов и чулымских татар; изредка подобные же треугольники можно было встретить в резьбе шорцев, тофаларов (карагасов) и тувинцев-оленьеводов. Перекрещенные квадраты и прямоугольники известны в резьбе по дереву у селькупов, юраков, нганасанов, кетов, долганов, чулымских татар, шорцев, тофаларов, тувинцев, алтайцев, хакасов, якутов

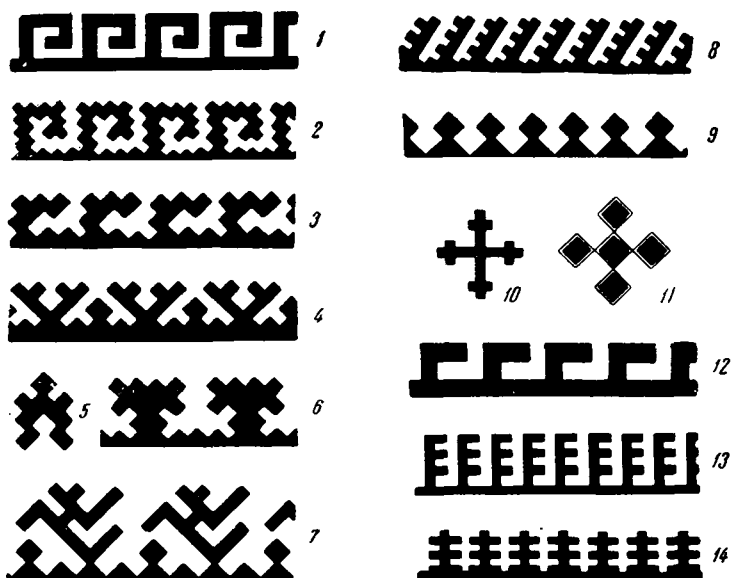

Табл. II. Образцы орнаментов II типа (1, 2, 4, 6, 7, 9 и 10 — по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР; 3, 8 — по материалам А. П. Сушкиной; 5, 11 — по Сирелиусу; 12, 14 — по материалам Б. О. Долгих (эңцы) и А. А. Попова (нганасаны)

и бурят. У эвенков бассейна р. Енисея они встречаются на костяных изделиях. За пределами Сибири, в Европейской части Союза ССР орнамент из трехгранно-выемчатых треугольников и диагонально пересеченных квадратов широко применяется в резьбе по дереву многих народов, например, коми-зырян, удмуртов, народов Поволжья, а также русских. Известен этот орнамент и некоторым народам Средней Азии (киргизы, казахи, горные таджики) (табл. V). Столь широкое распространение указанного орнамента позволяет видеть в нем очень древний тип, в разработке которого принимали участие многие народы, в том числе и предки хантов и манси.

Наиболее характерны для хантов и манси орнаменты II, III и IV типов. Широкоупотребительные мотивы второго (северного) типа представлены на табл. II. Они состоят из меандрообразных фигур (1—3), мотивов, напоминающих рога оленя (4) или лягушку (5), более сложных геометрических мотивов (6—8), квадратов, поставленных на угол и опирающихся на вершину прямоугольного треугольника, так называемых «головок» (9), различной формы крестов (10, 11) и некоторых других мотивов. Большинство их известно тазовским и нарымским селькупам. Фиг. 4, 6, 9 и 10 типичны для ненецкого орнамента. Фиг. 9, 12, 13

и 14 встречаются в орнаменте энцев и нганасанов (тавгийцев), фиг. 5—1 в орнаменте энцев.

Характерную черту большинства этих мотивов составляют их строго геометрические формы, прямолинейность, силуэтность, излом под прямым углом, отростки и основа, состоящая из широкой ленты.

Орнаменты III типа также строго геометрические и по характеру формы близки к предыдущим, но мотивы их другие (табл. III). В состав орнаментов III типа входят квадрат, стороны которого продолжены за его пределы,— так называемая «решетка» (1, 2), вписанные квадраты с

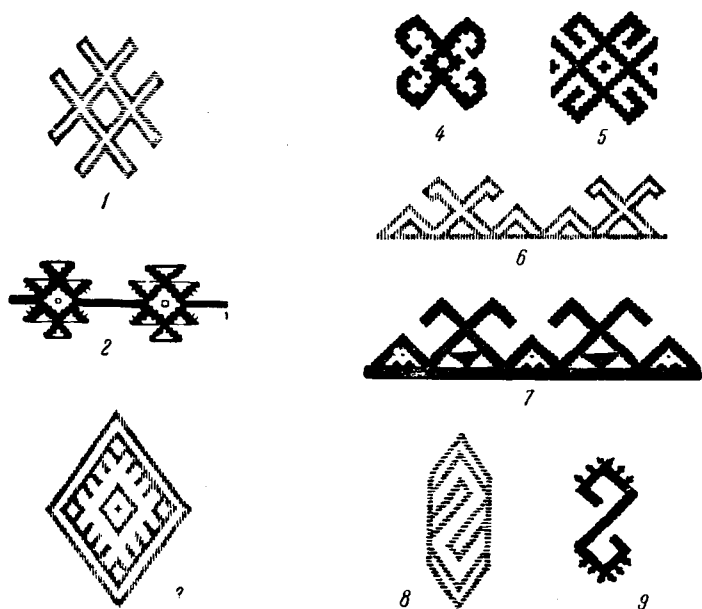

Табл. III. Образцы орнаментов III типа (1, 3, 6, 8— по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР; 2— по изданию „Изделия остяков Тобольской губ.“; 4, 9— по Патканову; 5—7— по Пульски-Фишбах)

отростками на сторонах внешнего квадрата или так называемые решетчатые ромбы (3), различного вида роговидные мотивы (4—7) и S-видные спирали (8, 9).

В IV тип орнамента (табл. IV) входят стилизованные изображения птиц, расположенных по сторонам дерева (1—5), крестообразные фигуры сложного вида (6, 7), восьмиконечные розетки (8, 9) и ступенчатые ромбы (10). Эти мотивы встречаются в вышивке иртышских хантов и кондинских манси.

Для орнаментов II типа, связанных с изделиями из меха и бересты, характерна двухцветность. В подражающих меховым орнаментам узорах из цветных тканей (на одежде) цвета отличаются большим разнообразием и яркостью. Орнаменты III и IV типов полихромны. Среди них преобладают красные и синие цвета, остальные занимают подчиненное место.

Изучение хантыйско-мансийского орнамента позволяет высказать мысль о том, что входящие в его состав четко различимые в настоящее время II (северный) и IV (южный) типы имели в прошлом много общего, особенно по линии геометрических мотивов. На эту близость еще в 1911 г. обращено было внимание составителей коллективной работы «Изделия остяков Тобольской губернии». В этой работе мы читаем: «Сохранившееся до сих пор,— правда уже отдаленное,— сходство не-

которых вышитых узоров с таковыми же из кожи и на бересте делает вероятным, что сперва подражали им и только постепенно научились умению использовать свойства нового материала (имеются в виду нити.— С. И.) для создания новых форм, типичных для него»³.

В этих словах не только выражена мысль о близости тех и других орнаментов, но и содержится предположение о происхождении вышитых мотивов от более древних, сохранившихся на изделиях из кожи и бересты. Решение последнего вопроса представляется, однако, не столь легким; что же касается сходства тех и других геометрических мотивов,

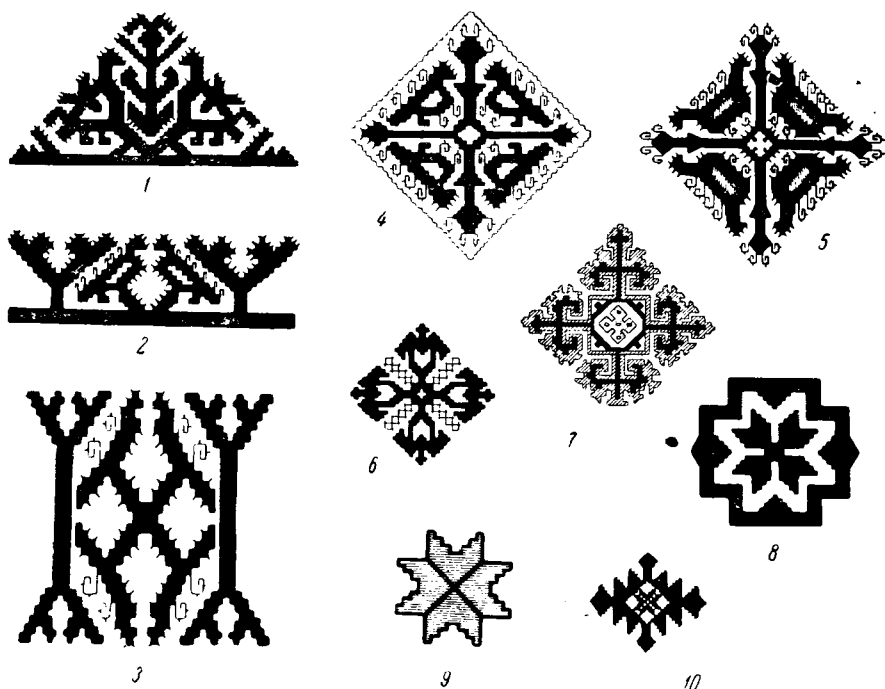

Табл. IV. Образцы орнаментов IV типа (1—9 — по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР; 10 — по изданию «Изделия остяков Тобольской губ.»)

то оно не вызывает никакого сомнения и может быть доказано документально. В настоящее время мы можем уже с уверенностью говорить и о том, что это сходство является не случайным, а обусловлено единым основным фондом тех и других мотивов, т. е. генетически восходит к одному источнику.

Ряд геометрических мотивов северного орнамента имеет те же очертания, что и фигуры деревьев в южном. Эти мотивы у северных хантов нередко носят название «рога оленя», но, допуская их южное происхождение, можно предполагать, что они представляют собой один из элементов распавшегося комплекса, состоявшего из стилизованного дерева и стоящих по его сторонам птиц, повернутых головой или спиной к дереву. Проникнув на север, этот комплекс утратил парные изображения птиц (быть может, удержавшиеся в виде серии изображений птиц, следующих друг за другом в одном направлении, см. табл. II, фиг. 7), но сохранил геометризованные фигуры деревьев. По сходству их с рогами оленя они могли получить и новое название.

³ «Изделия остяков Тобольской губернии», Ежегодник Тобольского музея за 1909 г., вып. XIX, Тобольск, 1911, стр. 59.

Элементы южного орнамента, сходные с северными, представлены на табл. VI, фиг. 1—10. Деревья на фиг. 1—5 этой таблицы близки к север-

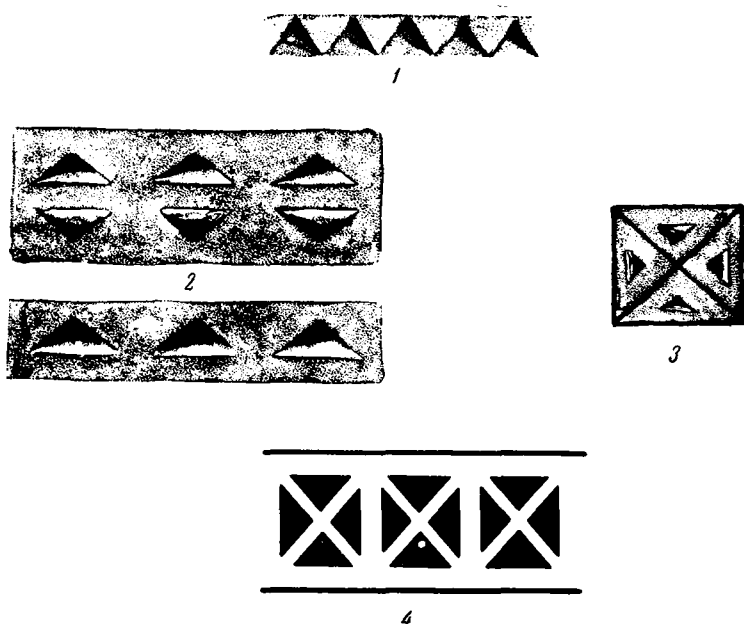

Табл. V. Образцы орнаментов V типа (1 — по колл. Яновича в Антропологическом музее при Моск. гос. ун-те; 2—4 — по Сирелиусу; 5 — по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР)

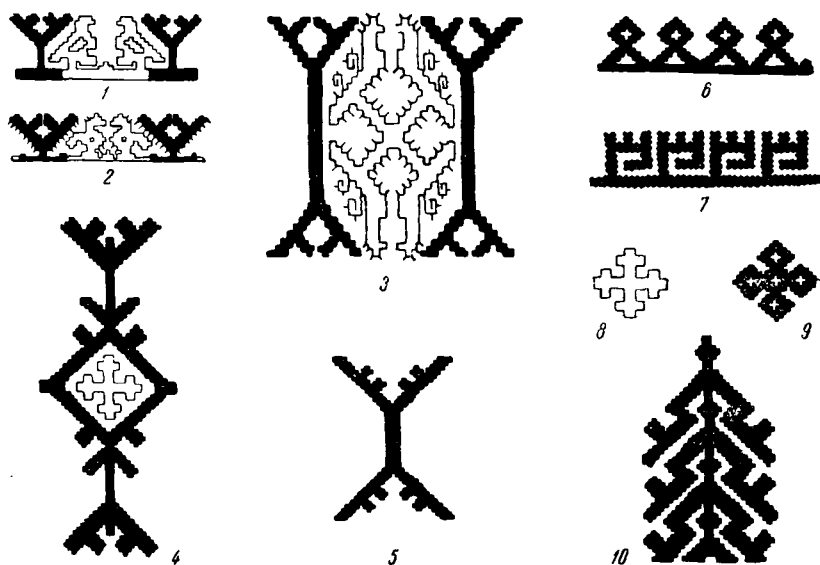

Табл. VI. Мотивы южноугорского орнамента IV типа, совпадающие с североугорскими II типа (1, 2, 4, 7, 9, 10 — по Пульски-Фишбах; 3, 8 — по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР)

ным орнаментам, приведенным в табл. II, фиг. 4; «головки» на фиг. 6 табл. VI повторяют мотив 9 табл. II; меандр на фиг. 7 табл. VI соответствует меандрам на фиг. 1, 2 и 3 табл. II; крестообразные фигуры 8

9 табл. VI сходны с крестами на фиг. 10 и 11 табл. II; фиг. 10 табл. VI соответствует фиг. 5 табл. II. Этот комплекс совпадающих мотивов достаточно убедительно свидетельствует о единой основе целой серии геометрических мотивов южного и северного орнамента.

Предположение о возможности проникновения некоторых мотивов южнохантыйского и южномансийского орнамента на север находит свое подтверждение и в неопубликованной пока работе Н. Ф. Прытковой об одежде хантов. В настоящее время мужская одежда северных хантов глухая, женская же — распашная. Но в прошлом, согласно данным Н. Ф. Прытковой, та и другая одежда была распашной, т. е. по своему покрою не северной, а южной. Это, в частности, доказывается и тем, что еще в начале текущего столетия мужская одежда, употреблявшаяся северными хантами для спанья, была распашной. Не менее интересен и другой факт. Еще в начале XX в. северные ханты хоронили мужчин в женской распашной одежде. Таким образом, одежда северных хантов относилась прежде к южному типу и лишь постепенно была приспособлена к условиям севера. Этот процесс полностью еще не завершился. Женская одежда удержала в своем покрое более древний тип, утраченный мужской одеждой⁴.

Можно предполагать, что вместе с южной одеждой проникали на север и некоторые связанные с ней мотивы орнамента.

Говоря о двух южных типах угорского орнамента, нельзя обойти вопрос об орнаменте барабинцев, о котором, к сожалению, имеются крайне отрывочные сведения. Между тем этот орнамент принадлежал, по видимому, к тому же типу, что и южнохантыйский, и был тем звеном, которое связывало южноугорский орнамент с орнаментами народов Европейской части Союза ССР, в частности с орнаментом народов Поволжья. Так, по замечанию Н. М. Ядринцева, старинная одежда барабинцев была весьма сходна с одеждой марийцев и мордвы⁵. Эта одежда давно уже вышла из употребления, и подробных сведений о ней не имеется. Известно только, что барабинцы, подобно хантам, пряли крапиву и изготовляли из нее холст. Из этого холста женщины шили себе длинные рубахи и украшали их вышитым орнаментом различных цветов. Орнамент располагался около ворота и на подоле. Возможно, что вышивка исполнялась шерстяными нитками, поскольку известно, что барабинцы пряли шерсть и изготовляли из нее грубое сукно. Кроме вышитых рубах, барабинцы носили украшенные орнаментом вязанные чулки⁶. Такие чулки носят и ханты.

Ценное замечание Ядринцева о сходстве культуры барабинцев с культурой народов Европейской части СССР, в частности с культурой народов Поволжья, — не единственное. В «Географическом словаре Российского Государства», составленном в XVIII в. Шекатовым и Максимовичем, в статье о барабинцах говорится, что их «житейские обряды чрезвычайно сходствуют с башкирскими»⁷. О башкирах же известно, что прежде они, так же как южные угры и барабинцы, ткали холст из крапивы и конопли, украшая сшитую из него одежду вышивкой⁸.

Если принять во внимание, что выделка холста из конопли (кендыря) известна была и шорцам, что сшитую из этого холста одежду шорцы покрывали вышивкой, что на шорских и кумандинских тканых поясах и вязаных чулках орнамент весьма близок к хантыйскому⁹, то мы можем говорить о широком распространении в Западной Сибири сходных, а

⁴ Из докладов Н. Ф. Прытковой в секторе Сибири Института этнографии АН СССР в 1947 и 1948 гг.

⁵ Н. Ядринцев, *Сибирские инородцы*, СПб., 1891, стр. 53.

⁶ Шюц, *Татарское племя Сибири*, «Сибирские Ведомости», 1841, № 3—4.

⁷ «Географический словарь Российского Государства», ч. I, М., 1801, стр. 342.

⁸ С. И. Руденко, *Башкиры*, ч. II, Л., 1926, стр. 285.

⁹ Коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР: шорцы, № 2334-72, 153; кумандинцы, № 3334-153.

иногда и теждественных форм и типов орнамента, характерных для вышивки, тканья и вязания. Южная и восточная границы этого орнамента прослеживаются здесь довольно отчетливо.

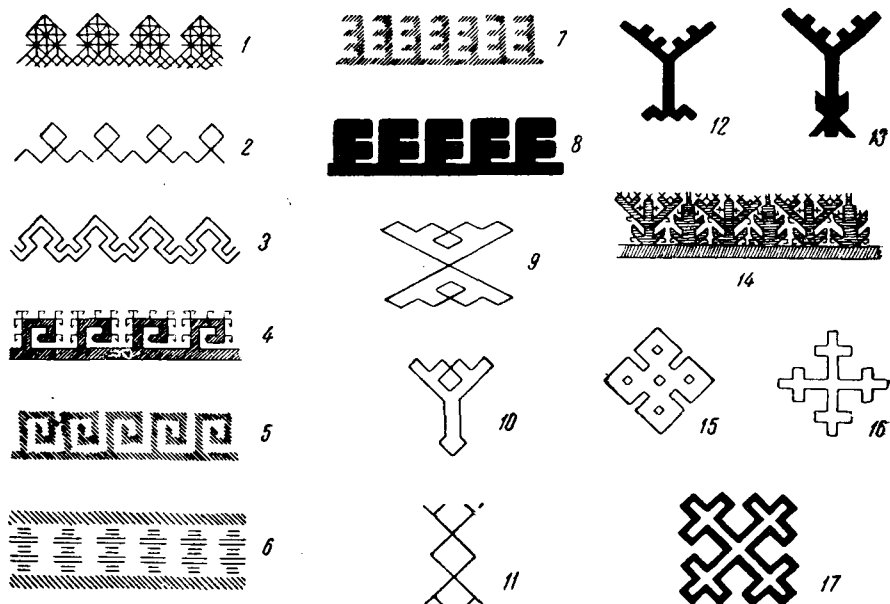

Табл. VII. Мотивы орнамента народов Поволжья, совпадающие с североугорским II типа (1—3, 5—7, 10, 11, 15, 17—по Гейкелю (мордва); 4, 9, 14, 16—по Гейкелю (марийцы); 8—по В. Н. Белицер (удмурты); 12, 13—по Г. С. Масловой) (карелы)

Ханты

Мордва

Марийцы

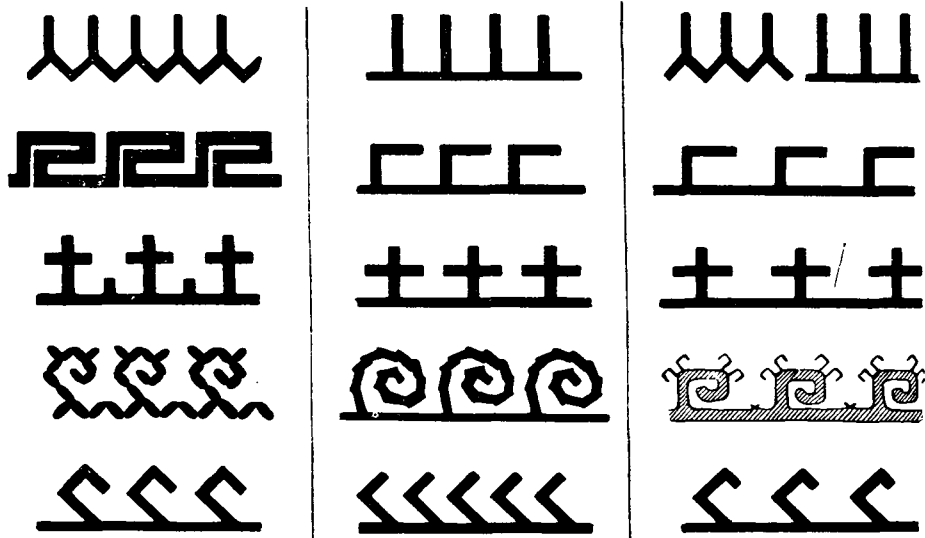

Табл. VIII. Мелкие орнаменты хантов, мордвы и марийцев, употребляемые в качестве контуров для более крупных орнаментальных мотивов (хантыйские орнаменты — по Пульски-Фишбах и по изданию „Изделия остяков Тобольской губ.“; мордовские и марийские — по Гейкелю).

Возвращаясь к вопросу о барабинцах, следует указать, что часть их (северные) по своему культурному облику была близка к северным хантам. Эта группа вела кочевой образ жизни, занималась охотой и име-

да оленей. Жилищем служили землянки. Не исключена возможность, что в состав барабинцев частично вошли угры, подвергшиеся впоследствии тюркизации¹⁰.

Предполагая близость южноугорского орнамента к барабинскому (в вышивке), мы не можем присоединиться к мнению авторов работы «Изделия остяков Тобольской губернии» о том, что «приобретенное остяками от своих южных соседей — татар умение прясть и ткать дало возможность перехода к вышиванию нитками»¹¹. Не отрицая заимствования хантами некоторых видов одежды и украшений от сибирских татар (головная повязка «саравать», треугольная косынка и др.), мы не находим в угорском орнаменте никаких мотивов, которым соответствовали бы мотивы татарской вышивки. Об этом, кстати, говорят и упомянутые авторы. «Интересно,— пишут они,— что у тобольских татар... вышивки, подобные остяцким, по крайней мере в настоящее время, совершенно не встречаются»¹².

Если бы до знакомства с татарами южные ханты не имели своей вышивки, то, восприняв последнюю, они вместе с ней заимствовали бы от татар и самый термин «вышивка». Между тем хантыйское название для вышивки «ханч», «ханч(и)», «ханши» не имеет ничего общего с татарским словом «чигу»¹³, имеющим то же значение. Можно, следовательно, предполагать, что вышивка была известна южным хантам и манси до непосредственного контакта их с тобольскими татарами¹⁴. В то же время следует указать, что в орнаменте казанских татар имеются мотивы, сходные и даже одинаковые с мотивами III типа угорского орнамента.

Те же барабинцы, повидимому, представляли собой звено, связывавшее художественную культуру южных хантов и манси с искусством северных алтайцев (кумандинцев) и шорцев, в котором встречаются мотивы, общие с мотивами III типа угорского орнамента.

Рассмотрим теперь вопрос об отношении II, III и IV типов угорского орнамента к орнаменту других народов.

Выше уже отмечалось, что целый ряд геометрических мотивов, относимых нами ко II типу, известен ненцам, нганасанам, энцам (енисейским самоедам) и селькупам (остяко-самоедам). Далее на восток этот орнамент не встречается, но к западу от Урала он прослеживается у марийцев, мордвы, тверских карел и, отчасти, удмуртов, что говорит о близости в прошлом художественной культуры хантов и манси к культуре народов Поволжья. Некоторые мотивы орнамента этих народов, встречающиеся в вышивке и совпадающие с североугорскими, представлены на табл. VII. Среди них мы находим те же «головки» (фиг. 1—3) Г-образные фигуры (4, 5), перекрещенные вертикальные полосы (6), линии с приставленными к ним с одной стороны горизонтальными отростками (7, 8), роговидные фигуры (9—14) и четырехконечные кресты

¹⁰ Еще в XVIII в. Лоренц Лянге высказал мысль о том, что «это племя происходит, вероятно, от остяков, которые свое обычное местопребывание имеют у реки Оби» (Н. Катанов, Известия Лоренцо Лянге о Сибири и сибирских инородцах, Ежегодник Тобольского музея, вып. XIV, Тобольск, 1904, стр. 57).

¹¹ «Изделия остяков Тобольской губернии...», стр. 60.

¹² Там же, стр. 65.

¹³ «Татарско-русский словарь», Казань, 1950, стр. 218.

¹⁴ Возможно, что мнение авторов работы «Изделия остяков...» о происхождении хантыйской вышивки от тобольских татар основано на более ранних работах финских ученых Альквиста и Сирелиуса. Сирелиус, обходя вопрос о близости ряда элементов хантыйской культуры к культуре барабинцев, полагал, что ткацкое искусство заимствовано было южными хантами и манси от тобольских татар. Сирелиус ссылается при этом на сходство угорского ткацкого станка и способа ткачества с таковыми же у тобольских татар и приводит отмеченные Альквистом некоторые татарские термины, имеющие отношение к ткацкому станку (У. Сирелиус, Домашние ремесла остяков и вогулов, Ежегодник Тобольского музея, вып. XV, за 1905 г., Тобольск, 1906, стр. 38). Но эти термины могли попасть в угорские языки не только от тобольских татар, но и от других тюркоязычных народов.

(15—17). «Головки» характерны также для орнамента коми-зырян¹⁵ и саамов¹⁶.

Заслуживает внимания, что ряд мотивов, принадлежащих ко II (северному) угорскому типу, встречается в вышивке народов Поволжья в качестве дополнительных орнаментов, окаймляющих более крупные узоры других типов. Эти окаймления, или контуры, иногда полностью совпадают, что, конечно, не может рассматриваться как явление случайное. Среди элементов, образующих окаймление, мы видим вертикальные стежки, отходящие от прямой или зигзаговидной линии, прямо и наклонно поставленные Г-образные фигуры или крючки, простые кресты и завитки (табл. VIII).

III (южный) тип угорского орнамента (геометрического) встречается в настоящее время в Сибири только у некоторых народов Северного Алтая (шорцев, кумандинцев), свидетельствуя о прежних культурных связях угров с населением Алтая. Наоборот, у народов Европейской части Союза ССР этот орнамент распространен очень широко. Мы находим его у коми-зырян, коми-пермяков, карел, удмуртов, бесермян, мордвы, марийцев, чувашей, башкир, русских, частично — у казанских татар и т. д.¹⁷, главным образом в узорном тканье, вышивке и вязании. Отдельные мотивы этого типа, например, решетка, встречаются и в орнаменте саамов¹⁸. У большинства перечисленных народов указанные орнаменты образуют более или менее устойчивый комплекс и, несомненно, восходят к глубокой древности.

Характерные для современного IV (южного) типа угорского вышитого орнамента розетки, звезды, ступенчатые ромбы, сложные кресты и фигуры парных птиц, расположенных по сторонам дерева, их форма, а также окраска и композиционные приемы расположения фигур, находят себе прямые аналогии в орнаменте чувашей, башкир и карел. Изредка парные птицы встречаются в орнаменте марийцев, сходны с ними и некоторые мотивы старинного мордовского орнамента (см. табл. IX). Восьмиконечные розетки характерны также для орнамента удмуртов, ступенчатые ромбы — для удмуртов и коми-пермяков¹⁹.

С Поволжьем южных угров связывает не только орнамент на одежде, но также туникообразный покрой рубах, фальшивый разрез на них

¹⁵ См. табл. II, фиг. 2 в работе J. Wichmann «Kurzer Bericht über eine Studienreise zu den Syrjänen 1901—1902», Journ. de la Société Finno-Ougrienne, XXI, Helsingfors, 1903.

¹⁶ Колл. Гос. музея этнографии, № 4848.

¹⁷ В. Н. Белицер, Народное изобразительное искусство коми, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. X, М.—Л., 1950, рис. 1-а, 2-а; J. Wichmann, Kurzer Bericht über eine Studienreise zu den Syrjänen 1901—1902, табл. II и III; Г. С. Маслова, Народный орнамент верхневолжских карел, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XI, М., 1951, табл. XXIV, XXVII-17, LX-3; В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. X, М., 1951, табл. 62 и 63 (там же, бесермянский орнамент, рис. 92 и 55); A. Heikel, Trachten und Muster der Mordvinen, Helsingfors, 1899, табл. XXVI, XXVII, XXIX, XXXIX и др.; его же, Die Stickmuster der Tschéremissen, Helsingfors, 1910—1915, табл. 20—21, CXI, CXLV и др.; «Советская Чувашия», М., 1933, стр. 80, 81; Д. И. Архангельский, Чувашские узоры, Ульяновск, 1925, стр. 9, 16; С. И. Руденко, Башкиры, ч. II, рис. 218-6; Г. С. Маслова, Узорное тканье на русском Севере, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XI, М.—Л., 1950, рис. 1, 2, 3, 5, 7; Н. И. Воробьев, Материальная культура казанских татар, Казань, 1930, рис. 51.

¹⁸ Гос. музей этнографии, колл. № 4848-119.

¹⁹ «Изделия остяков Тобольской губернии»; W. Semayer, Die Tracht der Ostjaken und ihre Stickereien. Anzeiger der Ethnographischen Abteilung des Ungarischen Nationalen Museums. VI. Jahrgang, 1907, Budapest, 1914; S. Paikanov, Die Irtysch-Ostyaken und ihre Volks poesie, I Teil, St. Petersburg, 1897, таблицы хантыйских вышивок; Pulszky v. Fischbach, Ornamente der Hausindustrie Ungarns, Budapest, 1878, табл. 34—40 (вышивки хантов); Д. И. Архангельский, Чувашские узоры, стр. 8, 11; С. И. Руденко, Башкиры, ч. II, рис. 219-6 и в; 216-6; Т. А. Крюкова, Марийская вышивка, Л., 1951, табл. XXI—3, стр. 23, 52.

спереди²⁰, обшивка подола, разреза и ворота тесьмой домашнего изготовления, наконец, цвета ниток.

Таким образом в Европейской части Советского Союза рассмотренный нами комплекс типов орнамента (II, III, и IV типы) наиболее полно представлен в искусстве чувашей, башкир, марийцев, мордвы, удмуртов, карел, коми и северных русских. В тех или иных вариантах указанный орнамент, его отдельные мотивы и даже типы прослеживаются и у других народов Европейской части Союза, а также у народов Казахстана и Средней Азии.

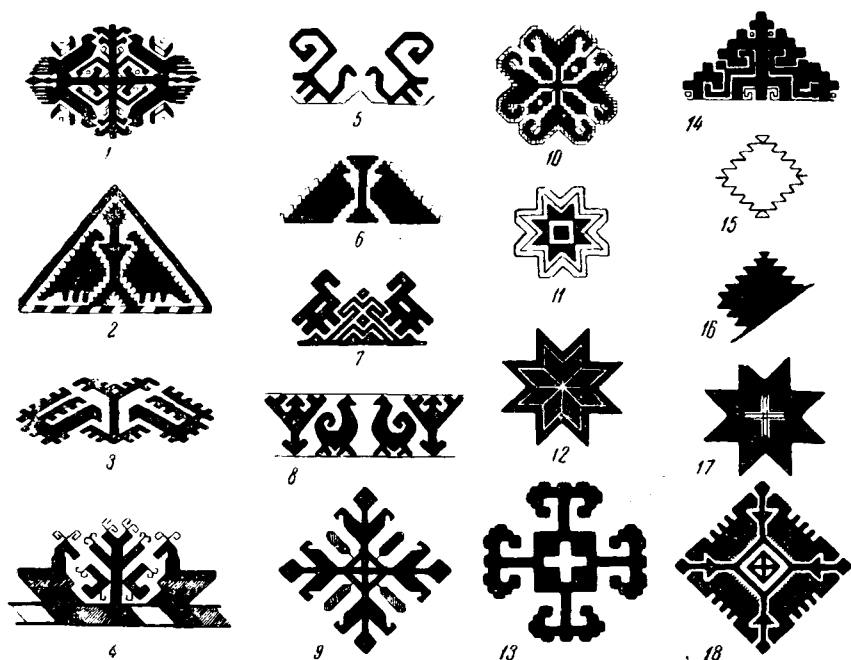

Табл. IX. Мотивы орнамента народов Поволжья, совпадающие с южноугорскими IV типа (1, 9, 13, 18 — по колл. Гос. музея этнографии в Ленинграде) (чуваш); 2 — по С. И. Руденко (башкиры); 4 — по колл. П. С. Палласа в Музее антропологии и этнографии АН СССР (мордва XVIII в.); 5—7, 11, 14 — по Гейкелю (марийцы); 8 — по Т. А. Крюковой (марийцы); 12, 16 — по В. Н. Белицер (удмурты); 10, 15 — по Гейкелю (мордва); 17 — по колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР (карелы); 3 — по Г. С. Масловой (карелы)

Все это позволяет говорить о весьма обширной историко-этнографической области, в пределах которой складывались различные типы орнамента указанного комплекса. В настоящее время мы находим этот орнамент главным образом у народов, говорящих на угорских, самодийских и финских языках, а также у русских и некоторых тюркоязычных народов. Изучение II, III и IV типов угорского орнамента свидетельствует о том, что связи этого комплекса с орнаментом других народов не распространяются в пределах Сибири южнее Северного Алтая и восточнее Енисея. За Уралом эти связи прослеживаются очень далеко и значительно углубляются. Иными словами II, III и IV типы скорее тяготеют к Европейской части Союза ССР, нежели к Сибири.

О связях с Прикамьем свидетельствуют, в частности, и названия некоторых рек. А. Ф. Теплоухов предполагает, что еще в древности (VI—

²⁰ См. Т. А. Крюкова, Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья, Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, вып. XII, М.—Л., 1949, рис. 1 и 2 (мордовские рубахи XVIII в.). Те же рубахи из коллекции Палласа опубликованы в книге А. Heikel «Trachten und Muster der Mordvinen», табл. CXLVIII и CL.

ХII вв. н. э.) предками хантов и манси занесены из Прикамья на Восточный Урал следующие названия рек: Кама (приток Конды), Вачкур, Мотомья, Мулымья, Улья, Лемья, Пупи-е, Касынья. Этим названиям соответствуют в Прикамье названия рек: Кама, Вачкур, Муртым, Бортон, Лолым, Уль, Лемья, Буп и Козым. Из Приуралья же, по словам Теплоухова, ведут свое происхождение и некоторые древние бляхи и фигурки найденные у хантов и манси ²¹.

Выводы, к которым мы пришли, изучая орнамент хантов и манси, согласуются с работами советских этнографов, археологов и антропологов.

Говоря об уральской группе народов, Г. Ф. Дебеч, основываясь на антропологических данных, приходит к выводу, согласно которому «не сомнение в том, что она образовалась при значительном участии европеоидных форм» ²².

О том же уральском антропологическом типе, занимающем промежуточное положение между монголоидной и европеоидной большими расами, М. Г. Левин пишет следующее: «Наиболее характерными представителями являются манси. Он также широко распространен хантов по р. Оби, у западных ненцев, обских селькупов, сибирских татар (особенно у барабинцев), у шорцев, северных алтайцев (кумандинов и тубаларов), хакасов (бельтиров, койбалов)». Согласно М. Г. Левину, черты уральского типа обнаруживаются и далеко к западу от Урала у современного населения Волго-Камья (марийцев, удмуртов, коми пермяков). Начало смешения антропологических типов азиатского и европейского происхождения советские антропологи относят к древнейшим этапам заселения человеком лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири ²³.

Палеоантропологические материалы, относящиеся к различным историческим эпохам (от неолита до средневековья), свидетельствуют о том, что «народы угрофинской языковой группы складывались на основе населения, неоднородного в расовом отношении» ²⁴.

Согласно исследованиям Н. Н. Чебоксарова, в эпоху формирования культуры лесных рыбаков и охотников предки современных угрофиннов входили в урало-сибирскую историко-этнографическую область. В нее входило и то древнее население Обь-Енисейского бассейна, которое в дальнейшем приняло участие в этногенезе селькупов, кетов, шорцев, алтайцев и хакасов. Древние угрофинны, переходившие от охоты и рыболовства к скотоводству и земледелию, связаны были также с соседними племенами Восточной Европы. Часть угрофиннов осваивала Зауралье бассейна Оби, другая часть постепенно проникала на север в пределы Волго-Камья. Здесь некоторые группы древних угрофиннов вошли впоследствии в состав чувашей, башкир, и татар ²⁵.

В. Н. Чернецов на основании археологических данных относит постепенное проникновение лесных и горных угорских племен в Западное Приуралье и Прикамье к эпохе бронзы ²⁶.

²¹ А. Ф. Теплоухов, О древнем шаманском изображении из бронзы, бытовавшем на Конде среди вогул и остяков, «Советская археология», вып. IX, М.—Л., 1948, стр. 244.

²² Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Камчатской области, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVII, М., 1951, стр. 94.

²³ М. Г. Левин, Древние переселения человека в Северной Азии, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVI, М., 1951, стр. 488, 489.

²⁴ Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы. Тезисы совещания по методологии этногенетических исследований (изд. Ин-та этнографии АН СССР), М., 1951, стр. 5.

²⁵ Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы, стр. 3, 6—8.

²⁶ В. Н. Чернецов, К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 29.

В связи с изложенным большой интерес представляет вопрос об относительной хронологии выявленных нами типов угорского орнамента, однако окончательный ответ на него может быть получен только после широкого и глубокого исследования не только собственно угорского орнамента, но также и орнамента всех тех народов, с которыми он этнически связан. Значительную помощь в этой работе должно оказать изучение археологических источников. На данном этапе можно высказать по затронутому вопросу лишь некоторые предварительные соображения.

Отмеченный выше I тип угорского орнамента (табл. 1), в который входят простейшие мотивы в виде прямоугольников, полос и зигзагов, исходит, повидимому, к эпохе неолита. Циркулярный орнамент условно может быть датирован концом неолита или началом бронзы.

Типы II (сохранившийся на изделиях из меха и бересты), III (в вышивке, вязании и тканье) и V (в резьбе по дереву и кости) можно отнести к эпохе бронзы. В эту эпоху так называемая андроновская керамика, в большом количестве найденная на территории Казахстана, Минусинских степей, Тобола и Южного Прикамья²⁷, дает уже ряд мотивов, близких ко II, III и V типам современного угорского орнамента (треугольники, Г-образные фигуры, различного рода крючки и т. п.). Сходные мотивы имеются и на костяных изделиях из Салехарда, также относимых к эпохе бронзы²⁸.

Наиболее поздним по времени своего возникновения является, с нашей точки зрения, орнамент IV типа (табл. IV), включающий восьмиконечные розетки и мотив предстоящих у дерева птиц²⁹. Появился он, повидимому, в период развитой бронзы, а может быть и в начале эпохи железа.

В итоге мы приходим к заключению, что угорский орнамент представляет собой сложное и разновременное образование, слагавшееся на протяжении многих тысячелетий и постепенно принимавшее формы, характерные для его современного состояния. По своим мотивам этот орнамент нельзя рассматривать как нечто изолированное, ограниченное областью распространения хантов, манси, а также народов самодийской группы. При всем том стиливые черты его образуют определенное единство, характерное для угров и в известной степени для самодийских народов.

Развиваясь, указанный орнамент отражал на себе различные этапы становления угорских племен и их связи с другими угро-финскими племенами, а также с иноязычными соседними и более отдаленными племенами и народами.

²⁷ М. П. Грязнов, Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, Сб. «Казаки», изд. АН СССР, Материалы особого комитета по исследованию союзных автономных республик, вып. 15, Л., 1927; С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927; Л. Н. Бадер, Археологические памятники Прикамья, Молотов, 1950; см. также Л. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды Гос. ист.-арх. музея, вып. XVII, Археологический сборник, М., 1948.

²⁸ Коллекция Музея антропологии и этнографии АН СССР, № 5331-1806 и др.

²⁹ У народов Поволжья, кроме птиц, встречаются также фигуры оленей, коней и диких животных, расположенных по сторонам дерева.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. В. КНОРОЗОВ

ДРЕВНЯЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

ОТ РЕДАКЦИИ

В течение ста лет ученые Западной Европы и Америки пытаются расшифровать древнюю письменность народа майя. Большая часть рукописей майя была уничтожена испанскими монахами-изуверами XVI в. Случайно уцелевшие три рукописи хранящиеся теперь в музеях Европы, и множество надписей на древних храмах майя — вот все, что осталось из памятников этой письменности. Неоднократные попытки прочесть эти ценнейшие памятники истории древней Америки были без успеха. Большинство ученых подходило к расшифровке без учета истории культуры народа майя, делая совершенно невозможные и ненаучные сопоставления и предположения о родстве этой письменности с письменностью народов Древнего Востока. Немногие серьезные ученые, занимавшиеся этим вопросом, подходили к проблеме дешифровки, основываясь на идеалистических взглядах на историю общества, и исходили из предположения об идеографическом характере письма.

Ю. В. Кнорозов подошел к проблеме дешифровки по-новому. Основываясь на марксистско-ленинском учении о развитии общества, он отверг все предположения своих предшественников о путях развития иероглифического письма. Знакомство с древнеегипетской и китайской иероглифическими системами письменности дало ему возможность уловить основные принципы развития иероглифического письма, в частности, понять основу системы иероглифики майя. В настоящей статье Ю. В. Кнорозов излагает принципы расшифровки письменности майя и дает основу для чтения надписей и рукописей майя.

Значение работы Ю. В. Кнорозова трудно переоценить. Только советский ученый, вооруженный марксистско-ленинской методологией и знанием законов общественного развития, мог сделать такой значительный шаг в разрешении проблемы, над которой столько времени безуспешно трудились буржуазные ученые.

Индейцы майя, создавшие письменность на рубеже нашей эры, являются одним из крупнейших народов современной полуколонизированной Латинской Америки; они распадаются на несколько групп, говорящих на родственных диалектах.

В древности майя образовывали ряд мелких городов-государств, во главе которых стояли наследственные правители, знать (*señores* испанских авторов) и жрецы. Население состояло из зависимых от «сеньеров» общинников и рабов. Древние города майя насчитывали до 40 000 жителей. Ремесла и торговля были значительно развиты. По словам Д. Ланда, юкатанские майя вывозили соль, ткани и рабов. Архитектура, скульптура, живопись и другие виды искусства, судя по дошедшим образцам, достигли высокой степени совершенства.

В первые века нашей эры у майя уже был ряд крупных городов; наиболее значительные из них Тикал, Паленке и Копан. В X в. три юкатанских города-государства, Майяпан, Чичен-Ица и Ушмал, образовали конфедерацию (так называемая «Майяпанская Лига»). Два столетия спустя правитель Майяпана Хунак Кель победил правителя Чичен-Ицы Чак-Шиб-Чака и захватил власть в свои руки, опираясь на мексиканских наемников (так называемая «тирания Кокомов»). Гегемония Майяпана окончилась разрушением его соединенными силами знати во главе с правителем Ушмала.

Вторгшиеся в Юкатан испанцы застали там враждующие мелкие государства. Междоусобная борьба явилась главной причиной успехов завоевателей. Тем не менее, хотя и порознь друг от друга, мелкие государства майя героически сопротивлялись. Первые попытки высадки испанцев (1517) были отбиты, несмотря на огонь испанской артиллерии. Десант Франсиско Монтехо, уже получившего от испанского короля титул губернатора Юкатана, вскоре после высадки (1527) принужден был позорно бежать от восставших индейцев. Только сыну Франсиско Монтехо удалось покорить Юкатан, ослабленный новыми внутренними войнами и страшным голодом (1541—1559). Сопротивление продолжалось и после завоевания и подавлялось зверскими расправами. Последнее независимое государство майя Тайясаль (Гватемала) было завоевано в 1697 г. Земли и население завоеватели разделили по своим поместьям. Невыносимый гнет вызывал неоднократные восстания. Особенно крупным было восстание 1847 г. (так называемая «война рас»).

Древняя культура майя является предметом особого внимания со стороны ученых США. Особенно за последние годы всячески рекламируется высокий уровень древнеамериканской цивилизации, в сравнение с которой не может идти якобы не только Древний Восток, но и классическая Греция. Таким образом, делаются попытки установить «приоритет» древнеамериканской цивилизации во всем мире. При этом, разумеется, ученые США старательно подчеркивают, что современные майя совершенно выродились и оказались не в состоянии удержаться на уровне своих великих предков». Истинными их преемниками являются, надо полагать, ... англо-саксы! С другой стороны, увлечение древней культурой майя объясняется стремлением ряда ученых уйти от современности в призрачную область «самой блестящей в мире цивилизации» и мало чем отличается от увлечения буддизмом, суфизмом, спиритизмом и прочей мистикой. «Наша собственная культура — говорит Томпсон, — противоположна культуре майя; материально она имеет бесконечные богатства и возможности, но духовно она безнадежно истощена»¹. В руках ученых США древняя культура великого народа превращается в теолого-астрологическую галиматью. Так, по мнению крупнейшего специалиста Морли, древняя культура майя сводится к теологии, в которой они достигли всяческих совершенств, в отличие от инков, более увлекавшихся делами государственного устройства. Томпсон находит, что «ритм времени очаровал майя»², почему они и занимались в основном разработкой священного календаря, представлявшего собой, по Томпсону, настоящую «симфонию времени». В действительности жреческий календарь майя (комбинация более древнего циклического летоисчисления и летоисчисления по эре) решительно никаких сверхъестественных черт не имеет, а принцип согласования солнечного года с 13-дневной «неделей» с другими циклами ничем не отличается, например, от «вруцелета», употреблявшегося для определения даты подвижных христианских праздников.

¹ J. E. S. Thompson, *Maya Hieroglyphic Writing. Introduction*. Carnegie Institution of Washington, Publ. 589, Washington, 1950, стр. 296.

² Там же, стр. 1.

Реакционная сущность подобной трактовки древней культуры майя, используемой в целях всякого мракобесия, совершенно ясна.

2

В 1561 г. франсисканский провинциал³ Диэго де Ланда устроил в древней столице Юкатана г. Мани ауто-де-фе, на котором сжег книги народа майя. «Мы нашли у них большое количество книг, — пишет Ланда, — и так как в них не имелось ничего, кроме суеверий и лжи дьявола, мы все их сожгли, о чем они удивительно сожалели». Отосланный в Испанию за узурпацию прав епископа и инквизитора Ланда вновь возвратился в Юкатан через 12 лет. За это время он написал «Сообщение о делах в Юкатане», где приводит некоторые подробности о сожженных им книгах.

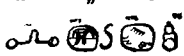
По словам Ланда, письменность была достоянием исключительно жрецов. «Некоторые знатные сеньеры знали эти науки из любознательности и поэтому были еще более уважаемы, хотя никогда не пользовались этим публично». Жрецы майя «заботились о службе в храмах, обучении наукам и писании книг». «Науки, которым они обучали были: счет лет, месяцев и дней, праздников и церемоний, управление их святынями, несчастные дни и периоды, способы гадания и пророчества, события, лекарства против болезней, их древности, умение читать, и г. т. д. буквами и знаками, которыми они писали, и фигурами, которыми объясняли письмена».

«С я писали свои книги на большом листе, согнутом складками, который сжимали между двумя дощечками, сделанными очень красиво. Они писали с одной и с другой стороны столбцами, следуя порядку складок; эту бумагу они делали из корней одного дерева и покрывали ее белым лаком, на котором можно хорошо писать».

«Эти люди употребляли также определенные знаки или буквы, которыми они записывали в своих книгах свои древние дела и свои науки. По ним, по фигурам и некоторым знакам в фигурах они узнавали свои дела, давали знать и обучали».

«Из их букв я помещу здесь азбуку (un a, b, c); их громоздкость не позволяет больше, ибо они употребляют для всех согласных (las aspiraciones) буквы из одного знака (de un caracter) и затем, для соединения частей, — другой, и таким образом делается in infinitum, как можно видеть в следующем примере. „Lé“ значит „петля“ и охотиться с ней; чтобы написать это их знаками, хотя при произношении нам слышатся две буквы, они писали тремя, помещая к согласной „l“ гласную „e“, которую она имеет перед собой. И в этом они не запутываются, хотя употребляют их, если пожелают, по своей прихоти. Пример: Затем в конце они приписывают соединительную часть (la parte junta). „Ha“ значит „вода“; так как [буква] hache имеет a, h, они помещают сначала впереди „a“, а в конце следующим образом:

 Они также пишут по слогам (a partes), но одним и другим способом; я не поместил бы здесь и не трактовал бы об этом, если бы не хотел дать полный отчет о делах этого народа.

„Mainkati“ значит „я не хочу“; они это пишут по слогам следующим образом:

³ Должность в монашеском ордена св. Франсиска.

Следует их азбука:

букв, которые здесь отсутствуют, недостает в этом языке»⁴.

Кроме того, Ланда приводит двадцать иероглифов дней и восемнадцать иероглифов месяцев.

«Они уже не употребляют ни для чего эти свои знаки, — говорит Ланда, — особенно молодежь, которая восприняла наши». Истребление майяского жречества при неграмотности широких слоев населения привело к быстрому и полному исчезновению всяких следов древней письменности. Литература майя после завоевания написана на их языке испанскими буквами; из иероглифов встречаются только знаки дней и месяцев (книги Чилам Балам). От костров испанской инквизиции уцелело всего три рукописи майя, вывезенные в Европу первыми завоевателями — Дрезденская, Мадридская и Парижская (как их называют по месту хранения)⁵. Содержание их, к сожалению, теолого-астрологическое, и особенного интереса они не представляют.

Археологическими экспедициями XX в. открыто громадное количество надписей на стелах, алтарях, стенах зданий, керамике, статуэтках и т. п. в целом ряде древних городов майя, лежавших в развалинах задолго до испанского завоевания. Древнейшие датированные надписи майя восходят к началу III в. н. э. Таким образом, памятники письменности майя (а также некоторых соседних народов, взаимодействовавших у майя письмо) охватывают громадный промежуток времени более тысячелетия, большую территорию (от штата Вера Крус до Сальвадора) и имеются в достаточном количестве, чтобы служить солидным историческим источником. Они являются почти единственными памятниками письменности на континенте Америки до Колумба, поэтому историческое значение их особенно велико.

3

Изучение письменности майя началось сто лет назад. Уцелевшие рукописи были изданы Кингсборо в 1831—1848 гг.⁶ Рукопись Ланда опубликовал Брассер де Бурбур в 1864 г. Авторы второй половины XIX в. исходили из «теорий» заселения Америки десятью племенами Израиля, выходцами из Египта через Атлантиду, и т. п. Ле-Плонжон предположил обратное заселение из Америки и даже нашел в Юкатане могилу Авеля. Поскольку авторы этого направления так или иначе связывали майя с народами Древнего Востока, они пытались искать прямые аналогии между знаками майя и египетскими, греческими и другими, разумеется, безуспешно. Объективной заслугой этого на-

⁴ D. de Landa, Relation des choses de Yucatan, Paris, 1864, гл. XLI и VII.

⁵ Впрочем, практичные американцы сфабриковали несколько десятков подделок рукописей майя, продавая их научным организациям по баснословным ценам. Подделываются не только майяские, но и древние испанские рукописи. Одну из таких подделок Гейтс, не разобравшись, издал в факсимиле (!). См. W. Gates, The Gomesta Manuscript of Maya Hieroglyphs and Customs in Facsimile, Maya Society, Publ. № 7, Baltimore, 1935; F. Bloom, The «Gomesta Manuscript» — a Falsification, Maya Research, vol. II, № 3, 1935).

⁶ E. K. Kingsborough. Antiquities of Mexico. 9 vols. London, 1831—1848. Дрезденская рукопись майя в III томе.

правления было накопление материала. Кингсборо опубликовал рукописи майя и ацтеков в 9 томах in folio. Брассер де Бурбур издал рукопись Ланда, открыл манускрипт Троано⁷ и предпринял первые попытки расшифровки. Ле-Плонжон привлек внимание к текстам на камне.

В это время начал впервые трактоваться вопрос, — какого характера письмена у майя: идеографического или фонетического. У сторонников «фонетического» толкования главным козырем был «алфавит Ланда». На «алфавите Ланда» основывались Брассер де Бурбур, Рони, Шаранс, Ле-Плонжон, Крессон, Боллерт, Томас, Пусс, де Лярошфуко. Однако из попыток применить его к чтению текстов ничего не выходило, кроме курьезов. Из оппонентов «фонетического» толкования наиболее крайнюю позицию занял Валентини,⁸ предположивший, что знаки Ланда — просто рисунки предметов, майяские названия которых начинались с нужной Ланда буквы испанского алфавита, и что таким образом «алфавит Ланда» вообще недоразумение. Другие ученые, например Бринтон⁹, заняли «среднюю» позицию, полагая, что письменность майя вообще идеографическая, но изредка могут встречаться фонетические знаки по принципу ребуса (Бринтон называет такого рода письмо «икономатическим»).

В конце XIX в. Шелльхас (Германия) приступил к изучению рукописей майя с совершенно новых позиций. Он занялся сличением текста и рисунков под ним, установив таким образом несколько иероглифов главных богов пантеона майя (при этом, разумеется, оставалось неизвестным, как читался данный иероглиф)¹⁰. Тоззер и Аллен¹¹ тем же способом установили ряд иероглифов животных. Однако возможности такого рода методики оказались ограниченными, и дальнейшего развития она не получила. «Алфавит Ланда» при этом вовсе игнорировался, и предполагался чисто идеографический характер письменности.

За несколько лет до Шелльхаса директор Дрезденской библиотеки Ферстеманн издал комментарий к Дрезденской рукописи¹². Ему удалось установить принцип написания больших чисел у майя и доказать календарно-астрономический характер значительного числа знаков в рукописях. Вскоре были установлены «лицевые» варианты чисел в надписях и стало возможным понимать даты майя. С этого времени внимание ученых переключилось на календарь, и под изучением иероглифов майя стало пониматься изучение календаря. Баудич систематизировал в 1910 г. все предшествующие знания по арифметике, календарю и астрономии майя. Крупнейшие ученые занялись углубленным изучением хронологии, проблемой синхронизации европейскому летоисчислению и т. п. (Зелер, Морли, Томпсон, Спинден, Типл, Эрнандес и др.). Изданное в 1915 г. Морли «Введение в изучение иероглифов майя» вопреки своему заглавию ни о чем, кроме календаря, не трактует. Во время господства этого направления (первое тридцатилетие XX в.) изучение письменности майя зашло в тупик, хотя был введен в научный оборот громадный материал по надписям, развернулось изучение археологии, была установлена стратиграфия.

⁷ Часть Мадридской рукописи.

⁸ P. J. J. Valentini, *The Landa Alphabet; a Spanish Fabrication*. Proceeding of the American Antiquarian Society, Worcester, Massachusetts, 1880, № 75.

⁹ D. G. Brinton, *A Primer of Mayan Hieroglyphics*, University of Pennsylvania, Series in Philology, Literature and Archaeology, vol. III, No 2, Philadelphia, 1895.

¹⁰ P. Schellhas, *Die Göttergestalten der Mayahandschriften*, Dresden, 1897.

¹¹ A. M. Tozzer and G. M. Allen, *Animal Figures in the Maya Codices*, «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology», Harvard University, vol. IV, № 3, Cambridge, 1910.

¹² E. W. Förstemann, *Erläuterung zur Mayahandschrift der Königlichen öffentlichen Bibliothek zu Dresden*, Dresden, 1886.

Типл полагал, что у майя вообще не было никаких знаков, кроме цифровых и астрономических (sic!). Зелер отстаивал чисто идеографический характер письменности, Морли, Спинден и Томпсон допускали наличие ребусных знаков. «Алфавит Ланда» оставался совершенно вне поля зрения. Когда Женэ в 1928 г. переиздал Ланда, он предложил следующий комментарий: во времена Ланда был создан новый «испано-майяский» алфавит, который и приводит Ланда, до этого же майя писали чисто идеографически; что касается примеров начертания слов, то майя писали по непонятной причине не буквы, а названия букв¹³.

С 1930-х годов вновь оживился интерес к рукописям и «алфавиту Ланда». Как мало продвинулось до этого времени их изучение, можно судить по тому, что Вильякорта, издавший рукописи в 1930 г. (Гватемала)¹⁴, комментируя их, не имел других предшественников, кроме Шелльхаса, Ферстеманна и Томаса, писавших на 30 лет раньше.

В 1931 г., через сто лет после опубликования рукописей, появился, наконец, каталог знаков Гэйтса¹⁵. Серьезной критики он не выдерживает, так как составлен в высшей степени непоследовательно, простые знаки и сочетания смешаны, а значительная часть знаков вообще не удостоилась каталогизации, будучи объявлена вспомогательными «аффиксами» при «основном» знаке. Тем не менее известную ценность представляют конкорданции к рукописям и отдельные наблюдения. Сторонник «идеографического» толкования, Гэйтс не привлекал «алфавит Ланда» и пытался толковать ряд текстов как чисто идеографические.

В 1933 г. Ворф, опираясь на вновь извлеченный на свет «алфавит Ланда», попытался толковать тексты как фонетические¹⁶. В полемику с ним вступил Лонг, утверждавший, что майя не имели «настоящего» письма, а только чисто идеографическое «эмбрио-письмо»¹⁷. Через несколько лет безуспешную попытку читать тексты фонетически повторил Вольф (Германия). Ворф выступил еще раз в 1941 г. со статьей, в которой пытается перевести одну фразу из Мадридской рукописи и приводит список якобы фонетических значений ряда знаков¹⁸.

Спинден в обзорной работе «Древние цивилизации Мексики и Центральной Америки» (1922) дает следующий список известных иероглифов майя:

1. 20 иероглифов дней (приведены у Ланда).
2. 19 иероглифов месяцев (приведены у Ланда).
3. Знаки четырех стран света и связанных с ними цветов (установлены Рони в 1876 г.).
4. Знаки периодов времени и лицевые варианты чисел от 0 до 19 установлены Ферстеманном и Гудманом в конце XIX в.).
5. Знаки главных богов (установлены Шелльхасом в 1897 г.).
6. Символы солнца, луны, Венеры, Марса, Юпитера (установлены Ферстеманном).

¹³ D. de Landa, Relation des choses de Yucatan, t. II, Paris, 1928.

¹⁴ J. A. Villacorta a. C. A. Villacorta, Codices Mayas, Guatemala, 1930. Лучшее научное издание рукописей с ценными комментариями.

¹⁵ W. Gates, An Outline Dictionary of Maya Glyphs, Maya Society, Publ. No. 1, Baltimore, 1931.

¹⁶ B. L. Whorf, The Phonetic Value of Certain Characters in Maya Writing, Papers of the Peabody Museum, vol XIII, No. 2, Cambridge, 1933.

¹⁷ C. E. Richard and B. A. Long, Maya and Mexican Writing, Maya Research, vol. II, No. 1, 1935.

¹⁸ B. L. Whorf, Decipherment of the Linguistic Portion of the Maya Hieroglyphs, Smithsonian Institution, Report for 1941, Washington.

7. Некоторые реалистические иероглифы, главным образом знаки жертв (установлены большей частью Тоззером в 1910).

При этом следует иметь в виду, что остается совершенно неизвестным, как читались «установленные» иероглифы. Таким образом, в результате столетней работы известно приблизительно столько же знаков, сколько приведено у Ланда. Последние работы, в том числе Морли (1946) и Томпсона (1950), никаких новых материалов к этому списку не прибавляют, если не считать уточнения ряда календарных знаков «Введение» Томпсона 1950 г. по существу является расширенным повторением «Введения» Морли 1915 г., так как оно почти целиком посвящено календарю. Что касается собственно иероглифики, то Томпсон, подобно Гэйтсу, различает в сочетаниях «основной знак» и «аффиксы» (стр. 37), а знаки подразделяет на «ребусные», пиктографические, идеографические и знаки жестов (стр. 48—50). От прямых высказываний о типе письма у майя он воздерживается и, например, критикуя Ворфа, заявляет, что возражает не против его понимания письма, а против приводимых им примеров чтения (стр. 311). Относительно «алфавита Ланда» он говорит следующее: «Там (т. е. у Ланда.— Ю. К.) был также «ключ» к иероглифическому письму, который послужил источником многих споров. Когда усилия дешифровать рукописи майя при его помощи оказались бесплодными, он был объявлен испанской выдумкой (*fabrication*); вероятно, это не ключ и не мистификация. Кажется, Ланда спрашивал знаки майя для букв испанского алфавита, а информатор рисовал знак с похожим звуком. Так, когда Ланда сказал «*b*» (произносится в испанском «бе»), информатор нарисовал след, символ пути, ибо майяское слово «*be*» (произносится «бе») значит дорога, путь и т. д.» (стр. 28). «Вообще нет также сомнения, что Ланда ошибся в попытке извлечь алфавит майя у своего информатора. Символы майя обычно обозначают слова, изредка, может быть, слоги сложных слов, но никогда, насколько известно, не буквы алфавита» (стр. 46). Впрочем, верный своей эклектической позиции, Томпсон не отрицает полностью значения «алфавита Ланда». Так, толкуя одно из сочетаний как «*such haab*», он ссылается на Ланда, у которого первый знак этого сочетания имеет фонетическое значение «*си*». Однако, поскольку тот же знак фигурирует как название дня Сауас и в иероглифах месяцев (названия которых не имеют слога «*си*»), Томпсон не находит ничего лучшего, как выделить два варианта этого знака, один с «виноградным» элементом для иероглифов дня и месяцев, другой без такового (стр. 267). Замечательно, что Томпсон решился признать фонетическое значение знака *ti*¹⁹, наткнувшись на такие случаи, когда решительно никакого другого значения подвести под него было нельзя (см. последний знак в третьем примере Ланда).

Резюмируя многочисленные попытки дешифровки в течение столетия, в которых принимали участие ученые США, Франции, Англии, Германии, Мексики, Гватемалы и других стран, П. Шелльхас выступил в 1945 г. со статьей под меланхолическим названием: «*Die Entzifferung der Mayahieroglyphen ein unlösbares Problem? Ein Rückblick*»²⁰, в которой высказывается за принципиальную невозможность расшифровать письменность майя²¹.

¹⁹ Правда, только для тех случаев, когда он является «префиксом» (стр. 251).

²⁰ «*Ethnos*», 1, 1945. Первая работа по дешифровке самого Шелльхаса появилась в 1897 г.

²¹ В моем обзоре не упомянуты многие другие авторы, писавшие о иероглифике майя; перечисление их ничего не может добавить к охарактеризованным выше попыткам дешифровки.

Глубокомысленные высказывания Бринтона, Лонга, Морли, Томпсона и других ученых дешифровщиков США относительно «икономатического», «ребусного», «эмбрио»-письма и т. д. вызваны отсутствием у них самых минимальных эмбрио-представлений о иероглифике вообще.

Спор о том, какая у майя система письма — идеографическая или фонетическая, основывается, конечно, на определенной концепции развития письма. Хотя американские ученые полвека назад отказались от прогрессивного для того времени буржуазного эволюционизма, но поскольку как в теории письменности, так и в других областях знания ничего более убедительного у них не появилось, им приходится прибегать к официально опровергнутому и отвергнутому эволюционизму. Морли в своей последней работе «Древние майя»²² излагает эволюцию письма следующим образом (гл. XII):

1-я стадия — пиктографическая, когда предмет или идея передаются рисунком, причем под рисунком ничего, кроме изображенного предмета, не подразумевается; пример: Альтамира;

2-я стадия — идеографическая, когда идея или предмет передается знаком, не имеющим сходства либо имеющим отдаленное сходство с ним; пример: китайская иероглифика;

3-я стадия — фонетическая, когда знак утрачивает всякое сходство с первоначально изображаемым предметом и обозначает только звук. При этом первоначально появляются слоговые звуки (типичным представителем этого этапа является, по Морли, египетская иероглифика), впоследствии — алфавитные (например, финикийские, греческие и т. д.)

Это не что иное, как тэйлоровская схема эволюции письма. Ни в какой мере она фактическому развитию письма не соответствует.

Во-первых, если уж обращаться к палеолиту, то идеографические знаки, вполне удовлетворяющие определению Морли, встречаются с того же времени, что и «пиктографические», т. е. рисунки (например, точки и «знаки пола» около изображений животных и без них на плитах из ориньякских слоев Ля Феррасси). Во-вторых, системы письма, состоящей исключительно или в основном из идеографических знаков, вообще никогда не было в употреблении ни у одного народа. Письмена вроде изобретенных чукотским пастухом Теневилем или —, для племени микмак — австрийским миссионером ордена редемптористов Каудером, приближающиеся к идеалу идеографического письма, никакого распространения не получили, не выдержали испытания временем и являются только индивидуальными. Иероглифическая письменность египтян, шумерийцев, китайцев, хеттов и других народов с самого момента своего возникновения из сложно-сюжетной пиктографии²³ имела в своем составе фонетические знаки (причем вовсе не обязательно слоговые).

В-третьих, иероглифика, конечно, «развивается» (т. е. изменяется писцами), но не в сторону приближения к алфавиту, а по линии удаления от него, так как число знаков нарастает²⁴. Это явление — хорошо известный факт для китайской, египетской и других иероглифик.

²² S. G. Morley, The Ancient Maya, Stanford University, California, 1946.

²³ Под сложно-сюжетной пиктографией я понимаю такого рода рисунчатое письмо, когда отдельные комплексы знаков (или попросту сценки), составляющие ряд, обозначают каждое предложение. С того момента, как отдельные комплексы знаков начинают обозначать слово, возникает иероглифика. Примером сложно-сюжетной пиктографии могут служить письма оджибве.

²⁴ Поскольку увеличение количества знаков в иероглифике идет в основном не за счет фонетических, удельный вес последних в иероглифике на ранних стадиях может быть гораздо выше, чем впоследствии, как это имеет место в Текстах пирамид.

В-четвертых, звуковое письмо как общедоступное средство общения возникает не по ходу «естественного развития» иероглифики, а в результате ликвидации монополии на письменность писцов-профессионалов (в условиях рабовладельческого общества — жрецов). Ни египетские, ни вавилонские, ни китайские жрецы (а в более позднее время в Китае монополизировавшая письмо бюрократия) не создали алфавита за тысячелетия, более того — нисколько не отказались от иероглифики после знакомства с алфавитными системами (египтяне — с начала I тысячелетия до н. э., китайцы — с рубежа нашей эры). Звуковое письмо создали народы, не имевшие своей иероглифики и монополизировавшей ее жреческой касты, — финикийяне и мероиты — на базе египетской иероглифики, персы и финикийяне (Рас-Шамра) на базе вавилонской клинописи, японцы на базе китайской иероглифики. Из этого не следует, конечно, что народ, имеющий иероглифику, не может создать алфавитной системы. Нет никакого сомнения, что великий китайский народ, пользовавшийся иероглификой в течение всей своей классовой истории, в ближайшее время найдет способ сделать свою систему письма общедоступной, не отказываясь в то же время от классического наследия. Но этот тезис означает, что жречество либо бюрократия, монополизировавшие письмо, не хотят и не могут по своему социальному положению упрощать его, поскольку не могут подрывать собственную монополию. Попытки упростить иероглифику известны в Китае, и они решительно преследовались. Ни одного примера создания алфавита кастой жрецов, имеющей монополию на иероглифику, привести нельзя. Характерно положение письма в Японии, где, несмотря на существование слоговой азбуки (презрительно именуемой «женскими буквами»), образованные лица писали китайскими иероглифами с некоторым числом слоговых знаков.

Что касается майя, то поскольку у них, по свидетельству ранних испанских авторов, существовала строжайшая монополия касты жрецов на письменность, здесь не может быть и речи о фонетической системе. Коль скоро письменность майя не может быть и идеографической, потому что такой системы письма вообще не существует, очевидно, она является иероглифической. Кроме того, достаточно взглянуть на рукопись майя, чтобы увидеть все характерные признаки иероглифической системы — сочетание текста и рисунков, большое число реалистических идеограмм, сложные сочетания знаков, неопределенность направления строк и последовательности знаков в сочетании, неустойчивость орфографии.

5

Иероглифическая система письма характеризуется наличием трех категорий знаков — идеографических, ключевых и фонетических. Прежде всего необходимо внести ясность в смысл термина «идеограмма», потому что в употреблении этого понятия господствует наибольшая неразбериха у дешифровщиков.

Изучая знаки любой системы письменности, от пиктографии до алфавита, мы можем выделить реалистические рисунки предметов стилизованные рисунки, изображения характерной части предмета по принципу *pars pro toto*, условные знаки (внеизобразительные) и т. д. При этом можно, конечно, назвать реалистические рисунки пиктограммами, а стилизованные и сокращенные — идеограммами.

Однако для чтения текстов важно не первоначальное происхождение данного знака, а его фактическое значение в данном тексте. Если классифицировать знаки иероглифической системы письма по их фактическому значению в контексте, а не по происхождению, то понятие «идеограмма» придется определить совершенно иначе.

Под идеограммой в иероглифической системе письма следует понимать знак, имеющий и смысловое и звуковое значение, или, иначе говоря, знак, обозначающий слово. При этом совершенно неважно, является ли данный знак реалистическим рисунком предмета, стилизованным рисунком, либо условным символом.

Ключевые знаки (или детерминативы) имеют только смысловое значение, но не звуковое, или, иначе говоря, обозначают понятие. Фонетические знаки обозначают либо отдельные звуки, либо слоги, либо сочетания согласных, в зависимости от характера фонетики и морфологии данного языка.

Важнейшей характерной чертой иероглифической системы письма, на что не обращалось внимания дешифровщиками письменности майя, является многозначность знаков. Один и тот же знак в различных сочетаниях может являться то идеограммой, то звуковым, то ключевым знаком.

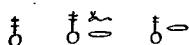
Так, в египетской иероглифике:

- *pr* — дом (идеограмма).
 jrj — делать (идеограмма, первоначальное значение — глаз)
 šmm — магазин (первые три знака — фонетические, последний — ключевой, указывающий, что речь идет о постройке).
 pr. t — зима (все три знака — фонетические).
 kd — спать (первые три знака — фонетические, последний, рисунок глаза, — ключевой).

В китайской иероглифике (транскрипция по В. С. Колоколову):

- ★ *нью* — девица (идеограмма, стилизованный рисунок женщины).
 ▢ *цзе* — пока, итак (идеограмма, первоначальное значение — таблица предков).
 ★ ▢ *дзе* — старшая сестра (первый знак — ключевой, указывающий, что речь идет о женщине, второй фонетический).
 ★ ▤ *ну* — раб, рабыня (первый знак — фонетический, второй, стилизованный рисунок руки, — ключевой).

При этом важно подчеркнуть, что в иероглифической системе письма фонетические знаки только приблизительно указывают на чтение. В китайском языке, где сочетания передают односложные слова, это выражается в неточном соответствии произношения одного и того же знака в разных комбинациях (см. в приведенных примерах *нью* и *ну*, *цзе* и *дзе*). В египетском языке, где главную роль в слове играли согласные, фонетические знаки даются только для них, а огласовка отсутствует. Кроме того, фонетические знаки употреблялись наряду с идеограммами (так называемые «звуковые подтверждения»), указывая, что данная идеограмма читается именно так, а не иначе. Например, египетская идеограмма *nfr* — хороший — могла сопровождаться двумя или одним фонетическими знаками *f* и *r*.

Приблизительность звукового написания выражалась еще в так называемой инверсии (неправильном порядке знаков в сочетании).

Например:

 (3) *h. t* — поле; написано в порядке *h — t*.

 njswt — царь; написано в порядке *sw — t — n*.

Инверсия вызывается главным образом каллиграфическими соображениями.

Особенности иероглифики майя определяются, как и во всех иероглификах, характером фонетики и морфологии этого языка. Для него характерен непоследовательный сингармонизм, вследствие чего возможны параллельные формы: *kikil* и *kikel* — кровавый; *chamac* и *chomac* — лисица; *tubul* и *tubolal* — забывать; *benet* и *binel* — идти; *yukina* и *yukinah* — любовь²⁵. Уже этого одного достаточно для предположения, что в иероглифике майя гласные выписывались не всегда и что гласные в слоговых знаках могли варьироваться.

6

Знаки, приведенные Д. де Ланда, несмотря на столетние нападки на него, действительно имеют то самое звуковое значение, которое он им приписал. Это вовсе не означает, конечно, ни того, что эти знаки не могут иметь никаких других значений, ни того, что письменность майя сплошь фонетическая, ни того, что ими исчерпываются все фонетические знаки иероглифики майя. Ланда сам говорит совершенно ясно, что он не приводит всех знаков. Из приводимых им примеров написания слов явствует, что один и тот же знак мог быть и слоговым и алфавитным (*k* и *ka* в — „алфавите“ и в третьем примере; *sa* и *s* в «алфавите» и в иероглифе месяца *Zec*), т. е. что гласные выписывались не всегда или что гласная слогового знака была неустойчивой. Написание слов «петля» и «вода» свидетельствует о возможности инверсии в сочетании (неправильного порядка знаков), о чем опять-таки говорит сам Ланда.

Сведения Ланда вообще отличаются исключительной точностью. Все календарные знаки майя известны в конечном счете по тому же Ланда. Поэтому нет решительно никаких оснований сомневаться в достоверности его «алфавита». Все приведенные им знаки встречаются в рукописях, а приписанное им фонетическое значение вполне соответствует особенностям фонетики майя (различие *k* и *s*, *p* и *pp* и т. д.). Таким образом, «алфавит Ланда» безусловно имеет значение первоисточника.

Приведенные в «алфавите» знаки могут иметь, кроме звукового, еще ключевое и идеографическое значение. Например, знак *си* «алфавита Ланда» фигурирует у него, кроме того, как идеограмма дня *Sauac* и входит в состав иероглифов месяцев и периодов времени.

Sauac
(Название
дня)

Ch'en
(«Источник», на-
звание месяца)

*Chac*²⁶
(«Красный», на-
звание месяца)

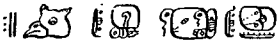
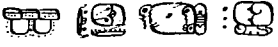
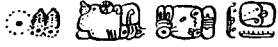
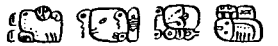
Katun
(20-летие)

Совершенно очевидно, что в приведенных иероглифах этот знак употреблен как ключевой, обозначающий — «сезон, период».

²⁵ Примеры по А. М. Tozzer. A Maya Grammar. Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, vol. 9, Cambridge, 1921.

²⁶ Ко времени завоевания этот месяц назывался *Ceh* (олень). Древнее название, соответствующее иероглифическому написанию, сохранилось в других диалектах.

Так как настоящая статья имеет целью изложение принципа расшифровки письменности майя, а не публикацию текстов, я ограничусь немногочисленными примерами. Наиболее наглядными для доказательства правильности чтения являются названия животных. Тексты, где они встречаются, снабжены рисунками, по которым животные устанавливаются безошибочно. Изображенные животные были определены специалистом-зоологом Г. М. Алленом при участии крупного знатока майя, и притом лингвиста, А. М. Тоззера²⁷. Пользоваться «методом Шелльхаса», т. е. сличением текста и рисунка под ним, можно только с большой осторожностью, потому что текст и рисунки представляют собой параллельные смысловые ряды, которые могут совпадать, но часто не совпадают. В некоторых параграфах рукописей имеется только текст, в других — только рисунки. На стр. XXIX — XXX с Дрезденской рукописи рисунки, изображающие разные действия, сопровождаются совершенно стандартными фразами (меняются только знаки направления и цвета). Наоборот, на стр. XCIII с Мадридской рукописи совершенно стандартные рисунки сопровождаются разными фразами. Тем не менее пользоваться этим методом в отдельных случаях, особенно для наглядности, целесообразно. Можно начать хотя бы со стр. XVI—XVII с Дрезденской рукописи, где текст и рисунки, очевидно, совпадают, так как рисункам птиц соответствуют реалистические идеограммы, изображающие головы птиц (1-я и 5-я фразы).

1. рисунок женщины с совой-сипухой (*tuan*) на голове.
2. рисунок женщины с птицей кецаль (*kik* или *kikum*) на голове.
3. рисунок женщины с голубым попугаем (*too*) на голове.
4. нет рисунка.
5. нет рисунка.
6. нет рисунка.

Итак, первый иероглиф 1-й фразы является идеограммой «*tuan*» (сова-сипуха). Цифра 13 перед ней связана с небесной символикой чисел, поскольку речь идет о божественной птице, а по верованиям майя небес было 13. Вообще же появление числительных перед именем божественных животных — дело обычное у майя.

Иероглиф представляет собой повторенный дважды знак , с вполне понятной лигатурой, чтобы не растягивать знак в ширину, поскольку каллиграфия майя, подобно китайской и египетской, стремилась

²⁷ A. M. Tozzer and G. M. Allen, *Animal Figures in the Maya Codices*.

вписать иероглиф в квадрат. Этот знак легко отождествляется по конфигурации и точкам с значком *ki* «алфавита Ланда». Спутать его не с чем, потому что другого похожего знака в иероглифике майя нет. Следовательно, иероглиф птицы читается *kuk* или *kuk'it*, что значит

Рис. 1. Дрезденская рукопись стр. XVI c

кецаль, птица, изображенная на рисунке. Слово *ki* значит «бог» по-майяски. И действительно знак *ki* встречается отдельно перед иероглифами богов именно в этом значении на стр. LXXX—LXXXI b и XCVI b Мадридской рукописи. Знак *ki*, вообще редкий в рукописях, встречается еще в одном сочетании D.XIII c²⁸ и, что то же самое, M.XL a. В обоих случаях на рисунках под фразами изображен королевский гриф (*Sarcorhamphus para*), по-майяски *kuch*. Знак имеет фонетическое значение *ch*, что ясно по иероглифу запада *chikin*, давно установленному. Таким образом, все сочетание читается *kuch* — королевский гриф, что и подтверждается рисунками.

На стр. D.XIII c на одном рисунке с королевским грифом изображена собака. В фразе над рисунком имеется знак , который Тозер, Вильякорта, Томпсон и другие авторы толкуют как «знак собаки» (потому что он регулярно встречается над изображениями собаки). Приведу, в виде иллюстрации, комментарии к этому знаку дешифровщиков «идеографического» толка. По их мнению, основным знаком сочетания является первый, а второй — вспомогательным. Основной знак изображает собачьи ребра, почему и является идеограммой собаки. На этом основании все сочетания с «собачьими ребрами» стали толко-

²⁸ Для упрощения ссылок в дальнейшем изложении D. будет обозначать Дрезденскую рукопись, M. — Мадридскую.

ться как «знак собаки», например , хотя в рисунках под ними уже ничего собачьего не было.

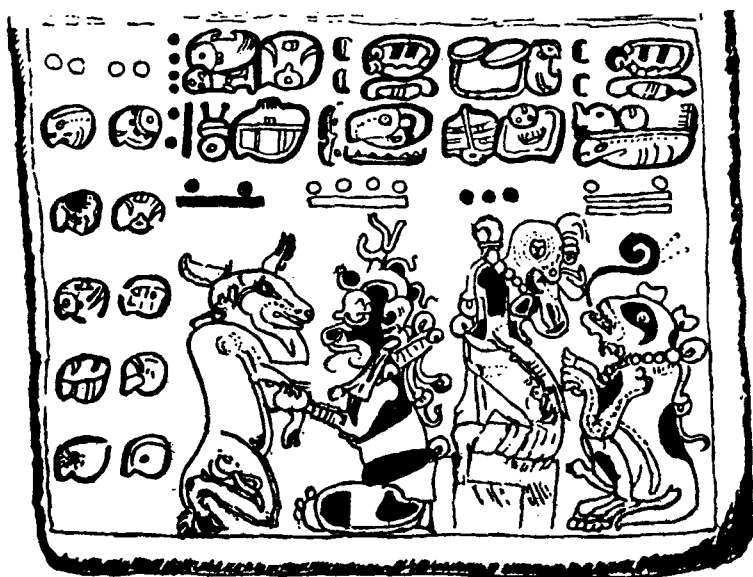

Рис. 2. Дрезденская рукопись, стр. XIII б

Рис. 3. Дрезденская рукопись, стр. XL в

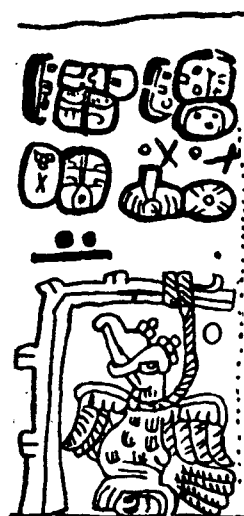

Рис. 4. Мадридская рукопись, стр. XCI а

В действительности сочетание — чисто фонетическое написание *tzul* — собака. Второй знак тождествен знаку *l* «алфавита Панды». Фонетическое значение *tz* первого знака легко подтверждается сочетанием , которое в таком случае должно читаться *cutz* —

индюк (первый знак, по Ланда, читается *си*). Действительно, это сочетание фигурирует в фразе над изображением индюка на стр. М.XC14, равно как и на стр. D.XXXb среди знаков жертв, взамен обычной идеограммы, изображающей голову индюка.

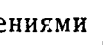
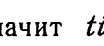
Рис. 5. Мадридская рукопись, стр. XL a

Рис. 6. Дрезденская рукопись, стр. XXXVI v

Рис. 7. Дрезденская рукопись стр. X a

Итак первый иероглиф 6-й фразы читается *cutz* — индюк. На стр. D.XL b изображена бросающаяся сверху собака с горящими факелами в лапах (небесная собака — молния, мифический персонаж). В фразе над рисунком к обычному написанию собаки прибавлен еще один знак , очевидно ключевой, обозначающий «небо», поскольку речь идет о небесной собаке. Действительно, этот знак, как правильно предполагал Гейтс, является идеограммой неба. Написание с звуковыми подтверждениями дает чтение *saan*, небо (— *sa* в «алфавит Ланда»). Кстати, на этом иероглифе удобно проиллюстрировать, что грамматические частицы не выписывались отдельно, а присоединялись к управляемому слову; так значит *ti saan* — в небе (знак встречается в третьем примере Ланда).

Перейдем к первому иероглифу 3-й фразы. Второй и третий знаки легко отождествляются с знаком *o* «алфавита Ланда», и таким образом чтение *too* — голубой попугай (*Ara militaris*, т. е. птица, изображенная на рисунке) становится совершенно очевидным. Фонетическое значение первого знака подтверждается наличием его в иероглифе *ch'om* — черный гриф (*Catharista urubu*), где он фигурирует в качестве звукового подтверждения *m* к идеограмме, изображающей голову черного грифа²⁹. Другим написанием слова *cho*

²⁹ См. A. M. Tozzer and G. M. Allen, Указ. раб., табл. 18.

будет первый иероглиф 4-й фразы , что видно по рисунку на стр. D.XVII b (фонетическое написание с ключевым знаком; ср. иероглиф месяца *Zotz* и пр.). Первый иероглиф 5-й фразы читается *coot-reel* (идеограмма с звуковым подтверждением *t*).

Попугай — *тоо* имеет еще одно написание на стр. D.XL b, где на рисунке изображен антропоморфный попугай с горящими факелами в руках (небесное божество): . Цифра 4 относится, как и у муана

к небесной символике. Нижний знак — явно реалистическая идеограмма, изображение головы попугая с характерным оперением около глаза ³⁰. В таком случае знак , очевидно, является звуковым под-

тверждением. Этот же знак появляется в иероглифе: над изображением совы *тиан* на стр. D.X a. Вильякорта толкует этот иероглиф как «знак бога муан», что подтверждается и цифрой 13, той же, что при идеограмме муана в 1-й фразе. Знак — уже известная идео-

грамма неба, употреблен в данном случае, поскольку речь идет о небесном божестве (как и в случае с небесной собакой), а знак — как фонетический. Далее, этот последний знак фигурирует

в иероглифе: на стр. D.XIII c над изображением ягуара. Что ягуар обозначен именно этим иероглифом, ясно, во-первых, по сличению фраз этого параграфа, а во-вторых, по тому, что реалистическая идео-

грамма ягуара: сопровождается той же цифрой 4. Знак уже из-

вестен как *ch*; фигурирует в словах *тоо* и *тиан*. В целом иероглиф читается *chastmool* — ягуар. В данном случае имеет место не совсем последовательный порядок знаков, еще ярче выраженный в написании того же иероглифа на стр. D.XXI b, явно вызванный кал-

лиграфическими соображениями. В примерах с хорошо видна неустойчивость гласных слогового знака, характерная вообще для языка майя (тот же *chastmool* может произноситься *chastmul*). Знак этот первоначально изображал, повидимому, лапу с когтями — *mool*. Что касается

знака , то его фонетическое значение *c* подтверждается иероглифом — *can* — змея (D.XXXVI b над изображением змеи).

Идеограмма совы *тиан* служила также иероглифом месяца *Миан*. Однако в одном месте стр. D. LVI название месяца *Миан* написано . Этот иероглиф стоит среди календарных вычислений наряду с другими иероглифами месяцев. Что он действительно обозначает

месяц *Миан*, подтверждают все специалисты по календарю, от Ферстемана до Томпсона, который называет его «спиральным вариантом» муана. В действительности это фонетическое написание с ключом. Звуковое значение знака *ти* или *т* подтверждается иероглифом *улит* — индюк (второе название). Знаки *и* и *l* приведены в «ал-

фавите Ланда». Иероглиф этот рисунком не сопровождается, но, по-

³⁰ См. там же, табл. 40.

сколько он стоит в одном ряду с иероглифами пекари и совы-муан, нет никаких причин не попасть туда и индюку. Установление фонетического значения этого знака дает возможность прочесть второй иероглиф 1, 3, 5-й и 6-й фраз и его варианты, поскольку все составные части известны. Он читается *и mut* — ее тотем (не совсем точный перевод; А. В. Vasquez³¹ переводит *и mut* — «su atributo propóstico» — «его вещее знамение»). Такое значение этого иероглифа полностью подтверждается всеми случаями его появления во фразах, поскольку он неизменно следует за иероглифом животного, либо божества (стр. D.XVII b, M.XVI c, M.XCIV c, M.XVII a). В 3-й и 5-й фразах к фонетическому написанию присоединен ключевой знак (частица *и* часто опускается и в языке).

Поскольку иероглифы *и mut* и *и тис* встречаются в одинаковых фразах в двух вариантах:

и mut

и тис

очевидно, что фонетическое значение знака — также *ти*. В качестве второго звукового подтверждения он фигурирует в варианте уже встречавшегося иероглифа *тиан*:

D. XLVII

D. XLVII

D. VII c

Все эти иероглифы обозначают «небесного муана». Ср. название небесной страны богов, сохранившееся в мексиканской передаче *Tamoanchan*, т. е. «страна небесного муана».

На стр. D. XXX—XXXI c встречаются иероглифы четырех «мировых деревьев», хорошо известных в мифологии майя. Из них иероглиф «красного дерева» выписан с звуковым подтверждением:

и читается *chac che*.

давно установленная идеограмма красного цвета, *chac*.

знак *е* в «алфавите Ланда»; здесь — в качестве звукового подтверждения к идеограмме дерева.

идеограмма дерева, *che*.

Далее, знак *е* встречается в иероглифе M. XCI a, представляющем собой не что иное, как упрощенный вариант первого примера Ланда. Дешифровщики за сто лет сумели его не заметить. Читается он, естественно, по Ланда, *и le* и означает — его петля (параграф трактует об охоте). Вместе с последующим, уже прочтенным иероглифом получается *и le cutz* — силос для ловли индюка. На рисунке под фразой изображен, как комментирует Вильякорта, «индюк, пойманный в петлю, подвешенную к дереву».

Не имеет смысла приводить дальнейшие образцы использования знаков «алфавита Ланда» и прочих знаков в иероглифах рукописей майя. Не будучи связанными с рисунками животных, они менее

³¹ А. В. Vasquez, El pronóstico de los 20 signos de los días del calendario Maya Vigésimo séptimo Congreso Internacional de Americanistas, t. I, Mexico, 1942, стр. 470.

глядны, хотя не менее убедительны. Приведенные примеры уже охватывают третью часть «алфавита Ланда». Кроме того, каждый желающий при некотором запасе слов майя и соблюдении принципов иероглифического письма сможет набрать в рукописях и надписях удовлетворяющее его количество примеров. Дальнейшая работа — уже не расшифровка, а разработка филологии майя.

Имеются следующие основания считать расшифровку письменности майя правильной:

1. Принцип написания прочтенных слов майя типичен для иероглифической системы письменности.
2. Фонетическое значение знаков в прочтенных словах совпадает с «алфавитом Ланда», который является первоисточником, поскольку сходит непосредственно к майяским информаторам.
3. Прочтенные слова являются самыми обыкновенными, хорошо известными словами языка майя, зарегистрированными всеми словарями, а отнюдь не какими-либо гипотетическими. Написание точно соответствует фонетике, а порядок слов — синтаксису языка майя.
4. Смысл прочтенных слов подтверждается сопровождающими их рисунками.

7

Знаки майя несомненно местного происхождения и не заимствованы у какого народа (в последнее десятилетие делались попытки написать изобретение письменности майя олмекам). Об этом свидетельствует тот факт, что произношение знаков соответствует названиям изображенных предметов, как например:

lu — рыба.

kab — рука (кулак).

tzictzac — скелет.

tool — лапа с когтями.

chic — хватать, сжимать (сжатая кисть руки).

ma — нет (разведенные руки, жест отрицания).

Вопреки утверждениям Шелльхаса, Гэйтса и других авторов, подавляющее большинство знаков слабо стилизовано и первоначальный смысл их сравнительно легко устанавливается. Стилизация знаков чуть не больше, чем в египетских или раннекитайских, хотя запущенным обстоятельством оказалась манера заключать знак в овал.

По форме знаки майя целесообразно разделить на пять групп, следуя каллиграфии самих писцов майя:

Фигурные   и т. д.

Неполно-фигурные   и т. д.

Фигурно-овальные   и т. д.

Овальные   и т. д.

Неполно-овальные   и т. д.

При этом один и тот же знак может быть в разных вариантах, а числовое значение всех групп совершенно равноценно. Из этих групп числительное преобладание имеет группа овальных знаков.

Фонетические знаки в большинстве случаев слоговые, хотя они могут обозначать и один согласный, особенно в конце слова. Фонетические

тическими подтверждениями являются обычно знаки, обозначающие согласные звуки, а подтверждают они, как правило, конечный звук слова.

Порядок знаков в сочетании обычно слева направо и сверху вниз, хотя во многих случаях наблюдаются отступления по каллиграфическим соображениям (и даже без таковых). Положение ключевого знака в сочетании, как и в китайской иероглифике, неопределенно.

Направление строк — слева направо, часто также сверху вниз, за исключением последних страниц Парижской рукописи, где направление строк (а также знаков в сочетании) — справа налево. Форма знаков в рукописях («иератическое письмо») значительно отличается от формы знаков в надписях на камне («лапидарное письмо»). При этом сам «лапидарный шрифт» имеет несколько вариантов в зависимости от способа нанесения знаков на материал. По форме знаки в надписях на керамике близки к знакам рукописей.

В области распространения культуры майя существовала иероглифическая письменность также у олмеков (штат Вера Крус в Мексике), памятники из Трес Сапотес и Ла Вента), сапотеков (штат Оахака в Мексике, памятники из Монте Альбан) и толтеков (долина Мехико); письменность не сохранилась, кроме отдельных знаков). Делать какие-либо заключения о них пока преждевременно, но все они так или иначе связаны с письменностью майя, хотя и обладают ясно выраженными особенностями. Письменность у ацтеков (очевидно, толтекского образца) находилась в зачаточном состоянии, и в их рукописях (дошедших в значительном количестве) иероглифы употребляются обычно по-одиночке для комментирования рисунков (названия местностей, имена персонажей и т. д.).

Подводя итоги всему изложенному, можно констатировать следующее: система письменности майя является типичной иероглификой и по принципам написания слов не отличается от известных иероглифических систем. История народов Центральной Америки доступна изучению по письменным источникам.

С. ИСЛЯМИ

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА АЛБАНЦЕВ В ПЕРИОД ЕЕ РАСПАДА

(Конец XIX — середина XX века)

Семейная община, или большая семья, — историческая общественная форма, характерная для первобытно-общинного строя. Но она существует в том или ином виде и в классовом обществе, в условиях удерживающегося в нем первобытно-общинного уклада, либо в качестве пережиточного явления. В некоторых местностях семейная община сохранялась даже в эпоху капитализма. При этом экономическая сущность большой семьи, ее основные начала остаются в той или иной мере неизменными: сохраняется коллективная собственность (которая составляет ее основание и без которой невозможно существование самой семейной общины), частично — коллективное производство и коллективное потребление. Но ее общий облик, особенно ее хозяйство, в капиталистическую эпоху резко отличается не только от того облика, который она имела при первобытно-общинном строе, но и от облика общины эпохи феодализма.

Процесс изживания первобытно-общинного уклада, протекающий в классовом обществе, неизбежно ведет к исчезновению материальной базы для существования семейной общины и к ее распаду. Однако распад первобытно-общинных начал идет в большой семье неизменно медленнее, чем вне ее, в общественно-экономических отношениях данного общества в целом, и большая семья оказывается ячейкой, в которой первобытно-общинные отношения сохраняются особенно устойчиво¹.

Семейную общину у албанцев мы застаем в качестве отдельных пережиточно сохраняющихся явлений. Именно в этом состоянии она бытует сейчас в Албании, и именно эту форму освещают исторические источники². Материалы, которыми мы располагаем, не позволяют пока реконструировать семейную общину у албанцев в ее отдаленном историческом прошлом. Задачей настоящей статьи является описание большой семьи у албанцев в период ее разложения (конец XIX — середина XX в.).

¹ М. О. Косвен, Семейная община, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 12.

² Среди чрезвычайно скудных источников по изучаемому вопросу особого внимания заслуживает свод законов обычного права наших северных горцев — Kanuni i Lekë Dukagjinit. Этот свод законов или «Канун» (канун по-албански — закон, обычай) был записан католическим патером Стефаном Гечевым (Shtjefën Gëçov) в бытность его священником в Северной Албании, в самом конце XIX и в первой четверти XX в. Этот труд был издан в 1933 г., после смерти составителя, в г. Шкодер. Несмотря на некоторые недостатки, «Канун» имеет большую ценность как этнографический источник; он записан среди народа в тот период, когда обычай, в нем собранные, действовали еще в полной мере и были единственным реальным «законодательством» горцев данной местности. В записях Гечева зафиксированы варианты отдельных обычаев разных районов Албании, отражающие зачастую неравномерное развитие хозяйственной и общественной жизни различных районов страны. «Канун» является единственным документом, фиксирующим обычное право Албании конца XIX в. Помимо «Кануна» и незначительного числа имеющихся литературных материалов, к составлению настоящей работы привлечены полевые материалы автора, собранные им в 1950 г. в Албании, в районах Скрапар и Круя.

Нам представляется своевременным изучение этой общественной формы, бытующей в нынешней Албании — стране строящегося социализма. Важно понять, какие конкретные условия создавали возможность сохранения большой семьи вплоть до наших дней, по каким причинам и какими путями идет процесс ее разложения, какова ее дальнейшая судьба.

I

Большая семья у албанцев обозначается терминами: *shtëpi* (дом), *kulm* (крыша), *zjagm* (огонь), *tym* (дым), *oxhak* (очаг), *vohtër* (огнище). Если побеседовать с нашими горцами, редко можно услышать слово «*familja*», соответствующее русскому слову «семья». Они скажут: *ata janë shtëpi e madhe* (они — большой дом) или: *ata rrojnë nën kulm* (они живут под одной крышей), *fshati ynë perbehet prej kaqe zjarmesh* (туте, охаге) — «наше село состоит из столькох-то огней (дымов, очагов)». Все эти термины имеют собирательное значение; под ними горцы понимают и выражают образно не только самый дом, или крышу, или очаг и т. д., а коллектив, которому принадлежит данное хозяйство и который живет в данном доме, словом, выражают как хозяйственное, так и общественное единство определенной группы людей.

Семейную общину возглавляет *zoti i shtëpis* — «господин дома»; в некоторых районах он называется — *kryefamiljar* — «глава семьи». По «Кануну» власть в доме принадлежит самому старшему «под крышей дома», но если этот старший не обладает качествами, необходимыми для главы семьи, то на собрании членов дома выбирается на этот пост самый разумный, самый способный и заботливый. Главой семьи может стать и неженатый человек («Канун», § 20). В семьях, изученных автором настоящей статьи в 1950 г., в основном соблюдалось это правило. Так, Хаким Муфтари из села Вржежда Скрапарского округа, являющийся сам главой семейной общины, хотя и не старший по возрасту, по этому поводу сказал: «Главой семьи становится тот, кто заслуживает этого». Если глава семьи становится слишком старым, то сам передает свои обязанности (полностью или частично) старшему сыну или кому-либо другому из членов семьи, но сохраняет за собой контроль и руководство. В обследованной автором семье Каплани в селе Вржежда все внешние сношения лежат на обязанности старшего сына главы семьи, причем этот последний контролирует действия сына, дает ему указания. Внутренней хозяйственной деятельностью семьи старик распоряжается самолично.

Глава семьи является центральной фигурой в общине. На него возлагаются большие обязанности. Он руководит всей хозяйственной и общественной жизнью общины. Он должен заботиться о двух основных отраслях хозяйства — земледелии и скотоводстве: чтобы вся пахотная земля была использована, чтобы были заготовлены семена для следующего посева, а главное — чтобы было запасено достаточно хлеба на год. Он заботится об обеспечении скота пастбищами, об увеличении поголовья скота. На его обязанности лежит строительство жилых и хозяйственных построек. Глава семьи распоряжается повседневной работой всех мужчин в семье: направляет их на работу, давая конкретные задания. Он властен послать своих домочадцев на заработки или для участия в соседской взаимопомощи. В то же время он сам первый выходит на работу и самолично наблюдает за выполнением его заданий.

Точно так же доходами и расходами дома распоряжается глава семьи. В его руки поступают и заработки отдельных членов семьи. Семейную кассу хранит он сам. «Другого кармана в доме не должно быть, — говорил Хаким Муфтари, — ибо это ведет к разделу». Только

глава семьи имеет право покупать, продавать или менять землю, будь то пашня, целина, пастбище или лес, скот и другое домашнее имущество. Только он имеет право дать или получить заем или быть поручителем при займах. От имени семьи только он может заключать сделки, ибо он является ее законным представителем. Другие члены дома могут только делать лишь по его поручению или с его разрешения. Но и в этом случае, если сделка оказывается не в интересах общины, он может ее расторгнуть. Вот, например, что рассказывал автору глава семьи Каппланди: «В 1936 г. я поручил брату снять пастбище для скота в Музекье. Так как размеры пастбища были велики, он снял его вместе с одним другим односельчанином, с которым я был в ссоре. Я потребовал от брата, чтобы он отказался от этого пастбища, но он вначале сопротивлялся, ссылаясь на то, что сделка уже совершена и ему неудобно ее расторгнуть. Но я, — продолжал рассказчик, — ни за что не хотел такого всегда, поэтому вынужден был прибегнуть к крайним мерам и сказал брату: «Что ты предпочитаешь — оставаться вместе со мною или с ним?» Брат подчинился моему желанию».

В ходе исторического развития семейной общины, с расширением ее связей с внешним миром значительно расширяются функции и усиливается власть главы семьи как руководителя семейным хозяйством, причем с его стороны обнаруживается тенденция стать полным распорядителем всего хозяйства и имущества семьи. Все это, конечно, происходит без сопротивления членов семьи, и несмотря на то, что в «Кануне» эта тенденция главы семьи нашла юридическое оформление, власть его все безгранична. Ему приходится считаться с мнением взрослых членов дома. По всем важнейшим вопросам он советуется со старшими или влиятельными членами общины и принимает решения не один, а вместе с ними.

Глава семьи заботится также о благополучии всех ее членов: о том, чтобы все они были одеты и обуты, об их здоровье. В таких случаях от него требуется, чтобы он был ко всем справедлив, «смотрел на всех одним глазом». Он должен заботиться о женитьбе и замужестве молодых членов семьи. В старину, кроме того, он обязан был приобрести оружие для юноши, достигшего совершеннолетия.

Глава семьи обладает и дисциплинарной властью. Во 2-м пункте § 21 «Кануна» Лек Дукачини мы читаем: глава семьи должен «удерживать членов дома от поступков, приносящих вред и убыток хозяйству». В 10-м пункте § 20 сказано: глава семьи имеет право «наложить взыскание на членов дома, когда они не работают, как этого требует благо дома» (оставить без обеда виновного, снять с него оружие на одну-две недели, связать или подвергнуть домашнему аресту, неповинующегося выделить из дома с полагающимся ему имуществом). В настоящее время эти взыскания смягчились. По крайней мере, в семьях, обследованных автором настоящей статьи, дисциплинарная власть главы семьи в таких резких формах уже не проявляется, он может лишь сделать замечания домочадцам, порой накричать на кого-нибудь и только. Глава дома пользуется уважением и почетом. В общем жилище семьи ему отводится самое лучшее помещение, за ним почтительно ухаживают младшие члены семьи, например, невестка: помогают ему разуться, когда он возвращается с работы, подают мыться и т. д.; в гостиной он занимает самое почетное место около очага или камина, за общим столом он возглавляет трапезу, а если он пожилой, то ему приносят еду отдельно.

Глава семьи является одновременно и главой семейного культа: по поверию каждый человек имеет свое покровительствующее ему существо — «ора» (ога), но «ора» главы дома является одновременно и «орой» дома вообще; после смерти старика его «ора» остается покровительницей дома и общей защитницей его членов даже после раздела.

По «Кануну» личная собственность главы семьи, т. е. те предметы, которые остаются в его распоряжении даже после раздела, должна быть немногим больше личной собственности остальных членов. Кроме оружия, на которое имели право все взрослые мужчины, он имел еще собственные постельные принадлежности, кофейные приборы, из которых он угощал гостей, коня. В новое время это правило нарушается. У взрослых членов семьи и в первую очередь у ее главы появляется отдельная собственность.

Таким образом, глава семьи в семейной общине выполняет самые важные функции и обладает большим авторитетом. Но его авторитет, его власть, уважение и почет, которыми он пользуется, все это в конце концов определяется его личными качествами.

Наряду со «старшим» мужчиной семейную общину возглавляет и «старшая» женщина, которая у албанцев местами называется *zonja e shtëpis* — «госпожа дома», а местами *kruefamiljare* — «женщина, глава семьи». Госпожей дома часто бывает старшая в доме женщина, но скорее всего — лучшая хозяйка, независимо от возраста. От нее требуется, чтобы она была справедлива ко всем членам семьи.

Область деятельности госпожи дома составляет домашнее женское хозяйство. Она распоряжается работой всех женщин дома, дает им задания. Посылает их за водой, за дровами, выносить навоз на поле, нести обед работающим, поливать и мотыжить. Госпожа дома должна заботиться о чистоте дома, о приготовлении пищи для членов семьи и гостей. Должна следить, чтобы из молока во время были приготовлены все молочные продукты, чтобы молоко не испортилось. В то время, когда женщины находятся на работе, она присматривает за детьми. В личной жизни женской половины семьи госпожа дома также принимает участие. В вопросах сватовства, например, хотя ее голос и не является решающим, с ее мнением все же считаются.

Власть госпожи дома ограничена, она зависит от господина дома. По «Кануну» она не может ничего продать или купить без разрешения главы семьи. Занять или дать займы другой хозяйке по соседству она может только муку, хлеб, соль, сыр, масло, т. е. то, что находится в ее непосредственном распоряжении.

Обязанности главы семейной общины, как мужчины, так и женщины, считаются пожизненными, но в случае неспособности, а в особенности в случае плохого ведения хозяйства, старший решением всех членов семьи сменяется.

Остальные взрослые мужчины семьи несут все главные обязанности по хозяйству. Две основные отрасли хозяйства — земледелие и скотоводство — возглавляются наиболее опытными старшими мужчинами, часто — братьями главы семьи. В этих областях своей деятельности они являются более или менее самостоятельными. Глава семьи не может ничего предпринять, не советуясь с ними. Так, в «Кануне» мы читаем: «Волами распоряжается землепашец. Он может кому-либо помочь, дав займы или даром, не спрашивая на это разрешение господина дома». И дальше: «Стадом овец распоряжается пастух; господин дома не имеет права вмешиваться в его дела. Если понадобится резать или продать скот, только пастух решает, какое именно животное резать или продать» (§ 24). Положение других членов семьи определяется по их месту в производстве. В основном они выступают как помощники главного пахаря или пастуха. С их мнением считаются в зависимости от положения и личного авторитета каждого. От них, как и вообще от всех членов семьи, требуется большое повиновение господину дома и соблюдение основных правил, необходимых для поддержания порядка и традиций внутри семьи. В прошлом, когда правовое положение членов семейной общины определялось обычным правом, их возможности были крайне ограничены. Они не должны были вступать в деловые сношения с посто-

ронными людьми, ибо это право принадлежало их представителю. «Канун» не давал им права что-нибудь покупать, продавать или менять без разрешения господина дома. Они не могли также выступать поручителями на сумму, большую стоимости их оружия, которое составляло их личную собственность. Кроме того, члены дома не могли идти к кому-нибудь на работу без разрешения господина дома. С появлением возможности отходничества и посторонних заработков для членов общины возникла возможность их самостоятельных действий и стеснительные рамки правовых норм «Кануна» разрушались.

Молодежь в семейной общине не имела никаких прав. Даже такой важный вопрос, как вступление в брак, решался по сватовству, помимо, а часто и вопреки желанию юношей и девушек.

Женщина ни в семье отца, ни в семье мужа не имела никаких имущественных прав, в том числе и прав наследования. Невестка в семье была подчинена и госпоже, и господину дома. Они наблюдали не только за ее работой, но и за соблюдением ею правил нравственности. В нормах обычного права указаны проступки, за которые женщина должна нести наказание: кража, неповиновение мужу в присутствии постороннего лица, супружеская неверность. Однако, если муж бил жену без достаточного основания, то в ее защиту, в соответствии с правилами «Кануна», выступали ее отец, брат, кузен, одним словом, ее семья, ее род. Родители, вернее ее родной дом, не только выступали защитниками интересов женщины, но и ответчиками за нее перед общественным мнением. Если женщина совершила убийство, мести подлежали ее родители или ее родные. Таким образом, положение женщины в семейной общине было двойственным. С одной стороны, она являлась членом трудового коллектива, к которому принадлежал ее муж, вкладывала свой труд в общее хозяйство, участвовала в коллективном потреблении. С другой стороны, она никогда не порывала связей со своим родительским домом.

II

С вовлечением семейной общины в товарно-денежные отношения классового общества внутри нее происходят существенные изменения как в экономике, так и в правовых нормах, что неизбежно сказывается на ее дальнейшей судьбе. Большая семья уже связана с рынком. Даже земля становится предметом купли-продажи. Появление посторонних заработков порождает у взрослых мужчин стремление создать свое обособленное хозяйство. Это вызывает внутри семейной общины борьбу между коллективным и частновладельческим началом, причем последнее постепенно вызревает в недрах общины и приводит в конечном счете к образованию внутри общины малой семьи. В настоящее время случается, что члены большой семьи живут вне ее (находятся на службе в городе и т. п.), но обязаны вносить деньги в семейную кассу. Конечно, они вносят уже не весь заработок, как это обязаны делать по обычаю члены семейной общины, имеющие случайные заработки на стороне, а лишь определенную долю его. Интересен пример из современного быта семейной общины одного из северных районов. Молодой человек работал учителем в сельской школе в чужом селе. Часть заработанных денег он передавал главе своей семейной общины, часть же вручал непосредственно своей матери, жившей в большой семье. Он уже ясно различал свои тесные ближайшие связи с матерью и более далекие, более формальные — с семейной общиной.

Малая семья постепенно обособляется сначала по линии потребления, а затем и локальным выделением. В этой связи интересно остановиться на внутренней планировке дома Геци из села Мерчине. Центральную часть дома занимают две большие комнаты: одна мужская, где по-

мещается глава семьи, отдыхают мужчины, принимают гостей, другая — женская, где протекает хозяйственная деятельность женщин; посередине каждой комнаты — открытый очаг. Вокруг этих центральных помещений располагаются небольшие комнаты (3 × 3 м) для женатых пар. Вместе с родителями находятся младшие дети, старшие ночуют в других комнатах. Двери спален выходят в общие комнаты и коридор. Сооружение вокруг общего центрального помещения отдельных комнат без очагов — явление относительно позднее; оно знаменует начало выделения выжившей в недрах семейной общины малой семьи.

Появление отдельной собственности взрослых мужчин, обособление малой семьи, тенденция главы семьи стать полным распорядителем семейного имущества, — все эти явления проходят в борьбе и конфликтах. Эта ситуация приводит к сегментации или разделу большой семьи.

При сегментации большой семьи возникает несколько больших семей, меньших по численности (20—25 чел.). Это хорошо можно проследить на примере дома Мустафари из села Вржежда. Еще в 1903 г. эта семья насчитывала 48 членов; затем она разделилась, и из нее образовались три семьи. Одна из них разделилась вторично в 1910 г. на две семьи, из которых одна вновь разделилась в 1950 г. на две. Другая из упомянутых трех семей после раздела 1903 г. существовала до 1949 г. и в этом году разделилась, дав начало двум семьям. Третья семья сохраняется неразделенной до сих пор, численность ее — 28 человек. Так, с 1903 по 1950 г. из одной семьи образовалось шесть.

По «Кануну» раздел производится судом старейшин. Разделу подлежат: дома, хозяйственные постройки, земля, т. е. пашня, виноградник, пастбища и леса, находящиеся в отдельной собственности семьи, сельскохозяйственный инвентарь, домашнее имущество, скот, пчелы, зерно и сельскохозяйственные продукты, молочные и винные изделия³.

Земля вотчинная делится между братьями, т. е. по принципу поколенного раздела, а земля благоприобретенная — «по оружию», т. е. по числу взрослых мужчин, способных носить оружие. Хозяйственные постройки разделяются между братьями на столько частей, сколько образуется новых очагов. Дом и приусадебную землю получает младший брат. Средний брат имеет право выбирать землю там, где хочет. Старший брат в старину имел «право на оружие», т. е. получал права военачальника. Мельница и вода для ирригации делятся между братьями. В этом случае прибегают к долевному делению. Принцип его такой: делится по существу доход от мельницы; каждый из братьев имеет право на равную со всеми долю этого дохода. В дальнейшем эту долю он делит между своими сыновьями (также поровну). От поколения к поколению дробление это увеличивается. По этому долевному принципу делится и пастбище. В этом случае доля каждого участника раздела определяет количество скота, которое он имеет право выпасать, или часть от дохода, если пастбище сдается в аренду. Инвентарь и сельскохозяйственные орудия делятся тоже между братьями. Скот делится «по оружию», сено и солома — по поголовью скота. Зерно и все сельскохозяйственные продукты, в том числе молоко и молочные изделия, водка, вино и т. д., делятся по едокам. Пчелы делятся между братьями, а мед — по едокам. В число едоков не входят дети моложе одного года. Из домашнего имущества постельные принадлежности делятся между братьями, а утварь и птицу разделяет женщина-глава семьи по указанию стариков — суда старейших, ведающих разделом.

³ Данный раздел статьи не касается тех существенных изменений в области землевладения и других видов частной собственности крестьян, которые внесло государственное законодательство Народной Республики Албании в течение последних лет (см., например, «Закон Президиума Ангифашистского национального освободительного совета от 29 августа 1945 г., № 108 о земельной реформе», ст. ст. 2, 4, 7, 9, 12, 13, 21, 25, 29, «Gazeta Zyrtare», 1945, № 39, и другие).

Долги должны быть погашены до раздела семьи. Холостому брату дают средства на свадьбу до раздела имущества.

Суд старейшин (*pleqtë*), который ведает разделом, состоящий из двух-четырех человек и больше, выбирается из числа считающихся наиболее мудрыми и справедливыми в селе. В качестве вознаграждения им дают по барану или по паре туфель.

Таким образом, в основе лежит принцип поколенного раздела, по которому братья получают равные доли, несмотря на то, что число эдов в их семьях может резко расходиться. Это является одной из признаков имущественной дифференциации.

В местностях, исследованных автором, в основном придерживались вышеописанных обычаев. Отметим некоторые варианты и отклонения.

В некоторых местах благоприобретенная земля делилась поровну между мужчинами, которые в момент ее приобретения были трудоспособны. Тот, кто является главным пастухом, производит дележ скота между братьями и сам выбирает свою долю последний; ему дают на несколько голов скота больше в знак того, что он заботился о других за время совместного хозяйствования семьи. Так же землепашцу дают лучшего вола или лучшую пашню. В других местах распределенные доли достаются каждому по жребию.

От установленного традицией принципа раздела иногда бывают отклонения. Так, одна семья до дележа состояла из трех братьев и их дяди — брата их отца. По обычаям дедовская земля должна была быть разделена на две части: одна — дяде, а другая — трем братьям (принцип поколенного раздела). Земля, благоприобретенная за время существования семьи, должна была быть разделена на четыре части — поровну каждому из мужчин. Но эта семья при разделе, состоявшемся в 1947 или 1948 г., отклонилась от старинного принципа: разделили всю землю на четыре равные доли. Следовательно, дядя получил меньше, чем ему полагалось по обычаю.

При разделе строго соблюдаются права наследования, потому что при поколенном разделе в случае смерти одного из тех лиц, между которыми делится имущество, его доля достается его наследникам. Таковыми могут быть лишь родственники по мужской линии, женщины не имеют никаких прав наследования.

Все правила относительно наследства подчинены основному принципу — недвижимое имущество, в особенности земля, не должно выходить за пределы семейной общины, а в крайнем случае за пределы рода.

Некоторые исследователи усматривали причину разделов большой семьи в образовании частной собственности женщин (на наследство после отца, на приданое), а также в их ссорах, неуживчивости и т. д. Может быть, эти авторы были введены в заблуждение тем, что члены общины сами выставляли такое объяснение. Автору настоящей статьи также приходилось слышать в Албании подобные высказывания. Но эти объяснения — «наивные и поверхностные оценки»⁴.

Из вышеприведенных материалов явствует, что по «Кануну» женщина в семейной общине не имела прав наследования. Хотя в некоторых районах Албании женщинам и принадлежит это право, оно характеризуется иной, более поздний, этап в истории семьи. По «Кануну» женщина даже не получала приданого от родителей в силу того принципа, что общинная собственность является неделимой и неотчуждаемой. Именно этим принципом вызван обычай северных горцев, по которому вещи, приготовляемые для невесты (платье, украшения), приобретаются на деньги, данные семьей жениха семье невесты. Таким образом, средства, затраченные на свадьбу, снова возвращаются в семейный

⁴ М. О. Косвен, Указ. раб. стр. 18.

фонд. Но так как они становятся отдельной собственностью замужней женщины, то муж может распоряжаться ими по своему усмотрению. Предприимчивый человек может, например, продать золотые вещи жене, деньги пустить в рост и этим положить начало созданию частной собственности внутри большой семьи. Значит, не женщинам, а именно мужчинам принадлежит активная роль в создании частной собственности.

Что касается ссор между женщинами, то объяснять ими раздел общины совсем неосновательно. Они лишь выражают недовольство общины против тех действий ее отдельных членов, которые идут вразрез с общинными порядками. Приведем такой пример. Муж, вернувшись из города, привозит подарок своей жене. Это уже нарушение общего порядка, по которому все привезенные покупки должны поступать в распоряжение госпожи дома и делиться ею поровну между всеми женщинами. Пренебрежение этим правилом вызывает недовольство. Женщины начинают ворчать; возникает ссора между ними, в которую вступают и мужчины, также выражающие протест против самовольных поступков. Казалось бы, это — пустяковое происшествие. В действительности же оно означает, что, когда возникает для мужчины возможность побочных заработков, возрастает его тенденция к экономической и личной самостоятельности.

Следовательно, ни наследство, ни приданое, ни ссоры женщин не могут считаться основательными причинами раздела.

Причины раздела лежат значительно глубже. Накопление отдельной собственности мужчинами, их стремление к самостоятельным действиям в этом направлении вызывают недоразумения внутри семьи; частная собственность постепенно пробивает себе дорогу в имущественных отношениях. Но пока сохраняется община, должна быть сохранена и ее основа — общинная собственность. Так назревает конфликтная ситуация: каждый из членов большой семьи заинтересован в сохранении общинной собственности и в то же время, накапливая личное имущество, способствует разрушению этой собственности и распаду семьи.

III

Возникающие после раздела большой семьи новые большие или малые семьи поселяются рядом и образуют, таким образом, родственный квартал, который в Албании называется *mëhallë*, или *lagje*. Для обозначения родственных связей между этими семьями народ употребляет выражения: *ata janë vllazni* — «они — братство», *ata janë të një barku* — «они — одной утробы»; *ata janë të një fisi* — «они одного рода»; *ata janë far e fis* — «они одного зерна и рода»; *ata janë të një gjaku* — «они одной крови»; *ata janë gjini* — «они родственники по жевской линии». Все эти термины употребляются одновременно, поэтому в их осмыслении возникла некоторая путаница, которая проникла в специальную литературу. Однако в этой кажущейся путанице можно разобраться, если проанализировать каждый термин в отдельности.

Fis — часто переводят как «род», «генс», «племя». Действительно это единственный термин, который обозначает широкую родственную группу как род или племя. В то же время в народе этим же термином обозначают и более узкую родственную группу. *Far e fis* — в дословном переводе означает «зерно и род». Термин — довольно расплывчатый, бытует на юге, и народ обозначает им просто родственные связи, близкие или отдаленные, но, впрочем, не слишком дальние. *Gjak* — в дословном переводе «кровь». Термин — тоже довольно неопределенный и не предназначенный для обозначения какой-либо конкретной родственной

группы, а просто для определения кровнородственной связи. Gjini — родство, родственники со стороны матери. Иногда неправильно переводят «генс». На севере четко разграничивают родство по отцовской линии gjak и родство по материнской линии — gjini. Vllazni — «братство» (от vlla — «брат»), bark — «утроба», — термины, имеющие более узкое значение: они обозначают более ограниченную родственную группу — несколько семей. Предыдущие термины, содержащие понятие родства вообще, могут обозначать и эту небольшую родственную группу. Термины же vllazni и bark никогда не распространяются на род или племя. Под терминами vllazni и bark обычно понимают одно и то же. И действительно: если bark обозначает какое-то исходное начало братства — vllazni, то в самом братстве с течением времени образуются более мелкие bark'и, дающие пять-таки начало другим братствам. Недаром в литературе различаются большие и малые братства (vllazni të medha e të vogla).

Возникающие после раздела семейной общины большие и малые семьи образуют братства — vllazni, и если термины mëhalle или lagje обозначают их территориальную близость, то vllazni — их родственную связь. В советской этнографической науке эта родственная группа семей получила название *патронимии*.

Кроме территориальной и родственной близости, семьи разделившейся семейной общины сохраняют и некоторую хозяйственную, общественную и идеологическую связь.

В хозяйственном отношении эта связь выражается в общем владении некоторыми угодьями, недвижимым имуществом, а также в проведении некоторых коллективных работ в общих интересах. Так, например, братства имеют общие горные пастбища (bjeshk) и общий лес на горе (mal, pyll), оросительный канал, мельницу и т. д. Каждая из семей братства может выпасать свой скот в неограниченном количестве на горных пастбищах на равных правах с другими. Она может также пользоваться строительными материалами и заготавливать топливо в общественном лесу. Эти виды имущества не подлежат разделу. Но уже в правовых нормах, зафиксированных «Кануном», можно проследить, как в пределах этой общественной собственности зарождалась отдельная собственность семей. Каждая семья имела право построить на летнем пастбище домик для жилья и хозяйственных нужд, около него разбить сад или огород, обработать небольшой участок земли под кукурузу и т. д. Недалеко от этого дома обычно устраивается загон для скота и выбирается тенистое место для отдыха скота в жаркое время дня, несколько дубов, например, бросающих густую тень. Никто не может запретить этой постройки или выгнать с этого места; деревья, образующие тень, никто не имеет права срубить (§§ 218, 219).

В работах, организуемых для нужд всего vllazni (сооружение или ремонт дорог, оросительных каналов и т. д.), принимает участие все братство, посылая от каждого дома одного человека. Так же характерен обычай взаимопомощи, например, при уборке урожая, когда нуждающаяся в помощи семья приглашает в первую очередь членов своего братства.

Общественное единство vllazni выражается в различных формах. После раздела семья старшего сына старшего отца считается непосредственной преемницей прежней семьи, оставаясь как бы связующим звеном между остальными семьями, являясь защитницей их общих интересов. Например, гости приходят именно в этот дом, признанный продолжателем старого дома. В былые времена наиболее важные вопросы решались на общем сходе рода (kuvend), на котором каждый дом имел своего представителя: burgë për shtëpi, «мужчина из каждого дома». Сход собирался в определенном традиционном месте. После оглашения вопроса, по которому созван сход, члены каждой vllazni собирались отдельно, обсуждали этот вопрос между собой и приходили

к общему решению. Затем сходу объявляли о решении каждого братства.

Во время военных действий братство выступало как военная единица во главе со своим военачальником (*kreun e villaznis*), пост которого был пожизненным или даже наследственным.

Поскольку братство связано кровным родством, браки внутри его не заключаются. Кровная месть распространяется на всех членов братства, в некоторых местах — на все время, пока кровь не будет отомщена; в других местах — на 24 часа после совершения убийства, причем по истечении этого времени члены братства мести не подлежат (это более поздний порядок, он является попыткой ограничения кровной мести). В некоторых районах братство имеет свое кладбище, на котором, «по «Кануну», не может быть похоронен никто из посторонних

Идеологическая связь у наших горцев хорошо выражается в собственных именах. Например, *Nikolla i Sutës Nikollë Ndreces i Jakaj*. Это значит: Никола, сын Суте, сына Николы, сына Ндреца, потомок Якай. Здесь отражена генеалогия на четыре поколения и общее патронимическое имя — имя реального или предполагаемого предка. Идеологическая связь выражается также в образах первобытной религии. Горцы верят, что после смерти человека его ора (сверхъестественное существо, о котором говорилось выше) не умирает, а становится покровительницей его *barqi*. Каждый дом имеет свою «ору», общую для всех членов. Это «ора» главы семьи, которая заботится о благополучии дома. И когда дом делится, его «ора» продолжает быть общей защитницей и покровительницей его сегментов.

IV

Экономическими и общественными узами семья связана также с селом, а в прошлом была связана с родом или с байраком.

Экономические связи с селом заключаются в совместном владении некоторыми общесельскими угодьями (*kujri, mal, bjeshk*). Таковыми могут быть горные пастбища, покосные луга, леса. Все дома, или «дымы», как выражается «Канун», села имеют равные права на пользование ими. Доходы и убытки от них распределяются на все «дымы» поровну. Эти угодья не подлежат ни разделу, ни продаже.

При анализе патронимической собственности мы отметили зарождение отдельной собственности семьи внутри общественной собственности патронимии. Внутри общесельской собственности также шел процесс образования частной собственности семьи. В «Кануне» содержится несколько примеров правил пользования общесельским имуществом. Так как Гечев записывал эти обычаи в разных местах, то они прекрасно отражают процесс постепенного превращения общесельской собственности в частную. Процесс этот протекал не мирно, а в борьбе между коллективным и частнособственническим началами владения.

В § 235 «Кануна» указывается, что землю, принадлежащую *kujri* (вид общесельского угодья), никто не может распахать или разбить на ней сад или виноградник без согласия всего села. Другие места «Кануна» указывают, однако, на право частного лица посадить дерево на общественной земле, которое он может затем употребить на топливо, но плоды с которого принадлежат всем (§§ 236, 237). В местности Ороши есть правило: «Если кто-либо не использует свой стан (загон для скота на горном пастбище, около которого выстроен маленький домик и возделывается участок под пашню или огород.— С. И.) в течение 10 лет подряд, то теряет на него право, и стан переходит к тому, кто первый его займет» (§ 226). В местности Мальсия э Лешит земля, впервые возделанная кем-либо, становится собственностью семьи и пе-

реходит по наследству, если даже не обрабатывается длительное время (§ 225).

Купле-продаже подлежала только та земля, которая находилась в частной собственности. Но и здесь бывшее общественное владение выражалось в преимущественном праве покупки. По «Кануну» земля продается в первую очередь ближайшим родственникам, и только если они откажутся от покупки, то более дальним; при этом братья и близкие кузены покупают дешевле, чем посторонние; за неимением родственников-покупателей земля продается ближайшему соседу, далее — односельчанам. Лишь в случае отказа всех односельчан землю можно продать любому постороннему (практически это случалось крайне редко). В случае вторичной продажи этой же земли предыдущий хозяин имеет преимущественное право покупки (§§ 464—477). Если землю купил посторонний человек, то, обосновавшись в селе, он становится «братом в селе» (*vlla në katund*). Это, вероятно, связано со старинным представлением о том, что все соседи одновременно были и родственниками. После такого признания любой из сельчан может продать свою вновь прибывшему что-либо из своего собственного движимого или недвижимого имущества. На пользование общественной собственностью вновь прибывший не получает права. В этих законах отражаются два противоречивых начала: новое — отказ от прежнего положения о неотчуждаемости земли, и старое — стремление удержать землю в пределах общины, рода, села. Прибывший в село становится членом общества: получает право голоса на общесельском сходе, имеет право присутствовать на похоронах, свадьбах и т. д., а также обязан участвовать в общественных работах и других общественных предприятиях. Таким образом, землевладение определяет не только имущественное, но и общественное положение человека⁵.

Экономические связи семьи с селом выражаются также в участии в общесельских работах, проведении дорог, сооружении каналов, мостов и т. д.; на такие работы каждый дом посылает одного или нескольких своих представителей. Односельчане связаны также обычаем соседской взаимопомощи. К ней прибегают чаще всего во время пахоты или уборки урожая. Этот обычай в числе лучших традиций албанского народа поддерживается и поощряется Партией труда и народно-демократическим правительством. Еще во время национально-освободительной войны крестьяне шли на помощь семьям партизан; теперь, в период строительства железных дорог и других народных строек, помощь оказывается семьям строителей-добровольцев. В настоящее время, когда в Албании разворачивается борьба за социалистическое преобразование сельского хозяйства, сельская взаимопомощь принимает новый вид: она является первой фазой на пути кооперирования крестьянства.

Общественные связи семьи с селом в старину выражались в участии в общесельском сходе, на который каждая семья должна была послать своего представителя. Каждая семья имела на сходе один голос, независимо от своей численности.

Кроме общесельских угодий, имелись владения байрака, на пользование которыми каждый из домов — членов байрака — имел равные права. «Байрак» (*hajrak*) — это военно-территориальное объединение, которое в период разложения родового строя и возникновения феодализма сменило родовые объединения (*fis*).

⁵ Современное законодательство Народной Республики Албании допускает совместное использование общественных лесов и пастбищ крестьянами одного или нескольких сел «согласно местным обычаям впредь до особых распоряжений, а с тем, что вновь устраиваемые переселенцы должны иметь одинаковые права по использованию этих угодий» (Закон о земельной реформе, ст. 22; цит. по сб. «Конституция и основные законодательные акты Народной Республики Албании», М., 1951, стр. 179); см. также ст.ст. 23 и 24 Закона о земельной реформе.

При этом два — четыре и больше родов могли образовать один байрак, иногда один байрак соответствовал одному роду. Отсюда и некоторая путаница, возникавшая в специальной литературе по этому вопросу: некоторые исследователи смешивали понятия *fis* и *байрак*, принимая их за разные родственные группы; на самом деле это — две общественные формы, хотя и существовавшие кое-где одновременно, но появившиеся на различных исторических этапах. Другие исследователи считали, что байраки создавала турецкая администрация для управления страной; но и это не верно: турецкие власти лишь опирались на отдельных байрактаров (военачальников) и, таким образом, использовали в своих интересах уже существовавшие объединения.

В старину каждая семья должна была участвовать в собрании (*kuvend*) байрака, куда вызывался один мужчина от каждого дома (*burrë për shtëpi*), причем каждый дом имел один голос. Семья была обязана также принимать участие в ополчении байрака, в которое высылался один мужчина от дома (*pushkë për shtëpi*), независимо от числа мужчин в семье, способных носить оружие.

Перед лицом общественного мнения семья выступала как одно целое. Поступки ее членов, как дурные, так и хорошие, приносили радость или несчастье, почет или позор всему дому в целом. Например, по «Кануну», за тяжкий проступок одного члена семьи сельский сход мог постановить сжечь дом этой семьи, хотя бы он принадлежал не самому виновному, а всей общине. Девушка, убившая кого-нибудь, защищая свою честь, приносила честь всему дому. Девушка, не защитившая свою честь, или неверная жена приносили позор дому. Кровная месть за убийство, совершенное одним из членов семьи, падала на всю семью. Даже за проступки маленьких детей отвечал весь дом.

Общепризнанным представителем семьи перед общественным мнением является господин дома. Ответственность за все проступки членов семьи ложится на него. Если совершена кража и т. п. и подозрение падает на какой-либо дом, то, чтобы отвести это подозрение, достаточно клятвы господина дома; требовать клятвы от других членов семьи потерпевший не имеет права.

Одними из важнейших элементов этики являются институты гостеприимства и бэсы (*besa*), в прошлом строго соблюдавшиеся в албанском обществе.

Дом албанца всегда открыт для гостя. Любой человек, далекий ли, близкий ли, даже незнакомый, может прийти в гости, и хозяин обязан принимать его, оказать ему уважение и почет. Степень оказываемого почета зависит от личных качеств гостя, его веса в обществе. Самое важное при этом — радушный, сердечный прием. *Vuke e kurrë e me zëmër* («хлеб да соль от всего сердца»), — говорит народ. Не принять гостя — позор. Гость всецело находится под покровительством дома. В старину хозяин дома должен был защищать своего гостя от любой опасности, даже рискуя жизнью. Считалось большим бесчестьем для дома, если убьют его гостя. «Кровь» (т. е. убийство родного), по «Кануну», может быть прощена, но убийство гостя — это бесчестье и не прощается. Гость находился не только под покровительством дома, но и на его ответственности: за любой его неблагоприятный поступок отвечал хозяин дома. Гость находился в безопасности в доме, оказывавшем гостеприимство, поскольку считался в его «бесе»⁶.

«Беса» — это дело честных людей, это высшее обязательство, которое албанец никогда не нарушает и держит его при любых условиях. Тот, кто не держит «бесу», считается самым нечестным человеком, к нему относятся с презрением. Назвать человека *rabesë*, т. е. человеком,

⁶ *Besë* — «вера», «слово», «обещание»; *mbaj besën* — «держат свое слово»; *e bëj me besë-besën* — «дать слово друг другу»; *jap besën* — «даю слово»; *zë besë, besoj* — «верить», «доверять»; *besa shqipëtare* — «честное слово» (буквально «слово албанца»).

е держащим слова,— самая большая обида, какую можно нанести кому-нибудь. В прошлом, когда общественные отношения основывались лишь на законах обычного права, беса, как и гостеприимство, регулировали межродовые и тому подобные отношения, до известной степени ограждая людей от таких явлений, как кровная месть, феодальные распри и т. д. Каждый человек, даже имеющий за собой какую-либо вину, мог считать себя в «бесу» кого-нибудь: мужчины или женщины, девочки или мальчики; он оказывался, таким образом, под защитой всего дома.

И теперь гостеприимство и верность слову является для албанцев важнейшим правилом этики. Однако в народе критически относятся к старинным обычаям: если в старину даже враг мог войти в любой дом и хозяин не мог отказать ему в покровительстве, то теперь никто из граждан Народной Республики не окажет гостеприимства врагу. В горах известно немало случаев, когда изменники Родины — шпионы и диверсанты, поглаемые в Албанию вражеской агентурой, пытались найти убежище в крестьянских домах, но крестьяне-патриоты, верные партии и народной власти отдавали их в руки правосудия. «Нет веры неверным», — говорят они.

* * *

Первый вопрос, который возникает после изучения приведенного в настоящей статье материала, заключается в следующем: какие причины роль долгого сохранения в среде албанского крестьянства семейной общины и какие причины послужили к ее распаду? *

«Существование семейной общины обусловлено низким уровнем развития производительных сил, свойственных эпохе родового строя, отсутствием хозяйственной необходимостью тесной кооперации и более или менее крупного производственного коллектива. С развитием производительных сил эта необходимость постепенно изживается, и семейная община начинает распадаться... начала, на которых она зиждется, постепенно разрушаются, и в конечном счете окончательно распадается и прекращает свое существование сама семейная община»¹.

Существование семейной общины в наши дни в Албании, стране, провозгласившей социализм, — анахронизм. Эта община, как и многие другие черты патриархального быта, достались Народной Республике в наследство от старой Албании. Почему же в буржуазной Албании хранилась эта пережиточная общественная форма? Может быть тому, что албанский народ в целом не способен к прогрессу? Так, по крайней мере, уверяли некоторые. Нет, албанский народ доказал теперь, что, получив возможности для экономического и культурного развития, он может достигнуть многого. Все дело в том, что он вплоть до победы народно-демократического строя, не имел этих возможностей.

На протяжении пяти веков над Албанией тяготело мрачное турецкое иго. И после освобождения от Турции Албания не получила ни фактической независимости, ни возможности для развития. Страна стала разменной монетой в политических интригах империалистических государств из-за ее природных богатств и выгодного стратегического положения. Все эти «цивилизованные государства» принялись «помочь отсталому народу, неспособному к самоуправлению». Личиной помощи пытался прикрыть свою оккупацию даже итальянский фашизм. Эти «цивилизованные государства» использовали и консервировали в своих интересах культурную отсталость Албании, в том числе пережиточные формы общественного строя.

¹ М. О. Косвен, Семейная община, стр. 3.

С победой Советского Союза над фашизмом страна освободилась от империалистического угнетения и под руководством Партии труда, при бескорыстной помощи Советского Союза, строит социализм.

Страна рвется вперед к стройкам невиданных для Албании размеров, к полному преобразованию экономики, к созданию нового, социалистического быта. Социалистический уклад завоевывает ведущее место в стране. Он сметет с лица земли все остальные уклады, которые пока сосуществуют в стране, в том числе и патриархальный уклад, сохранением которого обуславливается переживание еще местами семейной общины. Правительство Албании пока не поощряет разделов большой семьи в интересах сохранения крупных, т. е. более мощных, хозяйств. Но с социалистическим преобразованием сельского хозяйства, с победой колхозного (кооперативного) строя исчезнут предпосылки для существования большой семьи. И крестьянская семья в социалистической Албании станет новой колхозной семьей.

Наши враги из лагеря империализма грозят нам войной. Они хотят прервать мирное развитие нашей свободной жизни. Но мы их не боимся, ибо с нами Великий Советский Союз, стоящий на страже мира. Албацский народ отвечает врагам словами своего вождя Энвера Ходжи: «Пусть собаки лают — караван идет вперед!»

Наш народ исполнен решимости строить новую жизнь без патриархальщины.

В. С. РУДНЕВ

НАРОДЫ МАЛАЙИ

Более четырех лет народы Малайи ведут вооруженную борьбу против империалистической армии английских колонизаторов. Английские империалисты, грозившие летом 1948 г. разделаться с народным движением в несколько месяцев, теперь больше не рискуют говорить о сроках и вынуждены признавать возможность того, что Англии придется под ударами Народно-освободительной армии уйти из Малайи. И все это, несмотря на то, что английские империалисты сконцентрировали войну против народов Малайи¹ огромные вооруженные силы, оснащенные по последнему слову техники, авиацию и флот, несмотря на то, что они использовали весь арсенал провокаций, подлостей и жестокости, накопленный ими в течение веков господства над колониальными народами.

Успехи патриотов Малайи в их справедливой освободительной войне вызывают чувство радости у трудящихся всего мира, способствуют дальнейшему расширению и углублению антиимпериалистической борьбы в Азии и, в первую очередь, в соседних с Малайей странах — Индонезии, Бирме, Таиланде и Филиппинах, ведут к еще большему обострению кризиса колониальной системы.

Одной из особенностей национально-освободительного движения в Малайе является многонациональный состав населения страны. Это обстоятельство использовали английские империалисты для осуществления политики «разделяй и властвуй». Однако, если уже в предвоенные годы антиимпериалистическая политика раскола трудящихся дала серьезные тенденции, то в послевоенное время эта политика потерпела полный крах.

Ныне в национально-освободительном движении участвуют трудящиеся всех национальностей Малайи. Отсюда понятно то значение, которое приобретает в настоящее время изучение условий жизни, культуры и путей вовлечения в национально-освободительную борьбу различных национальностей Малайи.

В мире мало стран с таким пестрым национальным составом населения как Малайя. По цензу 1947 г. в Малайе было 5 848 910 жителей². Из них: малайцев 2 540 000 (43%), китайцев 2 614 667 (45%), индийцев 599 616 (10%)³. Кроме того, в Малайе в 1947 г. было: уроженцев Цейлона 22 780, сямцев 20 203, арабов 5 718 и ряд менее многочисленных групп представителей других национальностей⁴.

Таким образом, основная масса населения Малайи состоит из малайцев, китайцев и индийцев, причем в их распределении по территории Малайи можно проследить известное разграничение. Так, если во всей Малайе (включая и Сингапур и Малайскую федерацию)⁵ китай-

¹ Когда говорится о народах Малайи, то имеются в виду все национальные группы Малайи.

² M. V. del Tufo, Malaya, London, 1949, стр. 45.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же.

⁵ Созданная в результате «конституционной реформы» английских империалистов Малайская федерация включает как бывшие федерированные султанаты (Перак,

цев несколько больше, чем малайцев, то в одной Малайской Федерации, без Сингапура, малайцев больше, чем китайцев. Это объясняется тем, что Сингапур с его миллионным населением на три четверти состоит из китайцев⁶.

Малайцы составляют подавляющую часть населения северных султанатов Келантана и Тренгану и преобладают в Паханге и Перлисе. Значителен процент малайцев и среди населения султанатов Селангор, Джохор и Перак⁷.

Китайцы составляют подавляющую часть населения, кроме Сингапура, также в Пинанге и Селангоре. Китайское население преобладает в Джохоре, Пераке и Негри-Сембилане.

Индийцы живут преимущественно в Сингапуре, Пинанге и султанатах Пераке, Селангоре, Негри-Сембилане и Кеда⁸.

Сосредоточение китайского и индийского населения в западных султанатах — Селангоре, Негри-Сембилане и Пераке объясняется тем, что здесь находится основная масса оловянных рудников и каучуковых плантаций, для работы на которых английские колонизаторы ввозили на кабальных условиях китайских и индийских рабочих.

Ввоз китайских кули для работы в оловянных рудниках приобрел большие размеры уже в конце XIX в., а массовый ввоз индийских рабочих начался после «каучукового бума» в Малайе в 1909—1910 гг. До сих пор китайцы составляют основную рабочую силу на оловянных рудниках, а индийцы — на каучуковых плантациях.

Долгое время английские колонизаторы почти не использовали коренных жителей страны — малайцев в качестве рабочей силы на оловянных рудниках и каучуковых плантациях и предпочитали ввозить дешевую рабочую силу из Китая и Индии. Однако под влиянием империалистической эксплуатации, в частности, в результате взимания арендной платы за землю и различных денежных налогов, в малайской деревне начали развиваться капиталистические отношения. Ускоренным темпом, особенно во время экономических кризисов, происходило обезземеливание малайского крестьянства, за счет которого рос малайский пролетариат. Этот процесс усилился после окончания второй мировой войны. За последние годы число малайских рабочих значительно выросло. В то время как в декабре 1938 г. в Малайе было только 25 896 рабочих малайцев, в декабре 1947 г. их число достигло 78 тыс. В 1947 г. малайских рабочих было на 200% больше, чем в 1939 г., а прирост за 1947 г. почти равнялся всему числу малайских рабочих до войны⁹.

Несмотря на такой резкий рост численности малайских рабочих, огромное большинство малайского населения попрежнему составляют крестьяне. Характерно, что в Малайе есть только три города, насчитывающих более 10 тыс. жителей, — Батервоф, Кота Бару и Тренгану, в которых малайское население составляет большинство¹⁰.

Как уже было упомянуто выше, малайские крестьяне жестоко эксплуатируются английскими империалистами посредством разорительной арендной платы и различных налогов. Будучи не в состоянии выплачивать налоги, малайские крестьяне вынуждены закладывать свои земли индийским ростовщикам или идти в кабалу к малайским кулакам. По-прежнему существуют за счет малайских крестьян малайские феодалы и мусульманское духовенство. Путем беспощадной эксплуатации кре-

Селангор, Негри-Сембилан и Паханг), так и бывшие нефедерированные султанаты (Келантан, Тренгану, Джохор, Перлис и Кеда). Кроме того, Малайская федерация включает бывшие составные части колонии Стрейтс Сеттльментс-Пинанг и Маллаку.

⁶ M. V. del Tijo, Указ. соч., стр. 50.

⁷ Там же, стр. 45.

⁸ Там же.

⁹ «Colonial Annual Reports, Malayan Union», 1947, London, 1949, стр. 13.

¹⁰ E. H. G. Dobby, Southeast Asia, London, 1950, стр. 136.

стьян английские империалисты выкачивают средства на огромные пенсии малайским султанам, а для содержания мусульманского духовенства к малайского крестьянства до сих пор взимается церковная десятина ¹¹.

В результате многолетнего хозяйничания английских империалистов в Малайе хозяйство малайских крестьян доведено до полной деградации. Риса, собираемого малайскими крестьянами, не только не хватает для всего населения Малайи (Малайя вынуждена импортировать примерно $\frac{2}{3}$ потребляемого риса) — но даже недостаточно для пропитания самих крестьян, чего никогда не бывало до прихода английских «цивилизаторов». После окончания второй мировой войны положение с продовольствием еще более ухудшилось. Так например, в 1947 г. голод свирепствовал среди малайских крестьян восточного побережья Малаккского полуострова ¹².

При английском господстве ирригационные сооружения, достигшие в Малайе большого совершенства еще в средние века, пришли в полную негодность. Земля для рисосеяния до сих пор обрабатывается деревянным плугом ¹³. В качестве тягловой силы используется более всего скот (буйволы), который распространен в Келантане ¹⁴.

Помимо риса, малайские крестьяне разводят также много других сельскохозяйственных культур. Так, например, в зависимости от района, в хозяйстве малайских крестьян в большей или меньшей степени распространены кукуруза, перец, табак, тапиока, сладкий картофель, различные тропические фруктовые деревья (манговое дерево, арековая пальма и т. д.) ¹⁵. Особенно большую роль в хозяйстве малайских крестьян играет кокосовая пальма, плоды которой не только служат им пищей, но и дают горючее для освещения домов ¹⁶. Из орехов кокосовой пальмы малайские крестьяне изготавливают и посуду ¹⁷.

Как правило, малайские крестьяне выращивают на своих крошечных участках также и каучуковые деревья. Не имея средств для обработки и транспортировки каучука, малайские крестьяне вынуждены прибегать к услугам различных посредников, в карманы которых попадает большая часть выручки.

Малайцы издавна славятся как прекрасные моряки и рыболовы. Большинство малайских поселений находится на морском побережье или по берегам рек. В 1947 г. в Малайе насчитывалось 65 169 рыбаков ¹⁸, из которых большинство были малайцы. Кроме того, надо учесть, что многие крестьяне, которые совмещают рыбный промысел с сельским хозяйством, не включены в это число. Большинство малайских рыбацких деревень находится на восточном побережье Малаккского полуострова, главным образом в Келантане и Тренгану.

Малайские рыбаки не имеют средств для покупки современных средств рыболовства и ловят рыбу с небольших парусных или гребных лодок при помощи изготовленных ими же снастей. Несмотря на то, что малайские рыбаки проявляют большое мужество и изобретательность при ловле рыбы, лоборы и налоги английских империалистов довели их, как и крестьян-рисопроизводителей, до подлинной нищеты. Если во время хорошей погоды малайские рыбаки с восточного побережья еще кое-как сводят концы с концами, то во время северо-восточного муссона ¹⁹, когда

¹¹ R. Firth, *Malaya fishermen: their peasant economy*. London, 1946, стр. 291.

¹² «Colonial Annual Reports», Указ. соч., стр. 67.

¹³ «Geographical Review», 1951, апрель.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ E. H. G. Dobby, Указ. соч., стр. 111.

¹⁷ Fay-Cooper Cole, *The peoples of Malaya*, New York, 1945, стр. 121.

¹⁸ M. V. del Tufo, Указ. соч., стр. 105.

¹⁹ Северо-восточный муссон дует с ноября по апрель.

погода не дает возможности выйти в море на утлых лодченках, их положение становится катастрофическим²⁰.

Жилища малайцев Малаккского полуострова сходны с жилищами, распространенными во всем Индонезийском архипелаге. Как правило, дома в малайских деревнях строятся на столбах. Крыши домов делаются из пальмовых листьев, а стены и полы — из бамбука²¹. Некоторые рыбацкие деревни стоят на воде; в таких случаях на сваях воздвигается большая платформа, которая служит полом в жилищах малайских рыбаков²². Многие же малайцы не имеют и такого убежища и вынуждены жить на плотках или в лодках²³.

О нищете внутренней обстановки малайских жилищ можно судить хотя бы по тому, что даже приобретение деревянного сундука не по карману большинству малайских крестьян²⁴. Столовую утварь малайцы выделывают из кокосовых орехов и бамбука.

Как уже было упомянуто, основным продуктом питания малайцев является рис, а в рыбацких деревнях наряду с ним — рыба. Такие продукты, как мясо, яйца и т. д., недоступны малайским крестьянам и употребляются лишь в особо торжественных случаях (на праздниках и т. д.).

Национальная одежда малайцев — саронг, яркое покрывало, которое носят как мужчины, так и женщины, хотя способы ношения его различны. Головной убор мужчин — феска, а женщин — платок, представляющий собой разновидность саронга.

Империалистический гнет пагубно сказывается на всех сторонах жизненного уклада и многовековой культуры малайцев. Еще в глубокой древности малайцы достигли высокой ступени развития и обладали богатой и разнообразной культурой. Имеются данные, что еще в III—II тысячелетиях до н. э. предки малайцев обладали значительными познаниями в области математики и астрономии²⁵. В дальнейшем развитии малайцы²⁶ испытали значительное воздействие культуры Индии и Китая. Индийское влияние было особенно сильным в I—III вв. н. э., когда выходцы из Южной Индии в торговых целях построили на Малаккском полуострове ряд поселений. Малайцы научились у индийцев строительному искусству и умению изготавливать различные предметы из металла.

Значительное воздействие на малайцев оказала и религия индийцев. Буддизм и индуизм были у малайцев господствующими религиями вплоть до XV в., когда началось их постепенное вытеснение исламом. В 1511 г., когда португальские конкистадоры во главе с Альбукерком захватили Малакку, малайцы Негри-Сембилана были еще индуистами²⁷. Следы индуизма и буддизма и донныне сохранились в верованиях малайцев.

Вплоть до XV—XVI вв. малайцы пользовались индийским алфавитом. Влияние индийских языков до сих пор ощутимо в языке малайцев Малаккского полуострова, особенно в келантанском диалекте²⁸. Некоторые названия селений и местностей Малайи индийского происхождения. Название города Сингапур также индийского происхождения. Слово *синга* на санскрите означает лев, а *пур* — крепость, таким образом *сингапур* означает крепость льва. Образы индийского эпоса (Рамаяны и т. д.) используются малайским фольклором. Индийское влияние и теперь заметно в малайском народном театре теней (вайанг).

Использовали малайцы и достижения китайской культуры. Китайцы

²⁰ R. Firth, Указ. соч., стр. 298.

²¹ Fay-Cooper Cole, Указ. соч. стр. 120.

²² Там же, стр. 121.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ R. Winstedt, The Malays, A cultural history, London, 1950, стр. 11.

²⁶ Везде речь идет о малайцах Малаккского полуострова.

²⁷ R. Winstedt, Указ. соч., стр. 27.

²⁸ Там же.

подобно индийцам, с глубокой древности связаны с Малайей. В Малайе найдены китайские фарфоровые монеты примерно тысячелетней давности. Уже в это время между Китаем и Малайей велась интенсивная торговля. Созданные в торговых целях китайские поселения в портах средневековой Малайи, прежде всего в Малакке, были местом образования постоянного китайского населения в стране и центром распространения китайской культуры.

Многие технические изобретения китайцев нашли применение в производственной деятельности малайцев и в мореплавании, а китайское искусство оказало заметное влияние на малайское искусство.

В период с XV до начала XVII в. малайцы Малаккского полуострова были обращены в ислам. Сначала ислам приняли малайские князья, которые после принятия магометанства переменили свой прежний индийский титул «махараджа» на арабский — «султан». Малайские султаны использовали мусульманскую религию как орудие расширения своей власти и опирались в эксплуатации малайского крестьянства на мусульманское духовенство, которое представляло их в качестве избранных пророков, «тень пророка» на земле.

Распространение ислама в Малайе сопровождалось проникновением в Малайю арабской культуры. Малайцы перевели на свой язык, наряду с богословскими книгами, многие арабские научные трактаты и литературные произведения.

Разнообразные влияния, которые испытала в своем развитии малайская культура, обогатили ее, но отнюдь не уничтожили ее самобытности. В времена захвата малайских султанатов во второй половине XIX в. малайцы обладали богатой и оригинальной культурой, но теперь лишь остатки ее уцелели от рук английских империалистов. Особенно ярко богатство и своеобразие малайской культуры проявились в литературе в области художественного ремесла.

Древними образцами малайской литературы являются стихотворная надпись XIV в. на могиле Пасайской принцессы и надпись того же века на памятнике в Тренгану²⁹. Видное место в средневековой малайской литературе занимают произведения, родственные яванским повестям (ланджи, которые получили большое распространение среди народа благодаря театру теней. К числу произведений подобного рода относятся эпоса «Кен Тамбухан», повесть «Шекель Ваненг Парти» и роман «Хикайят Ханг Туа». Многие произведения такого рода до сих пор показываются театрами теней в малайских деревнях³⁰.

К числу наиболее известных литературных произведений, созданных в Малайе вскоре после принятия малайцами ислама, относятся «Хикайят Вадра Вангсаван» и «Хикайят Накхода Муда»³¹.

Малайские писатели в средние века и в новое время создали немало замечательных исторических произведений. Шедевром малайской исторической литературы считается созданная в XV в. «История Малайи» («Седжара Мелайю»). Автором этого выдающегося произведения считают жителя средневековой Малакки. В более позднее время в Малайе появилось еще несколько крупных исторических произведений, среди которых можно назвать «Миса Мелайю». В этом произведении излагается история Перакского султаната в XVIII в.³² Видным малайским историком был Райя Али Хаджи бин Райя Ахмад, живший в XIX в. Работы Райя Али Хаджи бин Райя Ахмада касаются главным образом истории государства Риау-Джохор, которое было крупнейшим малайским государственным объединением на Малаккском полуострове после завоевания Малакки европейскими колонизаторами.

²⁹ R. Winstedt, Указ. соч., стр. 139.

³⁰ Там же, стр. 143.

³¹ Там же, стр. 144.

³² Там же, стр. 151.

Родоначальником нового жанра в малайской литературе был Мунши Абдулла бин Абдул Кадир, живший с 1796 по 1854 г. Его произведения свободны от фантастики, изобиловавшей в работах предшествовавших ему писателей. Мунши Абдулла бин Абдул Кадир обращает основное внимание на точную передачу событий и описание быта.

Крупным событием в истории малайской литературы XIX в. был перевод Ахмадом бин Мухамедом Юнусом эзоповских басен, что, как и произведения Мунши Абдуллы бин Абдул Кадира, отражало реалистическое веяние в малайской литературе³³.

Наряду с прозаическими произведениями, малайцы создали также множество талантливых стихотворных произведений. Среди средневековых поэтов наиболее известны: «Шаер Силиндонг Делима Алиам Шри Бениан» и «Шаер Видасари». Излюбленная стихотворная форма малайцев — пантун (песня). Лучшие малайские пантуны обладают совершенной поэтической формой и исключительной выразительностью образов передающих глубокие и искренние чувства.

Империалистическая эксплуатация и насаждаемая английскими колонизаторами «цивилизация» нанесли тяжелый удар малайской литературе. При английском господстве талантливые малайские писатели вынуждены переводить низкопробные произведения реакционных английских писателей или писать буквари для контролируемых английскими империалистами малайских школ. Однако, несмотря на империалистический гнет малайский народ продолжает бережно хранить традиции своей литературы, которая, несомненно, вновь расцветет после изгнания из Малайи империалистических эксплуататоров.

До захвата малайских султанатов английскими колонизаторами малайцы достигли высокого искусства и в области художественного ремесла. Художественное ремесло было развито прежде всего при дворе малайских султанатов, где работали ремесленники, изготовлявшие предметы роскоши для феодалов. Кроме того, простые малайские крестьяне достигли подлинной виртуозности в изготовлении предметов домашнего обихода. Ювелирные изделия малайских мастеров были известны далеко за пределами страны. Особенно славилась малайские изделия из золота, серебра и меди. Некоторые авторы полагают, что крик — оружие, распространенное во всем Индонезийском архипелаге, первоначально изготовлялся в Малайе. В настоящее время сохранились лишь остатки эти старинных малайских ремесел. Так, до настоящего времени отдельные малайские мастера по металлу работают в султанате Тренгану³⁴.

При английском господстве почти исчезли такие ремесла, как резьба по дереву и выделка кружев, которыми раньше славилась малайцы. Примерно так же обстоит дело с изготовлением глиняных изделий. В настоящее время малайцы делают различные предметы из глины лишь в некоторых селениях Перака, около Куала Пила в султанате Негри-Сембилане, в Куала Кра в султанате Келантане, около Куала Тембелинг в султанате Паханге и в некоторых селениях султаната Кеда³⁵. Малайцы изготовляют из глины кувшины для воды, чашки, тарелки и т. д.

Почти исчезло в Малайе в последнее время и ткачество. Оно сохраняет значение только в Келантане, Тренгану и на восточном побережье Паханга. Малайские крестьяне ткнут материал для саронгов, хотя в основном для изготовления одежды малайцы теперь используют импортные ткани (главным образом хлопчатобумажные).

До сего времени остается широко распространенным искусство вышивания и изготовления различных предметов домашнего обихода — циновки, корзин и т. п. Малайцы вышивают преимущественно такие предметы

³³ R. Winstedt, Указ. соч., стр. 152.

³⁴ R. L. German, Handbook to British Malaya, London, 1928, стр. 196.

³⁵ Там же.

как подушки, циновки, драпировки, покрывала для посуды и т. д. Особенно славится искусством вышивания Куала Кангсар в Пераке ³⁶.

Почти все малайки умеют делать из древесных листьев циновки, являющиеся важным предметом обихода в домах малайцев ³⁷. Столь же широко распространено производство корзин, которые используются для самых разнообразных целей в хозяйстве малайских крестьян.

Еще в 1930 г. английские империалисты организовали якобы с целью содействия малайским мастерам специальное Всемалайское общество ремесленников с отделениями во всех малайских султанатах. Однако на самом деле английские колонизаторы пытались таким путем «централизовать» ограбление малайских ремесленников.

В столь же тяжелом положении, как малайская литература и ремесла, находятся малайский театр и музыка. Любимый вид театрального искусства у малайцев — театр теней (вайанг), возникший еще в средние века. Есть у малайцев и театр с актерами и опера. Все наблюдатели отмечают исключительную одаренность малайских актеров ³⁸. Английские колонизаторы пытаются задушить эти виды искусства при помощи своего растленного искусства, прежде всего при помощи изделий своей и голливудской кинопромышленности.

Как уже было показано выше, китайцы и индийцы, которых английские империалисты представляют в качестве чужаков в Малайе, имеют длительные исторические связи с Малайей и культура Китая и Индии наложила глубокий отпечаток на малайскую культуру.

В последние десятилетия намечилось серьезное изменение в положении китайского и индийского населения Малайи. Хотя широкий ввоз в Малайю китайских и индийских рабочих происходил уже в конце XIX века, а постоянное китайское население в Малайе существует с средних веков, образование значительного постоянного китайского и индийского населения в Малайе ускорилось лишь в 1930-х годах. Это объясняется тем, что вплоть до нападения Японии на Китай в 1937 г., когда почти полностью прекратилась китайская иммиграция в Малайю, и до 1938 г., когда был наложен запрет на эмиграцию индийских рабочих из Индии, иммиграция китайских и индийских рабочих в Малайю сопровождалась их эмиграцией из Малайи, так как большинство китайских и индийских рабочих, проработав несколько лет в Малайе, вновь возвращались к себе на родину. Этим объяснялся и низкий процент китайцев и индийцев, родившихся в Малайе, по отношению ко всему китайскому и индийскому населению страны, а также преобладание мужчин среди иммигрантов, ибо китайцы и индийцы в то время редко брали с собою семьи в Малайю.

За последнее время положение резко изменилось. В настоящее время китайцы, родившиеся в Малайе, составляют две трети всего китайского населения страны ³⁹. Соответственно вырос и процент женщин среди китайского населения Малайи. Этот процесс наглядно иллюстрируют следующие данные:

Число китайок на 1000 китайцев по отдельным годам⁴⁰

1911 год	1921 год	1931 год	1947 год
247	384	513	833

³⁶ R. L. German, Handbook to British Malaya, London, 1928, стр. 196.

³⁷ Там же.

³⁸ R. G. H. Sidney, In British Malaya to-day, London, 1929, стр. 66.

³⁹ M. V. del Tufo, Указ. соч., стр. 84.

⁴⁰ Там же, стр. 59.

Подобное положение наблюдалось и среди индийского населения Малайи, что видно из следующих данных ⁴¹:

	1921	1931	1947
Число индийцев, родившихся в Малайе	58 676	131 474	238 674
Процент от всего индийского населения	12,4	21,1	49,8

По отраслям хозяйства китайское и индийское население Малайи распределяется следующим образом. Одна треть всего мужского самостоятельного китайского населения занята в сельском хозяйстве, а более половины этой группы населения занята в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, на транспорте и в торговле. Кроме того, 16,9% этой группы населения находится в личном услужении.

Среди китайцев процент населения, занятого в сельском хозяйстве, меньше, чем среди малайцев и индийцев. С образованием в Малайе во время японской оккупации почти полумиллионного скваттерского населения число китайцев, занятых в сельском хозяйстве, значительно выросло. Скваттеры — это в большинстве своем китайские рабочие, которые во время японской оккупации, когда, вследствие свертывания оловянной промышленности и сокращения производства каучука, в Малайе резко выросла безработица, для того, чтобы не умереть с голода, переселялись со своими семьями на окраины джунглей и вели там натуральное хозяйство.

Характерно также в последние годы увеличение числа китайских рабочих на каучуковых плантациях.

Более 40% всего индийского самостоятельного мужского населения в Малайе занято в сельском хозяйстве, главным образом на каучуковых плантациях, где индийцы составляют приблизительно три пятых плантационных рабочих ⁴². Значительное число индийцев этой группы занято на общественных работах (18,2%) и в торговле (13%) ⁴³.

Китайское и индийское население Малайи сохраняет привязанность к Китаю и Индии, что сказывается во всем их жизненном укладе, хотя английские империалисты и стремятся лишить их всяких связей с родиной, задушить их культуру и превратить их в безропотных колониальных рабов.

Почти во всех городах Малайи есть китайские районы, которые по своему внешнему облику напоминают города старого Китая. В этом отношении особенно примечателен внешний облик китайских кварталов Сингапура с его огромным китайским населением. Однако нищета китайских районов в Малайе превосходит даже нищету трущоб старого Китая. Даже по показаниям правительственного отчета в китайских районах Сингапура 300 тыс. человек живет на площади в 1000 акров, то есть 300 человек на площади в 1 акр ⁴⁴. Семьи китайских трудящихся занимают в домах этих районов крошечные каморки, как правило, лишенные окон. Многие же не имеют возможности получить даже такие каморки и вынуждены жить в так называемых «пространствах», то есть на лестницах, в коридорах или в убежищах, построенных из старых бидонов из-под керосина, и т. д. ⁴⁵.

Столь же ужасны условия жизни китайских и индийских рабочих на

⁴¹ М. V. del Tufo, Указ. соч., стр. 85.

⁴² Там же, стр. 114.

⁴³ Там же, стр. 106.

⁴⁴ «World News and Views», от 20 ноября 1948 г.

⁴⁵ «Les partisans de la paix», сентябрь 1949 г.

оловянных рудниках и каучуковых плантациях. Об условиях жизни плантационных рабочих в Малайе даже корреспондент буржуазной английской газеты «Обсервер» вынужден был написать: «Несколько раз мне с гордостью показывали жилища кули на плантациях, которые псы не потерпели бы для собак»⁴⁶. Обычными жилищами рабочих на оловянных рудниках являются деревянные хижины с земляными полами или бараки. Крыши подобных барачков делаются из пальмовых листьев, а полом в них служит земля. Рабочие спят на деревянных нарах и в качестве подушек используют предметы из тростника или глины⁴⁷.

Так же плохо обстоит дело с просвещением и медицинским обслуживанием китайских и индийских трудящихся. Преступное безразличие английских колонизаторов к состоянию здоровья китайских и индийских (равно как и малайских) трудящихся привело к тому, что ныне Малайя занимает одно из первых мест в мире по распространенности самых тяжелых заболеваний. В частности, Малайя занимает одно из первых мест в мире по смертности от туберкулеза⁴⁸. Особенно велика смертность от туберкулеза среди китайских трудящихся Сингапура, которые живут в условиях чрезвычайной скученности и нищеты. Распространены в Малайе и малярия и проказа, которой не было в стране до прихода английских колонизаторов. Проказа получила распространение в Малайе из-за того, что английские колониальные власти не захотели своевременно создать условия для отделения прокаженных от здоровых, уверяя, что якобы проказа незаразная болезнь.

Распространению различных заболеваний способствует и постоянное недоедание среди китайских и индийских трудящихся. Питание еще более ухудшилось в послевоенные годы, вследствие резкого роста цен на продукты, в то время как зарплата трудящихся почти не выросла с довоенного времени. В настоящее время ежедневный заработок рабочих в Малайе составляет только одну восьмую заработка рабочего в Англии⁴⁹, причем и этот заработок часто отбирается хозяевами путем различных штрафов за «порчу материалов», «нерадивую работу» и т. д. Неудивительно, что на эти средства трудящиеся не могут купить себе ни пищи, ни одежды. В то же время английские империалисты цинично доказывают, что причиной голода является не ограбление народов Малайи англо-американскими монополиями, а якобы особенности индийской и китайской диеты⁵⁰.

Система воспитания, созданная английскими империалистами в Малайе, направлена главным образом к тому, чтобы сделать из жителей Малайи покорных слуг английского империализма. Эта направленность системы обучения настолько очевидна, что об этом вынуждена писать даже буржуазная печать. Так, индийский буржуазный журнал «Бомбэй Кроникл Уикли» пишет: «Воспитательная система англичан имела целью сделать из жителей Малайи послушных рабов»⁵¹.

Надо отметить, что положение с образованием для китайского и индийского населения Малайи еще более тяжелое, чем даже для малайского населения. Это объясняется тем, что английские империалисты в целях раскола трудящихся Малайи по национальностям в течение десятилетий проводили политику так называемого «покровительства» малайцам, что выражалось в основном в предоставлении различных привилегий малайским феодалам и деревенской верхушке. В частности, английские империалисты создали сеть сельских школ для детей малайских кулаков и более привилегированные учебные заведения для отпры-

⁴⁶ Цит. по кн. J. Woddiss, *Stop the war in Malaya!* London, 1950, стр. 3.

⁴⁷ R. G. H. Sidney, Указ. соч., стр. 163.

⁴⁸ «За прочный мир, за народную демократию!» от 29 февраля 1952 г.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См., например, кн. H. B. Hake, *The new Malaya and you*, London, 1945, стр. 93.

⁵¹ «Bombay Chronicle Weekly» от 13 августа 1950 г.

сков малайских аристократов. В этих школах ведется подготовка кадров для колониальной администрации, марионеточных вооруженных сил и т. д. В сельских малайских школах учатся и небольшая часть детей малайских трудящихся, которых английские империалисты пытаются воспитать в верноподданническом духе.

Образование китайского и индийского населения Малайи английские колонизаторы стараются всеми способами еще более затормозить. Они прежде всего хотят заставить китайцев и индийцев отказаться от их родного языка и таким путем оторвать их от родной культуры и демократического движения на их родине. Многие китайские и индийские дети в Малайе не имеют вообще возможности получить даже начальное образование. По признанию самого английского верховного комиссара Малайской федерации в 1948 г. в Малайской федерации из миллиона детей в возрасте от 6 до 12 лет только приблизительно треть получала какое-либо образование, а прочие оставались без всякого образования. Даже в таком крупном центре, как Сингапур, половина детей не имеет возможности посещать школу⁵².

Большинство китайских и индийских детей, имеющих возможность посещать школу, — а подобную возможность имеют, как правило, дети более или менее состоятельных родителей, — учатся в частных, платных школах. Однако английские колониальные власти не оставляют в покое и частные школы. Особым преследованиям подвергаются китайские школы, ибо английские колонизаторы всяческими способами хотят подавить тягу китайских детей к Народному Китаю, к его культуре и к изучению истории борьбы китайского народа за свое освобождение. Английские колониальные власти карают строжайшими наказаниями тех, у кого они находят произведения руководителей Китайской Народной Республики или произведения прогрессивной китайской литературы.

Однако драконовские преследования и поход английских колонизаторов против демократической культуры не уничтожили и не уничтожат в трудящихся Малайи стремления к свободе. Видную роль в истории национально-освободительного движения в Малайе сыграла революционная китайская, малайская и индийская интеллигенция, которая вела пропаганду в Малайе великих идей Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Распространение в Малайе идей научного коммунизма началось после Великой Октябрьской социалистической революции. Значение Великой Октябрьской социалистической революции для народов Востока гениально определил товарищ Сталин: «Октябрьская революция расшатала империализм не только в центрах его господства, не только в «метрополиях». Она ударила ещё по тылам империализма, по его периферии, подорвав господство империализма в колониальных и зависимых странах»⁵³.

Огромное значение для развития национально-освободительного движения в Малайе имело создание в июле 1931 г. коммунистической партии Малайи⁵⁴. В 1935 г. на всемалайском собрании коммунистов была выдвинута задача борьбы за установление Малайской демократической республики. Основой демократической республики в Малайе, как указывалось в принятой на этом собрании программе, должен быть единый демократический фронт, руководимый рабочим классом⁵⁵.

Под руководством коммунистической партии малайские трудящиеся дали в 1930-х годах отпор попыткам английских империалистов лишить рабочих всех экономических и политических прав. Коммунистическая партия и созданные ею подпольные профсоюзы возглавили мощную

⁵² «World News and Views» от 8 апреля 1950 г.

⁵³ И. В. Сталин. Международный характер Октябрьской революции, Соч., т. 10, стр. 243.

⁵⁴ «За прочный мир, за народную демократию!» от 3 июля 1951 г.

⁵⁵ Там же.

бастовочную волну 1930-х годов, в результате которой английским империалистам впервые пришлось пойти на известные уступки трудящимся Малайи. В забастовках 1930-х годов участвовали трудящиеся всех национальностей Малайи.

Большое значение для сплочения трудящихся китайцев, малайцев, индийцев в едином фронте демократических сил имел тот факт, что коммунистическая партия Малайи включала с самого начала в свои ряды представителей всех национальностей Малайи.

Опыт, приобретенный трудящимися Малайи в предвоенной борьбе против английских империалистов, явился важной предпосылкой победоносной борьбы народов Малайи против японских оккупантов в годы второй мировой войны и подъема национально-освободительного движения в Малайе в послевоенные годы.

После того, как английские войска в Малайе в феврале 1942 г. потерпели позорное поражение, сопротивление японским оккупантам возглавил рабочий класс, ведомый коммунистической партией Малайи. В созданной под руководством коммунистов антияпонской армии народов Малайи принимали участие рабочие и крестьяне всех национальностей Малайи. В освобожденных от японских оккупантов районах патриоты Малайи осуществляли демократические реформы.

Необходимо отметить, какое большое внимание уделяли руководители антияпонской армии народов Малайи развитию демократической культуры и как, в свою очередь, эта культура помогала патриотам Малайи бороться с врагом.

Как правило, во главе каждого партизанского отряда, входившего в антияпонскую армию народов Малайи, стоял комитет из трех членов: один — политический руководитель, второй — военный руководитель и третий ведал образованием⁵⁶.

Коммунисты Малайи проявляли много изобретательности для того, чтобы повысить политическую грамотность бойцов, для чего широко применялись такие средства, как постановка революционных пьес и разучивание революционных песен. Один из английских офицеров, сброшенный в Малайю на парашюте, уже после войны описывая в «Дейли Воркер» свое пребывание там, отметил характерную сцену: «Через несколько дней после моего прибытия, — писал он, — когда я сидел с группой их офицеров, один из них начал напевать советский марш»⁵⁷. Это говорит о том, что надежды затерянных в малайских джунглях партизан обращались к Советскому Союзу.

Большое значение для разоблачения японской пропаганды и мобилизации всех трудящихся на борьбу против японских оккупантов имела коммунистическая печать. Коммунистическая партия Малайи издавала газеты на малайском, китайском и тамильском языках. Коммунистические газеты распространялись по всей Малайе⁵⁸.

После того, как в августе 1945 г. под ударами героической Советской Армии рухнула японская империя и японское правительство было вынуждено капитулировать, антияпонская армия народов Малайи освободила всю страну от японских войск. Во всех городах и деревнях Малайи трудящиеся избрали демократические органы власти — народные комитеты, которые управляли страной в соответствии с интересами трудящихся⁵⁹.

В сентябре 1945 г. в Малайе высадились 250-тысячная английская армия, с помощью которой английские империалисты разогнали народные комитеты и приступили к разоружению антияпонской армии народов Малайи. Однако, учитывая революционную обстановку в Малайе и бое-

⁵⁶ «The Geographical Magazine», 1951, январь.

⁵⁷ «Daily Worker» от 31 августа 1948 г.

⁵⁸ W. Blaschke, Freedom for Malaya, Sydney, 1949, стр. 13.

⁵⁹ «За прочный мир, за народную демократию!» от 19 мая 1950 г.

вое настроение народных масс, английские империалисты в первый период одновременно с применением грубой силы попытались ослабить народное движение при помощи различных псевдодемократических мер, чтобы создать себе условия для последующего разгрома национально-освободительного движения.

Этим целям служила прежде всего разработанная английскими колонизаторами «конституционная реформа». По этой «конституционной реформе» как федерированные, так и нефедерированные малайские государства вместе с бывшими частями колонии Стрейтс Сеттльментс, Пинангом и Малаккой, объединялись в новое административное подразделение «Малайский Союз». «Конституционная реформа» предусматривала также отделение Сингапура от «Малайского Союза» и превращение его в отдельную коронную колонию, что вызывалось как стратегическими соображениями, так и намерением оторвать передовой сингапурский пролетариат от национально-освободительного движения на Малаккском полуострове. Одним из основных положений «конституционной реформы» было введение нового «малайского гражданства», которое по первому проекту «конституции» могла получить некоторая часть китайского и индийского населения Малайи, главным образом состоятельные слои.

Однако расчеты английских империалистов на раскол рядов трудящихся Малайи полностью провалились. Под руководством коммунистической партии трудящиеся всех национальностей Малайи усилили борьбу за предоставление Малайе подлинной независимости и против наступления англо-американских монополий на жизненный уровень народных масс. Когда английские колонизаторы убедились в провале своих попыток раскола национально-освободительного движения, они сбросили маску «демократов» и приступили к подготовке вооруженного разгрома национально-освободительного движения. Для того чтобы заручиться поддержкой местных реакционеров, прежде всего, малайских феодалов, английские колонизаторы изменили первоначальный проект «конституции», сделав его еще более реакционным.

В июне 1948 г. английские колонизаторы, надеясь внезапным вооруженным нападением разгромить народное движение, начали террористическую кампанию против боевых организаций трудящихся, руководимых коммунистической партией Малайи. Но патриоты Малайи не были застигнуты врасплох английскими палачами. Более того, в первые же недели вооруженной борьбы героические партизанские отряды патриотов Малайи, состоявшие в значительной части из ветеранов антияпонской войны, нанесли ряд серьезных поражений английским войскам и полиции.

С каждым месяцем вооруженный отпор народов Малайи английским колонизаторам нарастал. В феврале 1949 г. путем объединения отдельных партизанских отрядов была создана Народно-освободительная армия, которая нанесла ряд сокрушительных поражений английским колонизаторам.

Не помогает английским империалистам и открытая вооруженная поддержка, оказываемая им американскими империалистами.

Сила народно-освободительной армии Малайи заключается в той поддержке, которую ей оказывают трудящиеся всех национальностей Малайи. В настоящее время около 75% территории Малайи уже освобождено от английских колонизаторов. В освобожденных районах трудящиеся осуществляют демократические реформы, в частности, земельную реформу и реформу образования, которые уже начинают менять облик страны. Можно не сомневаться, что недалек день, когда англо-американские империалисты будут окончательно изгнаны из Малайи и народы Малайи станут хозяевами собственной страны.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

С. М. АБРАМЗОН

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Статья П. И. Кушнера, опубликованная в порядке обсуждения¹, хотя сама по себе содержит мало материала для дискуссии, вполне своевременна. Ее своевременность заключается в том, что она затрагивает ряд наболевших вопросов нашей исследовательской работы, не получивших еще удовлетворительного разрешения. Появление этой статьи сыграет, несомненно, свою положительную роль, поскольку она является новым и серьезным поводом для откровенного обсуждения вставших перед советскими этнографами сложных проблем этнографического изучения современности.

Следует прямо сказать, что многих из нас совершенно не удовлетворяет то состояние изучения современности, с которым мы пришли к сегодняшнему дню. Не удовлетворяет и своя собственная работа в этом направлении, и работа товарищей. Возникла опасность того, что мы и дальше будем топтаться на одном месте, если не найдем форм и методов исследования, которые дадут нам возможность для углубления всей работы, создадут основу для серьезных научных обобщений.

Прошло уже четыре года, как мы начали снова вплотную заниматься изучением современности (хотя вообще этим начали заниматься давно); начало последнего этапа относится к 1948 г. Наступило время для того, чтобы подвести некоторые итоги, чтобы посмотреть, правильно ли мы работаем, не имеется ли в нашей работе ошибок и, если они имеются, то как их избежать в будущем. Статью П. И. Кушнера и следует рассматривать как попытку ответить на вопрос о том, как нам выйти из того (я не употреблю сильного выражения — тупика) затруднительного положения, в котором мы оказались. Ведь, кроме десятка или полутора десятков статей, в большинстве случаев очеркового характера, имеющих общую тенденцию подойти к освещению быта колхозников монографически, мы почти ничего не создали. Исключение составляют некоторые более серьезные работы (например, статья Л. П. Потапова «Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев»²), построенные на материале, собиравшемся в течение многих лет, и ставящие себе задачу углубленного исследования некоторых сторон быта колхозного крестьянства.

Попытка П. И. Кушнера разобраться в том, каковы причины, приведшие к существующему положению, заслуживает всяческого одобрения. Однако нельзя назвать ее вполне удовлетворительной. Некоторых из причин, мешающих нашему движению вперед, он не вскрывает, а

¹ П. И. Кушнер, Об этнографическом изучении колхозного крестьянства, «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 135—141.

² «Советская этнография», 1948, № 1.

причины, о которых он пишет, не во всех случаях правильно им толкуются.

Попытки обобщения собранных материалов и накопленного опыта предпринимались и раньше. Весной 1950 г. в Москве было сделано несколько докладов, повторенных затем в Ленинграде. С основным докладом, посвященным опыту изучения культуры и быта колхозного крестьянства, выступала Т. А. Жданко. К сожалению, этот доклад подвергся тогда весьма слабому обсуждению. В нем было много итоговых данных об экспедициях, об охваченных изучением территориях и т. д., но самый опыт, в смысле полученных результатов и примененной методики, был обобщен в недостаточной степени. При этом, что главное, итоги подводились без глубокой критической оценки. Отсюда и перспективы, которые тогда намечались, как это видно теперь, были не во всем правильны. Нам рекомендовалось более глубоко изучать историю данного колхоза или села вплоть до поднятия всех архивов, т. е. рекомендовалось по сути дела стать в широком смысле слова историками советского периода истории народов СССР.

Если вопрос о применении конкретно-исторического метода сам по себе был поставлен правильно, то, как мне кажется, нельзя было выдвигать в качестве главного стержня собственно историю колхоза или села. Когда мы ставим вопрос об изучении закономерностей развития тех или иных сторон жизни колхозников, об изучении процессов, — это совсем другое дело. Здесь есть, над чем подумать.

В статье П. И. Кушнера затронуты серьезные, животрепещущие вопросы этнографического изучения современности. Но настоящего обобщения опыта проделанной работы, анализа уже опубликованных материалов мы в ней также не находим. Такая критическая, обобщающая работа должна быть проделана. Без такой работы нам трудно будет двигаться дальше вперед.

Следует пожалеть о том, что ряд вопросов, заостренных в статье П. И. Кушнера, поднят слишком поздно, хотя эти вопросы выдвигались жизнью и некоторыми товарищами уже давно. На необходимость и возможность такого решения некоторых вопросов, какое правильно предлагает П. И. Кушнер, уже не раз указывалось на наших итоговых сессиях, на заседаниях Ученого совета Института этнографии и т. д. К сожалению, нужно отметить, что к высказывавшимся мнениям мало прислушивались. В результате этого и делались ошибки и упущено много драгоценного времени. Если бы трезвые голоса, раздававшиеся в коллективе Института этнографии еще два-три года назад, были услышаны, может быть, были бы во-время пересмотрены некоторые установки и методы организации самих полевых работ, являющихся одним из важнейших факторов, определяющих успех нашего дела. Уже в октябре 1948 г. на заседании Ученого совета высказывались сомнения в отношении правильности установки на монографическое изучение колхозов как на основной, даже чуть ли не универсальный метод изучения быта колхозного крестьянства. Уже тогда подчеркивалось, что применение этого метода требует стационарных форм работы, а они у нас по существу исключались. Получался разрыв между нашими пожеланиями и нашими реальными возможностями, который во всей дальнейшей практике продолжал углубляться. Осенью 1949 г. на заседании Ученого совета снова указывалось, что вопрос о дальнейшем применении «экскурсионного» (а точнее — гастролерского) метода изучения должен быть изменен, что дальше так строить работу нельзя. Между тем работа продолжалась и дальше этим методом, неизбежно приводившим к поверхностности. Чтобы покончить с этой поверхностностью, нужно выработать другие подходы.

Правильно отмечают некоторые товарищи, что мы уже настолько углубились в сторону слишком широкого применения монографическо-

метода, что забыли о другом, не менее важном, а в некоторых случаях и более важном методе этнографического изучения — тематическом. В своих тезисах к этнографическому совещанию, состоявшемуся в Москве в январе-феврале 1951 г., П. И. Кушнер выдвигал в качестве важной задачи еще более широкое применение монографического метода исследования. Поэтому совершенно естественным было выступление проф. Г. С. Читая, который выразил не только свое личное мнение, но и отразил настроение значительной группы товарищей, когда он отстаивал тематический метод исследования, совершенно незаслуженно отодвинутый на задний план. Мы совершенно согласны с постановкой вопроса о соотношении монографического и тематического исследования, которая содержится в статье А. И. Робакидзе «К некоторым основным вопросам этнографического изучения нового быта» («Советская этнография», 1952, № 2, стр. 132—133). По существу же и в рассматриваемой статье П. И. Кушнер продолжает исходить из задачи монографического изучения, лишь в конце статьи делая соответствующую оговорку, что вряд ли можно признать оправданным.

Все, что говорилось выше, не исключает, конечно, необходимости монографического изучения колхозов, но изучения более глубокого, чем то, которое имело место до сих пор. Такое изучение не должно являться общей отмычкой для решения всех проблем. Оно требует большой подготовки, должно быть рассчитано на длительный срок. Монографическое изучение культуры и быта колхозного крестьянства наиболее эффективно может быть осуществлено силами местных научных учреждений республик и областей, в меньшей мере эта задача может решаться Институтом этнографии, поскольку для ее решения требовалось бы преодоление очень больших трудностей.

В своей статье П. И. Кушнер правильно акцентирует на необходимости изучения национальных особенностей культуры, национальной специфики и т. д. Но, хотя он и перечисляет ряд элементов культуры, культурных явлений, в которых эти особенности находят свое выражение, все-таки проблема остается недостаточно ясной. По вопросу о том, что следует рассматривать в качестве национальной особенности или национальной специфики, какие из национальных особенностей должны звучать этнографы, следует провести широкий обмен мнениями. Мы привыкли свободно оперировать этими понятиями, но мы далеко не всегда одинаково представляем себе, какое содержание надлежит в них вкладывать. Кстати, П. И. Кушнер говорит о необходимости изучения за ко-
ло мерностей развития национальной специфики³. Нам кажется, что методом монографического изучения этой задачи решить нельзя.

До сих пор в своей исследовательской работе (это относится не только к изучению колхозного крестьянства, но и к изучению современного быта в широком смысле слова) мы не ставили задачу — изучить всесторонне, в комплексе, национальный характер того или иного народа. В связи с этим следует вспомнить замечательное выступление И. В. Сталина 24 мая 1945 г. на приеме командующих войсками Красной Армии. И. В. Сталин поднял тост за великий русский народ и отметил национальные черты и особенности его характера. Если мы возьмем наши советские социалистические нации сегодняшнего дня, то увидим, что в их национальных характерах имеется много общего. И это вполне естественно. Социалистический способ производства, наш советский государственный и общественный строй, огромная воспитательная работа, проводимая большевистской партией, не могут не вырабатывать общих для всех социалистических наций черт характера. Но вместе с тем мы найдем в характере той или иной социалистической нации много своего, специфического, присущего только ей. Если мы говорим о национальной специфике, о национальных особенностях культуры, то мож-

³ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 136.

но говорить и о национальном характере каждого народа. Этот характер включает в себя и такие моменты, которые следовало бы изучать в первую очередь этнографам. Эта задача — не всеобъемлющая, но это один из важных аспектов нашего исследования, которого мы вовсе не касались и который не стоило бы игнорировать.

Остановимся и на другом аспекте нашей работы. Если мы зададимся вопросом о том, как подходили к изучению крестьянства наши старые этнографы, то должны будем отметить, что, наряду с очень большими достижениями нашей русской этнографической науки, в ней имелся и существенный недостаток. Он заключался в том, что исследователи крестьянского быта в большинстве своем подходили к крестьянину безразлично. Во многих ли старых этнографических работах, статьях мы найдем серьезное описание жизни отдельных конкретных крестьян? Имеются описания разных сторон и явлений крестьянского быта, упоминаются иногда и имена крестьян, но живых людей за этими описаниями почти нельзя было увидеть. Можно ли, подходя к изучению советского колхозного крестьянства, совершенно нового крестьянства, повторять методы и практику старых исследователей? Нам кажется, что нельзя, ибо мы в советском обществе привыкли выдвигать на первый план человека, а ведь этнограф имеет дело прежде всего с живыми людьми. Между тем этот недостаток, к сожалению, продолжает повторяться в наших этнографических исследованиях и описаниях. Мы очень часто даем одно лишь обобщенное описание и, если называем иногда имена, сообщаем биографические данные, то делаем это настолько скупо, что живых, реальных людей читатель в наших описаниях не найдет.

Проблема изучения формирования социалистического сознания, формирования нового, советского человека ставилась в докладе П. И. Кушнера на этнографическом совещании. Но ставилась она очень одномерно и узко — в плане изучения биографий, описания бытовых сцен, которые может наблюдать этнограф, и т. п. Следует ли доказывать, что в своих исследовательских и описательных работах советские этнографы должны, не отбрасывая вовсе метода обобщенного описания (и, тем более, не отказываясь от теоретических выводов), возможно шире обращаться к живому человеку. Советский человек в его взаимоотношениях с коллективом, в его отношении к труду в производственном процессе, в его отношении к общественной жизни, в его взаимоотношениях с семьей и т. д. должен стать одним из важных объектов этнографического изучения. Это в свою очередь даст нам возможность более правильно изучить «психический склад» социалистических наций, национальный характер, конечно, в рамках этнографической специфики, которую мы не должны смешивать со спецификой писателя.

Но такого рода методика требует иной организации полевых исследований, которые должны в большей мере, чем до сих пор, носить стационарный характер. Поэтому прав П. И. Кушнер, когда он тоже ставил этот вопрос⁴. О каком же процессе изменения быта колхозного крестьянства можно было говорить при тех кратковременных поездках, какие имели место до последнего времени. Этнографы не могли изучать процесс и не изучали его. Это подтверждается нашими публикациями. Отсюда и поверхностность наших наблюдений, отсутствие глубины в наших выводах, если они делались. П. И. Кушнер указывает, что материал мы собирали обычно опросным путем⁵. Это естественно при тех сроках, в течение которых мы находились в поле, но если говорить о материальной культуре, то здесь этнографы применяли и метод непосредственного наблюдения. В этом П. И. Кушнера надо поправить.

Много места автор обсуждаемой статьи уделяет несовершенству наших научных описаний как таковых и говорит, что у нас по существу

⁴ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 138.

⁵ Там же.

в этих описаний. А возможно ли было делать эти описания? Конечно, из-за краткости сроков их во многих случаях сделать было невозможно. Тем не менее у ряда товарищей материал для научного описания был собран, но использовать его в наших небольших по объему статьях, которые мы публиковали и в которых затрагивались сразу до десятка вопросов, было весьма трудно. Научных описаний было очень мало еще потому, что этнографам приходилось разбрасываться, одному исследователю нужно было одновременно применять различные методы исследования, что не могло не рассеивать внимания, приводило к ненужной поверхностности и т. д. Следовательно, причины неудовлетворительности наших описаний коренятся и в многоотемности, которую неизбежно несет с собой монографическое изучение деревни. В силу самого комплексного монографического подхода мы не могли уделить особого внимания каким-то отдельным сторонам быта и их описывать в наших статьях, хотя многими из нас те или иные стороны жизни изучались более детально и такие научные описания в ряде случаев могли быть даны. Научные описания жизни и быта колхозников очень нужны. Их, разумеется, нельзя противопоставлять разработке теоретических вопросов, но только такие описания, публикуемые широко и систематически, дадут тот массовый научный «строительный» материал, на базе которого могут быть сделаны серьезные и обоснованные выводы и обобщения.

Недостаточность базы для научных обобщений у нас совершенно очевидна. Но она является результатом не только неудовлетворительных описаний. Последние, к сожалению, имеют место, хотя и являются, как указывалось выше, чаще всего следствием вынужденной спешки. Узость базы для широких научных выводов и обобщений заключается еще и в узости самого материала, основанного в последние годы на кратковременном изучении одного, в лучшем случае двух-трех колхозов. Исследователь тем самым лишается возможности пользоваться критерием повторяемости, устанавливать, типично ли данное явление или, наоборот, случайно, обусловлено лишь какими-то местными причинами. Сам объект изучения, сама база, как нам кажется, очень мало дает материала для глубоких теоретических выводов, тем более, что и собирается тот материал в течение короткого срока. Более глубокие теоретические выводы возможны были бы, как на это указывал на этнографическом съезде Г. С. Читая, только при более широком применении метода тематического исследования. И при тематическом исследовании, как и при комплексном, мы не имеем права отрывать изучаемое явление от всей остальной жизни, с которой оно связано, в том числе и от экономики. Тот, кто владеет методом марксизма-ленинизма, не может отрывать изучаемого явления от обуславливающих его и связанных с ним факторов, в частности и экономических. Если же этнограф еще не вполне овладел теорией марксизма-ленинизма, то и при монографическом изучении, как это показывал опыт (в том числе и наш собственный), ему не всегда удастся найти должную связь между экономикой и бытовыми явлениями. Поэтому нам представляется, что не одно только несовершенство метода исследования является корнем зла, как пытается показать П. И. Кушнер, хотя оно и приносит неудовлетворительные результаты. Наши пробелы в значительной степени являются результатом односторонней установки на монографическое изучение, во-первых, и недостаточно глубокого усвоения некоторыми из нас теории марксизма-ленинизма, во-вторых.

Следует еще остановиться на вопросе об изучении экономики. Настойчивое отмежевание П. И. Кушнера от вопросов колхозного производства⁶, колхозной экономики таят в себе серьезную опасность — опасность отрыва быта от того центрального стержня современной жиз-

⁶ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 139.

ни колхозного крестьянства, каким является общественный труд. Нельзя увлекаться изучением колхозной экономики (а такое увлечение было), но и недопустимо изучать народную жизнь без того, чем в первую очередь живет народ, без вдохновенного труда, направленного на построение коммунистического общества. Найти формы изучения народной жизни в ее органической связи с общественным трудом, — вот над этим должны думать и работать советские этнографы. А об этом П. И. Кушнер не говорит и, по существу, снимает этот вопрос.

Речь идет не об изучении колхозной экономики как таковой — для этого мы не обладаем необходимыми данными, — а о том, что без серьезного и повседневного внимания к общественному труду нельзя правильно оценить и понять ни одного явления народной жизни. Поэтому П. И. Кушнер совершает ошибку, делая резкий крен в сторону изучения только бытовых явлений, упуская неразрывную связь этих явлений с процессами общественного труда и производства. Такая постановка вопроса может привести к голому «бытовизму», а такой «бытовизм», на наш взгляд, был бы шагом назад.

Мне, как и другим товарищам, представляется, что П. И. Кушнер заблуждается и тогда, когда он одну из главных причин ошибок этнографов видит в том, что они изучали колхоз, а не населенный пункт. «Крестьянство, — пишет автор, — которое изучает этнограф, живет не в колхозах, а в населенных пунктах...»⁷ Но ведь и колхозы находятся не в безвоздушном пространстве, да и сам автор не назовет этнографа, который изучал бы колхоз только как хозяйственную организацию. Как выход из своеобразного тупика, П. И. Кушнер предлагает перейти к изучению села или группы населенных пунктов. В этом предложении есть свои полезные стороны, и они должны быть учтены, но было бы наивно полагать, что выбор в качестве объекта изучения не колхоза, а села, принципиально и по существу меняет дело, что этот подход способен разрешить все трудности. Мы не говорим уже о том, что практически (если исходить из реальных фактов, а не отвлеченных рассуждений) выбор в качестве объекта изучения населенного пункта ведет к новым осложнениям и трудностям.

Автору статьи, вероятно, известно, что есть укрупненные колхозы, состоящие из ряда небольших населенных пунктов, в каждом из которых живет в некоторых случаях два-три десятка семей, а иногда и того меньше. Колхозники, живущие в таком населенном пункте, в лучшем случае составляют бригаду колхоза. Ведь не такой населенный пункт имеет, повидимому, в виду П. И. Кушнер. Изучать такой населенный пункт нецелесообразно и неверно — это поведет к ошибочным выводам, поскольку изучалась бы часть единого организма — колхоза. Одновременное изучение группы населенных пунктов, составляющих один колхоз, может оказаться весьма сложным делом, поскольку в некоторых районах такие населенные пункты удалены друг от друга на значительное расстояние. С другой стороны, имеются и такие крупные населенные пункты, на территории которых расположено несколько колхозов и которые по количеству населения не уступают небольшим городам. Очевидно, и такой населенный пункт окажется неподходящим объектом для этнографического исследования. Нам кажется, что дело вовсе не в том, что изучать — колхоз или село, а в том, как изучать. П. И. Кушнер преувеличил значение этого вопроса. Основное внимание мы должны уделить вопросу о том, как и в каком направлении надлежит вести нашу исследовательскую работу, и в этом смысле со многими пожеланиями и соображениями, высказанными в обсуждаемой статье, можно полностью согласиться.

⁷ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 140.

М. О. КОСВЕН

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПЕРВОБЫТНОЙ ИСТОРИИ

В 70-х гг. прошлого века Л. Г. Морган в «Древнем обществе» предложил периодизацию первобытной истории. Периодизация эта представляла собой в своей основе то разделение всей истории, которое сложилось еще в середине XVIII в. и состояло в делении на три эпохи: дикости, варварства и цивилизации. Морган предложил более дробное деление для дикости и варварства, подразделив каждую из этих эпох на три периода или ступени: низшую, среднюю и высшую.

Периодизация Моргана в свое время, на данном этапе развития науки, имела несомненно положительное значение. По сравнению с предшествующим Моргану хаотическим состоянием буржуазных представлений о первобытной эпохе, она явилась одним из элементов того «порядка», который, как указал Энгельс, Морган внес в первобытную историю¹. Периодизация Моргана была замечательным для своего времени опытом стихийно-материалистического общего истолкования первобытной истории. Каковы бы ни были частные ошибки, сделанные здесь Морганом, его периодизация имела крупнейшее теоретическое, идейное значение. Будучи, как всякая периодизация, в известном смысле отвлечением, схемой, она выражала и утверждала идею единства исторического процесса в первобытную эпоху. Это, конечно, было оценено Марксом и Энгельсом. Не удивительно, между прочим, что реакционная буржуазная наука, с бешенством обрушившаяся на Моргана, в особенности после того, как его учение получило признание со стороны марксизма, именно на утверждаемое Морганом единство исторического процесса направило главные свои атаки, стремясь протащить вместо этого единства «теорию двух путей», «теорию культурных кругов» и прочие измышления.

Однако, со дня выхода в свет «Древнего общества» Моргана прошло 75 лет. За это время накоплен огромный новый материал, антропологический, археологический и этнографический, который, конечно, не может не быть учтенным при периодизации первобытной истории. Но дело не только в этом. Благодаря великим корифеям науки, Ленину и Сталину, историческая наука поднялась на новую, небывалую высоту, марксизм получил новое, дальнейшее развитие. Великим новейшим завоеванием марксистской науки является гениальный труд Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Наконец, в трудах Ленина и Сталина, в частности в названном новом гениальном произведении Сталина, мы имеем длинный ряд важнейших высказываний, непосредственно относящихся к первобытной истории. В свете вновь накопленного материала, в свете нового ленинско-сталинского этапа развития исторической науки, наконец, в свете прямых высказываний по первобытной истории Ленина и Сталина,— периодизация Моргана оказывается страдающей крупными недостатками и устарелой.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948 г., стр. 27.

Надо сказать, что периодизация эта давно встречала замечания и возражения со стороны советских специалистов². Некоторые из них вообще никогда в своих работах не применяли. Не пользовалась она популярностью в частности среди советских этнографов, и обозначение каких бы то ни было народностей в качестве представителей той или иной ступени «дикости» или «варварства» советским этнографам было чуждо. Некоторый успех имела моргановская периодизация у археологов, которые применяли ее эпизодически, в особенности тогда, когда данный памятник или данный тип орудия было трудно датировать, отнеся его к определенной археологической культуре: датировка производилась тогда отнесением, например, к «высшей ступени дикости». Однако, как писал недавно С. П. Толстов, «начетчики и талмудисты от археологии и этнографии объявили периодизацию Моргана, освященную именем Энгельса, неприкосновенной, не подлежащей какому бы то ни было сомнению, какой бы то ни было попытке критического пересмотра»³.

Но, наконец, в последнее время, в результате в особенности того животворящего влияния, которое оказал на всю советскую науку великий труд Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», перед советскими специалистами встал со всей категоричностью вопрос об отказе от схемы Моргана и о разработке новой периодизации первобытной истории, вполне соответствующей современному этапу развития марксистско-ленинской исторической науки⁴.

Надо только заметить, что отказ от периодизации Моргана ни в какой мере не отнимает у него его выдающихся иных заслуг, в особенности тех, которые были признаны и отмечены Марксом, Энгельсом и Лениным. И уж нечего говорить, что ни в малейшей мере этот отказ не может поколебать даже в частностях то учение о первобытном обществе, которое принадлежит самому Энгельсу.

Создание новой периодизации первобытной истории, соответствующей современному состоянию конкретных данных, отвечающей современному этапу развития марксистско-ленинской исторической науки и полностью следующей руководящим указаниям по первобытной истории Ленина и Сталина, должно составить предмет коллективной работы советских специалистов. Настоящая статья предлагается в качестве материала для соответствующей дискуссии. Одни из выставляемых здесь положений уже пользуются широким признанием в советской науке, другие остаются в той или иной мере дискуссионными.

Общие основы периодизации первобытной истории представляются в следующем виде:

I. Эпоха первобытного стада.

II. Эпоха родового строя.

1. Период матриархата.

2. Период патриархата.

В свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке совершенно очевидно, что основу периодизации должны составить не отдельные факторы (как у Моргана), а явления базиса, как экономического строя общества,

² См. в особенности: С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Советская этнография», 1946, № 1.

³ С. П. Толстов, Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Советская этнография», 1951, № 3.

⁴ См. передовую статью: Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса (К 130-летию со дня рождения Ф. Энгельса, 20. XI. 1820), «Советская этнография», 1950, № 3; М. О. Косвен, Основные проблемы истории первобытного общества и их положение в советской науке, Тезисы доклада на Этнографическом совещании при Институте этнографии АН СССР в январе — феврале 1951 г.

во всей их совокупности. Важную роль в этой периодизации должны по возможности играть археологические показатели. Таким образом, несмотря на то, что отдельные периоды обозначаются по их общественной сущности, вся периодизация покоится целиком на материалистических основаниях. При этом переход от одного этапа к другому определяется в свою очередь не отдельными «факторами», а развитием производительных сил в целом.

Обращаемся к краткой характеристике отдельных этапов приведенной периодизации.

Обоснованность и необходимость выделения особой, начальной эпохи первобытной истории, повидимому, бесспорна. Эпоха эта может именоваться эпохой первобытного стада. Как самое выделение этой эпохи, так и данное ее наименование основывается на общеизвестных высказываниях Энгельса и Ленина. Мы имеем в виду, во-первых, высказывание Энгельса в письме к Лаврову от 12 ноября 1875 г.: «Первые люди, вероятно, жили стадами, и, поскольку наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было»⁵; во-вторых, употребление термина «первобытное стадо» Лениным в его известном письме к Горькому от 6 декабря 1913 г.⁶ Выделение эпохи первобытного стада находит себе подтверждение в антропологических данных: это период становления человека от питекантропа до неандертальца. Оно находит себе полное основание и в данных археологических, соответствуя раннему палеолиту.

Этнография не знает и не знала людей стада. Поэтому предположения, касающиеся общественного состояния данной эпохи, могут быть только гипотезами. Безусловно законна гипотеза начального промискуитета. Выставленная Морганом гипотеза кровнородственной семьи советской наукой опровергнута. Однако уже к эпохе стада надо отнести ограничение промискуитета и тем самым первое ограничение брака в виде исключения из брачного общения восходящих и нисходящих поколений. Нет никаких оснований говорить о разделении труда по полу в эпоху стада. Разделение труда по возрасту, существующее во все эпохи истории, имеет чисто физическое основание и во всяком случае в стадном периоде никакого общественного значения не имеет. Поэтому отнесение к данному периоду того, что именуется ходячим выражением «половозрастное разделение труда», совершенно необосновано. Имеются некоторые другие частные вопросы, связанные с эпохой стада и требующие уточнения (соотношение собирательства и охоты, характер охоты в данное время и пр.). Существуют возражения против самого термина «стадо» в применении к человеческому обществу. Здесь можно сказать только, что если бы был предложен другой, более удачный термин, то он был бы, надо думать, охотно принят.

За эпохой первобытного стада следует непосредственно эпоха родового строя. В прежнее время в советскую литературу проникли попытки ввести заимствованный у буржуазных авторов некий промежуточный период в виде «тотемической стадии» или «половозрастной коммуны» и пр. Мы уже давно избавились от этих вымышленных конструкций, и ныне в советской науке общепринято, что первобытное человечество перешло от стадного состояния к родовому строю непосредственно. Переход от стада к роду совпадает с переходом от неандертальца к *Homo sapiens* и датируется археологически Ориньяк-солютрейской культурой, будучи ярко представлен той замечательной картиной мощного скачка в развитии производительных сил, который эту культуру знаменует. Если основания перехода от стада к роду представляются ясными, то нельзя сказать, чтобы были убедительны

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI. стр. 410.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 93.

те гипотезы, которые существуют на счет форм этого перехода. Данный вопрос требует специальной разработки.

Совершенно общепринятым в советской науке является деление эпохи родового строя на периоды матриархата и патриархата. После того, как это положение было впервые широко разработано Энгельсом и затем блестящим образом аргументировано Сталиным, оно представляется совершенно бесспорным и в нашей среде не может вызвать никаких сомнений или инотолкований.

Таким образом, первым периодом родового строя является период матриархата или материнского родового строя. Обращаясь к характеристике этого периода, мы встречаемся с некоторыми трудностями. Период этот в общем соответствует археологическим периодам позднего палеолита и раннего, а равно развитого неолита. Таким образом, он связан с длительным, широким и многосторонним развитием производительных сил и развитием хозяйства. Это не может не отразиться на его общественной и идеологической сущности. Мы имеем, следовательно, в матриархате исторический общественный порядок, прошедший сложный путь своего развития. Слишком упрощенная характеристика матриархата, а тем более сведение его к какому-либо одному признаку совершенно невозможны. Если к такой упрощенной, искажающей сущность матриархата характеристике прибегают буржуазные авторы, — преимущественно с целью его «опровержения», — то в советской науке такому вульгарному упрощенству не может быть места.

Техника периода матриархата выражена в том развитии материального производства, которое представлено вышеназванными, соответствующими матриархату, археологическими периодами. Хозяйство матриархата развивается по линиям охоты, рыболовства, мотыжного земледелия и разведения домашних животных. Грубая ошибка связывать матриархат, в частности ранний, либо его возникновение, обязательно с мотыжным земледелием. Тем самым исключается материнский родовой строй, а следовательно, и вообще родовой строй для всего человечества в эпоху незнакомства с земледелием, т. е. в позднем палеолите и раннем неолите (или от Ориньяка до Кампиньи) и для длинного ряда известных истории и этнографии народов, не дошедших до земледелия.

Матриархат является универсально-историческим этапом развития всего человечества с момента его выхода из стадного состояния. Как мы видели, матриархат обладает громадной хронологической протяженностью. С географической точки зрения матриархат относится ко всей обитаемой поверхности земного шара во всем ее разнообразии. Отсюда особая неодинаковость и неравномерность развития матриархата в различных конкретных обществах. Одинакового, стандартного матриархата не существовало. Каждое матриархальное общество было в той или иной мере своеобразно. С другой стороны в силу ряда условий одни матриархальные общества могли и должны были достичь лишь ограниченного развития, другие — дойти до весьма высоко-развитых форм.

В основе того или иного развития матриархата лежит развитие производительных сил. В известной мере развитие матриархата связано с развитием хозяйства, вместе с тем с той или иной отраслью производительной деятельности. На указанных основаниях можно и должно различить ранний и развитый матриархат.

Ранний матриархат археологически соответствует позднему палеолиту и раннему неолиту. Он характеризуется в области хозяйства собирательством, охотой и примитивным рыболовством, далее, разделением труда между мужчиной и женщиной так, что собирательство принадлежит преимущественно женщине, охота — преимущественно мужчине, рыболовство же в его различных видах разделено между обоими полами.

В области общественной ранний матриархат характеризуется равноправным положением женщины и мужчины; филиация матрилинейная; четкая дуальная организация, развивающаяся во фратриальную, со стойкой дуальной экзогамией; групповой брак, переходящий в парный, с дислокальным, переходящим в матрилокальное, поселением супругов. Ранняя форма племени сначала в виде двух взаимнобрачующихся родов, затем в виде двух фратрий. Родовые языки. Племя на данной стадии имеет особую территорию, общеплеменную кормовую область, но не имеет общего управления, не имеет и общего языка.

В недавнем времени было высказано предположение, что первоначально роды были совершенно изолированы, какой-либо связи между ними не было, племени как той или иной совокупности родов не было, существовала особая доплеменная стадия в истории первобытного общества, в истории, в частности, родового строя. Предположение это, в особенности в его столь категорической форме, вызывает возражения. Этому вопросу нами посвящена в дискуссионном порядке специальная заметка⁷. Целью этой заметки было предложить интересующимся данным вопросом не решать его одним утверждением или отрицанием, а посчитать с некоторыми присущими раннему родовому строю чертами: естественным размножением и сегментацией родов, дуально-фратриальной экзогамией и пр. Эти черты заставляют, повидимому, признать наличие с самого начала какого-то соединения родов в виде некой начальной формы племени, еще не консолидировавшегося, а потому и не имеющего еще общего языка. Заметим, что на защитниках доплеменной стадии лежит обязанность показать, каким образом возникает род без племени, в силу каких причин, когда и в какой мере возникает племя и, наконец, каким образом возникает племенная язык в условиях предполагаемой полной изолированности родов?

Развитый матриархат археологически соответствует развитию неолиту. Он характеризуется в области хозяйства в одних обществах мотыжным земледелием, в других — высокоразвитым рыболовством или морской охотой, в тех и других — разведением домашних животных (не всегда). Надо признать, что мотыжное земледелие создает особо благоприятные условия для развития матриархата, могущего в таком случае достигнуть своей «классической» формы. В области общественной развитый матриархат характеризуется развитием фратриальной организации, но и началом ее распада, прочной консолидацией племени, переходом от строгой дуальной экзогамии к экзогамии родовой, господством парного брака, распространением матрилокального поселения, выделением в составе материнского рода материнской семьи, общественным преобладанием женщины.

Дальнейшее развитие производительных сил, в частности переход от мотыжного земледелия к плужному и от разведения домашних животных к скотоводству, вместе с рядом иных обстоятельств, определяет переход от матриархата к патриархату. Этому переходному этапу первобытной истории свойствен ряд специфических, именно на этом этапе создающихся переходных форм⁸.

П а т р и а р х а т соответствует археологически концу неолита и энеолиту. В области хозяйственной он характеризуется плужным земледелием с культурой хлебных злаков и скотоводством, первым общественным разделением труда, развитием торгового обмена. В области общественной — полным распадом дуально-фратриальной организации, превращением материнской семьи в патриархальную семейную общину,

⁷ М. О. Косвен, Об историческом соотношении рода и племени, «Советская этнография», 1951, № 2.

⁸ См. об этом нашу статью «Переход от матриархата к патриархату» в сборнике «Родовое общество», М., 1951.

усложнением структуры рода, появлением патронимии, патрилокальным поселением, ограничением труда женщины работой по дому, хозяйственным и общественным преобладанием мужчины. Наряду со всем тем, при патриархате весьма устойчивым образом сохраняется ряд пережитков матриархата.

Развитие патриархата на основе дальнейшего развития производительных сил приводит к распаду первобытно-общинного строя. Ряд первобытно-общинных форм и отношений испытывает глубокое превращение, возникают новые формы и отношения. Последний этап первобытной истории связан с возникновением металлургии и археологически соответствует ранней поре металла, именно, энеолиту, местами бронзовому веку, местами раннему веку железа. Данный этап характеризуют в области хозяйственной: господство плужного земледелия у одних народов, скотоводства — у других, дальнейшее развитие торгового обмена, в особенности у земледельцев, накопление богатств, образование имущественного неравенства. В области общественной: возникновение моногамии, выделение в составе семейной общины малой семьи, распад рода наряду со стойкой сохранностью патронимии, зарождение частной собственности, возникновение соседской общины. Обостряются внешние отношения между родами в пределах племени, а равно между племенами, возникает кровная месть и война-грабеж. Выдвигается персональная власть, в частности военный вождь племени, образуется постоянная военная дружина. Война влечет за собой возникновение патриархального рабства, получающего затем новый источник в углубляющемся экономическом неравенстве и появлении кабалы. Падает родовой демократизм и возникает власть, стоящая над обществом. Племя приобретает характер организации, господствующей над родами. Происходит смешение племен, возникают союзы племен, происходит образование народностей.

Охарактеризованный этап либо выделяется в качестве особого, последнего периода первобытной истории, либо считается переходным периодом от первобытно-общинного строя к классовому и обозначается предложенным в свое время Морганом термином «военной демократии». Возникают вопросы: а) надлежит ли данный этап выделять в качестве особой эпохи (периода) первобытной истории и вводить его тогда в основную периодизацию; б) каковы в таком случае основания наступления данного этапа и какова его археологическая датировка; в) не следует ли считать данный этап переходным; г) следует ли вообще так или иначе выделять данный этап и не следует ли его разуметь в общем понятии патриархата; д) следует ли при том или ином решении вопроса пользоваться термином «военная демократия». Таким образом, мы оставляем данный вопрос в качестве дискуссионного. Отметим, что то или иное его решение имеет большое теоретическое значение. Решение это важно для надлежащей оценки некоторых исторических обществ (греки гомеровской эпохи, скифы, кельты, древние германцы и др.). Решение данного вопроса необходимо для правильной разработки ряда важнейших тем, связанных с проблемой возникновения классов и государства.

Изложенная периодизация, как и всякая периодизация, не может быть абсолютной или совершенно универсальной. Она представляет собой выражение того исторического пути, по которому прошло в первобытную эпоху преобладающее большинство человечества.

Необходимо принять, что уже с довольно ранней поры истории отдельные человеческие группы развивались в различных географических условиях. К этим естественным условиям среды с течением времени присоединялись, все усиливая свое значение, также и исторические условия. Отсюда, как уже в раннюю пору первобытной истории, так с течением времени еще в большей мере, должны были существовать и сказываться неодинаковость и неравномерность развития отдель-

ных обществ. В конечном счете каждое общество, каждый народ проходил свой путь своего развития.

И тем не менее все первобытное человечество прошло общий, в основном единый путь развития. Изложенная периодизация раньше всего отражает и выражает это единство исторического развития человечества в первобытную эпоху, как и элементарный для всякого марксиста общий закон единства исторического процесса в целом. Благодаря этому данная периодизация и способна выполнить свое научное назначение, служа для правильного построения и осмысления как общей истории первобытности, так и истории первобытной эпохи отдельных стран или народов.

Отклонение отдельных человеческих групп или народов от основного, общего пути развития всего человечества могло быть незначительным и не противоречащим изложенной периодизации, но в некоторых случаях могло быть и существенным. Путь развития до этапа раннего матриархата включительно был, повидимому, безусловно универсальным для всего известного нам человечества. Не мало человеческих групп, оставшись вообще отсталыми, дальше этого этапа не пошло. Наступление развитого матриархата имело место лишь при наличии соответствующих благоприятных условий, в частности высокоразвитого мотыжного земледелия или высокоразвитого рыболовства, опять-таки в соединении с рядом иных моментов. Ряд стран земного шара не знал ни плужного земледелия, ни скотоводства, вследствие чего не мог знать и «классического» патриархата. Тем не менее обитатели этих стран дошли до еще более высоких форм общежития. Таковы, например древние перуанцы, мексиканцы, некоторые группы полинезийцев. Здесь сказались необязательность действия отдельных определенных факторов. Переход к более высоким формам общественного строя произошел здесь на основе иного развития производительных сил в целом, в частности, в силу особенно высокого развития мотыжного земледелия, особенно развития рыболовства, торговли, иногда раннего появления металлургии; немало важную роль могли сыграть внешние вообще, военные в частности, обстоятельства и развитие военной культуры.

Говоря о влиянии исторических условий на развитие отдельных человеческих групп, мы уже для первобытной эпохи должны допустить и воздействие более развитых обществ на менее развитые, например, патриархальных на матриархальные и пр. Это воздействие могло иметь самые существенные результаты. В частности, например, малоразвитое матриархальное общество оказывалось в таких обстоятельствах естественно малоустойчивым, и не только его матриархат, но и сам родовой строй должен был подвергнуться глубокому распаду. Но это был именно распад, а не переход на другой этап, причем распад матриархата давал место некоторым формам патриархальных отношений. Наконец, крупнейшее значение должны были иметь и большие миграции первобытной эпохи.

Но мы слишком плохо знакомы с конкретной историей отдельных человеческих групп и народов в эту первобытную эпоху для того, чтобы достаточным образом все многообразие этой истории обобщить. Во всяком случае, полная универсализация этой истории невозможна. Это тем более совершенно невозможно при начертании периодизации. Остается законное место для конкретной истории.

Надо еще раз подчеркнуть: периодизация, о которой идет речь, есть периодизация первобытной истории. Поэтому не следует повторять ошибку Моргана и пытаться механически применять ее к области этнографии в той ее части, которая имеет своим предметом исторические или относительно современные, так называемые «отсталые» общества.

Если мы для первобытной эпохи должны допустить сложные условия неодинаковости и неравномерности развития, то тем более это

относится к эпохе существования классового строя. Не приходится говорить о роли агрессии классовых обществ, оказывающей не просто то или иное влияние, но приводящей к глубокому распаду и деградации. Поэтому ни одно из известных современной этнографии обществ нельзя безоговорочно отнести к той или иной стадии периодизации, относящейся к первобытной эпохе. Это только талмудисты способны пытаться живые современные или взятые хотя бы в их состоянии в XVIII—XIX вв. общества втиснуть на ту или иную «ступень». Во всяком случае в настоящее время нет на земном шаре и не может быть племен или народов, стоящих на стадии матриархата, патриархата, или «военной демократии». Можно лишь говорить о наличии у этих народов элементов матриархата, патриархата и пр. Если это в той или иной степени отсталые народы, если в особенности они относятся к числу народов колоний или так называемых «сфер влияния» империалистических держав, то они не только испытали глубокое разрушение своей культуры, но и сами в той или иной мере втянуты в сферу капиталистических отношений. При таких условиях и получается такое, например положение, что со стойким пережиточным матриархальным укладом совмещаются чисто капиталистические отношения. Какое же безоговорочное применение к этим народам периодизации первобытной истории возможно?

В таком случае, что же дает эта периодизация для этнографии? Она дает историческую, все же условную и относительную, оценку на данный исторический момент культуры в целом отдельных конкретных обществ. Она дает одновременно более определенную, подчас исторически совершенно точную, оценку отдельных элементов их культуры.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

О ЗНАЧЕНИИ ЗАХОРОНЕНИЙ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ ДЛЯ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ *

Вопрос о мустьерских погребениях, т. е. о захоронениях неандертальцев, давно уже интересует не только специалистов, занятых изучением палеолитических памятников, но и всех тех, кто так или иначе, с той или иной целью занимается древнейшей историей человечества. Важность этого вопроса понятна. Находки такого рода драгоценны тем, что могут бросить свет не только на физический тип людей столь отдаленного времени, но и на их сознание, на их идейный мир. Тем не менее, несмотря на исключительную ценность этих находок как исторических документов, мнения о них не только в буржуазной, но, и в советской науке коренным образом расходятся. Одни признают факт намеренного захоронения трупов людей в мустьерское время, другие не признают. Даже и признавая факт захоронения трупов неандертальцами, одни видят в таких примерах проявление религии или ее зачатков, другие отрицают это. Задача заключается, следовательно, в том, чтобы прежде всего суммировать наличные факты, выделить то, что не подлежит сомнению, и правильно объяснить все это ¹.

Было бы излишне повторять хорошо известные немногие факты об условиях тех находок, которые признаются за погребения неандертальцев. Напрасно было бы также останавливаться на таких спорных деталях, как наличие или отсутствие при костях неандертальцев погребального инвентаря, поскольку практически в условиях пещерных раскопок это чрезвычайно трудно установить с окончательной ясностью, ибо речь идет всегда о захоронении в толще культурного слоя, откуда и могли попасть те или иные предметы. Здесь вполне возможна произвольная интерпретация даже точно установленных, бесспорных и накрепко зафиксированных фактов, особенно, когда мы имеем дело с результатами старых раскопок в капиталистических странах, где исследования пещер нередко вели или торговцы древностями, вроде О. Гау-

* Редакция журнала не разделяет точки зрения автора и, предоставляя ему возможность ответить на критику М. С. Плисецкого (см. «Советская этнография», 1952, № 2), приглашает желающих продолжить дискуссию по данному вопросу.

¹ Общие сведения о находках неандертальцев и указания на специальную литературу см. в следующих сочинениях: П. П. Ефименко, Первобытное общество, Л., 1938; В. П. Якимов, О двух морфологических типах европейских неандертальцев, «Природа», 1949, № 10; Aleš Hrdlička. The skeletal remains of early man, Smiths. Miscell. Coll., vol. 83, 1930; M. Boule. Les hommes fossiles, III ed., 1946. Специально о палестинских находках см.: A. D. Garrod and D.M.A. Bate. The stone Age at Mount Carmel. Excavations at the Wady-el — Mu'ghara, vol. I, Oxford, 1937. О находках погребений неандертальцев в СССР см.: Г. А. Бонч-Осмоловский, Грот Киик-Коба, «Палеолит Крыма», вып. 1, М.—Л., 1940; А. П. Окладников, Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальцев в гроте Тешик-Таш, южный Узбекистан (Средняя Азия), Сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек», Изд. МГУ, 1949; его же, Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии, «Сов. археология», VI, 1940, стр. 5.

зера, или католические аббаты, заинтересованные в обработке археологических находок под своим углом зрения.

Было бы, однако, неверно полагать, что все или большинство известных нам фактов о захоронениях неандертальцев фальсифицированы. Тщательно и терпеливо изучая литературу вопроса, мы можем в определенных конкретных случаях отделить верное от неверного, факты от вымысла. Во всяком случае точно установленные и научно документированные открытия в этой области, в том числе принадлежащие советской науке, позволяют нам не отказываться от этой темы, а попытаться рассмотреть ее в общем плане, тем более, что прямой повод для этого дает статья М. С. Плисецкого². Остановимся поэтому на отчасти еще немногих, но бесспорных обстоятельствах и фактах, установленных археологами за последние десятилетия XIX и в начале XX в.

Первый, исходный, факт такого рода заключается в том, что в ряде случаев точно устанавливается наличие более или менее полных человеческих скелетов неандертальцев или остатков трупов, явно оставленных мустьерскими людьми в таком именно нерасчлененном состоянии.

В 1886 г. в Бельгии, вблизи Намюра, в Спи были обнаружены остатки двух скелетов, из них № 2, по определению А. Хрдлички, принадлежал мужчине около 23 лет, а № 1, вероятно женщине около 35 лет. Скелет № 1 лежал в отложениях площадки в 8,5 м к югу от входа в грот. Скелет № 2 находился в 6 м от входа в грот и, повидимому, лежал параллельно первому костяку, но из-за плохой сохранности его положение в деталях не выяснено. Скелет № 1 лежал на правом боку, в позе «спящего человека», т. е. с подогнутыми ногами, в слегка скорченном положении. Характерно, что одна рука скелета была согнута в локте и кисть ее помещалась у нижней челюсти. Голова костяка была обращена к востоку.

Вторая такая находка — скелет неандертальца, обнаруженный в 1908 г. в пещере Буффиа близ сел. Ля Шапельль-о-Сен (бассейн р. Везеры, департамент Коррез, южная Франция). Это был скелет мужчины, около 50 лет, лежавший на спине, ноги его были подогнуты и лежали справа. Правая рука его тоже была согнута в локте и направлена к западу. Костяк помещался в яме, приспособленной, вероятно, из расширенного для этой цели готового углубления. Длина ямы 1,45 м, ширина 1 м, глубина 0,3 м.

В том же 1908 г. О. Гаузер наткнулся в нижнем гроте Мустье на костяк подростка примерно 16 лет. Положение костяка, найденного О. Гаузером, неясно, так как эти «раскопки» не имели научного характера. Ясно одно, что здесь имелся, если не целиком, то почти полный костяк. По словам Г. Клаача, череп костяка лежал на правой стороне, правая рука была под головой, у затылка, причем локоть находился под щекой. Спина была обращена вверх, левая лопатка находилась над нижней челюстью. По утверждению О. Гаузера, левая рука была вытянута, правая нога тоже вытянута, а левая нога согнута. Г. Клаач полагал, что костяк, нарушенный О. Гаузером, лежал в «позе спящего». По другому предположению, труп был связан, поскольку наличие локтя под щекой и положение спины вверх, а не вниз неестественно для спящего. Но это мало вероятно.

В общем же, внимательно читываясь в то, что имеется в литературе о находке О. Гаузера и отмечая явно недостоверные детали, мы все же можем констатировать несколько фактов, которые вполне правдоподобны и подтверждаются аналогиями другим случаям. Сюда относятся: 1) наличие целого или почти целого костяка; 2) положение одной руки в об-

² М. С. Плисецкий. О так называемых неандертальских погребениях, «Советская этнография», 1952, № 2.

ласть головы; 3) согнутость ног (во всяком случае одной); 4) положение спиной вверх. Поразительной аналогией этому является, как мы увидим ниже, новейшая находка в Палестине (Мугарет эс Схул, костяк № 4). Таким образом, хотя эта драгоценная находка и была более чем наполовину уничтожена Гаузером, даже и то немногое, что мы знаем о ней, имеет исключительную ценность и не может быть отброшено.

При раскопках мустьерского поселения в Ля Феррасси (Франция, долина Везеры, Дордонь) найдены остатки шести неандертальцев (рис. 1). Наиболее полно представлен найденный Д. Пейрони в 1909 г. скелет мужчины, лежавший на спине. Туловище было слегка склонено налево, череп тоже лежал склоненным влево. Ноги были склонены вправо. Правая рука была согнута, кисть ее находилась на уровне плеча.

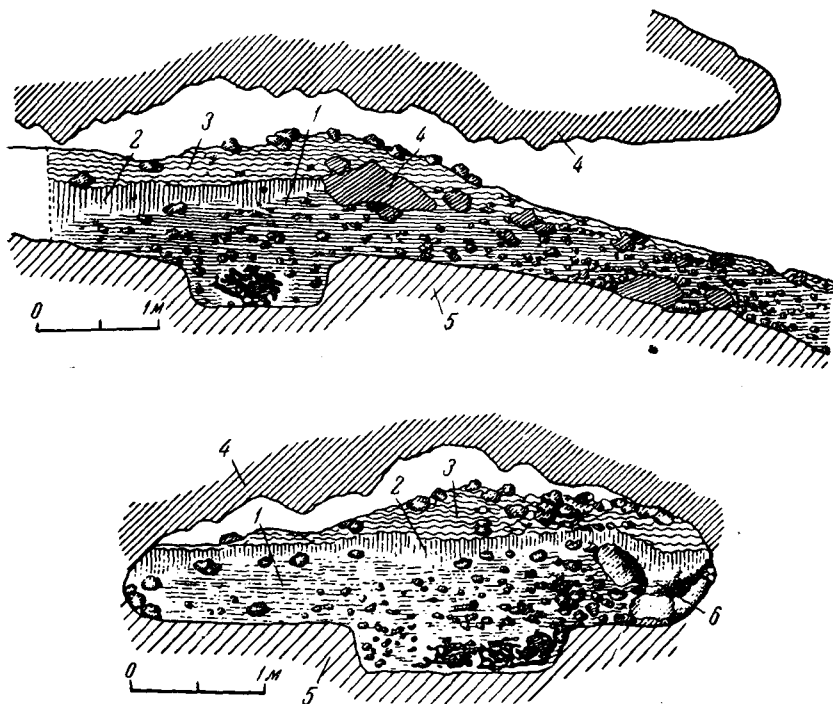

Рис. 1. Ля Феррасси. Мустьерское погребение. Разрез

Левая рука была вытянута, кисть ее помещалась у головки левого бедра. Ноги были сильно подогнуты.

Второй костяк, женский, найден Д. Пейрони в 1910 г. всего лишь в 50 см от первого. Он лежал на правом боку в сильно скорченном положении. Руки его были согнуты и прижаты к груди; ноги настолько круто подогнуты к туловищу, что левое колено находилось у плеча, а правое на расстоянии 16 см от головки правой плечевой кости.

Остальные скелеты были детские. Из них один, найденный в 1920 г., принадлежал новорожденному ребенку. Он лежал в скорченном виде в искусственно сделанной овальной ямке длиной 40 см, шириной 32 см, глубиной 5 см. Другой детский скелет, без черепа, лежал на краю большой ямы неправильной формы, ноги его были сильно подогнуты. Интересно отметить, что костяк был перекрыт известняковой плитой с искусственно сделанными чашечными углублениями.

Исключительный интерес представляют новейшие находки в Палестине. На горе Кармел в пещерах Мугарет эт Табун и Мугарет эс

Схул в 1931—1932 гг. обнаружены остатки двенадцати скелетов — взрослых и детей. Остановимся на лучше сохранившихся из них.

Скелет № 1 в Мугарет эс Схул принадлежал ребенку трех лет. Он представлен обломками черепа, зубами, тазовыми костями, трубчатыми костями ног и рук. Кости эти по сохранности имели такой же вид, как кости младенца из Тешик-Таша, у них слегка пострадали только концы. Как полагают, кости ребенка лежали почти в анатомической связи, причем дитя было захоронено в скорченном положении.

Костяк был явно нарушен в более позднее время. Создается даже впечатление, что, после того как его частично нарушили, нарушенные части скелета снова бережно уложили к остальным частям, сохранившим первоначальное положение. Это обстоятельство, если бы оно подтвердилось, разумеется, было бы не менее интересно, чем факт заботы о сохранности трупа как такового.

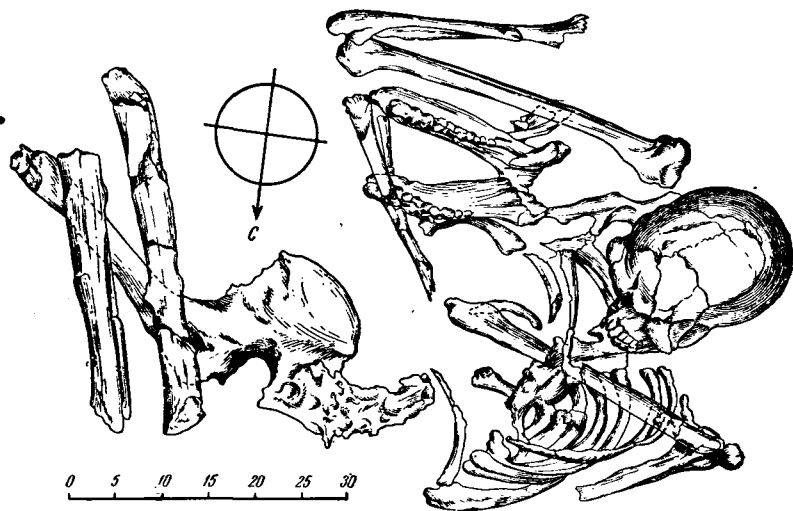

Рис. 2. Мугарет эс Схул. Погребение неандертальца, костяк № 5

Скелет № 4 найден в несколько своеобразном положении. Он лежал на правом боку, но так, что позвоночник и крестец, а соответственно и другие кости спины были обращены кверху. Похоже, что труп был положен на бок, но не прямо, а слегка вниз животом. Обе руки были согнуты в локтях и лежали справа, причем левая, естественно, перекрывала правую. Кисти обеих рук находились перед лицом покойника. Обе ноги были очень круго согнуты в коленях, так что ступни их лежали на сидельной части. Как полагают, столь сильная скорченность соответствовала размерам неглубокой могильной ямы, вырытой в пещерном грунте. Тело умершего было как бы втиснуто в яму, ступни ног упирались в стенку ее, как прижатые к ней. Костяк № 5 найден тоже в полу скорченном положении (рис. 2). Он лежал на спине, с согнутыми в коленях и подогнутыми назад ногами. Правая рука лежала около черепа согнутой точно так же, как и руки костяка № 4. Левая рука, от которой уцелели плечевая кость и лопатка, несомненно, сначала была в аналогичном положении, но позднее оказалась потревоженной.

Костяк № 4 был ориентирован головой на восток, а костяк № 5 — на запад.

Костяк № 5 сохранился несколько хуже, чем костяк № 4. У него недостает некоторых частей: «нижняя часть скелета представляет признаки древнего нарушения и даже повреждений в виде изломов». Однако первоначальное положение трупа может быть установлено с

полной ясностью. И здесь наблюдается одинаковый в принципе способ захоронения. Он восстанавливается следующим образом: «Тело 45-летнего мужчины было положено на спину, голова склонена на грудь, правая рука, плотно согнутая вместе с левой, лежала поперек тела, ноги были плотно согнуты и ступнями прижаты к сидалищной части. Бедрa при этом помещались так, что правое лежало в могиле глубже левого». Любопытно, что в углу между левым плечом и правой плечевой костью лежала челюсть очень большой дикой свиньи. Челюсть лежала параллельно правой плечевой кости скелета, обращенная верхним концом с клыками к правому плечу. Восходящая ветвь ее была с обеих сторон обломана, но зубная дуга с корнями клыков уцелела. По словам описавшего это погребение Мак-Коуна, «нельзя сомневаться, судя по ее положению и по тому факту, что левое предплечье оставалось над сломанным задним концом челюсти, в намеренности и этой детали могилы».

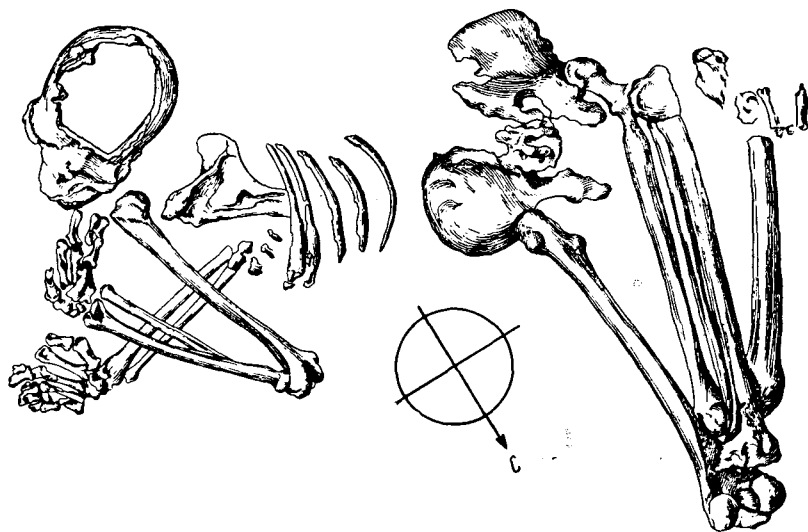

Рис. 3. Мугарет эс Схул. Костяк № 6

Мак-Коун, несомненно, правильно, заметил, что наличие челюсти кабана дает «больше оснований для рассуждений, чем для объяснения». Он справедливо оставляет открытым вопрос, был ли это «трофей, приобретенный умершим при жизни», «магический или религиозный символ» или запас пищи. Тем не менее заслуживает внимания сам по себе факт наличия этой челюсти, носящей следы деятельности человека, в тесной связи с его останками. Границы могильной ямы и слой, которому она соответствует, т. е. из которого она опущена вниз, здесь не прослеживаются, так же как это было и с костяком № 4. Однако предполагают, что это было небольшое углубление в скальном полу. Не было и никаких следов покрытия из камней.

Костяк № 6, неполный и сильно поврежденный, принадлежал 35-летней женщине, лежавшей на правом боку, с головой, обращенной на восток, с согнутыми руками, кисти которых находились у самого лица, и с ногами, согнутыми в коленях (рис. 3).

Почти полный костяк взрослого человека, найденный в пещере Мугарет эт Табун, лежал на спине, с головой, обращенной к западу, слегка вверх левым боком. Ноги его были несколько согнуты в коленях назад. Левая рука была согнута вправо, правая полностью не уцелела.

При раскопках в пещере Киик-Коба Г. А. Бонч-Осмоловский нашел остатки двух скелетов — взрослого и детского (годовалого возраста).

Скелет ребенка находился «в так называемом утробном положении, на левом боку, почти на самом скалистом дне»³. От взрослого костяка уцелела только часть нижних конечностей. «По сохранившимся в нетронутom состоянии частям скелета,— писал Г. А. Бонч-Осмоловский,— легко может быть восстановлено все его положение. Костяк лежал на правом боку со слегка подогнутыми ногами. Стопы находились в сильно повышенном западном конце могилы и упирались в поперечную стенку»⁴. Следовательно, голова была обращена к востоку (рис. 4).

Как видно из сказанного выше, в непотревоженном состоянии более или менее полных скелетов неандертальцев найдено немного. Но и там, где теперь обнаружены лишь отдельные части скелетов, повидимому, первоначально лежали целые костяки, позднее нарушенные деятельностью обитателей пещер, служивших, как известно, местом поселения людей на протяжении тысячелетий.

Существенно отметить, что кости людей-неандертальцев, если не считать находок в Крапине, по своему состоянию резко отличны от костей животных. Они не носят явных следов употребления человеческих

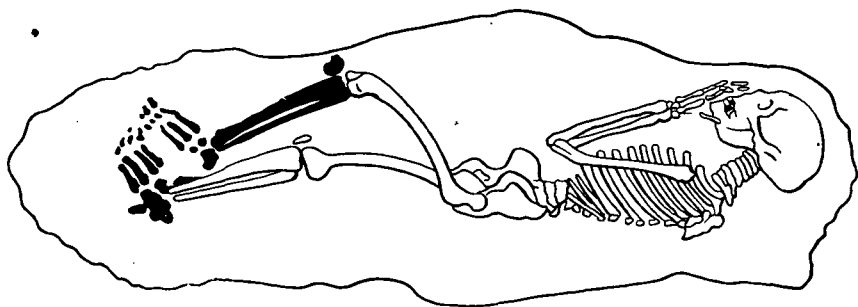

Рис. 4. Грот Киик-Коба. Погребение мустьерского времени (реконструкция).

трупов в пищу — не расколоты вдоль для извлечения костного мозга, не обожжены. Замечательно и то обстоятельство, что даже там, где целостность костяка нарушена, кости, как правило, не повреждены падавшими с потолка пещер камнями, не раздроблены ими.

Очень характерны в этом отношении находки в Тешик-Таше. Все трубчатые и другие кости животных, обнаруженные в этом гроте, раздроблены людьми и падавшими сверху камнями. Только кости человека оказались нетронутыми. Они лишь частично обгрызены хищником. Череп лежал в полном виде, лишь расплюснутый и раздавленный тяжестью земли на множество кусочков.

Все это определенно свидетельствует о том, что отношение к трупам людей у неандертальцев было в этих случаях совершенно отличным от их отношения к животным. Их не употребляли в пищу, а явно оставляли в нетронутom виде, прикрывая сверху защитным слоем земли и т. п.

Из приведенных примеров ясно видно также, что неандертальцы заботились о сбережении трупов людей. В самом деле, как могли бы иначе сохраниться целые костяки как взрослых, так и детей? Оставленные на поверхности трупы были бы съедены хищниками после ухода людей. Хищники, например, гиены или пещерные медведи, растаскали бы кости даже и в том случае, если бы трупы уже разложились, но еще сохраняли остаток жира или сухожилий. Целые костяки неандертальцев могли сохраниться до нашего времени только благодаря тому, что они были сознательно предохранены от гибели людьми, предпринимавшими для этого специальные меры, т. е. закапывавшими их в землю.

³ Г. А. Бонч-Осмоловский, Указ. соч., стр. 145.

⁴ Там же, стр. 138.

Конечно, и такие меры не всегда могли спасти трупы или костяки захороненных от гибели. Так, раскопки в Тешик-Таше ясно показали, что труп ребенка был нарушен хищником, разрознившим кости и обглодавшим у них эпифизы. Такие случаи наблюдаются и теперь. Например, на севере медведи и особенно песцы разрывают могилы в пустынных местах и пожирают трупы, если они захоронены недостаточно глубоко. Так, должно быть, случилось и в Тешик-Таше, где костяк явно лежал не на поверхности, а был зарыт в землю, иначе кости были бы поломаны падающими со свода камнями.

В ряде случаев костяки неандертальцев были нарушены спустя длительное время после захоронения, чем, очевидно, и объясняются обычные находки более или менее изолированных костей⁵. Но это тоже вполне естественно. Ведь пещеры, как уже говорилось выше, служили местом обитания людей и долгое время после захоронения. Люди вели в них свою хозяйственную деятельность, нередко рыли ямы и могли наткнуться на костяки, нарушая их независимо от своего желания, случайным образом.

О намеренном желании сохранить трупы умерших людей от гибели свидетельствуют и ямы, в которых обнаруживаются костяки неандертальцев. Как бы ни объяснять происхождение таких ям, их существование остается фактом, по крайней мере в двух случаях. Первый — в Ля Шапель-о-Сен, второй, самый разительный, — в гроте Киик-Коба. Он замечателен тем, что установлен советским ученым Г. А. Бонч-Осмоловским, — исследователем, работы которого отличались высокой точностью и тщательностью методики, — во время раскопок. Г. А. Бонч-Осмоловский категорически утверждал, что неандерталец, найденный им в гроте Киик-Коба, был положен в специально приготовленной могильной яме. Яма эта, как пишет Г. А. Бонч-Осмоловский, была «прорыта не только во всей толще подстилающих отложений, но и врезалась на значительную глубину в скалистое дно грота»⁶. При этом она прорезала, по его словам, в нижней части как сплошной известняк, так и имевшиеся в нем небольшие углубления карстового происхождения; стенки ее были крутые, местами совсем отвесные, почти под прямым углом, переходящие в ровное дно. Общая форма ямы явственно соответствовала очертаниям человеческого тела. «Это соответствие выражено с такой отчетливостью, — писал Г. А. Бонч-Осмоловский, — что, когда после извлечения костей и зачистки ямы в нее лег для примерки один из сотрудников подходящего роста, то он мог удобно лежать только в том положении, в каком должен был в ней находиться и труп» (соответственно положению костей ног в яме). «Всех нас, присутствовавших тогда на раскопках, — пишет он далее, — поразило своей необычностью это соответствие ямы и тела»⁷.

Яма, отмечал Г. А. Бонч-Осмоловский, по геологическим условиям не имеет ничего общего с остальными углублениями скалистого дна пещеры. «Она резко выделяется своей величиной, глубиной и крутыми стенками. Всякому, кто побывал в гроте Киик-Коба, в конце раскопок бросались в глаза своеобразие и исключительность этой ямки на фоне в общем ровной, слегка волнистой поверхности скалистого дна». Она «могла быть» выдолблена, по мнению специалиста-геолога проф. П. А. Двойченко, на месте естественного коррозионного углубления; но последнее в таком случае должно было иметь «меньшие размеры и иные очертания». Вообще же, как утверждает тот же геолог, «яма в полу не находится ни в какой связи с трещинами в траншее на склоне, так как эта яма не имеет характера трещины. Вместе с тем поперечное

⁵ См. новейшую сводку в статье В. П. Якимова «О двух морфологических типах европейских неандертальцев», «Природа», 1949, № 10, стр. 30—33.

⁶ Г. А. Бонч-Осмоловский, Указ. соч., стр. 137.

⁷ Там же, стр. 147.

положение ее оси, вытянутой под прямым углом к направлению коррозионной дыры, указывает, что она не могла образоваться путем коррозии и эрозии»⁸.

О том, что яма была намеренно выдолблена, свидетельствуют ее форма, близкая к очертаниям человеческого тела, ее крутые, почти отвесные, стенки и плоское дно. Правда, может показаться, что человек мустьерского времени с его примитивной техникой вряд ли мог выполнить такую работу. Однако следует иметь в виду, что известняк, в котором выдалбливалась яма, вовсе не был так тверд, как это может показаться на первый взгляд. Как указывает Г. А. Бонч-Осмоловский, камень «с поверхности и до глубины 50 см сильно выветрился»⁹. Его можно было, по мнению исследователя, не долбить, а просто ковырять палками, кремнем и даже просто пальцами. Рытье ямы

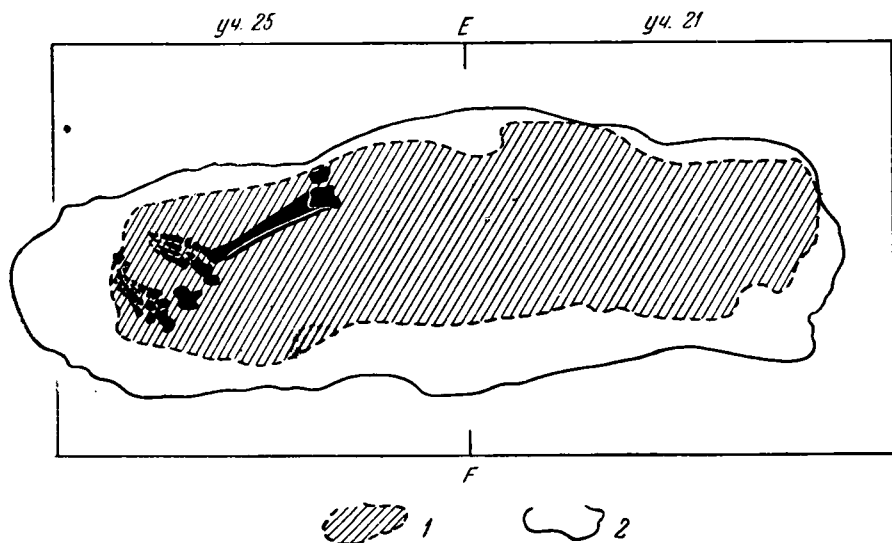

Рис. 5. Грот Киик-Коба. Погребение взрослого киик-кобинца: 1 — контуры ямы внизу (в скале); 2 — контуры ямы вверх (в рыхлой толще). См. Г. А. Бонч-Осмоловский, Грот Киик-Коба, стр. 140, рис. 33а

должны были облегчать и карстовые карманы. Для такой работы вполне достаточно было обычного набора мустьерских орудий.

Остается один вопрос, поставленный М. С. Плисецким, о соответствии размеров ямы в ее верхней части, т. е. в рыхлой толще, и в нижней. Соотношение их в действительности таково, что, при внимательном чтении работ Г. А. Бонч-Осмоловского, не оставляет никаких недоумений. Как видно из описания и чертежа ямы с разрезами, оно было совершенно естественным и нормальным. Вверху, т. е. в рыхлой толще, яма была слегка шире и длиннее (210 см в длину и около 80 см в ширину). Внизу эта яма, повторяя в общем контуры верхней части, была несколько короче в ногах и слегка уже, т. е. в целом слегка меньше. Такое соотношение вполне закономерно и естественно. Его легко объяснить тем, что сначала, в рыхлой массе, яму было копать легче. Затем копать в скале стало труднее, и поэтому размеры ее уменьшились.

Сказанное наглядно иллюстрирует рис. 5. Для наглядности заштрихована яма, вырытая в скале, верхняя часть ямы оставлена белой. Несовпадение размеров ямы на разной ее глубине здесь не только закономерно и очень характерно. Оно свидетельствует о том, что яма была наме-

⁸ Бонч-Осмоловский, Указ. соч., стр. 147.

⁹ Там же, стр. 148.

ленно вырыта человеком, а не образовалась случайно. К сожалению, костяк и отчасти сама яма были нарушены позднейшим углублением. Однако и того, что уцелело, достаточно, чтобы оценить всю важность такой находки как свидетельства о намеренном устройстве ям, предназначенных для помещения в них тел умерших в мустьерское время.

Важным обстоятельством являются также определенные закономерности в расположении уцелевших костяков. Об этом дает возможность судить прилагаемая сводная таблица.

В ряде случаев костяки лежали на боку, преимущественно на правом (5 случаев: Спи I, Ля Феррасси II, Мугарет эс Схул IV, Мугарет эс Схул VI, Киик-Коба — взрослый). В одном случае (детский костяк из Киик-Коба) зарегистрировано положение на левом боку. На спине лежали костяки: Ля Шапелль-о-Сен, Ля Феррасси I, Мугарет эт Табун I, Мугарет эс Схул I (?), Мугарет эс Схул V.

Головы погребенных во всех случаях, где это удалось установить, обращены или на восток (5 захоронений), или на запад (3 захоронения). В большинстве случаев (8 захоронений) одна рука или даже обе согнуты в локте, а кисти их находятся у черепа, вблизи лица. Во всех случаях (13 захоронений), где установлено положение ног, они подогнуты. В одних случаях имеется лишь легкая согнутость, в других значительная, почти настоящая скорченность (Ля Феррасси II, детские костяки в Киик-Коба и Ля Феррасси, Ля Шапелль-о-Сен, Мугарет эс Схул IV и V).

Характерно при этом, что одинаковая ориентировка костяков и одинаковое их положение наблюдаются независимо от территории как в Западной Европе, в Крыму, так и в Палестине. Все они обращены головой или на восток, или на запад, но не на юг и не на север¹⁰. Совпадения в положении костяков и особенно в их ориентировке никак не могут быть объяснены случайностью. Они, очевидно, указывают на какие-то общие черты мустьерских захоронений, связанные с отношением людей того времени к мертвым и с их представлениями о смерти.

Рассмотрим еще одно обстоятельство. Мы уже отметили, что не могло быть случайным сочетание челюсти кабана и скелета неандертальца в пещере Мугарет эс Схул. Еще интереснее такое же сочетание костей человека и костей животного в Тешик-Таше. По моему глубокому убеждению, это сочетание и здесь было не случайным. В Тешик-Таше рога козла в процессе раскопок представляли собой наиболее заметные и выразительные находки. Резко выделяясь своими размерами на фоне массы мелких обломков трубчатых костей и зубов того же животного, составлявших основное содержание культурного слоя, рога козла напоминали кости мамонта и носорога на верхнепалеолитических поселениях. Поэтому они тщательно фиксировались на планах всех культурных слоев гrotто.

Стоит взглянуть на опубликованный в сборнике «Тешик-Таш» план первого культурного слоя, с которым связаны остатки скелета человека, чтобы сразу заметить характерное распространение рогов козла. Они концентрируются в этом слое только в одном определенном месте — у стены гrotто, там, где расположен очаг, а рядом с ним кости ребенка. В остальной части гrotто их не обнаружено.

Здесь лежали три пары превосходно сохранившихся рогов и две пары, представленные обломками. Две пары рогов сохранили свою естественную связь «вилкой». Рога четвертой пары были найдены в четырех обломках; есть основание полагать, что они тоже сначала лежали «вилкой». От пятой пары уцелели только четыре обломка — один крупный и три поменьше. Такое сосредоточение рогов козла на площади несколько более 1 м² не может быть результатом случая.

¹⁰ Возможно, это зависит от того, что покойники лежат всегда поперек гrotтов, а гrotты эти преимущественно открыты на юг, т. е. на солнечную сторону.

Сводные данные, характеризующие

№ п/п	Погребение	Год	Исследователь	Положение костяка	Ориентировка
1	Спи I. Бельгия	1886	М. Пюи и М. Лоэст	В позе спящего на правом боку	Головой на восток
2	Спи II				То же
3	Ля Шапелль-о-Сен (Буффиа)	1908	Л. Бардон, братья А. и Ж. Буиссони	На спине в по- зе спящего	Голова обра- щена на запад
4	Грот Мустье	1908	О. Гаузер, Г. Клаач	В позе спящего	
5	Ля Феррасси I	1909	Д. Пейрони	На спине, слег- ка склонен на- лево	С востока на запад, лицо по- вернуто налево
6	Ля Феррасси II	1910	"	На правом боку	С востока на запад
7	Ля Феррасси III	1912	"		То же
8	Ля Феррасси IV	1912	"		"
9	Ля Феррасси V	1920	"		
10	Ля Феррасси VI	1921	"	На боку	Головой к вос- току
11	Мугарет эт Табун I	1929- 1939	Д. Гаррод и Д. Мак-Коун	На спине	Голова на запад
12	Мугарет эс Схул I		"	"	
13	Мугарет эс Схул IV		"	На правом боку	Голова на вос- ток
14	Мугарет эс Схул V		"	На спине	Голова на запад
15	Мугарет эс Схул VI		"	На правом боку	Голова на вос- ток
16	Киик-Коба I	1925	Г. А. Бонч- Осмолов- ский	То же	
17	Киик-Коба II			На левом боку	
18	Тешик-Таш	1938	А. П. Оклад- ников		

Положение костячков неандертальцев

Положение костяка по отношению ко входу в грот	Положение рук	Положение ног	Пол	Возраст	Наличие ямы	Сопровождающие поедм.
Поперек грота	Одна рука согнута, кисть у черепа	Подогнуты	Женский(?)	Около 35 лет		
То же			Мужской	Около 20 лет		
"	Правая вдоль тела, левая согнута, кисть у черепа	Подогнуты	"	50—55 лет	Яма	
	Правая рука под головой, левая вытянута	Левая нога подогнута	"	16 лет		
Поперек входа в грот	Одна рука согнута в локте, другая вытянута вдоль тела	Сильно подогнуты направо	"		Приспособлено (расширено) готовое углубление	
То же		Сильно подогнуты и пригнуты к тазу	Женский			
"				Детский	Искусственно сделанная ямка	
"				"	"	
"		Согнуты		Детский		
"				Детский (5 лет)	Яма покрыта плитой с чашечными углублениями	
"	Левая рука согнута	Подогнуты		Взрослый		
"		"		Детский, 3 года		
"	Обе руки согнуты, кисти у черепа	Круто подогнуты		Взрослый	Форма ямы прослежена по расположению костяка	
"	Обе руки согнуты	То же		"		Челюсть кабанна
"	Обе руки согнуты, кисти у лица	Подогнуты				
"		Слегка подогнуты	Женский	Взрослый	Яма выдолблена в скале	
Вдоль входа в грот (?)		"В утробном положении"		Ребенок 1 года		
				Детский	Наличие ямы вероятно	Рога козла

Обращает на себя внимание и положение рогов на этой ограниченной площади. Они явно образуют окружность, а не ромб и не квадрат. При этом самая крупная и лучше всего сохранившаяся пара должна была первоначально находиться в совершенно необычном для культурного слоя положении, не плашмя, не горизонтально, а вертикально, остриями вниз. Внутреннее пространство между рогами было бы при этом вполне достаточно для того, чтобы в нем мог поместиться костяк ребенка в обычном для неандертальских скелетов положении — с подогнутыми или скорченными ногами. Вполне естественно, таким образом, гипотетически представлять общую картину первоначального расположения трупа и рогов козла в Тешик-Таше именно так, как она была мной реконструирована еще в первых публикациях результатов раскопок, т. е. в тесной взаимной связи. Картина расположения рогов козла и остатков человеческого скелета была настолько выразительной и неожиданной, что не могла не вызвать ассоциаций с бытовавшими в этой местности пережитками культа дикого козла, с одной стороны, и культа солнца, с другой, хотя ни о какой прямой связи здесь, разумеется, не приходится и говорить. Можно, следовательно, предположить, что горный козел, повидимому, на протяжении десятков тысячелетий занимал важное место в сознании обитателей гор Байсун-Тау именно потому, что ему как основному источнику существования принадлежала особо важная роль в их жизни.

Очень любопытно и то, что непосредственно рядом с рогами козла и костями неандертальца, в покрывавшем их сверху первом культурном слое, находилось кострище. В пещере Мугарет эс Схул третий костяк неандертальца тоже лежал прямо на слое кострища.

Таким образом, если даже оставить в стороне вопрос об инвентаре мустьерских погребений или о связи их в некоторых случаях с кострищами, что трудно категорически утверждать, все же можно констатировать ряд фактов, которые невозможно объяснить простой случайностью. Эти факты явно не увязываются с предположением о том, что неандертальцы покидали трупы своих умерших на произвол судьбы, лишь в отдельных случаях слегка забрасывая их ветками. В это время, несомненно, уже производилось намеренное захоронение трупов в земле, причем в одних случаях их могли помещать в готовые углубления (скажем, в «спальные» ямы), в других же для этого рыли, и даже с немалыми усилиями, специальные ямы, как это показывают раскопки в Киик-Коба. Захоронению подвергались как трупы взрослых мужчин и женщин, так и трупы детей. Местом захоронения были пещеры, служившие жилищем людей, но не исключены захоронения и вне пещер.

Не случайно, очевидно, иногда наблюдаются захоронения двух взрослых людей, положенных рядом (Спи, Ля Феррасси), а также женщины и ребенка (Киик-Коба). В некоторых пещерах захоронения производились неоднократно (Ля Феррасси, Мугарет эс Схул).

Устанавливается и определенное положение костяков в могилах: они лежат обычно с подогнутыми ногами, т. е. в слегка скорченном положении. В ряде случаев обе или одна рука согнута в локте, а кисти их находятся около лица. Поза эта действительно, как писали многие исследователи, напоминает положение спящего человека.

Особенно важно наличие определенной ориентировки костяков, известной в двух одинаково устойчивых противоположных вариантах — или на восток или на запад. Наличие такой ориентировки мертвых в Палестине, с одной стороны, во Франции и Бельгии — с другой, простой случайностью никак не объяснить.

Исключительный интерес представляет ограждение могилы в Тешик-Таше рогами козла, которые были расположены, повидимому, по кругу. Не менее любопытно наличие плиты с чашечными углублениями в Ля Феррасси, покрывавшей кости неандертальца.

Чтобы правильно объяснить все эти факты, нужно рассмотреть их на более широком историческом фоне.

Одним из самых жгучих и острых вопросов древнейшей истории человечества издавна являлся вопрос о первых проявлениях религиозных верований, иначе говоря, о возникновении религии. Вокруг него издавна в напряженной и страстной борьбе скрещивались взгляды реакционных и прогрессивных ученых. Достаточно вспомнить взгляды Мортилье, который в своей борьбе за обоснование и развитие эволюционного учения страстно выступал против попыток апологетов католицизма — этой, по выражению К. Маркса, «окаменелой идеологии средневековья» — «опровергнуть» эволюционную теорию и вернуть науку о человеке к средним векам, к библии и схоластике.

Эта борьба вспыхнула с новой силой в конце XIX в., когда против старого буржуазного эволюционизма объединенным фронтом выступили те же самые враги, но уже несравненно более сплоченные и сильные. Антиэволюционистская реакция в буржуазной науке была вызвана прежде всего тем, что захватившая господство буржуазия уже вовсе не была заинтересована в какой-либо борьбе с католицизмом, с поповщиной вообще, в победе прогрессивной науки. Напротив, католицизм, эта темная сила, рожденная в условиях распада рабовладельческого и роста феодального общества, оказался теперь для буржуазии как нельзя более кстати. С другой стороны, к этому времени старый буржуазный эволюционизм уже в полной мере обнаружил свои уязвимые стороны. Он вырос на почве вулгарного метафизического материализма, и ему было чуждо материалистическое понимание исторического процесса.

Используя слабые стороны эволюционизма, «ученые» реакционеры напали на него, стремясь уничтожить и скомпрометировать прежде всего идею о закономерности и единстве исторического процесса, о неуклонном прогрессивном развитии в природе и обществе от низших форм к высшим.

Во главе реакционных сил находилась в это время католическая школа этнологов, которая называла себя «культурно-исторической», хотя суть ее деятельности заключалась в борьбе против подлинного историзма, т. е. против признания закономерности исторического процесса. Борьба эта была вместе с тем и борьбой против марксизма, влияние которого возрасало с угрожающей для буржуазии быстротой и силой. «Культурно-историческая» школа, уже по одному тому, что это была католическая школа, центральное место в своей деятельности отдала проблемам религии. Основной своей задачей она ставила «доказать» извечность религии, источник которой находится, по утверждению ее представителей, в «божественном откровении», извечность единобожия (прамонотеизм, культ «высшего существа»), а заодно, конечно, извечность частной собственности и моногамной семьи.

Чтобы «обосновать» эти положения, нужно было придать им наукообразную форму и при этом, разумеется, как можно более «солидно». Именно с этой целью деятели культурно-исторической школы пишут обширные, нередко многотомные монографии, в которых приведен колоссальный фактический материал со всего земного шара (например, «Происхождение идеи бога» В. Шмидта), соответственно подобранный и интерпретируемый. Именно с этой целью они разворачивают лихорадочную «исследовательскую деятельность» среди отсталых племен и народностей колониальных и полуколониальных стран. Под тем же углом зрения разворачивают свою работу и реакционные археологи, единственной целью которых теперь стала борьба с прежними эволюционистскими концепциями, пересмотр всего археологического материала с точки зрения «культурных кругов», с расистской точки зрения. Само собой разумеется, что соответственное место в таких упражнениях заняли попытки тенденциозной интерпретации, а в ряде случаев и прямой фальсификации

археологических фактов с целью обосновать взгляды католических этнологов на первобытную религию. Все это до крайности запутало разрешение этих сложных проблем истории первобытной религии и вопроса об ее возникновении.

Чтобы правильно поставить и разрешить эти вопросы, не нужно, разумеется, возвращаться назад, к буржуазному эволюционизму XIX в. Его теоретическая слабость и ограниченность привели к тому, что он не мог устоять в борьбе против антиэволюционизма. В самом деле, эволюционистская теория, например, об абсолютном единообразии и тождестве исторического процесса, потерпела поражение при столкновении с фактами. Оказалось, что конкретно-исторический процесс при общем его единстве идет в настолько богатых и своеобразных формах, что о таком мнимом единстве, какое видели эволюционисты, не может быть и речи.

Но самое главное заключалось, как сказано выше, в том, что старый буржуазный эволюционизм не мог вести успешную борьбу с реакцией из-за непригодности для этого его философской основы: вулгарного материализма, отождествления социальных законов с биологическими, идеализма и метафизической окостенелости взглядов буржуазных эволюционистов.

Для того чтобы не только устоять в борьбе с врагами идеи прогрессивного развития человечества, но и разбить их, нужно было оставить идеалистическую точку зрения на историю общества, покончить с вулгарно-материалистическими взглядами, последовать указаниям К. Маркса, который писал: «Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления»¹¹.

Тем не менее буржуазные эволюционисты продолжали стоять на старых позициях, предпочитая упрямо пользоваться старой и привычной «универсальной отмычкой... общей историко-философской теории (объясняющей все сразу, потому что она не объясняет ничего), наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности»¹².

Что мог при таком положении дела противопоставить буржуазный эволюционизм напору новых фактов, который был направлен его врагами так умело и в самые слабые места, в зияющие щели? Неудивительно, что он был скомпрометирован и разбит.

Однако враги эволюционистов увидели теперь, что перед ними стоит новый противник, против которого их идейное оружие бессильно, ибо этим противником оказался марксизм, тот самый марксизм, против которого они в сущности и пытались бороться, когда направляли свои удары против идеи закономерности и единства исторического процесса.

Марксизм по-новому поставил и разрешил все вопросы, вокруг которых веками шла ожесточенная борьба. По-новому в свете марксистско-ленинской теории встали и проблема истории религии, происхождения религиозных верований, а также, в частности, и вопрос о погребениях неандертальцев.

Эволюционисты пытались решить этот сложный вопрос чрезвычайно легко и просто. Они начисто отвергали самую возможность устройства погребений палеолитическим человеком. Мортилье, например, объяснял находки палеолитических костяков в пещерах тем, что они будто бы принадлежат жертвам катастрофы, происшедшей в результате обвала пещерного потолка. Иногда он пытался объяснить находки костяков в палеолитических слоях тем, что они относятся к более позднему времени и являются впускными погребениями из вышележащих слоев. Такие объяснения во времена Мортилье, при ограниченности известных науке фак-

¹¹ К. Маркс, Письмо в редакцию «Отечественных записок». К. Маркс в Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 378.

¹² Там же.

бы, могли иметь некоторые основания. Однако с течением времени стало совершенно ясно, что палеолитические погребения являются фактом. Во всяком случае для верхнего палеолита никто в настоящее время их отрицать не станет. Вопрос о наличии погребений в более раннее, мустьерское, время сложнее. Но, как уже говорилось выше, и здесь старые гипотезы о случайном характере находок скелетов неандертальцев стоят в противоречии с фактами.

В советской литературе наибольшей популярностью пользуется гипотеза о том, что мустьерские люди еще не выкапывали специальных ям для умерших, а использовали готовые «спальные» ямы (С. Н. Златкин, П. П. Ефименко). Что же касается причин, которые заставляли людей мустьерского времени заботиться о трупах умерших, то полагают, что у них еще не было представления о душе и загробном мире. Мертвеца, пишет П. П. Ефименко, в то время считали спящим, «который может проснуться и которому живые обязаны обеспечить возможные покой и удобство»¹³. Эти предположения очень вероятны и интересны. Имеющиеся факты, однако, не укладываются целиком и в эти гипотезы.

Как, например, с этой точки зрения объяснить наличие особых погребальных ям, и при этом таких, которые совершенно непригодны для сна живым людям (Кник-Коба)? Как, наконец, объяснить тот факт, что трупы все-таки должны были быть покрыты землей, иначе они вообще не дошли бы до нас в более или менее сохранном виде? Странной особенностью с этой точки зрения является и обычная подогнутость ног или даже скорченность скелетов неандертальцев. Все эти факты невозможно объяснить желанием обеспечить телу умершего покой и удобство, как живому человеку. Здесь надо предполагать что-то другое, значительно более сложное. Было бы бесполезно отрицать такие факты. Более того, такое отрицание рано или поздно принесло бы только вред. Нужно их объяснить. Все необходимое для такого разъяснения мы найдем в трудах классиков марксизма, в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, освещающих историю человеческого познания вообще, первобытного в частности, историю мировоззрения и религии.

Религия, указывают классики марксизма, это ложные фантастические представления о природе и человеке. Она уходит своими истоками в глубину первобытного времени, когда у человека существовали темные и неправильные представления о действительности, обусловленные низким уровнем развития общества и его производительных сил, слабостью человека в борьбе с природой, гнетом природы над человеком, зависимостью его от природы.

Фридрих Энгельс в своей работе «Людвиг Фейербах» с полной ясностью писал: «Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе»¹⁴. И в другом труде: «...всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые «лицетворения»¹⁵.

Само собой разумеется, что при всей своей примитивности такие фантастические представления о природе и человеке появились не сразу,

¹³ П. П. Ефименко, Указ. соч., стр. 292.

¹⁴ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Госполитиздат, 1950, стр. 48.

¹⁵ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 299.

а были результатом длительного развития; для их возникновения были нужны определенные предпосылки. Этими предпосылками были, естественно, развитие человеческих мыслительных способностей, развитие обобщающей работы ума, неразрывно связанное с успехами труда, с практическим познанием и усвоением человеком окружающей его действительности в процессе трудовой деятельности. Фантастическое отражение сил природы могло появиться, следовательно, только при определенном, уже весьма высоком уровне работы человеческого мозга.

Характер и содержание процесса возникновения древнейших форм таких фантастических, извращенных представлений и их гносеологическая сущность с гениальной глубиной вскрыты В. И. Лениным.

Суть первобытной религии, указывал В. И. Ленин, заключается в том, что она представляет собой первобытный идеализм. «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (*совершенно* в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и «нумен», непознаваемая «вещь в себе»; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, логос, бог»¹⁶.

Возникновение первобытного идеализма было неразрывно связано с абстрагирующей деятельностью человеческого ума, конкретно — с возможностью раздвоения познания и отлета фантазии человека от действительности. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (= религии) *даны уже в первой, элементарной абстракции* [«дом» вообще и отдельные дома].»

Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (в последнем счете = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек *фантазии*. (Vice versa¹⁷: нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой)»¹⁸.

Из этих гениальных указаний В. И. Ленина следует, таким образом, что возможность отлета фантазии от действительности, возможность идеализма дана уже в первой, самой элементарной абстракции — в первом обобщении.

Но когда возникает такая возможность?

В. И. Ленин указывал:

[*Всякое слово (речь) уже обобщает*
ср. Фейербах]

Чувства показывают
реальность; мысль и
слово — общее

19

И. В. Сталин в своем гениальном произведении «Марксизм и вопросы языкознания» относительно грамматики указывает, что она в еще большей степени, чем лексика, выражает успехи обобщающей деятельности человеческого сознания. «Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не кон-

¹⁶ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 307—308.

¹⁷ Vice versa — наоборот.

¹⁸ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 308.

¹⁹ Там же, стр. 256.

етные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления.

В этом отношении грамматика напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишенные конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишенные всякой конкретности»²⁰.

Чтобы оценить огромное значение этих указаний И. В. Сталина и В. И. Ленина для истории сознания первобытного человечества, нужно принять во внимание тот факт, что «Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка»²¹.

Как указывает И. В. Сталин: «Обмен мыслями является постоянной жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества,— стало быть, невозможно само существование общественного производства. Следовательно, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестает существовать, как общество»²².

Отсюда следует, что язык, хотя бы и в самой элементарной его форме, сопутствует человеческому обществу с древнейших времен. Зачатки языка должны были существовать, следовательно, уже в отдаленное время, когда человек проходил первые этапы своего развития как существо общественное, когда он впервые выделился из мира животных. И само собой разумеется, что уже в это отдаленное время возникает возможность отлета фантазии от действительности, возможность зарождения первобытного идеализма. Эта возможность коренилась как в первых проявлениях абстрагирующей работы человеческого ума, так и в зависимости человека от сил природы, порождавшей у него неправильные представления об окружающей действительности и о самом себе. Удивительно, почему эти обстоятельства, на которые столь ясно указали В. И. Ленин и И. В. Сталин, игнорируются и забываются.

Однако возможность вовсе не означает еще действительности. Чтобы эта возможность превратилась в действительность, нужны были конкретные исторические условия, прежде всего — определенная степень развития умственной деятельности, позволившая накопить необходимый для этого материал, подняться до образования сколько-нибудь широких общих суждений и понятий. С этой стороны исключительный интерес, в отличие от более ранних эпох, представляет как раз мустьерское время, к которому относятся интересующие нас захоронения.

²⁰ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 24.

²¹ Там же, стр. 22.

²² Там же, стр. 22—23.

Мустьерское время, во многом непосредственно продолжающее традиции предшествующей позднелашельской поры, отмечено определенным и достаточно значительным продвижением вперед техники обработки камня и приемов изготовления каменных орудий. Были усовершенствованы приемы подготовки нуклеусов, площадки которых стали подготавливаться перед употреблением. Пластины и отщепы становятся более правильными и изящными. Окончательно складывается набор каменных орудий: скребла, остроконечники разных форм, наконец, появляются листовидные наконечники или ножи.

Охота приобретает все более систематический характер. Впервые намечается в зависимости от определенных ландшафтных условий своеобразная «специализация» отдельных общин. Например, жители Ильской стоянки охотились преимущественно на диких быков, обитатели альпийских пещер — на пещерного медведя. Люди из Тешик-Таша добывали главным образом горных козлов. Такое развитие охоты должно было иметь в своей основе усовершенствование способов добычи животных объединенными усилиями всего коллектива, т. е. рост и укрепление общественных связей, «обуздавших» животных эгоизм.

Прямым отражением роста общественных связей являются такие характерные черты жизни неандертальского человека, как прочное заселение пещер, ставших более или менее постоянными общими жилищами, наличие в них кострищ, указывающих на особую роль огня как условия для сплочения людей. Очень характерно и наличие многочисленных костей животных. Оно свидетельствует о том, что мясо не подалось без остатка охотниками на месте добычи, а приносилось в пещеру, где должны были оставаться беременные женщины и дети.

Очень вероятно также, что именно в это время на основе всех достижений культуры начинается переход от первобытного стада к новой форме общественной жизни, т. е. к материнскому роду, возникают зачатки того общественного уклада, который так эффектно представлен сменяющимися мустьерскими памятниками верхнепалеолитическими поселениями.

Нет никакого сомнения и в том, что прогрессивному развитию труда и общества должны были соответствовать одновременные прогрессивные изменения в сознании первобытного человека, которое развивается в процессе практического овладения законами природы.

«Жизнь,— указывал В. И. Ленин,— рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверая и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине»²³.

Однако, как указывал В. И. Ленин, это отражение вовсе не было «зеркально-мертвым» процессом, а имело сложный характер, включало раздвоение, отлет фантазии от действительности, ибо в конкретных условиях того времени неизбежно было появление на вечно могучем древе познания также и пустоцвета в виде первобытного идеализма, т. е. зачатков религии.

Возникновение подобных фантастических представлений было обусловлено тем, что возможность действительного познания природы — это результат длительного накопления человеком практического опыта такого познания: «Уже верное отражение природы — дело трудное, продукт длительной истории опыта. Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят все культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению создало повсюду богов...»²⁴.

²³ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 174.

²⁴ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 326.

Таким образом, возникновение зачатков религии было неизбежно вследствие низкого уровня развития общества. В силу ограниченности трудового опыта и недостаточности знаний, а также вследствие зависимости от грозных сил природы, первобытный человек не мог возвыситься до правильных представлений об окружающем мире и о самом себе. Он не был в состоянии правильно представить себе сущность явлений реальной действительности и характер связей между ними. Он неправильно реагировал в общем на все, что было связано с жизненной необходимостью — с добыванием пищи, устройством жилищ, накопляя все более и более разнообразный трудовой опыт. Но тем не менее уже в начальный момент развития материнского рода и перехода от животного сознания к сознанию человеческому, которые падают на неандертальское время, он сделал шаг и по другому, ложному направлению, по линии первобытного идеализма.

Так возникли прежде всего неправильные представления человека о своей собственной сущности, обусловившие, должно быть, особое отношение к трупам умерших сородичей, т. е. появление первых погребений. Это отношение к трупам, сказавшееся в мусьеьских погребениях, имело в своей основе прежде всего чувство коллективизма, рожденное совместной трудовой жизнью первобытных людей.

Но забота о сочлене мусьеьского коллектива выражалась здесь в особых формах, обусловленных ложными, неправильными, представлениями о человеке. Мы не знаем точно характера таких представлений. Не исключено, что здесь уже были зачатки анимизма, переплетавшиеся с представлениями о «живом мертвце».

Оставляя пока в стороне возможные догадки и предположения, остановимся на самом главном и бесспорном,

Существенно одно: неандерталец уже убедился, что мертвец не просто «спящий»; что по отношению к нему нужны особые заботы, качественно иные, чем по отношению к живому человеку. Он не просто оставлял мертвеца на поверхности земли в той позе, в какой его застала смерть, а придавал ему, пока еще не окоченело тело, определенную, строго выдержанную позу; клал его не как попало, не как пришлось, а в определенном направлении — головой на восток или на запад, наконец, помещал его в яму и засыпал землей.

Отсюда следует, что у неандертальца уже возникли какие-то идеи о качественно иной форме существования умерших после смерти, т. е. первые идеи о «жизни за гробом». Иначе таких фактов не объяснить.

Сюда же, к первым зачаткам, к истокам развившихся позже сложных и вполне оформленных фантастических представлений, из которых состоит религия, следует отнести аналогичные зачатки культа природы, культа стихий и прежде всего естественного для первобытных охотников культа зверя, о котором основоположники марксизма писали ясно и определенно, что «вначале было свято звериное».

«Любопытно,— писал Ф. Энгельс,— как у так называемых первобытных народов возникает представление о *святости*. Священно первоначально то, что мы переняли из животного мира,— *животный элемент*...»²⁵. В свете этого особый интерес приобретают козлиные рога, найденные около костей неандертальца в Тешик-Таше, а также известные находки «складов» костей пещерного медведя в альпийских пещерах.

Нельзя согласиться с тем, что и то и другое представляло собой запасы пищи или «охотничьи трофеи». В самом деле, какова питательная ценность рогов козла или, скажем, медвежьих голов? На длин-

²⁵ Ф. Энгельс, Письмо К. Марксу от 8 декабря 1882 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 598.

ных костях, правда, могло быть мясо. Но зачем было устраивать такие ящики-хранилища из камней для этих запасов, зачем было хранить вместе с ними головы медведей? Если же это были «трофеи», то этнография показывает действительный смысл подобных трофеев. Они всегда связаны с культом зверя.

С таким же, и даже большим, правом вместо этих объяснений, не имеющих убедительной силы, можно выдвинуть другое, опирающееся как на этнографические факты, так и на указания классиков марксизма о глубочайшей древности зоолатрии.

Култ зверя, как одно из конкретных выражений исходного культа природы, был основан на реальной роли зверя в жизни первобытного человека. Для обитателей Тешик-Таша исключительное значение имел горный козел, для пещерных жителей Альп — медведь. Что же удивительного в том, что именно по отношению к этим животным с глубокой древности у людей уже существовали особые представления, связанные с фантастическими идеями дикаря?

Правда, сторонники патера Шмидта потратили немало труда, чтобы попытаться «доказать» на этнографическом и археологическом материале в виде скоплений длинных костей и черепков извечность культа «высшего существа» и «бескровной жертвы». Но суть дела заключается вовсе не в том, чтобы отрицать существование использованных патерами фактов, если, конечно, эти факты сами по себе не опорожены, не фальсифицированы попами и поповствующими «учеными», а в том, чтобы использовать их против концепций самих клерикалов. Если же сделать это, станет ясным, во-первых, что никакой «бескровной жертвы» здесь не было, как не было вообще «жертвы» и никакого «высшего существа», никакого прамоотеизма, а был тот самый первобытный дикарский култ зверя, о котором столь просто и отчетливо писали классики марксизма. Показать этот култ, начиная с его вероятных истоков в мустьерское время, — значит разоблачить элементарное жульничество «ученых» патеров, нанести удар по их фальшивой постройке в самое ее основание. Обойти его — значит молчаливо капитулировать перед ними.

В пользу предположения о возникновении первых зачатков культа мертвых и культа зверя именно в мустьерское время свидетельствуют и другие факты, тоже указывающие на сравнительно развитое уже сознание неандертальца. Таковы, например, чашечные камни и красочные цветные пятна, которые нельзя рассматривать иначе, как первоначальные зачатки изобразительной деятельности.

Заслуживают внимания также куски кровавика, найденные в мустьерских слоях и обнаруживающие признаки стирания или заполировки их поверхности от употребления, вероятно, для раскраски тела, и кристаллы, должно быть, привлекавшие внимание своим блеском.

О том же свидетельствуют факты, относящиеся к последующему, верхнепалеолитическому, времени. Высокий расцвет реалистического искусства верхнего палеолита, появление настоящих погребений с развитым погребальным ритуалом и определенным погребальным инвентарем нельзя объяснить, если не учитывать, что всему этому неожиданно высокому взлету интеллектуальной культуры должно было предшествовать определенное подготовительное состояние. Такой подготовкой и было мустьерское время, эпоха деятельности неандертальского человека. Именно об этом свидетельствуют драгоценные с культурно-исторической точки зрения мустьерские погребения.

*

Означают ли изложенные взгляды какую-то, хотя бы и вынужденную «уступку» реакционным взглядам тех, кто стремится «обосновать извечность религии? Препятствуют ли они развертыванию борьбы з

убеду единственно правильного, материалистического мировоззрения над идеалистическим, над мистицизмом и поповщиной?

Конечно, нет.

Чем полнее и точнее наши представления об истории религии, тем слабее позиции ее сторонников. Ибо, вскрывая корни религии до самого основания, разясняя ее историю от начала до конца, мы не оставляем места для каких-либо неясностей и пробелов, которые только на пользу мракобесию и невежеству и, следовательно, во вред борьбе с ними. Материалистически объясняя истоки религии, выясняя до конца исторические корни и пути развития, мы подрываем самые корни идеалистической фальсификации в этих вопросах, противопоставляем ей единственно научное, единственно правильное и неопровержимое объяснение. Определяя точно и ясно условия и время возникновения первых зачатков религиозных верований, первобытной веры в духов и грубого колдовства, мы не оставляем места для каких-либо лазеек, для каких-либо попыток утверждать «извечность» и надисторичность религии, ибо ограничиваем ее точно установленными историческими рамками.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что ни о каких погребениях в мустьерское время говорить не приходится. Кости питекантропа найдены в разрозненном состоянии. Это, действительно, случайные остатки, где не приходится говорить даже о каком-либо сочетании их с поселением. Кости синантропов оказались, правда, в пещере вместе с каменными орудиями, костями животных и углями огня. Но ничего похожего на мустьерские погребения там не зарегистрировано. Мауэрская челюсть представляет собой тоже единичную, изолированную находку. Они, таким образом, бесспорно относятся к дорелигиозному периоду; это вполне естественно, так как в столь далекое время должны были господствовать полуживотные, полуинстинктивные формы труда, которым соответствовало аналогичное сознание.

«Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы»²⁶, — писал В. И. Ленин. Ясно, что на таком низком уровне развития ума человека не может быть ничего похожего на зачатки столь сложных, же фантастических, представлений.

В отличие от более древних находок, мустьерские погребения свидетельствуют о первоначальном возникновении зачатков религиозных верований как комплекса ложных фантастических представлений человека о самом себе и о природе, как первобытного идеализма. Но это еще вовсе не настоящая, сколько-нибудь оформленная религия, хотя и первобытная. Здесь нет, как я уже достаточно ясно и недвусмысленно писал в моих ранее опубликованных работах, еще никакой окончательно установившейся системы, ничего определенного и целостного. Это в полной мере исходное состояние, где причудливо переплетаются смутные и неопределенные фантастические образы и представления, из которых много позже вырастают настоящий культ мертвых и вера в духов, культ животных.

На архаичность, неопределенность зачатков культа мертвых в мустьерское время указывает, прежде всего, отсутствие столь важного признака, каким является ясно выраженный погребальный инвентарь в виде орудий труда и т. д. Отсутствует, например, и такая черта погребальной обрядности, как засыпание трупа охрой, кровавиком. Она появляется только в верхнепалеолитическое время (любопытно, однако, наличие при некоторых неандертальских костях красной охры; оно, может быть, случайно).

Зато есть все основания полагать, что уже 30—40 тысяч лет назад, в верхнем палеолите, на основе этих зачатков складывается довольно

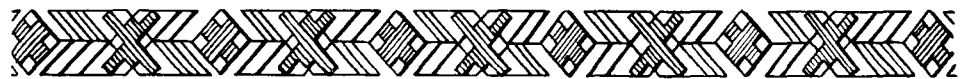
²⁶ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 67.

стройная и сложная система мифологических представлений, представлений, о жизни и смерти; возникает определенная система культовых действий и обрядов, главным образом связанных с охотничьей жизнью. Развивается цикл представлений, связанных с материнским родом и почитанием женских предков-родоначальниц.

Таким образом, было бы неправильно возвращаться к не выдержавшим испытания временем попыткам сторонников вульгарного материализма, буржуазных эволюционистов XIX в., упорно отрицать сложности духовного развития палеолитического человека, игнорировать или объяснять простой случайностью закономерно повторяющиеся факты, которые противоречат старым примитивно-эволюционистским взглядам. Подобная близорукая тактика была бы, разумеется, только на пользу защитникам идеализма и религии, которые имеют в этом деле достаточный опыт и, конечно, не упустили бы возможности воспользоваться слабостью своих противников, жестоко поиздеваться над ними, демагогически использовать их ошибки в собственных целях при первом удобном случае, а такие случаи не только были в прошлом, но, несомненно, могут снова обнаружиться и в ближайшем будущем при находке новых мусье-ерских погребений.

Материалистически выясняя истоки религии, коренившиеся в бессилии человека перед силами природы, в темных невежественных представлениях дикаря, наша наука тем самым кладет конец идеализации религии, попыткам представить ее чем-то возвышенным и идеальным, надисторическим, результатом «божественного откровения». Развивая эту тему, мы, напротив, следуем за В. И. Лениным, который с гениальной силой разоблачил связь с мировоззрением дикаря не только католического или иного антропоморфного «боженьки», но и гордого своей философской отвлеченностью идеализма Канта или Гегеля.

Не отрицать факты и не упрощать действительность, а правильно объяснять факты в свете марксистско-ленинской теории о путях развития общественного сознания; не отходить от марксизма к буржуазному эволюционизму и, что еще хуже, к вульгаризаторским концепциям Н. Я. Марра о «стадиальности» и «взрывах», а, наоборот, последовательно выкорчевывать и преодолевать их влияние; не разоружаться, предоставляя использование фактов врагам подлинно научного мировоззрения, а, напротив, всемерно использовать эти факты для борьбы за диалектико-материалистическое освещение детства человечества, для боевой пропаганды марксизма и разоблачения буржуазной идеологии — такова наша задача.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Г. С. ЧИТАЯ

ГРУЗИНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ ЗА ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ СТАЛИНСКОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Этнография Грузии, имеющая старые традиции, как подлинно научная дисциплина оформилась лишь после установления Советской власти. Только тогда дана была широкая возможность развернуть планомерную и систематическую работу на новых началах. Задача грузинских советских этнографов состояла в изучении быта населения Грузии, выявлении самобытных черт материальной и духовной культуры народа, изучения производственного опыта и трудовых навыков непосредственных производителей. Сложные этнические сплетения, характеризующие население Грузии, высоко-развитая культура, восходящая своими истоками к ранним очагам цивилизации, богатейший пережиточный материал, законсервированный в некоторых горных районах, и наличие письменных источников глубокой древности привели грузинских этнографов к комплексно-интенсивному изучению явлений, когда, с одной стороны, в комплекс включаются базисные и надстроечные явления, а с другой — каждый предмет описывается «как сумма человеческого труда» (К. Маркс), т. е. по материалу, технике и т. п.

За время Великой отечественной войны этнографы Грузии приняли участие в разработке тем оборонного значения. Опубликованы научно-популярные статьи и очерки, проведена серия лекций на специальную тематику. Были организованы закрытые выставки по особому заданию.

Первый послевоенный пятилетний план этнографических исследований, после многолетних работ в горных районах, в основном предусматривал изучение равнинной Грузии, изучение пережитков ее древней материальной культуры, хозяйства, древних социальных взаимоотношений, идеологии, в частности религии, составление карты этнического состава населения Южной Грузии, создание университетского курса этнографии Грузии и изучение социалистической культуры и быта Грузии. По этому плану предполагалось, во-первых, широкое развертывание экспедиционной работы (комплексные экспедиции в Картли, Кахети, Имерети, Рачу), во-вторых, усиление подготовки новых кадров. Предусматривалась также организация этнографического стационара в Хевсурети. Собираемый материал должен был лечь в основу решения ряда проблем первостепенного значения, как-то: 1) этнический состав населения Грузии, 2) проблема периодизации истории Грузии, 3) культурно-исторические проблемы, 4) социалистическая культура и быт.

1. Этнический состав населения Грузии. В свете учения товарища Сталина о нации была уточнена номенклатура этнических объединений. Во время исследовательских работ вскрыты новые этнические группы. Так, одна из этнических групп, упоминаемая в грузинских источниках IX в., — кварельцы — была локализована для этого периода в верхних ущельях р. Иори; в начале XIX в. мы застаем ее уже перемещенной в Заазазанскую Кахети. Этнографическое исследование показало, что эта этническая группа в течение XIX в. ассимилировалась с родственным племенем кахетинцев, сливаясь с ним в хозяйственном, культурном и языковом отношениях. Единственное, что осталось у этого населения, это лишь воспоминание о своем выселении из Иори, и то, что они долгое время ездили в Иорское ущелье на поклонение своему племенному патрону Лашари. По существу это перемещение носило характер просачивания горцев в долину. По имеющимся данным, вскрывается механика этого явления. Оно было связано в основном с тем, что рост горского населения при низкой технике и в условиях горной природы вынуждал выселяться в долину.

Современная этнография в Заазазанской долине отмечает другую небольшую этническую группу цовцев, которая до конца XIX в. жила в горной Тушети, сейчас живет в Заазазанской долине (Земо Алвани). Грузинские источники IX в. застают их западнее от Алазани, между Арагвой и Иори. Топонимика, выявленная этнографи-

ческими исследованиями, указывает на расселение этого племени и западнее Арагви, а именно: на Ксани и Лехура. Греческие и армянские источники указывают в верховьях Тигра расселение племени под наименованием Цопк, Софене, Цопанай¹. Следовательно, если нас эти данные не вводят в заблуждение, племя цовцев за несколько веков до заселения пригорных и горных районов Грузии жило на юге в ущельях верховьев Тигра и его притоков. К этому факту имеется немало аналогий: чартабцы на Белой Арагве, на Ксани и в Закаталах, басианцы на Ардоне и на Ефрате, лазы на Бзыби, Чорохи и т. д.

Наконец, изучением населения ущелья р. Алгети выяснено, что большая часть его была заселена грузинами разного вероисповедания (халкедониты и монофизиты). Среди этого населения устанавливается два основных слоя: коренной и пришлый. Пришедшие в более позднее время, грузины, как видно, с течением времени слились с местным элементом. В Алгетском ущелье доминирует быт, характерный для коренного населения, и господствует традиция, возникшая на квемо-картлийской почве.

2. Проблема периодизации истории грузинского народа. Для правильного понимания этнографических явлений существенное значение имеет периодизация истории изучаемого народа. Грузинская советская историография в этом вопросе достигла значительных результатов. В известном учебнике «История Грузии с древнейших времен до конца XVIII века» Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, под редакцией С. Джанашиа (т. I, Тбилиси, 1947) история Грузии делится на следующие периоды: 1. Первобытно-общинный строй у грузинских племен. 2. Рабовладельческое государство Грузии античного периода. 3. Феодализм с подразделениями: а) раннефеодальные отношения в Грузии, б) грузинская феодальная монархия, в) позднефеодальные отношения в Грузии. Одним из серьезных достижений этой периодизации (акад. С. Джанашиа) является установление факта существования в Иберии (Грузии) на определенном отрезке времени рабовладельческого общества, наличие которого историками Грузии раньше отрицалось. Признавая бесспорным существование в Грузии рабовладельческого общества — факт, в свою очередь подтвержденный археологическими материалами, добытыми из раскопок Самтавро-Армази — Багинети — Триалети, нужно подчеркнуть, что это общество по существу было разновидностью древневосточного рабовладельческого общества.

В этой связи ценные результаты достигнуты за последнее время в исследованиях пережиточного этнографического материала грузин-горцев. На основании изучения этого материала в отношении хевсурских общинных организаций были установлены следующие факты. Являясь по существу соседскими общинами, преобладающее большинство из них представляло по своему составу родственные группировки, организованные в общины фамильные, поколенные и общины-братства. Наряду с такими общинами имелись общины с разнофамильным населением. Особенно оригинальную сторону хевсурских общин составляла их форма или строй: крупные общины представляли собой суммы мелких и мельчайших общинных организаций, а последние являлись их основным производственным ядром, сохранявшим при этом самостоятельность в местных делах. Отличительной чертой хевсурских общин в структурном отношении было то, что в центре каждой из них находилось святилище или храм общинного божества, служившего средоточием духовной и светской власти общины. Между прочим вскрыты теофорные наименования хевсурских общин и общинников, выражающие характер связи последних с их общинным божеством. Эти теофорные наименования имеют параллели в древневосточных теофорных именах.

Установлено, что население каждой хевсурской общины исследуемого периода разбивалось на два основных слоя, так называемых эрисгании и джварииони. Эрисгании были рядовые общинники, составлявшие массу производящего и военного населения общины. Они обрабатывали общинные и общинно-подворные наделы и, кроме того, пользовались в порядке очередности небольшими земельными участками общинного святилища, платя за это в пользу последнего ежегодный натуральный налог. Подобно храмам Древнего Востока, хевсурские святилища были крупными в масштабе общины поземельными собственниками. На наибольшей площади этих земель, не сдававшейся в аренду, процветали скотоводческое и земледельческое хозяйство святилища, где эрисгании составляли основную массу непосредственных производителей, проводивших работы на коллективных началах. Внутри общины уже существовала социальная дифференциация: с одной стороны, в нее входили рядовые общинники, с другой, — привилегированный слой, откуда выросла правящая верхушка общины, и, с третьей, низший слой населения, обремененный тяжелыми податями и повинностями, выполнявшимися по отношению к святилищу (правящей власти) общины-завоевателя и протектора. Выходившие из привилегированного слоя, так называемые джварииони, будучи наследственными, пожизненными и временными служителями общинного божества и святилища, в то же время составляли органы управления в крупных общинных организациях, подразделявшиеся на несколько инстанций теократической административной, военной и хозяйственной власти.

Все эти данные в свете сравнительных культурно-исторических фактов позволяют полагать, что хевсурская община представляла собой основу социально-экономиче-

¹ И. А. Джавахишвили, Основные историко-этнологические вопросы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1950, стр. 223.

ской жизни раннеклассового общества, по уровню развития и по типу, вероятно, относящуюся к так называемым общинно-рабовладельческим древневосточным обществам.

3. Этногенез и культурно-исторические проблемы. В западноевропейской литературе немало совершенно неприемлемых теорий о происхождении грузинского народа (Карст, Маргвелашвили и др.). Отметая эти лженаучные теории, грузинская советская историография и этнография рассматривают этногенез как процесс внутреннего развития исторически развивающихся связей, скрещений и культурных влияний племен и народов. Лишь опираясь на высшее достижение мировой научной мысли — марксизм-ленинизм, можно решить вопрос о происхождении народов. В данном конкретном случае задача состоит в том, чтобы показать, из каких элементов и вследствие каких исторических процессов сложились грузинский народ. Исторические свидетельства о многочисленности грузинских племен определенно указывают на сложный состав грузинского народа. Доказано, что издавна большая группа племен, объединенных близким родством, общностью языка, культуры и быта, населяла единую территорию между Кавказским хребтом на севере, озерным нагорьем верховьев Тигра и Ефрата на юго-востоке и бассейнами Чороха и Галиса (Кизыл-Ирмака) на юго-западе. Здесь в исторические времена предки грузин под первенствующим влиянием того или иного племени создавали рабовладельческие государства, которые, как неустойчивые, распадались, причем создавались другие государственные образования под верховенством другого грузинского племени и в другом центре². Автохтонность исторического процесса сложения грузинского народа не подлежит сомнению. Однако для конкретного решения этого вопроса нужно еще много поработать историкам, лингвистам, археологам, этнографам. На долю этнографов возлагается задача определить этническую особенность грузинских племен, разумея под этим конкретную совокупность специфических особенностей в отношении быта, духовной и материальной культуры. Каковы же результаты работ в этой области?

А. Изучение земледельческого быта Грузии. До победы Великой Октябрьской социалистической революции земледелие в нашей стране было одной из наиболее консервативных отраслей хозяйства. В нем мирно уживались тысячелетние традиции и приемы с последующими усовершенствованиями техники.

Изучение земледельческого быта Грузии показывает, что трудовое крестьянство обладает прочными эмпирическими познаниями, указывающими на определенный уровень развития земледельческой народной культуры, ее древность и самобытность. Эта культура представляет собой весьма сложную, многостороннюю, цельную систему, которая включает разнообразные производственные навыки, трудовой опыт и трудовые процессы: расчистка, унавоживание, пахание, бороньба, поливка, посев, прополка, жатва, молотьба, хранение и др. В эту многогранную культуру входит также: эмпирическое знание почв, народного календаря, особые приемы распашки равнин, горных склонов и высот, поднятие пара (анеули), взмет (гатердза), двоение (гахарва), выращивание хлебов на солнечной и теневой стороне, сложная оросительная система, сложные взаимоотношения с тягловой силой — волом (навозное скотоводство), использование различных по конструкции, назначению и названиям пахотных орудий, получение из яровых семян озимых, использование семян горной зоны в долинной полосе, применение смешанных культур для борьбы с засухой, борьба с сорняками.

Изучение древнейших мифов о происхождении виноградарства и виноделия, как-то: древнееврейского, древнегреческого и иранского (записанного Омаром Хаямом), а также грузинских преданий показывает, что Закавказье является родиной культурного винограда. На добытом этнографическом материале установлены богатые эмпирические познания и опыт, накопленные на протяжении веков виноградарями Грузии, как-то: экспозиция посадки лозы для получения винограда высшего качества, эффективное использование солнечных лучей, знание почв и особые приемы изготовления и хранения вина. Этнографическое изучение виноградарства-виноделия входит в общую комплексную проблему, в совместной разработке которой принимают участие, помимо отделов истории, этнографии и археологии Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР, и другие научные учреждения Грузии: Институт экономики, Институт языкознания, Институт истории грузинского искусства, Государственный музей Грузии им. акад. С. Джанашиа и кафедра этнографии Тбилисского государственного университета имени Сталина.

На основе этнографического изучения орошения выясняется, что в этом деле крестьянство максимально использовало свои знания (проявление народного знания в геодезии, геологии, гидрографии и пр.). Забота об оросительной воде, являющейся предметом постоянных нужд, и сама техника орошения выработали у земледельца много опыта и трудовых навыков: орошение по бороздам, обмен семян хлебных злаков орошаемых и неорошаемых полей и пр. Несмотря на это, в условиях раздробленного хозяйства, основанного на частном владении, орошение не имело широкого масштаба. Невозможность широкого использования естественных ресурсов была при-

² Акад. И. А. Джавахишвили, Введение в историю грузинского народа, т. I. Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1950, изд. посмертное (на груз. яз.); акад. С. Н. Джанашиа, Труды, т. I, 1950 (на груз. яз.); Н. А. Бердзенишвили, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, История Грузии, т. I, С древнейших времен до конца XIII века, Тбилиси, 1946.

чиной общего недостатка оросительной воды. Добывание оросительной воды было затруднено, что служило поводом постоянных ссор и столкновений как внутри села, так и между селами. После установления Советской власти положение в корне изменилось. Построены новые, большие оросительные системы. Одна из таких систем, Тирипонская, сыграла решающую роль в преобразовании хозяйства Тирипонской долины: появились новые отрасли земледелия, культура хлебных злаков приняла более интенсивную форму, ранее опустелые селения превратились в цветущие сады. Изменилось вместе с этим и само поселение долины: на бывшей пустынной территории появились совершенно новые селения, а некоторые селения с целью приближения к оросительной воде переместились на новое место.

Б. *Грузинские народные средства перевозки и мельницы.* Выявлены самобытные черты в развитии грузинских народных средств передвижения и перевозки, изучены их конструкция и функции, обобщены народные знания и опыт в этой области народной техники. Установлено, что характерные признаки хозяйства и природных условий трех главных зон Грузии обусловили конструктивные особенности народных средств перевозки. На материале грузинских народных средств перевозки выдвинут вопрос о происхождении и древнейших видах колеса. Данные из этнографии Грузии показывают развитие колеса из примитивного катка.

В результате многолетнего собирательского и исследовательского труда освещен один из интереснейших и сложных вопросов развития машинного производства — вопрос о водяной мельнице. На основании этнографических сведений и данных письменных источников можно заключить, что в истории развития водяной мельницы существовали две ее разновидности: а) мельница с горизонтальным колесом, приводимым в движение силой искусственно созданного потока воды, — поточная мельница, передаточным механизмом движения, которой является подпятник, и б) мельница с вертикальным колесом, приводимым в движение естественным течением воды, передаточным механизмом движения которой является зубчатка. На основании изучения этого вопроса подвергается критике современная буржуазная теория о римском происхождении водяной мельницы (Г. Монтандон, Г. Чайльд и др.). Руководствуясь известным положением К. Маркса, выдвинутым им в письме к Ф. Энгельсу в 1863 г., что «водяная мельница была занесена из Малой Азии в Рим во время Юлия Цезаря», советские ученые допускают возможность существования водяной мельницы в Урартскую эпоху. Этнографические и историко-археологические материалы, с одной стороны, и наличие водяных мельниц в Урартском царстве и Малой Азии, с другой, позволяют заключить, что этот элемент культуры должен был существовать очень рано в странах колхов и иберов.

В. *Изучение социальных взаимоотношений.* Значительные результаты достигнуты в изучении пережиточного материала о семейной общине отдельных грузинских племен. В этнографической литературе не имеется более или менее подробного описания до-свадебных обрядов. Большая часть исследователей занималась наиболее бросающимися в глаза сторонами брака. В результате этого в большинстве случаев основными свадебными обрядами было принято считать самую свадьбу и сопутствующие ей обряды, тогда как в процессе заключения брака такими же основными моментами являются отношения брачующихся сторон в добрачном периоде.

На материале Мтиулетти исследованы вопросы о патронимической природе фамилии, о предвзятых обязательствах условиях установления брачных взаимоотношений (экзогамия, пережитки брака между представителями двух экзогамных семей), упорядочение брачных взаимоотношений внутри соседской общины, брачный возраст, о выборе и закреплении прав на невесту (обручение малолетних, поиски и выбор невесты, выяснение происхождения и личных качеств невесты, наречение, белга и малое обручение), о «большом обручении» и приготовлении к свадьбе. Значительные результаты достигнуты также в изучении одного из интересных вопросов прошлого хевсуров — шатильского «сапехно»; в «сапехно» (помещение для собраний) созывался сельский сход совершеннолетних мужчин села (пехони) для обсуждения и решения вопросов обороны и хозяйственной жизни селения. Тем самым пехони являлось одним из звеньев народного самоуправления хевсуров.

Г. *Национальный спорт.* Работа велась над выявлением, отбором и опытным внедрением в практику грузинских народных подвижных игр, над восстановлением изродных видов спорта а также над отдельными вопросами о месте национальных видов спорта в советской системе физического воспитания. Собрано свыше четырехсот описаний подвижных игр, систематически пополняемых благодаря ежегодно проводимым полевым работам в различных районах Грузии. Несколько десятков игр после их предварительного изучения и практической проверки включаются в уроки физической культуры школьников Тбилиси. На базе грузинских подвижных игр проведен детский спортивный праздник, сыгравший известную роль в деле внедрения их и в быт школьников. Отдельные грузинские спортивные игры после их восстановления и переработки соответственно современным требованиям советской системы физического воспитания успешно применяются в студенческих спортивных олимпиадах.

С точки зрения культурно-исторической, а также практического применения все большее значение приобретают грузинские национальные конно-спортивные игры. Восстановлением «кабахи», «исинди» и «цхенбурти» советский конный спорт обогащается новыми конно-спортивными играми, воспитывающими высокие спортивные качества

вместе с тем зрелищно увлекательными. Некоторые эти игры, благодаря их включению в нормы ГТО и учреждению всесоюзного приза, успешно культивируются и в других республиках Советского Союза. Историко-этнографическое исследование грузинских национальных видов конного спорта дает основание говорить о высоком уровне развития конного дела на всем протяжении истории Грузии, о традициях глубокой древности, восходящей ко II тысячелетию до н. э., и о самобытных формах некоторых видов конного спорта. Вместе с тем устанавливаются широко распространение конного спорта в быту народа и большой запас эмпирических познаний в области ухода за лошадью и ее тренировки. История спорта в Грузии разрабатывается в качестве самостоятельной проблемы.

4. Социалистическая культура и быт. В послевоенной сталинской пятилетке этнографы Грузии особое внимание обращали на изучение социалистической культуры и быта колхозного крестьянства. Уже начато изучение социалистической культуры и быта рабочих. При изучении нового быта мы исходили из положения, что это изучение предполагает выявление трудовых навыков, производственного опыта, самобытных черт народной культуры, того, «...что вошло в культуру, в быт, в привычки» (Ленин). Такая установка позволила нам подойти вплотную к вопросам, входящим в круг этнографического исследования новой, социалистической культуры.

Для ознакомления с результатами изучения нового быта мы остановимся на примере колхоза сел. Тортиза Горийского района и колхоза им. Куйбышева сел. Шилда Варельского района. Из множества вопросов нового быта в колхозе селения Тортиза были особо изучены два вопроса: система орошения (в связи с земледелием) и брачные отношения.

До Октябрьской революции Тортиза являлась весьма отсталым и бедным селением. Одной из причин этого в условиях социального неравенства и частного, раздробленного хозяйства являлось и то, что селение не располагало для орошения полей водными ресурсами в достаточном количестве. В поисках воды часто имели место столкновения с соседними селениями, нередко сопровождавшиеся человеческими жертвами. После Великой Октябрьской социалистической революции положение в этом отношении изменилось в корне. Выполняя завет В. И. Ленина, большевики Грузии еще в 1928 г. создали большую систему орошения, которая сыграла огромную роль в деле пересоздания сельского хозяйства Картли и в том числе сел. Тортиза. В условиях коллективного труда культура хлебных злаков приняла более интенсивную форму, наряду с этим получили широкое распространение фруктовые сады, огороды, а также кукуруза, внедрена новая культура сахарной свеклы, освоены и приспособлены к местным условиям новые сельскохозяйственные орудия. В условиях коллективного хозяйства нашло новое выражение использование живой тягловой силы. Колхозное изобилие обеспечило широкое развитие в сел. Тортиза социалистической культуры. Совершенно изменились тип поселения и жилые и хозяйственные постройки. Широко развернулось культурное строительство.

Новые производственные отношения в сравнительно короткий срок пересоздали и пересоздают веками упрочившиеся нравы и обычаи. Эти изменения хорошо выражаются, в частности, в свадебных обычаях. До революции жители соседних поливных сел избегали брать невест из Тортиза или выдавать туда замуж своих дочерей. Теперь молодые тортизцы являются желанными невестами и зятями близких и дальних сел. В Тортиза брак внутри селения запрещался, теперь он входит в практику между жителями отдельных кварталов селения. Колхозная жизнь уничтожила существовавшее в прошлом противопоставление интересов брачующихся сторон. Отпали требования приданого, расходы по обручению и свадьбе, задаток, малое и большое обручение. Последние два объединены в одно, за которым следует непосредственно свадьба. Свадьба колхозников является общеколхозным торжеством. Пример тортизцев находит подражание в соседних селах. Колхозный брак в современном быту тортизцев главным образом основан на взаимопонимании брачующихся сторон и исключает характерную для старого быта корысть. Создана прочная основа для настоящей моногамной семьи.

Шилда является типичным кахетинским селом, имеющим свою длительную историю. Основываясь на плановом труде, построенном на характерной для страны обидившего социализма сознательной трудовой дисциплине, передовой технике, достижениях агрономической науки и вековой народной производственной практике, и в результате широкого развертывания социалистического соревнования, колхоз им. Куйбышева села Шилда выдвинулся в ряды передовых колхозов. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла жителям села Шилда возможность пышного расцвета. Перестройка сельского хозяйства на основе социалистических принципов и обильные колхозные урожаи создали в селе Шилда базу для резкого подъема производственной деятельности. Колхоз им. Куйбышева имеет в числе своих членов трех Героев Социалистического Труда и многих прославленных мастеров обильного урожая, награжденных орденами и медалями.

Почти все стороны старых взаимоотношений между жителями села в новом быту существенно изменились. В семье шилдского колхозника уже давно не существует деления труда на «шина сакме» — для женщины и «гаре сакме» — для мужчины. общественной жизни и труде мужчина и женщина участвуют одинаково и на равных правах. В результате этого женщина вышла на арену общественной жизни, ски

нула оковы патриархальной замкнутости в узких рамках семьи и в общественных отношениях, в необходимых случаях выступает наравне с мужчиной, в вопросах как семейного характера, так и общественного. Женщина правомочна выступать от имени всей своей семьи на собраниях, в сельсовете, в правлении колхоза и принимать всякого рода хозяйственные решения. Шилдские женщины умело сочетают свои семейные обязанности с колхозной и служебной деятельностью.

Этнографическое изучение современного быта промышленных рабочих начато одной из старейших отраслей промышленности Грузии — чиатурской марганцевой промышленностью, которая берет начало в семидесятых годах XIX в. и после установления в Грузии Советской власти превращается в ведущую отрасль народного хозяйства. Благодаря этому она дает возможность проследить за формированием дореволюционного быта данного района, протекавшим в условиях образования кадров промышленных рабочих почти исключительно на базе местного населения, при тесном сплетении промышленности и сельского хозяйства, и тем самым вскрыть некоторые своеобразные черты процесса становления социалистического быта.

После установления в Грузии Советской власти чиатурская марганцевая промышленность превратилась в крупный очаг социалистической индустрии, который лег в основу формирования нового быта современного чиатурца. Некоторые черты нового быта находят свое выражение в следующем. 1. Развитие жилых построек поселений происходило в двух направлениях — в направлении усовершенствования домов западнотурецкого типа (планировка комнат, расположение подсобных помещений) применительно к новым условиям и в направлении полной замены старых форм жилых построек и поселений домами и поселками городского типа, причем последние являются безусловно господствующими и характеризуются широким внедрением в строительную практику элементов грузинской архитектуры. 2. Образовавшиеся на протяжении длительного времени потомственные горняцкие семьи в условиях советской Грузии превратились в основной источник формирования местной технической интеллигенции. Насыщенность современной горняцкой семьи представителями советской интеллигенции, вышедшими из местных горняцких семей, является одной из ее характерных черт, скрепляющей общность этой семьи, в основе которой лежат единство личных и общественных интересов. 3. Крупнейшие сдвиги в общественном быту послужили основой формирования социалистического сознания. Сдвиги в сознании рабочих отчетливо прослеживаются в их отношении к труду и социалистической собственности, что находит свое выражение в бурном развитии социалистических форм труда, в укреплении производственной дисциплины, в развитии изобретательской мысли.

Свою полевую работу этнографы Грузии использовали для популяризации научных знаний и практических достижений колхозов и совхозов. В этих целях проведен ряд лекций в колхозах таких отдаленных районов Грузии, как Верхняя Сванети, Рача и др. Лекции читались на темы: «Новый быт в колхозе сел. Тортца Горийского района», «Человеческие расы, расизм и расовая дискриминация», «Основные элементы народной культуры Грузии», «Этнография и краеведение», «Происхождение грузинского народа». Некоторые из этих лекций сопровождался показом документальных фильмов. Устраивались передвижные выставки по темам «Старый и новый быт Грузии», выпускались полевые бюллетени и т. д.

В послевоенной пятилетке защитили кандидатские диссертации восемь человек.

Помимо вышеуказанной работы, по послевоенному пятилетнему плану выполнены: 1) курс этнографии Грузии для высших учебных заведений, 2) основные разделы очерка по этнографии Грузии для многотомника «Народы мира». Сверх того, организован первый в Советском Союзе этнографический стационар в Хевсурети, который приступил к плановой работе с 1950 г.

В данное время этнографическая работа в Грузии ведется в отделе этнографии Института истории им. Джавахишвили АН Грузинской ССР, являющемся руководящим учреждением в деле изучения истории культуры Грузии, в отделе этнографии Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа, на кафедре этнографии Тбилизского государственного университета имени Сталина, в Абхазском научно-исследовательском институте АН Грузинской ССР, в Грузинском научно-исследовательском институте физической культуры, в краеведческих музеях (Гори, Кутаиси, Батуми, Сухуми, Сталинири, Телави, Ахалцихе, Казбеги, Сигнахи и др.).

Н. Ф. ТАКОЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ОСЕТИНСКОГО ГОРНОГО ЖИЛИЩА

Большая семья, или семейная община, еще во второй половине XIX в. сохранялась в Северной Осетии, особенно в нагорной ее части в условиях классового общества. Она состояла из нескольких поколений и объединяла несколько индивидуальных семей, связанных общностью хозяйства, производства и потребления.

Для большой семьи было характерно общее жилище. Изучение этого жилища позволяет выявить интересный материал как по истории жилища, так и по уяснению вопросов, связанных с изучением социального строя осетин.

Материалы, полученные нами при изучении жилища большой семьи в Куртатинском и Архонском ущельях Северо-Осетинской АССР, дают основание сделать вывод, что в горной Осетии еще во второй половине XIX в. существовало три типа жилища большой семьи. Первый из них — это каменные двухэтажные, реже одноэтажные дома, в которых насчитывалось нередко большое количество комнат. Такие дома с примыкавшими к ним хозяйственными строениями и оборонительной башней — масыг — находились в пределах каменной стены и в совокупности составляли единый галуан — крепость. Здесь все было приспособлено к охране семьи, ее имущества и главной ценности в хозяйстве — скота.

Второй тип жилища — дома-крепости, которые назывались по-осетински ганах. Эти строения по своему типу приближались к оборонительной башне. Оборонительные башни в горной Осетии имели до семи этажей. Дом-крепость строился в три-четыре этажа. Первый этаж дома-крепости представлял собой обыкновенно помещение для скота (скат) или зернохранилище. В остальных этажах помещались жилые комнаты и хадзар — общая для всей семьи комната, служившая одновременно кухней и столовой. Отдельные комнаты отводились женатым членам семейной общины. При разрастании семейной общины рядом с домом-крепостью строили каменные помещения. Жилые башни или дома-крепости вместе с хозяйственными постройками и оборонительной башней также составляли единый комплекс.

Третьим типом жилища большой семьи были длинные дома. Этот тип жилища, распространенный во второй половине XIX в. в равнинной части Осетии, в горах встречался редко. Причиной этого было острое малоземелье горцев, а также особенности горного рельефа местности. Характер постройки длинных домов говорит о том, что этот тип жилища появился поздно, уже в XIX в. Строительству этого типа жилища осетины научились у русских.

Дома первых типа жилища возникли в древности, во времена первобытно-общинного строя. Эти древние горные каменные дома-крепости и башни сохранились лишь в руинах.

К первому типу жилища семейной общины можно отнести галуан Икаевых в древнем поселении Архон (рис. 1). Это поселение во второй половине XIX в., по словам 85-летнего Муссы Кобецова¹, делилось на кварталы — сых, населенные разнофамильными дворами. По названиям кварталов Икаты-сых, Худалты-сых, Кобетцты-сых и т. д., а также и по тому, что еще и ныне в кварталах преобладают дворы с той же фамилией, можно предположить, что прежде это были отселки одной фамилии. Фамильные отселки образовались в результате разрастания и сегментации семейных общин. Со временем фамильные отселки соединились в одно поселение. Во второй половине XIX в. селение Архон представляло собой сельскую общину, населенную разнофамильными дворами, из которых некоторые жили семейными общинами.

Селение Архон находится высоко в горах, подняться к нему можно только по узкой крутой дороге.

Галуан Икаевых был расположен на двух уровнях склона горы и состоял из нескольких комплексов строений, находившихся в пределах одного укрепления. Вход в галуан Икаевых был с улицы. Дверь была проложена среди громадных камней крепостной стены. Стена сохранила следы устройства на крепостной двери большого деревянного замка. Длина корпуса этого замка 30 см. Громадные деревянные замки были характерны для крепостных стен, башен и домов-крепостей.

В Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде хранится деревянный башенный замок, вывезенный Б. А. Куфтиным из селения Ламардон (Осетия)

¹ Записано 23 августа 1947 г. в селении Архон.

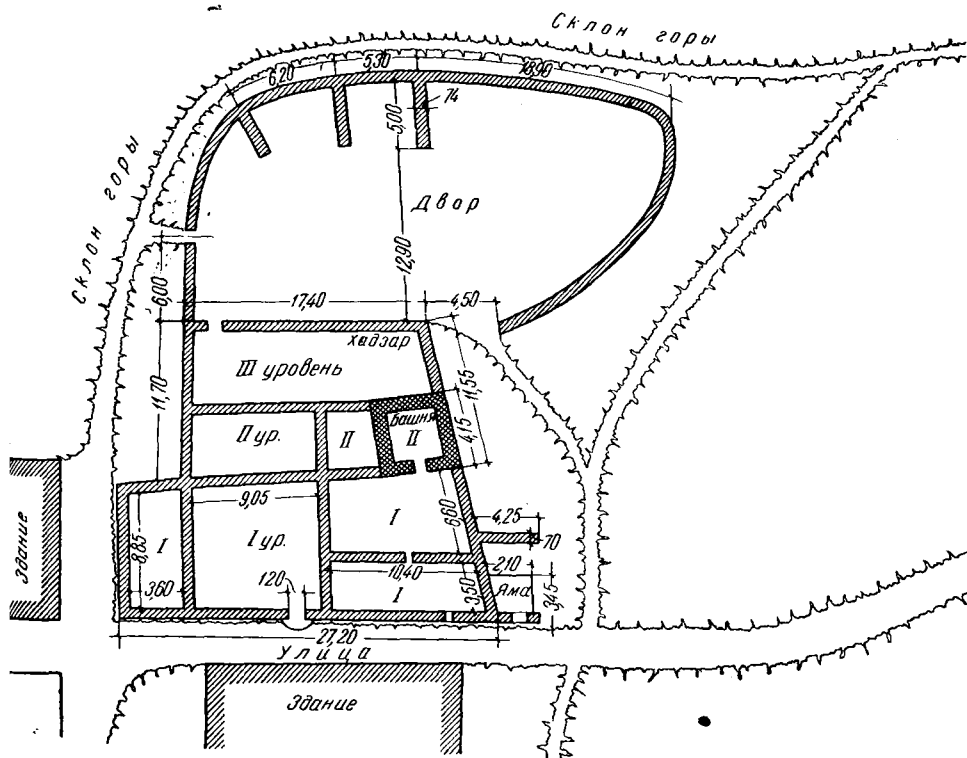

Рис. 2. План галуана Карацевых, Куртатинское устье, сел. Уры-Кау. Обмер архит. С. С. Кригер и Н. Ф. Такоевой, 1947 г. Разница уровней равна приблизительно: между I и II уровнями—2,5 м, между II и III—2,0 м.

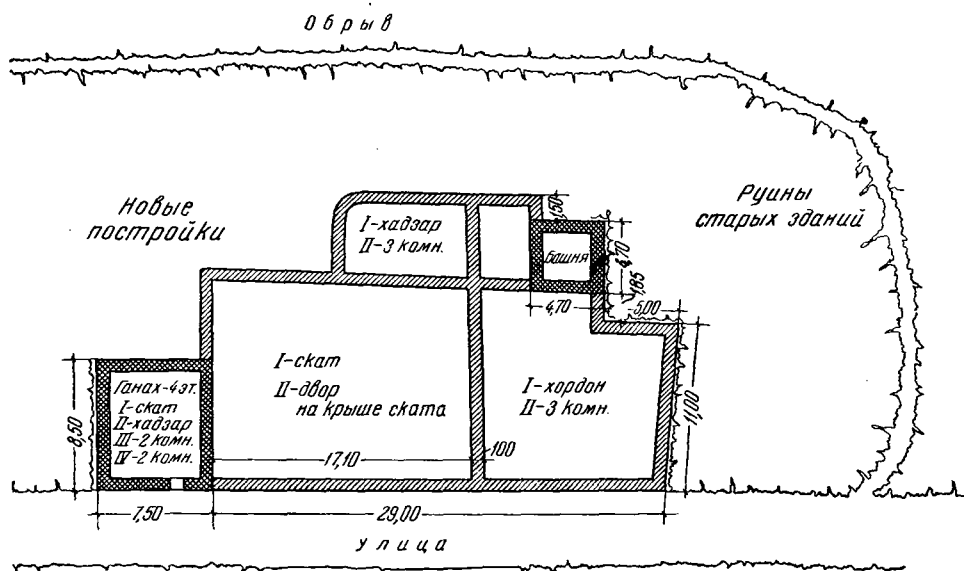

Рис. 3. План галуана Цомаевых, Сев. Осетия, Архонское устье, сел. Архон. Обмер архит. С. С. Кригер и Н. Ф. Такоевой, 1947 г.

лении от селения Уры-Кау. В пределах галуана Карацевых проживала семейная община, которая, судя по анализу жилища, разрастаясь, распалась на несколько больших семей, образовавших патронимическое поселение.

По словам 60-летней Серафимы Таучеловой² (урожденной Карацевой), в галуане Карацевых жило потомство семи братьев — Туша, Гулера, Габига и др. Братья Карацевы сначала вели единое хозяйство, потом, еще на памяти тетки Серафимы — Хагуз Карацевой, умершей в 1940 г. в возрасте 101 года, община поделилась на два самостоятельных хозяйства, одно из которых состояло из 27 человек. В дальнейшем, с разрастанием каждой из семейных общин, выделялись новые хозяйства, селившиеся здесь же, в пределах галуана и на территории, непосредственно к нему примыкавшей.

Постройки, находившиеся собственно в пределах галуана, располагались на трех уровнях склона горы. За пределами крепостной стены в тыловой части обширного для горных условий двора сохранились следы ряда жилых помещений. В центральной части галуана находилась оборонительная башня. На третьем уровне горы сохранились следы большой общей комнаты — хадзар. Однако следы очага имеются и в других помещениях галуана.

В селениях Куртатинского и Архонского ущелий встречаются и другие галуаны; они представляли собой тот же комплекс многочисленных каменных сооружений, находившихся в пределах каменной стены и состояли из сочетания оборонительной башни, жилых и хозяйственных помещений.

Для второго типа жилища семейной общины — дома-крепости — типичен ганах Цомаевых в селении Архон (рис. 3).

Дома-крепости строились, как и оборонительные башни, из тесаного камня на известковом цементе. Но ганах был значительно шире, чем оборонительная башня. Форма его приближалась к квадрату. Он был больше приспособлен под жилище, чем оборонительная башня.

В верхних этажах ганаха, как и в оборонительной башне, имелись бойницы и щели для наблюдения. В ганахе Цомаевых в первом этаже помещался скотный двор, второй этаж занимал хадзар, выше находились спальни женатых членов семьи. Ганах Цомаевых был пристроен к большому комплексу жилых и хозяйственных строений, расположенных около оборонительной башни.

Оборонительная башня, дом-крепость, жилые и хозяйственные строения Цомаевых принадлежали нескольким большим родственным семьям. По словам Муссы Кобецова, в доме-крепости жила семейная община, состоявшая из потомков Гуда Цомаева, а рядом в строениях, примыкавших к оборонительной башне, жили потомки При Цомаева.

Дома-крепости нагорной полосы Северной Осетии близки однотипным сооружениям в других горных районах Кавказа. Как указывают М. И. Джандиери и Г. И. Лежава, дома-крепости горного Кавказа однотипны по своей архитектуре и имеют лишь некоторые местные различия³.

После присоединения Осетии к России, уже в конце XVIII — начале XIX в., часть населения Осетии переселилась из гор на равнину. Здесь жилищем большой семьи были длинные дома.

В дореволюционное время безземелье и нужда лишали горцев возможности с распадом больших семей строить необходимое количество жилищ нового, более удобного типа (например, в Архонском приходе, куда входило селение Архон, пахотной земли приходилось на мужскую душу в среднем от 0,3 до 0,7 десятины)⁴. После Великой Октябрьской социалистической революции тип горного жилища коренным образом изменился. Горцы, получив землю, в большом числе переселились из гор на равнину, где образовали новые поселения, построили новые благоустроенные дома. Оставшиеся в горах также были обеспечены землей. Повсеместное распространение получили новые дома современного типа. Это — просторные, светлые одноэтажные здания с черепичной или железной крышей. Дома строятся в несколько комнат, с большими окнами, с деревянными, часто крашеными полами. Строительный материал — кирпич, камень, дерево. В горах строят и двухэтажные благоустроенные дома, ныне заселенные малыми семьями. Новые жилые дома, общественные здания, школы, больницы, клубы, электричество преобразили облик осетинского села.

² Записано 6 августа 1947 г.

³ М. И. Джандиери и Г. И. Лежава, Архитектура горной Грузии, М., 1940, стр. 8.

⁴ «Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области», Владикавказ, 1908.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

К ИСТОРИИ «ПАРАНДЖИ»

Чачван и паранджа — одежда рабства, символ вековой закрепощенности узбекской женщины, окутанной с ног до головы серой, бесформенной накидкой, с лицом, прикрытым безобразной черной волосистой сеткой.

Изучение эволюции самаркандского костюма привело этнографа О. А. Сухареву к выводу о сравнительно позднем происхождении паранджи, будто бы выделившейся в специфическую форму выходной уличной одежды не ранее XVI в., когда паранджа (искажение от «фараджи») представляла собой мужской халат, формы которого были переработаны для женского костюма значительно позднее¹.

Автор ограничивает рассмотрение вопроса этнографическим материалом XIX—XX вв., оставляя для историка-ориенталиста возможность использования данных письменных источников к исследованию генезиса и эволюции этой типичной в дореволюционном быту среднеазиатских женщин одежды. Но наряду с такой работой представления о сложении и развитии среднеазиатского костюма могут быть пополнены на основании привлечения памятников миниатюрной живописи, изобразительный материал, которых едва ли не красноречивее, чем не всегда уточненная восточная терминология, может объяснить различные этапы трансформации моды и покроя. В настоящей заметке некоторые звенья к выяснению процесса эволюции паранджи и чачвана восполнены именно на основании миниатюр.

Термин «фараджи» (искаженный русскими в «паранджу») в персидских словарях европейских авторов переводится очень общо: «простейшее платье, без талии, надеваемое поверх всех других» (A. de Biberstein-Kazimirski), «сорт платья» (у И. Ягелло). В специальном словаре арабских наименований частей одежды, составленном Р. Дози, в котором слову «фараджийя» посвящено семь страниц, термин этот, отмечаемый в письменных источниках еще в IX в., объяснен как длинная, до пят верхняя одежда из цветного сукна, шелка, льна, с широкими длинными рукавами, нередко украшенная шитьем и драгоценностями. Возникновение ее автор связывает с Египтом, откуда фараджи, согласно ибн-Батуте (XIV в.), распространяется в далекие страны. Автор отмечает, что в Константинополе тюрок-османов (XVI—XVII вв.) фараджи носили также и женщины, чего не было в ту пору ни в Египте, ни в Магрибе². Фараджи персидской и среднеазиатской он не упоминает совсем.

Между тем этот термин нередко фигурирует в среднеазиатских сочинениях XV—XVI вв. В «Рашахате» (XVI в.) сообщается факт о торжественном приеме, оказанном Ходжа-Ахраром своему сыну, когда шейх появился одетый в «дастур ва фараджи» — большую чалму и парандый халат. В. Л. Вяткин на основании ряда исторических сочинений указывает, что городскую одежду ученых при Шейбанидах составлял халат-фараджи. В индийском костюме первых представителей династии Великих Моголов (Бабур, Хумайюн), являвшем в это время провинциальное повторение поздневетимуридских мод, верхнее одеяние ученых, высших государственных чиновников и духовенства составлял халат-фараджи³. Вместе с тем, в мемуарах Восыфи термин «фараджи» употребляется как в отношении мужской, так и женской одежды⁴. Все эти указания, которые безусловно могут быть значительно умножены знатоком восточных источников, не содержат, однако, конкретных данных о характере покроя фараджи, об его изменениях на протяжении столетий, наконец, — об его отношении к верхнему женскому платью.

Рассмотрению вопроса на конкретных памятниках изобразительного искусства мы

¹ О. А. Сухарева, К истории костюма населения Самарканда, «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 11—12, стр. 38—41.

² R. P. Dozy, Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les Arabes, Amsterdam, 1845, стр. 327—334.

³ H. Goetz, Kostum und Mode an den Indischen Fürstenhöfen in der Grossmogolzeit, «Jahrbuch der Asiatischen Kunst», 1924, стр. 74, табл. 47.

⁴ А. Н. Болдырев, Алишер Навои в рассказах современников, Сборн. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 149.; его же, Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв., Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, IV, Л., 1947, стр. 356, 357.

должны предпослать три общих исходных положения, доказательству которых посвящена другая наша работа:

1) общность покроя одежд в Средней Азии и в Хорасане при Тимуридах (XV в.); некоторые различия в покрое одежды в государствах Шейбанидов и Сефевидов (XVI в.);

2) отсутствие резко выраженной разницы в типе аристократической мужской и женской одежды для этих эпох (покрой халатов, сорта тканей, распределение вышивок, украшений и пр.);

3) при известной консервативности костюма — наличие определенной эволюции его на протяжении XV—XVI вв. в рамках четырех этапов (примерно по полувековию на каждый).

В XIV в., как показывают миниатюры, был разработан тип мужской одежды — «джома»: длинного платья, скреплявшегося обычно на завязках сбоку, под правой подмышкой, с короткими (но иногда длинными) рукавами, нередко вышитого на груди и плечах. Оно надевалось поверх рубахи и штанов, но чаще — поверх другого длинного платья «певшаз» такой же формы, но с длинными рукавами и с застежкой посередине. Женское «джома» было почти аналогично и отличалось лишь разрезом посередине, причем нередко оно оставлялось незастегнутым, приоткрывая иного цвет ткани нижнего платья. При первых Тимуридах эта мода остается без изменения.

К концу XIV в. был разработан в мужском и женском костюме тип особенно яркого плаща, или шубы, подбитой светлым мехом, накидывавшейся на плечи, так что очень длинные, почти до середины икр, рукава свободно ниспадали. Мы отмечаем такую одежду на миниатюрах хранящегося в Британском музее манускрипта Ходжа Кермана, иллюстрированного знаменитым мастером Джунейдом Султани в 1396 г. на миниатюрах Ширазской школы из «Антологии» 1410 г. (коллекция Гульбенкиана) и «Антологии» 1420 г. (Берлин, Государственный музей)⁵. В начале XV в. эта мода существовала и в Герате, как показывают миниатюры так называемой гератской школы: «Хамсэ» Низами (Государственный Эрмитаж), писанная в 1430/31 г.⁶ «Мирадж-Намэ» 1436 г., «Шах-Намэ» 1440 г.⁷, и др.

По существу это уже и есть вполне разработанный тип и покроем «фараджи», употребление которой мы отмечаем как у мужчин, так и у женщин. Между тем в женской среднеазиатской одежде «фараджи» имела свой древний прототип. Богатая накидка с опускающимися длинными рукавами, наброшенная на плечи поверх платья, является обычной принадлежностью терракотовых фигурок, найденных на древних городищах Самарканда и его окрестностей⁸. Эти фигурки — изображения богини Анахит, покровительницы вод и плодородия сил природы. Согласно Авесте, древнейшие част которой сложились на территории Средней Азии, Анахит изображалась в образе молодой, богато одетой девушки. Несомненно, что костюм ее отражал местный покроем и тип одежды, — и в этом смысле терракотовые фигурки Анахит содержат драгоценные указания на существование богатой верхней женской накидки, которая в феодальную эпоху трансформируется, видоизменяясь в соответствии с новыми вкусами, и все же сохраняет свою древнюю местную основу.

В середине XV в., как показывают миниатюры «Шах-Намэ» Института востоковедения АН СССР (инв. № В-822), в мужском и женском костюме широко распространены верхний плащ-халат с чрезвычайно длинными рукавами, надеваемый то в рукава то внакидку. Он сохраняется вплоть до конца XV — начала XVI в., о чем свидетельствуют миниатюры «Хамсэ» Низами 1479/80 г. (Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, инв. № 337) и другой «Хамсэ» 1502/3 г. (инв. № 339). Судя по данным мемуаров Восифи, фараджи одевались по преимуществу именно внакидку: «...он был одет в парчевую каба, на плечи косо набросан фараджи»⁹.

В Иране к 20—30-м годам XVI в. фараджи претерпевает известную эволюцию. Е длинные рукава примерно под локтями прорезываются наискось, так что отсюда они свободно падают вниз. Подобный покроем отмечаем в костюмах на миниатюрах Низам 1525 г. (Метрополитен-музей)¹⁰, в одеянии пророка на миниатюрах «Истории нечестных имамов» (Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, инв. № 312), частично выполненных, как это было недавно установлено М. М. Дьяконовым, знаменитым художником Касем-Али в правление шаха Тахмаспа (1524—1570). Привозна форма такой «фараджи» широко входит в употребление при индийском дворе в Хумайюна (1526—1586)¹¹. В сефевидской миниатюре она встречается в XVI в. ка

⁵ «A. Survey of Persian Art» (цит. дальше SPA), V, London — New York, 1938.

⁶ Там же, табл. 860, 861A, 864B.

⁷ См. М. М. Дьяконов, Рукопись «Хамсэ» Низами 1431 г. и ее значение для истории миниатюрной живописи на Востоке, Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа III, Л., 1940, стр. 276—286.

⁸ SPA, т. V, табл. 877, 875.

⁹ C. Trever, Terracottas from Afrasiab, М.—Л., 1934, табл. VII, рис. 9 табл. XIII, рис. 186.

¹⁰ А. Н. Болдырев, Указ. раб., стр. 149.

¹¹ SPA, т. V, табл. 893A.

¹² H. Goetz, Указ. раб., стр. 74, табл. 47.

Рис. 1. Мужская фараджия: 1—из „Хамсэ“ Низами 1430/31 г., Гос. Эрмитаж; 2, 3—и „Шах-Намэ“ середины XV в., Ин-т востоковедения АН СССР, рук. № С-822; 4—Навои, 1528 г., Гос. публ. библиотека им. Салтыкова-Щедрина, рукоп. фонд. тур. № 57

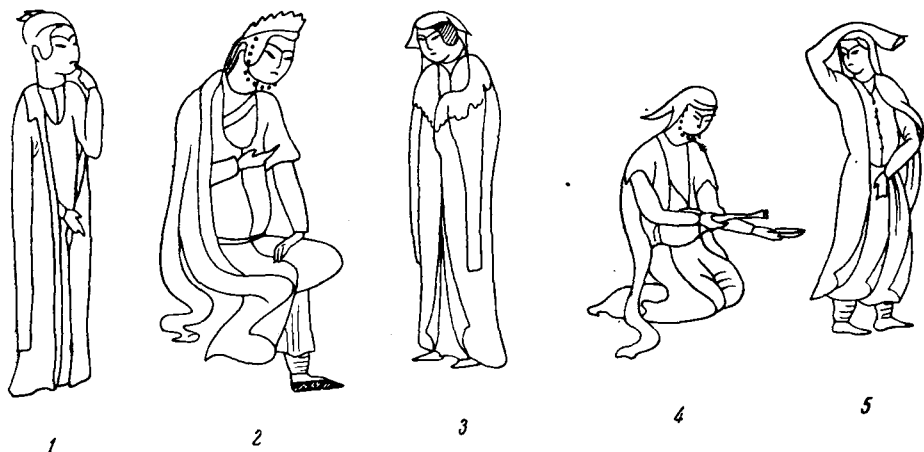

Рис. 2. Женская фараджия: 1—из „Ми'радж-намэ“, Герат, 1436 г. Британский музей; 2—„Хамсэ“ Низами 1430/31., Гос. Эрмитаж; 3—Низами 1479/80 г., Гос. публ. библиотека им. Салтыкова-Щедрина, каталог Дорна, № 337; 4—Низами 1562/63 г., Самаркандский музей; 5—„Шах-Намэ“, Самарканд или Хива, 1556 г., Ин-т востоковедения АН Уз. ССР

Рис. 3. Женские покрывала: 1—„Шах-Намэ“, середина XV в., Ин-т востоковедения, № С-822; 2—Низами 1502/3 г., Гос. публ. библиотека им. Салтыкова-Щедрина, каталог Дорна, № 339; 3—Низами 1481/82 г., там же, № 338

в мужской, так и в женской одежде (ср., например, «Шах-Намэ» 1546 г. Парижской Национальной библиотеки¹³ или «Хамсэ» 1562/63 г. Самаркандского музея¹⁴).

Что касается Средней Азии, то здесь отмечается в мужском и женском костюме употребление традиционной фараджи — с длинными, но не разрезанными рукавами, иногда надеваемой внакидку. Примеры могут быть почерпнуты из миниатюр «Шах-Намэ» 1556/57 г. (Институт востоковедения АН УзССР, инв. № 1811), выполненные самаркандским художником Мухамед-Мурадом для хивинского правителя Иш-Мухамед-султана. Встречается она на среднеазиатских миниатюрах и позднее — еще в XVII в.

Таким образом, «паранджа» среднеазиатских женщин имеет древний, идущий в глубину веков прототип «фараджи» — парадного женского верхнего плаща, надевавшегося по преимуществу внакидку. Последнее обстоятельство привело уже в XVI в. к постепенной трансформации длинных неудобных рукавов в чисто декоративную деталь. С XVIII в., в эпоху позднего феодализма, со времени ношения фараджи на голове, они окончательно утратили свою практическую функцию и выродились в длинные полосы, сшитые, впрочем, как настоящие рукава и скрепленные концами на спине.

Консервативный характер позднего среднеазиатского феодализма сказывается самым жестоким образом на положении женщины. Фараджи к этому времени превращается в одежду для улицы, стирающую все индивидуальное, скрывающую женщину от посторонних взглядов.

Эволюция чачвана (искаженное чашм-банд — повязка для глаз) первоначально идет вне связи с фараджи. Обычай покрывания лица, чрезвычайно широко распространенный на Востоке, отмечается в памятниках изобразительного искусства по крайней мере с XV в. Однако традиция эта более стара, восходя еще к монгольским обычаям. Напомним описание наряда монгольских женщин у В. Рубрука: «под глазами (они) подвязывают кусок белой материи; эти куски спускаются на грудь»¹⁵. Можно думать, что лица монгольских цариц изображались на миниатюрах XIV в. открытыми главным образом в силу желания художника создать групповой портрет (ср. Рашид-эд-дин «Летописи» 1311 г. Парижской Национальной библиотеки, Института востоковедения АН УзССР, инв. № 1620 и др.), для которого не считалось предосудительным персонализированное изображение знатных дам. Что касается различных героинь литературных произведений — Фирдоуси, Бидпай, Эмир Хосрова и других, то они в миниатюрах XIV в. изображены с открытыми лицами.

То же отмечаем и в миниатюрах первой половины XV в. А между тем в описании Клавихо праздничных одеяний цариц из гарема Тимура указывается, что лица их были завешены прозрачной белой тканью¹⁶. Очень интересные сведения сообщает о женщинах Тебриза, которые «ходят совсем закутанные в белые покрывала и с сетками из черных конских волос перед глазами; такими закутанными ходят они для того, чтобы их нельзя было узнать»¹⁷. Итак, волосная сетка «чашм-банд» существовала в западном Иране уже в самом начале XV в. (а следовательно, какой-то период ранее). Костюм с черным «чашм-банд», открывавшим только глаза, подобный описанному, мы можем отметить в миниатюрах «Шах-Наме» середины XV в. (Институт востоковедения, инв. № С-822), судя по стилю именно западноиранского художественного круга. Между тем в областях Афганистана и Средней Азии, видимо, преобладали белые тонкие вуали, как и в уборе самаркандских цариц. Во всяком случае в отчетах членов китайских миссий первой половины XV в. сообщается, что «женщины (правителя Самарканда) закутывают голову белой шелковой тканью и что герцогские женщины «закрывают свои головы белой тканью и оставляют только отверстие для глаз»¹⁸. Несомненно, китайцы не обошли бы вниманием такую деталь, как черная волосная «чашм-банд», если бы жителями Герата и Самарканда его употребляли. На некоторых миниатюрах второй половины XV — начала XVI в. у женщин действительно накинута на голову ниспадающая на плечи прозрачная вуаль (Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Низами 1481/82 г., инв. № 3 и 1502/53 г., инв. № 339). Видимо, она надевалась по преимуществу при выходе на улицу, почему в стихах Навои мы читаем: «О, если б этот стройный кипарис вышел из улицы, О, если бы она сбросила покров с украшающего мир лица...».

Исключительно интересный факт может быть извлечен из «Мемуаров» Бабур-ханши О принцессе Ханд-заде Бегим он пишет следующее: «[Тогда] еще лицо [ее] было

¹³ A. Blochet, *Musulman Painting*, London, 1929, табл. CXXXIV—CXXXV.

¹⁴ Г. А. Пугаченкова, *Миниатюры «Хамсэ»* Низами 1562/63 г. Самаркандского музея, Тезисы научных докладов на сессии АН УзССР 9—14 июня 1947 г., Ташкент 1947, стр. 147—148.

¹⁵ В. де-Рубрук, *Путешествие в Восточные страны*, пер. А. И. Малеина, СПб. 1911, стр. 78.

¹⁶ Руй Гонзалес де Клавихо, *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.*, пер. И. И. Срезневского, СПб., 1881, стр. 293.

¹⁷ Там же, стр. 168.

¹⁸ M. D. Bretschneider, *Chinese Intercourse with the Countries of Central and Western Asia during the XV-th Century*, «The China Review», 1876, стр. 167.

закрывается. По тюркскому обычаю меня принудили к тому, [что] я ее лицо открыл»¹⁹. Повидимому, покрывание лица вуалью — обычай, принятый в тимуридскую эпоху именно в условиях утонченной городской культуры, отличных от менее строгих требований тюркского полукочевого быта. О. А. Сухарева видит в этом эпизоде один из моментов свадебного обряда.

Миниатюры показывают, что ни в XVI, ни в XVII вв. черная волосная сетка еще не вошла в среднеазиатский быт. Между тем в записках Ф. Ефремова (1784) уже засвидетельствовано покрывание женщинами Бухары своего лица сеткой, сплетенной из конских волос, и ношение фараджи, «женского халата, у коего с головы до пят рукава узкие, вместе сшитые и пущенные назад, длиною ниже икор»²⁰.

Характерно, что изготовлением волосных чачванов в XIX—XX вв. занимались, как это установлено О. А. Сухаревой, не узбекские или таджикские ремесленники, но странствующие цыгане-люли. В этом — наглядное указание на неместную, приносную традицию этого «производства».

Ношение чачвана и паранджи в XVIII в. несомненно связано с крупными социальными переменами, которые внес кризис XVIII в. Консервативная замкнутость быта, жестокая восточнофеодалная закрепощенность женщин приводят к созданию некоего нивелирующего индивидуальность костюма, который лишь внешним сходством форм покроя связан с традициями местной древней одежды. Так в период позднего среднеазиатского феодализма нарядный праздничный костюм, покрой и стиль которого вырабатывались еще в блистательную эпоху Улугбека и Навои, вырождается в свою противоположность. Яркий, набрасывавшийся на плечи парандный плащ-халат «фараджи» превращается в уныло-серую бесформенную накидку, окутывающую фигуру сполз с головы до ног, а легкую прозрачную, почти не скрывавшую черт лица вуаль сменяет уродливый, непроницаемо-черный чашм-банд²¹.

¹⁹ Бабур-Наме, Казань, стр. 24. Приводим уточненный перевод М. Е. Маслона: в переводе Pavet de Courteille эта фраза передана в диаметрально противоположном смысле покрывания лица ее «по тюркскому обычаю».

²⁰ Ф. Ефремов, Российского унтер-офицера, который ныне прапорщиком, девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им в Санктпетербурге 1784 г., «Русская старина», т. 39, 1893, стр. 135—136.

²¹ Воспоминанием об этих светлых вуалях являются «старинные лицевые занавески» таджичек Дарваза, которые уже в XIX в. были сравнительно редкими и сохранялись в быту как древние семейные реликвии. Они были сделаны из белого шелка с ажурной вставкой из белого тканья и вышиты различными древними эмблематическими изображениями (фазан, стилизованное дерево и пр.) [см. А. А. Бобринский, Орнамент горных таджиков Дарваза (Горная Бухара), М., 1900, стр. 16—17, табл. I—VI—VIII]. Волосная чашм-банд вошел в Средней Азии в городской быт лишь около двух столетий назад.

В. П. ЯКИМОВ

ЕСТЕСТВЕННЫЙ СЛЕПОК ПОЛОСТИ ЧЕРЕПА НЕАНДЕРТАЛЬЦА ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Палеоантропология обогатилась новыми сведениями о костных остатках ископаемого человека в Центральной Европе. Научный сотрудник Государственного археологического института в Праге Э. Влчек¹ опубликовал предварительное сообщение об исследованном им слепке мозговой полости человеческого черепа весьма примитивного внешнего облика.

Слепок был обнаружен рабочими каменоломни в 1926 г. на курорте Гановцы близ г. Поппрад в Словакии в травертиновых отложениях (скопления углекислого кальция), образовавшихся в результате деятельности горячего источника. Эти отложения в виде большой кучи площадью в 1,2 га и высотой 20 м, окружавшей основной кратер источника, разрабатывались с целью добычи промышленного камня. В процессе разработки в слоях травертина неоднократно обнаруживались различные остатки ископаемых животных и растений. Из этих отложений чешский палеонтолог Я. Петрбок получил целую серию известковых слепков черепов крупных млекопитающих (лошадь, олень и др.). В тех же отложениях был обнаружен и слепок мозговой полости черепа человека.

Слепок массивный. На его левой половине частично сохранились остатки костей крыши черепа (фрагменты теменных и затылочной костей и часть чешуи левой височной кости). Гистологический анализ этих остатков показал их несомненную принадлежность человеку. Геологический возраст новой находки определяется концом рисского ледникового периода или рисс-вюрмом.

На основании слепка был реконструирован мозговой череп, который затем подвергся антропологическому исследованию. В результате изучения Э. Влчек пришел к выводу, что находка из Гановец по многим важным морфологическим признакам значительно отличается от человека современного типа и сближается с неандертальской группой. На принадлежность гановецкой находки к кругу неандерталоидных форм древних гоминид указывают следующие признаки: 1) низкий долихокранный череп, крупных размеров; 2) наклонный, сильно убегающий назад лоб; 3) сдавленный в вертикальном направлении, резко выступающий назад затылок; 4) наличие посторбитального сужения, хорошо заметного на слепке.

Сопоставление абсолютных размеров, углов и указателей черепа из Гановец с соответствующими показателями, взятыми на черепах различных ископаемых гоминид, подтверждает включение этой находки в неандертальскую группу (табл. 1). Отдельные признаки (например, высота черепа, высотно-продольный указатель, затылочный угол и др.) характеризуют примитивность формы черепа и сближают его с такими ранними формами гоминид, как синантроп.

Особенно примитивной является очень небольшая базибregматическая высота черепа (115 мм). Столь низкие величины очень редко встречаются среди представителей неандертальской группы. Небольшая базибregматическая высота черепа отмечена также у Табун I (115 мм), у черепа неандертальца из Штейнгейма (111 мм). Однако оба эти черепа вообще несколько меньше по другим абсолютным размерам, чем череп из Гановец. Для последнего весьма возможно предположить некоторое посмертное уплощение, что отразилось на всех высотных размерах черепа.

Автор исследования вследствие скудости материала не решается отнести гановецкую находку к какому-либо определенному локальному типу неандертальцев². Однако сопоставление ряда признаков гановецкого черепа и других неандертальских черепов (табл. 2) показывает, что новую чехословацкую находку, повидимому, можно отнести к группе поздних неандертальцев Европы (так называемая группа Шапелль)³. Это предположение подтверждается и упомянутым выше определением геологического возраста черепа из Гановец.

¹ E. Vlček, Travertinový vylitek neandertaloidní lebky z Gánovců na Slovensku, Zprávy Anthropologické společnosti, III, 1950.

² Там же, стр. 9.

³ В. П. Якимов, О двух морфологических типах европейских неандертальцев, «Природа», 1949, № 10.

Таблица 1

Размеры (мм), указатели и углы черепа из Гановец (по Влчку) в сравнении со средними величинами для различных представителей гоминид (по Вейденрейху, 1943)

Признаки	Череп из Гановец	Синантроп	Неандертальцы с о-ва Ява („Явантроп“)	Неандертальцы	Современный человек
1. Наибольшая длина черепа	200	193,6 (188—199)	209 (193—219,5)	198,4 (183—210)	185,6 (158—203)
2. Наибольшая ширина черепа	145	141 (137—143)	146 (138—156)	147,9 (138—156)	133,6 (124—157)
3. Высота черепа (базион—брегма) . .	115	115	122,5 (118—131)	125 (115—131)	134 (123—141)
4. Высота черепной крышки (над ли- нией глабелла-опистокранион)	75	72,9 (66—80)	76,7 (73—82)	73,5 (62—85)	82,7 (74—92)
5. Теменная дуга (брегма — ламбда) .	108	102,5 (92—113)	107,4 (102—117)	122,8 (110—131)	130,4 (116—142)
6. Теменная хорда (брегма — ламбда) .	103	96,2 (86—106)	102 (97—111)	110,3 (104—119)	116,5 (100—127)
7. Черепной указатель $\frac{(2 \cdot 100)}{1}$	72,5	72,2 (71,4—72,6)	72,0 (66,2—76,7)	73,3 (68,2—76,3)	72,8 (65,2—89,3)
8. Указатель высоты черепной крышки $\frac{(4 \cdot 100)}{1}$	37,5	37,6 (34,4—40,2)	37,8 (34,9—41,7)	36,7 (33,9—41,6)	45,2 (41,6—53,7)
9. Высотно-продольный указатель $\frac{(3 \cdot 100)}{1}$	57,5	59,4	60,2 (59,8—63,8)	63,2 (60,2—66,8)	72,9 (65,6—77,9)
10. Высотно-поперечный указатель $\frac{(3 \cdot 100)}{2}$	79,3	75,6	84,2 (77,2—90,4)	85,2 (80,5—90,3)	100,6 (86,7—109,2)
11. Указатель изгиба темени $\frac{(6 \cdot 100)}{5}$	95,3	94,1 (93,1—95,7)	95,7 (94,2—97,3)	93,2 (89,8—96,0)	89,4 (86,3—92,5)
12. Угол профиля лба	67	60,5 (56—63)	62 (54—66)	63 (50—73,5)	63,2 (72—96)
13. Брегматический угол	47	44,3 (42—46,5)	48,7 (46—55)	48 (39—56)	50,8 (45—59)
14. Угол наклона чешуи лобной кости	45	42,5 (38—45)	45,8 (41—54)	45 (38—51)	49,2 (42—57)
15. Угол изгиба лба	18	20,2 (16—24)	20,5 (18—23)	20 (15—25)	26,8 (21—31)
16. Затылочный угол	60	62,7 (57—68)	62,8 (59—73)	67 (59—74)	75,9 (67—80)

Примечание. В скобках — размах вариаций.

Находка в Чехословакии костных остатков неандертальца, повидимому, близкого к классическому типу Шапелль, расширяет наши представления о расселении неандертальского человека этого типа на территории Европы.

Т а б л и ц а 2

Размеры (мм), указатели и углы черепа из Гановец (по Влчку) в сравнении с другими неандертальскими находками (по Вейденрейху, 1943)

Признаки	Череп из Гановец	Неандерталь	Гибралтар	Ла-Кина	Шапелль о-Сен	Сли I	Эрингсдорф	Таун I	Скул V
	?	♀	♀	♀	♂	♂	♂	♀	♂
1. Наибольшая длина черепа . .	200	199	193	203	208	202	196	183	192
2. Наибольшая ширина черепа .	145	147	149?	138	156	144?	145	141	143
3. Высота черепа (базиион-брегма)	115	—	124?	122?	131	—	—	115?	129?
4. Высота черепной крышки (над линией глабелла-опистокранион)	75	79	69?	64	73	69	81	62	80
5. Теменная дуга (брегма-ламбда)	108	110	—	112	121	126?	128	117	131
6. Теменная хорда (брегма-ламбда)	103	104	—	107	112	115?	119	105	117
7. Черепной указатель $\frac{2 \cdot 100}{1}$.	72,5	73,9	76,3	68,2	75,0	71,3	74,0	77,0	74,5
8. Указатель высоты черепной крышки $\frac{4 \cdot 100}{1}$	37,5	—	35,8	31,5	35,1	34,1	41,3	33,9	41,6
9. Выотно-продольный указатель $\frac{3 \cdot 100}{1}$	57,5	—	66,8	60,2	63,0	—	—	63,0	64,7
10. Выотно-поперечный указатель $\frac{3 \cdot 100}{2}$	79,3	—	83,3	—	84,0	—	—	81,7	90,3
11. Указатель изгиба темени $\frac{6 \cdot 100}{5}$	95,3	94,7	94,3	95,5	92,5	91,2	92,9	89,8	89,3
12. Угол профиля лба	67	62	64	50?	63	59	73,5	68?	68
13. Брегматический угол	47	46	—	39	46	50	52	47	56
14. Угол наклона чешуи лобной кости	45	44	—	38	43	47	49	44	51
15. Угол изгиба лба	18	19	—	15	21	15	25	23	22
16. Затылочный угол	60	69	64	59	64	67	63	74	71
17. Емкость черепа в см ³	1320	1370	1300	1350	1610	1560	1450	1270	1510

Гановецкая находка представляет весьма большой интерес также и потому, что она является первой несомненной находкой неандертальца в Чехословакии. Более ранние находки с этой территории, относимые к неандертальцам (Шипка, Охос), вследствие их морфологической неопределенности (были найдены только небольшие обломки нижних челюстей) вызывали у ряда исследователей сомнения в правильности их систематического определения.

Некоторые сомнения в отношении гановецкой находки, проскальзывающие в рецензии А. Валлуа⁴ на статью Э. Влчка, с очевидностью опровергаются ее достаточно ясной морфологией.

Надо надеяться, что поиски костных остатков древних людей, проводимые научными учреждениями молодой Народно-Демократической Чехословацкой Республики, не только восполнят потерю ценнейших верхнепалеолитических краниологических материалов из Пржедмосты, погибших в Англии во время бомбардировки, но и приведут к новым интересным палеоантропологическим открытиям.

⁴ H.V.V., Un Homme de Neanderthal en Tchecoslovaquie?, «L'Anthropologie», t. 55, № 1—2, 1951.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В МОРДОВСКОМ РЕСПУБЛИКАНСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Мордовским республиканским краеведческим музеем собран большой этнографический материал.

Прежде всего заслуживает быть отмеченной коллекция М. Е. Евсеева, в составе которой имеются: 242 мокшанские и эрзянские верхние рубахи, расшитые цветной шерстью, до 200 головных уборов, 72 женских пулая и много детских, 54 мокшанских передника, около 100 предметов эрзянской и мокшанской домашней утвари и около 1000 других национальных обрядовых и бытовых предметов мокши и эрзя. Среди них есть предметы, которые относятся к концу XVI — началу XVII в.

Коллекция М. Е. Евсеева особенно полно отражает женскую мордовскую одежду конца XIX — начала XX в. Набор женской одежды состоит из следующих предметов.

1. Панар или паля — рубаха, которая надевается непосредственно на тело.

2. Руця — верхняя часть костюма, которая надевается на панар. В зависимости от назначения руця подразделяется на три вида: 1) истяк чинь руця — будничная, повседневная одежда, мало украшенная, почти без вышивки; 2) праздничный руця — нарядная одежда, предназначенная для торжественных случаев. Эта одежда по богатству украшения в свою очередь подразделялась на несколько видов. Самая нарядная из них, которая надевалась в большие праздники и главным образом на рождество, называлась покая; 3) печальный руця — одежда, которая надевалась при печальных обстоятельствах и поэтому мало украшалась.

3. Икылга-паца — передник, запон, надеваемый на руцю. Передники бывают двух видов — с нагрудниками и без них, первый надевается по праздникам.

4. Панго, сорока — головной убор, который носили женщины, прожившие замужем не менее года.

5. Пулай — широкий пояс, надевавшийся сзади, весом от 3 до 7 кг.

6. Пря-сюкс — девичий головной убор.

7. Лакумка — сумочка, которую носили в большинстве случаев пожилые женщины на поясе взамен кармана. Карманов в мордовской одежде не имеется.

8. Каркс — узкий длинный пояс для опоясывания поверх панара.

Женские костюмы мордвы шьются из холста. Как правило, все мордовские костюмы покрываются вышивками. Узоры состоят из национального орнамента. Для вышивки одежды применяются разноцветные шерстяные и бумажные нити. Для окрашивания ниток использовались растительные красители. Краски готовились домашним способом. Для мордовских вышивок особенно характерны цвета: бордо, который дает растение марена (по-мордовски кей), широко распространенное в Мордовии, и буровато-черный, который дает краситель, получаемый из коры дуба.

Обыденной обувью мордовской женщины в прошлом были лапти. Кожаная обувь надевалась только в торжественных случаях. Мордовский лапоть отличается своим легением и общим видом как от чувашского и татарского, так и от русского. Он имеет три разновидности: 1) карь или лза-карь — лапоть, предназначенный для работы, простой, удобный, но некрасивый; 2) пул-март-карь — лапоть с хвостом; отличается от обычного лаптя тем, что наверху задника имеется приплет из лыка длиной 17—18 см (четверть аршина) и шириной 3 см; вдоль середины верхней части зоска проложены атякшкить (петушки) — треугольник из лыка; лыки, применяемые для этого вида лаптей, тщательно очищаются, колодка их красивой формы; 3) ступа — лапоть, по форме похожий на калошу; при обувании он не прикрепляется к ноге и поэтому легко соскальзывает; никаких ушков для обор ни на заднике, ни на боках на ступе не имеется; ступны употребляются большей частью как домашняя обувь.

Этнографические материалы из коллекции М. Е. Евсеева были показаны в Москве на мордовской этнографической выставке в Музее народов СССР, которая была открыта с августа 1937 г. по январь 1938 г.

Большой научный интерес представляют народные песни, записанные в 1921 г. в с. Большие Вясы. Предки крестьян этого села были сосланы сюда более 300 лет назад из северных губерний. Однако и спустя три века население села Большие Вясы продолжало сохранять форму костюмов и разговорную речь северновеликорусского типа.

Несомненно научную ценность имеют материалы археологических раскопок, производившихся экспедициями, организованными Музеем. Так, при обследовании Дегилевского могильника были обнаружены украшения и предметы быта мордвы-эры, относящиеся к первой половине XVII в. При раскопках Теньгушевского городища выяснилось, что жители занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыбной ловлей и ремеслом. Были обнаружены кузнечные изделия и формы, в которых отливались медные украшения. Наряду с применением металла жители городища пользовались изделиями из кости, а также продолжали употреблять кремневые орудия. Обнаружены были бусы из сердолика и бусы с «глазком». Такие бусы, как известно, изготовлялись в южных странах, следовательно, вещественные находки свидетельствуют о связи жителей городища с южными народами. Всего из раскопок Теньгушевского городища зарегистрировано 11 083 предмета.

В Наровчатском городище был вскрыт сравнительно небольшой участок, где была обнаружена землянка и более 1400 различных предметов и орудий труда. Такой же интересный материал дали раскопки Кураевского селища.

Сотрудники Музея принимали участие в археологических раскопках «Ош-пандо». Раскопками руководили научные работники Мордовского научно-исследовательского института, в частности кандидат исторических наук П. Д. Степанов и Д. Д. Ануфриев. При раскопках было обнаружено до 500 различных предметов, в том числе предметы фатьяновской культуры.

Музею удалось собрать характерные костюмы мордвы, сделать фотоснимки типов населения, описать занятия, быт и обычаи народа.

С сожалением надо отметить, что из-за отсутствия специалиста-этнографа Музей лишен возможности работу по изучению материальной культуры и быта мордвы поставить на должную научную высоту. Многие материалы, получаемые во время экспедиций, остаются необработанными. До сих пор с 1932 г. еще полностью не описана коллекция М. Е. Евсеева.

Таким образом, в отношении изучения мордвы перед Музеем широкое поле деятельности и в области собирания, а еще больше в области научной обработки собранных материалов.

А. И. Мысин

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В НИЖНЕ-КОЛЫМСКИЙ И СРЕДНЕ-КОЛЫМСКИЙ РАЙОНЫ ЯКУТСКОЙ АССР В 1951 ГОДУ

(Предварительный отчет)

Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Академии Наук СССР начал систематическое экспедиционное изучение современного этнического состава, быта и культуры коренного населения северо-востока Якутской АССР.

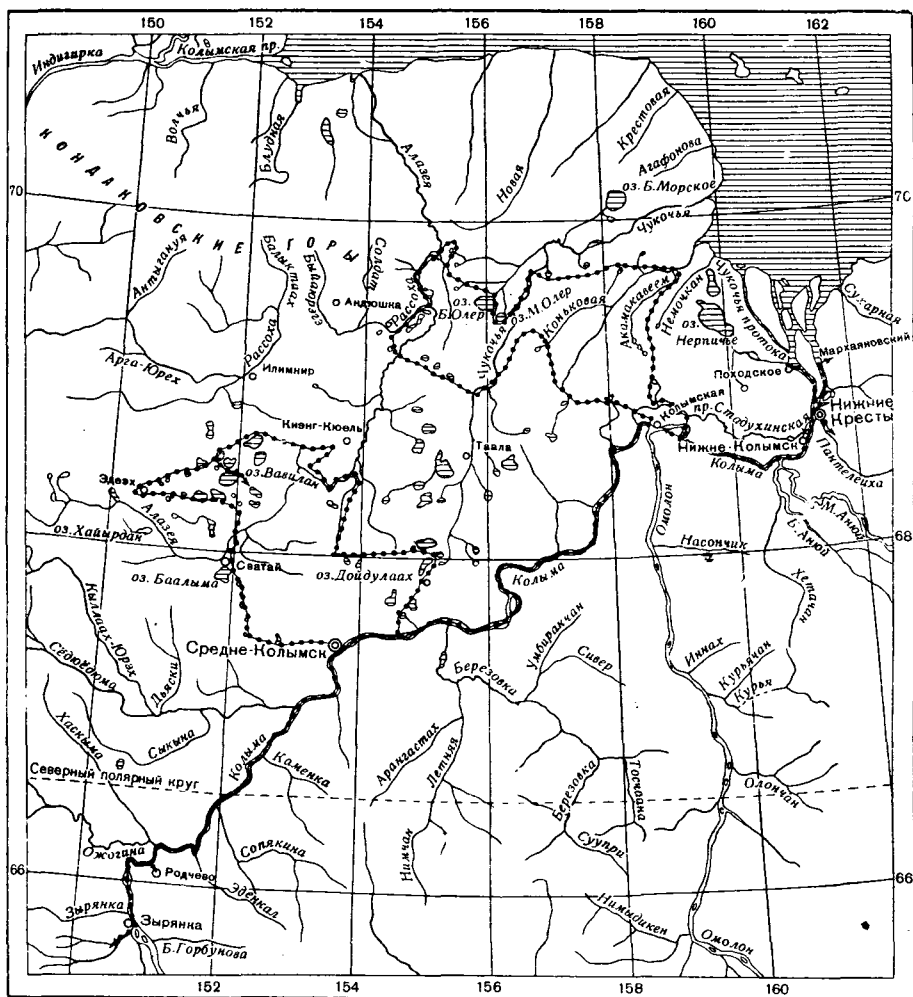
В 1951 г. Институтом была организована этнографическая экспедиция в наиболее сложные по этническому составу Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы ЯАССР. Работа проводилась с конца апреля до октября 1951 г. автором данной заметки и лаборантом-переводчиком.

Маршрут по Нижне-Колымскому району был составлен таким образом, чтобы провести сплошное обследование, охватить все наслеги, колхозы, поселки и посетить все этнические группы. В Средне-Колымском районе также удалось посетить основную массу населения. Маршрут отряда прошел в этом районе через все наслеги, за исключением Сен-Кельского. Всего было пройдено на собаках 750 км, на оленях — 450 км, на лошадях — 870 км, на лодках и катерах — 900 км. Маршрут экспедиции показан на прилагаемой карте.

Основное внимание уделялось выявлению современного этнического состава населения. В результате посемейного опроса населения о национальной принадлежности, изучения посемейных хозяйственных списков, выявления родо-племенного происхождения и языковой принадлежности собран материал для составления этнографической

карты бассейна р. Колымы (в пределах Якутской АССР) и бассейнов рек Чукоцкой и Алазеи.

Значительную этническую группу в Нижне-Колымском районе составляют чукчи. В Большую или Халерчинскую тундру чукчи проникли лишь в середине прошлого столетия. В 1850—1852 гг. группа чукчей со своими стадами подкочевала к р. Колыме.

Маршрут Колымского этнографического отряда

В 1864 г. якутский гражданский губернатор дал разрешение чукчам кочевать в Большой тундре между реками Колымой и Индигиркой.

Как отметили еще Майдель, колымские чукчи сблизились с соседями, отчасти смешались с одулами и эвенками, улучшили свои стада за счет метисации своих низкорослых оленей с эвенскими оленями. Вместе с тем связь между западными чукчами и восточными не прерывалась. Из всех опрошенных нами нижнеколымских чукчей около половины лиц среднего возраста показали, что они родились в Восточной тундре.

Из посемейного опроса колымских чукчей о национальной принадлежности выяснилось, что они называют себя не луорветланями, а чукчами. Некоторые из наших информаторов-чукчей объясняли, что термин луорветлан означает «настоящий человек» и относится к ним столько же, сколько и ко всем остальным людям.

Колымские чукчи сохранили свой родной язык и значительные особенности в материальной и духовной культуре. Основным занятием чукчей до коллективизации было оленеводство. В настоящее время, благодаря колхозам, чукчи более полностью осваивают богатства родного края. Колхозы выделяют бригады охотников, рыболо-

вов, лесозаготовителей и т. д. Благодаря коллективизации произошла некоторая концентрация чукчей, ранее разбросанных по огромной территории от Колымы до Индигирки, в Халерчинском наследном совете, хотя нигде на территории Нижне-Колымского района чукчи не составляют единого этнического массива. Совместно с чукчами живут эвенки, одулы, якуты, русские старожилы.

Большинство чукчей обитает в тундре, занимаясь выпасом оленей, охотой и рыболовством. В поселках живут сотрудники управленческого аппарата колхозов, престарелые чукчи и молодежь школьного возраста. Лишь летом опытные старики-эленоводы выезжают в стада для руководства перегоном скота, а молодежь и остальная часть престарелых отправляется на рыболовные участки.

Рис. 1. Пастушеская бригада одного из стад колхоза «Сутаня ударан» (Нижне-Колымский район)

Чукчи сохранили свою национальную одежду. В настоящее время она превратилась в промысловый костюм. Мужчины чукчи носят глухие меховые рубашки до колен из оленьего меха; одну рубашку надевают мехом внутрь, другую мехом наружу. Полный мужской костюм состоит из двух рубашек, пары штанов из оленьих или нерпичьих шкур, короткой обуви из оленьих камусов, двух капорообразных шапок и рукавиц.

В настоящее время под меховой одеждой носят белье и легкие костюмы. Чукотский зимний мужской костюм, удобный и практичный, получил распространение и среди соседей чукчей — эвенов, одулов, якутов, русских старожилов.

Чукотская женская одежда, женский комбинезон (кэркэр) — сочетание рубахи со штанами — выходит из употребления у колымских чукчей. Мешковатый, препятствующий быстрым движениям, негигиеничный комбинезон в настоящее время заменяется эвенской женской национальной одеждой — разрезной шубой и нагрудником. Кэркэр носят лишь старухи и дети. В поселках чукчи употребляют покупную одежду городского типа.

Если в поселках чукчи живут в типовых колхозных домах, то пастухи-чукчи в стадах используют специфическую форму жилища — ярангу с пологом. Яранга по своим удобствам и вместительности не может быть сравнима с палаткой.

Все чукчи после коллективизации установили свои фамилии, имена, отчества. В качестве фамилий были взяты прозвища глав семей.

Окончательный выход из употребления у чукчей обычай добровольной смерти. Отработка за жену у колымских чукчей была и в прошлом смягчена под влиянием соседей, после коллективизации она исчезла. Полигамные браки были расторгнуты. Обычай обмена женами стал рассматриваться как нарушение общественных норм. Исчезли праздники, сопровождавшиеся массовым непроизводительным забоем оленей, хотя память о них жива, так как эти праздники устраивались еще в 1930-х годах.

Своеобразную, крайне малочисленную группу представляют собой в Нижне-Колымском районе тундровые юкагиры — одулы. Если юкагиры б. Омолонского рода в настоящее время окончательно слились с русскими старожилыми, тундровые юкагиры сохранили свой родной язык и представление о себе как об особой народности. В отличие от колымских, омолонских, анюйских обруселых юкагиров, тундровые юкагиры именуют себя не юкагирами, а одулами. В прошлом они входили в I Алазей-

ский юкагирский наслег (род) и кочевали совместно с эвенями, главным образом по р. Чукочьей. Длительное общение одулов с эвенями привело к тому, что одулы восприняли эвенский тип жилища, эвенскую одежду, обувь и усвоили эвенский образ жизни. Несмотря на это, одулы сохранили свой язык и даже передали его эвеням.

В их фольклоре, обычаях удалось зафиксировать ряд своеобразных черт. Сами себя одулы считают коренным населением тундры. Они резко отделяют себя от верхнеколымских юкагиров, не считая их родственным народом, так же как и юкагиров б. Омолонского рода.

Эвены Западной тундры Нижне-Колымского района делятся на две группы — хангаев и хододью. Первые обитают в Халерчинской тундре и в бассейне р. Чукочьей, вторые — в бассейне р. Алазеи. Большая часть хангаев (Бетильский род по переписи 1897 г.) употребляет в быту одульский язык; хододью говорят по-эвенски. Языковые отличия каждой группы привели к тому, что хододью и хангаи склонны рассматривать друг друга разными народами. Встречаясь с якутами, хангаи и хододью именуют себя ламутами. В Колымском округе до революции хангаи считались тунгусами, хододью — ламутами. Однако, как отметил еще Иохельсон, юкагиры не различали тунгусов и ламутов, и сам он на протяжении своей работы именовал оба рода то тунгусскими, то ламутскими. В настоящее время хододью и хангаи считаются в районе эвенями. Следует отметить, что вопрос о национальной принадлежности, задаваемый нами старикам-эвеням, крайне затруднял их; отвечая на него, старики большей частью называли себя омуками и были согласны на причисление своей группы и к ламутам, и к тунгусам, и к эвеням. Термин ламут в Нижне-Колымском районе часто рассматривается как нечто совершенно отличное от термина эвен. В Западной тундре ламутами обычно считают членов бывших Дельянского и Уяганского родов, обитающих в Восточной тундре. В Нижне-Колымском районе проживает всего несколько семей, происходящих из этих родов.

Основной отраслью хозяйства эвенов была охота на диких оленей. Оленей эвены держали только транспортных для перекочевков. Появление больших чукотских стад домашних оленей в Западной тундре привело к уменьшению числа диких оленей. Эвены и одулы в 1933—1934 гг., после коллективизации, резко изменили направление своего хозяйства — перешли от охоты на крупнокопытных к оленеводству чукотского типа.

Женщины-эвены сохранили свою национальную одежду — ровдужную шубу с вышитым подолом, нагрудник с расшивкой, подвесками и украшениями. Верхняя меховая шуба расклеивается особыми декоративными клиньями и украшается жгутами из нерпичьего меха. Эту одежду в настоящее время переняли у эвенов чукчанки и одулки.

Мужчины-эвены восприняли чукотскую глухую одежду. В поселках эвены употребляют одежду городского типа — костюмы, платья.

При окарауливании стад и во время охоты пастухи и охотники эвены употребляют своеобразного устройства чум, по форме резко отличающийся от тунгусо-ненецкого. Нижняя часть эвенского чума цилиндрическая, а верхняя коническая.

Эвены, так же как и одулы, восприняли чукотского типа нарты и упряжь.

Своеобразную этническую группу в Нижне-Колымском районе представляют собой русские старожилы, считающие себя потомками первых русских переселенцев на север. Основным занятием русских старожилов является рыболовство, подсобным промыслом служит охота на песца. Для переездов колымчане (русские старожилы) используют собак колымско-индигирской породы.

Русские старожилы сохранили множество особенностей в говоре: «сюсюканье», пристрастие к уменьшительным, ласкательным и уничижительным формам. В словаре колымчан сохранилось много древнерусских слов; в то же время в их словарный фонд проникло большое количество слов, заимствованных от коренного населения. Старики-колымчане еще помнят обрывки былин, которые не рассказывают, а поют.

Рис. 2. Эвенская женская одежда

Сохранились исторические песни, повествующие о событиях XVII—XVIII вв., всевозможные хороводные, плясовые и обрядовые песни, рассказы о борьбе с чукчами, воспроизводящие события XVIII в., юкагирско-русские любовные песни «андытыщины» и т. д.

В настоящее время под влиянием школ говор колымчан приближается к современному русскому языку.

Ничем не отличаются от русских старожилов и обруселые юкагиры бывшего Омолонского рода. Никто из них не знает юкагирского языка. Большинство их считает себя русскими (Востряковы, Щербаковы). Лишь некоторые семьи (Рупачезы, Никулины) сохранили память о своем юкагирском происхождении.

Окончательно слились с русскими и чуванцы. Выделить их удалось только благодаря старикам, припоминавшим, что Медучины и Сергеевы в прошлом считались чуванцами. Мало чем отличаются от русских старожилов обрусевшие якуты бывшего I Мятюжского наслега. Большинство их не знает якутского языка и считает себя русскими.

Помимо слившихся с русскими якутов, перешедших к рыболовству, в Нижне-Колымском районе встречаются и якуты, сохранившие свой родной язык и продолжающие заниматься скотоводством наряду с охотой и рыболовством. Эта группа якутов особенно увеличилась в двадцатые годы. Проживают якуты-скотоводы главным образом в южной части Нижне-Колымского района.

Таким образом, можно отметить, что отдельные этнические группы в Нижне-Колымском районе не слились воедино, но за годы Советской власти они преодолели замкнутость, изолированность и сблизились между собой. Благодаря коллективизации, на почве ведения общего хозяйства произошел обмен культурными ценностями между отдельными этническими группами, получили распространение наиболее приспособленные к местным условиям формы одежды, обуви, жилья — вне зависимости от того, какой этнической группой населения они выработаны.

Основное население Средне-Колымского района — якуты. В прошлом они входили в Колымский улус, состоявший из десяти наслегов.

Наслеги среднеколымских якутов делились на роды. Так, например, в I Байдунском были следующие роды: Чууччэнэ, Ханта, Багаһар и другие, в III Мятюжском — Халыанхай, Бугуһуй, Турах, Кубатай. Характерно, что у каждого рода был свой тотем: у турахов — ворон, у рода Мекчиргэ — сова и т. д. Родовичи не убивали своего тотема. Женщины-чужеродки не должны были произносить название тотемной птицы. В настоящее время родовое деление является пережитком и не играет никакой роли. Молодежь и лица среднего возраста обычно даже не знают, из какого рода они происходят. Часто под термином род («ага уһа») понимается фамилия. Следует отметить, что родовое деление у среднеколымских якутов потеряло реальное значение уже в конце XIX в. Так, роды среднеколымских якутов не были отражены переписью 1897 г. Это обстоятельство привело С. К. Патканова к ошибочному выводу, что среднеколымские якуты на роды не делились¹. Из расспросов населения удалось узнать, что наслеги фактически делились на территориальные соседские общины, носившие наименование «тогой».

Своих предков среднеколымские якуты считают выходцами из центральных районов Якутии. Записанные во время экспедиции легенды свидетельствуют о том, что заселение якутами Колымы началось с Верхне-Колымского наслега, северные пределы Средне-Колымского района были освоены якутами всего около ста лет назад. Спуская озера, чтобы освободить площадь для лугов, якуты произвели значительные изменения в ландшафте Колымского округа. Вокруг озер якуты выпасали скот. Сохранились традиционные перекочки с зимников на летники. В хозяйствах колымских якутов значительное место занимала охота на лосей, диких оленей и водоплавающую дичь.

В связи с изолированностью среднеколымских якутов в их культуре сохранились некоторые особенности, отличающие их от якутов центральных округов. Среднеколымские якуты строили и строят юрты без хотонов, употребляют своеобразные формы обуви, например, килэпэллэ, расшитые комбинированные торбазы с украшениями из сукуна и меха, неизменные центральным и вилюйским якутам. Обращают на себя внимание особые способы завязок и застежек для обуви. От русских старожилов колымские якуты восприняли набородники, налобники, старинные шапки. Среди части среднеколымских якутов получил распространение чукотский мужской костюм в качестве промысловой одежды.

В говоре среднеколымских якутов поражает большое количество русских слов. Даже такие быденные слова, как мать, отец, няня, нитки и т. д., не якутские, а русские. В речь среднеколымских якутов вошли и целые русские выражения, например, «сам не рад» и т. д. Все это объясняется тем, что в ряде мест по среднему течению рек Алазеи и Колымы русские старожилы совершенно слились с якутами (в бывшем III Мятюжском наслеге русские старожилы сохраняли самобытность до 1920-х годов).

Вторую этническую группу в Средне-Колымском районе составляют эвены. Часть эвенов обитает в Верхне-Колымском наслеге совместно с якутами; основным занятием их осталось оленеводство и охота. Верхнеколымские эвены сохранили свой

¹ С. К. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев, СПб., 1912, стр. 799.

родной язык, но большинство их владеет также якутским и русским. В прошлом большая часть верхнеколымских эвенов входила в Каменно-Дельянский род. Более многочисленная группа эвенов обитает в бассейне р. Березовки на границе Средне-Колымского района и Хабаровского края. В прошлом они входили в Дельянский и Уяганский роды. Основой существования березовских эвенов является охота на диких оленей и лосей. Большинство березовских эвенов владеет только эвенским языком и сохранило национальную одежду.

Русское старожильческое население представлено в Средне-Колымском районе несколькими семьями. Особой этнической группы русские старожилы не составляют.

Таким образом, в этническом отношении Средне-Колымский район является более однородным, чем Нижне-Колымский.

В связи с исследованием этнического состава населения нами повсеместно производилось изучение языковой принадлежности населения. Собранный материал показал, что коренное население тундры Нижне-Колымского района — чукчи, эвены, одулы — многоязычны, т. е. владеют тремя-четырьмя языками. Примером может служить население колхоза-миллионера «Турваургин» Нижне-Колымского района. Знание языков взрослыми членами колхоза показывает табл. 1 (в каждой графе первым поставлен родной язык).

Общепринятым в колхозе «Турваургин» является русский язык. На нем ведется делопроизводство, проводятся собрания, обучаются дети членов колхоза в местной школе. Из таблицы 1 можно видеть, что большинство населения владеет русским языком, хотя родным он является только для 36 человек, как об этом говорят данные таблицы 2.

Двуязычие и многоязычие характерны также для населения Олерского наслежного совета (колхозы «Оленевод», «Сутаня ударан» и др.). Следует отметить, что большинство полиглотов, зарегистрированных нами, показали своим родным языком одульский и эвенский. Это вполне понятно, так как именно в малочисленных и крайне подвижных этнических группах ощущалась острее всего необходимость овладеть языками соседей, чтобы общаться с ними. Нельзя не подчеркнуть, что многоязычие, по словам стариков, получило широкое распространение сравнительно недавно. Так, 96-летний старик-одул Т. Т. Трифонов рассказал, что в старину, в дни его молодости, одулы держались вместе и говорили только на одульском языке. На языке соседей умели объясняться из одулов только должностные лица. Это подтвердил и бывший эвенский староста В. П. Курилов.

Наличие большого количества языков в Нижне-Колымском районе и длительное их сосуществование еще раз подтверждают слова И. В. Сталина о том, что новые языки образуются не путем слияния и скрещивания.

«Совершенно неправильно было бы думать, — пишет товарищ Сталин, — что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»².

Действительно, долготелее общение между колымскими чукчами, эвенами и одулами не привело к рождению нового языка. Необходимость поддерживать связь с соседями привела лишь к тому, что малочисленные этнические группы оказались вынужденными овладевать языком соседних этнических групп.

Нужно отметить, что в Нижне-Колымском районе можно видеть, в каком направлении идет разрешение противоречия между существующей множественностью языков и потребностью в едином языке как орудии общения.

Обследование школьной практики, делопроизводства колхозов, непосредственные наблюдения показали, что ведущим «международным» языком по р. Колыме в пределах Нижне-Колымского района в Халерчинском и Нижне-Колымском наслегах является якутский язык. Широкое распространение по долине р. Колымы и в прилегающих к ней районах русского языка вызвано не только длительным проживанием здесь русских старожил, но и значительным притоком русских работников — рабочих и служащих — в связи с социалистическим переустройством Крайнего Севера.

В Средне-Колымском районе ведущим языком является якутский. Он употребляется и в быту, и в школьной практике, и в делопроизводстве.

За годы Советской власти величайшие изменения произошли в хозяйстве населения бассейна р. Колымы. Одной из особенностей чукотского оленеводства в литературе считалось отсутствие оленегонной собаки. В 1946 г. колхоз «Турваургин» завез оленегонных лаек. В течение последующих лет этот колхоз не только обеспечил оленегонными собаками своих пастухов, но и начал продажу оленегонных лаек соседним колхозам. В настоящее время в Нижнеколымской тундре почти у каждого пастуха имеется оленегонная собака, помогающая ему окарауливать оленей.

В районе проводится работа по внедрению окарауливания стад верхом на оленях, но олени местной породы мало приспособлены к верховой езде, и в настоящее время в ряде бригад пастухи перешли к окарауливанию оленей верхом на лошадях.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1951, стр. 29—30.

Таблица 1

Знание языков в колхозе «Турваургин»

Владеющие одним языком				Владеющие двумя языками											
чукотский	русский	якутский	всего знают 1 язык	чукотский, русский	якутский, русский	чукотский, эвенский	эвенский, якутский	эвенский, чукотский	чукотский, одульский	русский, чукотский	русский, якутский	одульский, чукотский	чукотский, якутский	всего знают 2 языка	
54	30	5	89	60	68	5	1	5	3	3	3	1	2	151	
Владеющие тремя языками															
одульский, русский, чукотский		одульский, эвенский, чукотский		эвенский, чукотский, русский		чукотский, эвенский, якутский		эвенский, чукотский, одульский		якутский, русский, чукотский		эвенский, якутский, чукотский		чукотский, эвенский, русский	всего знают 3 языка
2		1		10		3		2		2		6		4	30
Владеющие четырьмя языками															
одульский, якутский, чукотский, эвенский		чукотский, одульский, эвенский, русский		эвенский, чукотский, русский, одульский		эвенский, чукотский, одульский, якутский		одульский, эвенский, русский, чукотский		эвенский, одульский, якутский, русский		эвенский, чукотский, русский, якутский		чукотский, одульский, русский, якутский	всего знают 4 языка
12		2		3		3		7		1		1		1	30
Владеющие пятью языками															
одульский, эвенский, якутский, чукотский, русский						чукотский, эвенский, одульский, якутский, русский						всего знают 5 языков			
5						1						6			

Таблица 2

**Распределение населения колхоза «Турваургин»
по родному языку**

Чукотский	Якутский	Русский	Эвенский	Одудьский
123	75	36	32	28

Поднялась техническая оснащенность оленеводства. Оленеводческие колхозы выстроили в районах весеннего и осеннего пребывания своих стад коррали. В местах летних пастбищ на случай копытной болезни сооружены страховые ледники.

Коллективизация позволила населению более полно использовать природные богатства тундры. Оленеводческие колхозы размещают небольшие сезонные рыболовецкие бригады на пути перегона своих стад по тундровым озерам и мелким рекам. Задача этих бригад — обеспечить свежей рыбой оленеводов, заготовить приманку и подкормку для охоты на песца.

Значительно улучшились способы консервации рыбы. В прошлом рыбу преимущественно вялили на солнце, в настоящее время колхозы располагают значительным количеством ледников. Для подвоза рыбы к ледникам используются моторные лодки.

Реконструкция северного промыслового хозяйства привела к значительным изменениям в охоте. Поднялась роль пушной охоты. Основным объектом промысла в низовьях Колымы, Алазеи и Чукотке является песец, в верховьях — белка и горностай.

В связи с интенсификацией пушной охоты большинство охотников в Нижне-Колымском районе перешло к использованию капканов вместо громоздких пастей. Обезд ловушек в условиях Нижне-Колымского района производится преимущественно на собаках. Охотник, владеющий ездовыми собаками, успевает осмотреть значительно большее количество ловушек, чем охотник, пользующийся оленями, так как окарауливание и поиски оленей в тундровых участках крайне обременительны. Наоборот, в Средне-Колымском районе все колхозы завели транспортных оленей, предназначенных большей частью для охотников. На оленях, запряженных в нарты, охотники объезжают свои промысловые участки. Развитие транспортного оленеводства, расчистка дорог и троп, облегчившие использование конного транспорта, привели к тому, что транспортное собаководство, крайне невыгодное в условиях Средне-Колымского района, почти исчезло.

В области охоты следует отметить исчезновение нерациональных способов добычи зверя — преследования верхом на лошади лисиц и песцов. Охотники-стахановцы Средне-Колымского района усовершенствовали методы добычи горностая. Применяется квашеная жидкая приманка. Получили распространение пружинные черканы, а также черканы с проволоочной тетивой. В Средне-Колымском районе прижилась андатра, и в настоящее время в установленные сроки производится систематический отстрел ее.

Большие изменения произошли и в основной отрасли хозяйства среднеколымских якутов — молочном животноводстве. Во всех колхозах района созданы молочнотоварные фермы. Появились типовые и полутиповые общественные хотоны (скотные дворы). Заготовка сена в значительной степени производится вручную, так как характер местности не благоприятствует использованию машин. Тем не менее большинство колхозов приобрело конные грабли и сенокосилки. В целях объединения стад, разпыленных по мелким участкам, в настоящее время колхозы Средне-Колымского района создают прочные кормовые базы вокруг своих хозяйственных центров, что дает возможность в более широких масштабах применять машины, механизировать сеноуборку, ввести электродойку и т. д.

Рис. 3. Депутат Верховного Совета ЯАССР чукча Н. И. Таврат пишет ответ на письмо избирателей. Нижне-Колымский район

Необходимо остановиться и на изменениях в способах передвижения. Основным видом транспорта в низовьях Колымы является езда на собаках. В нарту запрягают от 4 до 8—10 собак. Олени используются в качестве транспортного средства главным образом в самих стадах при перегонах. Однако за последние годы во многих оленеводческих бригадах появились собачьи упряжки. На собаках члены бригады поддерживают в зимнее время года постоянную связь с колхозным поселком. В условиях Нижней Колымы езда на собаках оказывается более выгодной, чем езда на оленях. Широко используются в Нижне-Колымском районе и лошади, на которых весной и летом осуществляется связь между колхозными стадами и поселками. Таким образом, оленеводческие колхозы используют все виды транспорта. Тем не менее связь остается узким местом в экономике Нижне-Колымского района, и колхозы предполагают в ближайшие годы использовать в тундре механические виды тяги.

Коллективизация и реконструкция северного промыслового хозяйства способствовали быстрому повышению материального и культурного уровня жизни населения. Оленеводческие колхозы Нижне-Колымского района «Турваургин», «Оленевод», «Сутаня ударан» стали миллионерами.

Стоимость трудодня, заработки оленеводов и охотников показывают, насколько поднялся материальный уровень жизни населения. В колхозе «Сутаня ударан», например, на один трудодень в 1950 г. причиталось мяса 1 кг, рыбы 197 гр, денег 24 р. 60 к., кроме того, шкуры оленей, камусы. Член колхоза «Сутаня ударан», оленевод Г. В. Татаев заработал за 1950 г. 802 трудодня и получил деньгами 19 701 руб., мяса — 773 кг, рыбы — 158 кг, молока — 23 кг, шкур — 18 шт., камусов — 19 пар, тугутовых (телят оленей) шкур — 10 штук и прочих продуктов на 690 руб. Охотник Е. Е. Татаев получил только деньгами 41 794 рубля. Член колхоза «Оленевод» Н. Е. Третьяков получил за 1950 г. 23 401 руб. и 659 кг мяса.

Большой материал собран экспедицией для характеристики современного быта населения бассейна р. Колымы. Остановимся лишь на некоторых характерных изменениях в этой области.

В настоящее время все колхозы Нижне-Колымского и Средне-Колымского районов выстроили поселки — колхозные центры. Характерным примером может служить поселок Колымская, центр колхоза «Турваургин». Здесь имеются: неполная средняя школа, больница на несколько коек, магазин, Дом социалистической культуры с библиотекой, фактория, электростанция, баня, молочнотоварная ферма. В поселке около пятидесяти стандартных типовых домов колхозников. Недавно колхоз для своей электростанции приобрел локомобиль, который будет обслуживать также пилораму и баню.

Несмотря на то, что основные отрасли хозяйства оленеводческих колхозов требуют от населения периодических передвижений, поселки имеют для колхозов большое значение. В поселках живут сотрудники управленческого аппарата, школьники, престарелые члены семей колхозников. Охотники живут в поселках в свободное от промысла время, многие из них оставляют в поселках семьи, когда отправляются на промысел. Оленеводы бывают в поселках крайне редко.

Быт колхозников, занятых оленеводством и охотой, имеет значительные особенности. Чукчи-олениводы и охотники используют яранги с пологом, одулы и эвены — чумы. Отсутствие в тундре дров (единственным видом топлива служит тальник) не позволяет колхозникам отказаться от использования яранги. Реконструировать передвижные жилища представится возможным только в том случае, если будет решен вопрос о завозе в тундру топлива. Правления оленеводческих колхозов предполагают использовать для завоза топлива механическую тягу — вездеходы. При этом условия колхозы намереваются заменить чум и ярангу разборной вместительной палаткой с полом. Минимальные требования к такой палатке: простота конструкции, изготовление всех частей из местного материала, вес ее не должен превышать веса яранги, площадь палатки должна быть рассчитана на размещение 10—12 человек и просушку громоздкой зимней одежды.

Несмотря на архаичность форм жилища, используемых в тундре, обстановка в них изменилась. Появились низкие столики с выдвижными ящичками, фарфоровая и фаянсовая посуда, кастрюли, чайники, мясорубки, швейные машины, патефоны. Во многих бригадах взята с собой корыта и стиральные доски, хотя стирка белья в тундре крайне затруднительна. В ярангах появились зеркала, будильники, карманные и ручные часы, умывальники, мыло, письменные принадлежности. Используются спальные мешки с матерчатыми вкладышами, заменяющими простыни. Изменился и пищевой рацион населения. Основными продуктами питания остались мясо в тундре, рыба в низовьях рек, но в то же время население употребляет крупы, муку, консервы, сахар. Из поселков в оленеводческие и охотничьи бригады завозится хлеб, а в летнее время сухари. Во многих оленеводческих бригадах организовано общественное питание — выделяемая колхозом работница чума готовит пищу для всех членов бригады.

Изменилось положение женщины в тундре, многие чукчанки и одулки перешли к таким занятиям, как окарауливание стад. Как в Нижне-Колымском, так и в Средне-Колымском районе насчитывается немало женщин-охотников, перевыполняющих плановые задания. Женщины работают бухгалтерами, учителями, секретарями насельных советов.

Население давно потеряло предубеждение против обучения детей в школах. Ликвидировали неграмотность и взрослые. Большое значение при существующем многоязычии имеет система нелевых классов, в которых дети чукчей, эвенов, одулов получают необходимую подготовку для обучения на якутском или русском языках.

В область прошлого отошли шаманство и знахарство. В большинстве колхозных поселков организованы фельдшерские пункты с родильными отделениями.

Выросли культурные запросы населения. Колхозники предъявляют спрос на готовое платье, белье, брезентин, клеенку, сапоги, патефонные пластинки, посуду. В Нижне-Колымском районе ставится вопрос о радиофикации пастушеских чумов.

Миллионные хозяйства колхозов требуют привлечения специалистов. В колхозе «Турваургин» специальное сельскохозяйственное образование имеют и председатель и старший зоотехник, среднее техническое образование имеет механик колхоза. Боль-

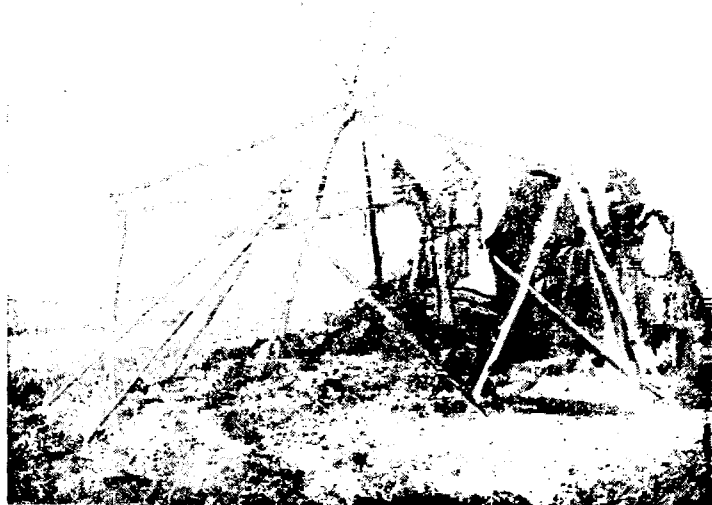

Рис. 4. Остов эвенского чума. Нижне-Колымский район

шинство руководящих колхозных кадров Нижне-Колымского и Средне-Колымского района прошли подготовку на межколхозных курсах. Не только бригадиры и заведующие стадами, но и рядовые колхозники, пастухи, работники чума имеют нередко 5—7-летнее образование. В большинстве колхозов работают начальные политшколы, в оленеводческих колхозах бригады оленеводов и охотников охвачены сетью заочных начальных политшкол. Многие пастухи берут с собой библиотечки, получают газеты.

Экспедицией собран материал для изучения современного семейного быта, выявлены культурные особенности, отличающие русских старожилов, чукчей, эвенов, одулов, колымских якутов.

Ограничиваясь этими краткими сведениями, отметим, что экспедицией записан ряд исторических легенд о приходе якутов на Колыму, предания о первых русских острожках и зимовьях, образцы фольклорных произведений колымчан, якутов, чукчей. Значительный материал собран по материальной культуре населения бассейна р. Колымы. У чукчей-оленьеводов удалось обнаружить и описать метательные палицы типа бумеранга, у русских старожилов имеются копыя и копьёметалки, используемые для охоты на линных птиц. Большой материал собран по охотничьим обычаям, зафиксированы образцы исчезающего обрядового фольклора.

Во время экспедиции были обследованы наземные памятники, чукотские могилы, арангас — якутское погребение на столбах, почитавшиеся в прошлом скалы и т. д. Для Якутского краеведческого музея собрана небольшая коллекция экспонатов, характеризующая материальную культуру чукчей и русских старожилов.

Институт языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР летом 1952 г. продолжает экспедиционную работу, проводя этнографическое обследование бассейна р. Индигирки.

И. Гурвич

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

В 1951 — начале 1952 г. в Институте этнографии защитили кандидатские диссертации 6 молодых ученых — представителей тех народов, которые до Великой Октябрьской социалистической революции, находясь в условиях тяжелого классового и национального гнета, отстали в своем развитии, прозябая в темноте и невежестве. Советский строй, ленинско-сталинская национальная политика партии открыли этим народам светлый путь к знанию, обеспечили неисчерпаемые возможности всестороннего развития их творческих сил. С каждым годом растет число научных работников всех областей знания, вышедших из народных масс многочисленных наций, народностей и этнографических групп нашей великой Родины. Многие из них стоят в передовых рядах ученых нашей страны, являются крупными представителями советской науки. С каждым годом растет число молодых ученых, получающих научную подготовку в высших учебных заведениях в Академии Наук СССР или в Академиях наук союзных республик. Институт этнографии АН СССР — центр этнографической науки нашей страны — оказывает большую помощь в подготовке научных кадров для национальных республик. Ежегодно в аспирантуру Института направляются из этих республик будущие молодые ученые. Из общего числа 41 аспирантов, имевшихся в Институте к началу 1952 г., 23 человека командировано союзными и автономными республиками. В 1951 г. 5 человек успешно закончили аспирантскую подготовку. В июне защитил кандидатскую диссертацию алтаец П. Г. Тадыев¹, в ноябре — осетин Б. А. Калоев, в декабре — абхазка Л. Х. Акаба, таджик Н. Нурджанов, татарка Б. Х. Кармышева, в апреле 1952 — командированный Киргизским филиалом АН СССР Г. Г. Нуров. В 1952 г. заканчивают аспирантуру и должны защитить диссертации даргинец А. Алиев², кумычка С. Гаджиева, казах Г. Валиханов, туркмен К. Овезбердыев.

Б. А. Калоев 27 ноября 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Моздокские осетины». Диссертация представляет собой обширное (около 19 авт. лист.) историко-этнографическое исследование этой своеобразной группы осетинского народа, в XVIII в. переселившейся на Моздокскую равнину из нагорной полосы Осетии. В отличие от коренных осетин, издавна привлекавших внимание исследователей, моздокские осетины оставались совершенно неизученной группой осетинского народа, и защищенная Б. А. Калоевым диссертация явилась первой специально им посвященной работой. Основным источником при ее написании послужили полевые материалы, собранные автором во время его экспедиционных поездок в 1948—1950 гг., дополненные большим количеством архивных материалов, хранящихся в центральных и местных архивах. Официальные оппоненты — доктор историч. наук В. К. Никольский и кандидат историч. наук Б. А. Гарданов весьма положительно оценили представленную диссертацию. «Комплексное историко-этнографическое описание отдельных этнографических групп, составных частей того или иного народа, — сказал Б. А. Гарданов, — безусловно имеет важное значение для этнографической науки, как бы количественно мала ни была данная группа. Появление каждой новой работы, по характеру и профилю аналогичной диссертации Б. А. Калоева, не только углубляет и конкретизирует наши знания по этнографии данного народа, но, поднимая новый, свежий фактический материал, способствует разрешению ряда общетеоретических вопросов этнографической науки, помогает ее движению вперед... Моздокские осетины, несмотря на свою малочисленность, сыграли довольно видную роль в истории Северного Кавказа, и в частности в истории северных осетин. Большой интерес представляют описанные диссертантом начальные страницы истории моздокских осетин, которые были одними из первых горцев Северного Кавказа, перешедших на сторону России. Связанные всей своей историей с Россией, моздокские осетины в XVIII — начале XIX в. являлись проводниками русского влияния, внося, таким образом, свой вклад в дело сближения народов Кавказа с Россией в тот период». Умело анализируя источники, сказал Б. А. Гарданов далее, диссертант устанавливает районы, откуда происходило переселение осетин на Моздокскую равнину, а также различные этапы этого переселения и различные условия, в которых пришлось жить на новых местах: в результате образовались три подгруппы моздокских осетин — «цайта», «ерашти» и так называемые «веселовцы», — каждая из которых отличается своими этнографическими особенностями. Рассмотрению их посвящены основные главы диссертации, изобилующие фактическим материалом; многие из данных автором описаний не только войдут в качестве важной составной части в этнографию осетин, но и представляют значительный интерес для общей этнографии. Таково, например, обстоятельное описание большой семьи и патронимии, вносящее много нового, еще неизвестного этнографам, хотя осетинская большая семья издавна привлекала внимание исследователей. Диссертант, основываясь на фактическом материале, устанавливает, что большая семья не всегда является показателем архаичности данного общества в целом, но может в силу определенных исторических условий существовать и на

¹ Отчет о защите см. «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 218.

² Защита состоялась 26 июня с. г.; отчет о ней см. в следующем номере нашего журнала.

более поздних этапах его развития. Вместе с тем диссертант, четко отграничивая различные этапы развития, показывает, как большая семья моздокских осетин, широко бытовавшая в XIX в., к концу века распадается и в начале следующего столетия становится уже редким явлением, окончательно исчезая в советскую эпоху. Как ценную черту в работе, Б. А. Гарданов подчеркнул то, что диссертант в своих этнографических описаниях четко отделяет прошлое от настоящего, сумев избежать ошибки, свойственной некоторым этнографам, которые, увлекшись стариной, арханизируют быт описываемых ими народов. Важнейшим же достоинством обсуждаемой диссертации является яркое описание хозяйства, культуры и быта моздокских осетин в период после Великой Октябрьской социалистической революции, показ тех огромных изменений, которые произошли в их жизни в условиях советского строя.

Переходя к недочетам работы, оппоненты отметили не совсем удачную ее структуру, недостаточно систематическое изложение и распределение материала по разделам, что привело диссертанта к повторениям и не всегда четкому изложению отдельных глав. Так, например, сказал Б. А. Гарданов, читатель не получает ясной картины исторического прошлого Моздокского района, с которым тесно связана история живущих там осетин; не получает он и представления о том, как изменилась роль моздокских осетин в общей истории осетинского народа в XIX веке, со второй половины которого начинается интенсивный процесс втягивания северных осетин в орбиту российского капитализма; в связи с этим падает и роль моздокских осетин как передовой части осетинского народа, как связующего звена между Россией и основной массой осетин.

Кандидат историч. наук З. А. Никольская в своем выступлении особо отметила достоинства обсуждаемой диссертации как этнографического исследования. Б. А. Калоев, сказала она, убедительно показал, как сохраняются и получают свое дальнейшее развитие лучшие традиции, прогрессивные элементы национальной культуры, как ликвидируются пережитки, тормозящие дальнейшее движение осетинского народа вперед. Удачное решение важных вопросов этнографии объясняется последовательным историзмом работы Калоева, умелым показом того, как различные явления, сохраняя свою прежнюю форму, на новом историческом этапе меняют свое содержание в зависимости от изменения общественно-экономических отношений. Это ярко прослеживается диссертантом, например, в вопросе о «зису» (обычай взаимопомощи осетин), который в эпоху патриархально-родового строя устраивался в пределах рода и отражал общинный, коллективный характер труда, а в классовом обществе превратился в форму эксплуатации бедноты богатой верхушкой. Б. А. Калоев успешно справился с поставленной перед собой задачей, сумев ярко показать процесс развития исследуемой им группы осетинского народа в ее национальной специфике.

Подводя итоги своим выступлениям, оппоненты указали на ценность представленной Б. А. Калоевым работы, опубликование которой впервые даст возможность широкому кругу читателей ознакомиться с почти двухсотлетней историей и современной жизнью моздокских осетин. Б. А. Калоеву присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

25 декабря 1951 г. Л. Х. Акаба защитила диссертацию на тему «Абхазы Очамчирского района (Опыт этнографического исследования культуры и быта колхозников)». Диссертантка поставила перед собой задачу показать на примере одного из основных районов Абхазской АССР, как за годы Советской власти коренным образом изменились хозяйство, материальная культура, общественный и семейный быт абхазского крестьянства, показать его новую, социалистическую по содержанию и национальную по форме культуру и наряду с этим выявить сохраняющиеся еще среди отсталой части абхазских колхозников пережитки старого, мешающие росту их социалистического сознания, наметить пути ликвидации этих пережитков. Как отметили официальные оппоненты — доктор историч. наук Н. Н. Чебоксаров и кандидат историч. наук Е. С. Зевакин, диссертантка успешно справилась с поставленными перед собой задачами, дав яркое описание нового быта и культуры колхозников-абхазов, сопоставленное с тяжелой жизнью абхазского крестьянства в дореволюционном прошлом. Работа Л. Х. Акаба, сказал Н. Н. Чебоксаров, изобилует ценными фактическими данными, еще не имеющимися в этнографической литературе, интересными и яркими материалами, особенно в разделах, посвященных семейному быту. Вместе с тем диссертантка не ограничивается простым описанием наблюдаемых явлений народной жизни абхазов, но стремится дать им определенную оценку с точки зрения интересов социалистического строительства, показать, как преобразуются в советскую эпоху традиционные хозяйственно-культурные навыки абхазов, как отмирают одни из них и продолжают развиваться другие. Е. С. Зевакин указал на то, что обсуждаемая диссертация стоит в ряду развернувшихся широким фронтом во всех республиках нашей страны работ по изучению культуры и быта колхозного крестьянства, что в настоящее время составляет одну из главнейших задач советской этнографии. Работа Л. Х. Акаба является первым шагом в изучении культуры и быта колхозников Абхазии, так как в литературе эта тема еще не освещалась. Диссертантка нашла правильное соотношение исторической и современной части своего исследования; она наглядно и убедительно прослеживает эволюцию отдельных элементов культуры абхазов, для чего совершает необходимые экскурсы в прошлое, исследует основные явления культуры и быта абхазов в их историческом развитии,

выясняя их происхождение, трансформацию в различных социальных условиях, причины их исчезновения или постепенного изживания. Так, например, в диссертации показана изменившаяся роль обычаев гостеприимства и взаимопомощи, замена былого родственного начала трудовым сотрудничеством, трансформация обычая усыновления и многое другое. Диссертантка обращается к таким мало изученным вопросам, как идеологическая перестройка колхозников Абхазии, роль в этом таких мощных факторов, как коллективный труд в колхозах, политико-просветительная работа партии, воспитательная роль советского суда и т. д. В работе освещен процесс постепенного изживания противоположности между городом и деревней и былой национальной замкнутости абхазов, прослежено огромное влияние русской культуры на быт и культуру абхазского крестьянства. Несомненно, заключил Е. С. Зевакин, не только историко-познавательное значение обсуждаемой диссертации, в которой этнографы-кавказоведы найдут много нового материала для сравнений, но и ее практическое значение, так как она ориентирована на современные, очередные задачи строительства социалистической культуры абхазов и своими выводами активно поможет ему, указывая на явления, содействующие росту этой культуры, или, наоборот, тормозящие его.

Высокую оценку диссертации содержат и полученные с мест отзывы, в которых отмечается актуальность этой работы и ее большой научный и практический интерес.

Проникновенно прозвучали заключительные слова диссертантки, выразившей огромную благодарность коммунистической партии, Советскому государству, давшим ей возможность стать научным работником, защитить кандидатскую диссертацию, что для абхазской женщины в условиях всякого иного общественного строя могло быть только дерзновенной, неосуществимой мечтой.

Ученым советом Института Л. Х. Акаба присуждена искомая степень.

Н. Нурджанов — первый таджик-этнограф кандидат исторических наук. 28 декабря 1951 г. он защитил диссертацию на тему «Истоки народного театра у таджиков (По материалам Кулябской области)». Диссертация представляет собой обширное исследование, построенное в значительной степени на личных сборах автора, с привлечением всех имеющихся — правда, по данному вопросу весьма скудных и отрывочных — литературных данных. Работа содержит, кроме введения и заключения, четыре основные главы. В первой дается описание народных развлечений дореволюционного Таджикистана, в основном связанных с семейными праздниками и праздниками земледельческого календаря. Во второй главе рассматриваются народные мужские и женские танцы, являющиеся одним из основных и наиболее развитых жанров народного театра таджиков. В третьей главе даются подробное описание и анализ народных театрализованных представлений, выступлений масхарабозов, являвшихся первыми носителями искусства таджикского театра. Четвертая глава посвящена развитию народного творчества в условиях социалистического общества. Автор указывает на тот размах, который приняло народное искусство в Таджикистане после Великой Октябрьской социалистической революции, и на изменение характера народных и семейных праздников, обусловленное социалистическими преобразованиями в экономической и культурной жизни советского Таджикистана. В работе прослеживаются истоки таджикского народного театрального искусства, свидетельствующие о древности и самобытности культуры таджиков, отмечается его демократичность и прогрессивность, особенно ярко выступающие в классово заостренных фарсах масхарабозов, отражавших растущий протест народа против угнетателей-феодалов. Автор подчеркивает далее, что советское таджикское искусство является не только наследником всего лучшего, прогрессивного, что создано таджикским народом в течение веков в области художественного творчества, но и наследником театральной культуры великого русского народа, при непосредственной помощи которого возник современный таджикский профессиональный и самодеятельный театр.

Официальные оппоненты — чл.-корр. АН СССР проф. Е. Э. Бертельс и кандидат филологич. наук А. З. Розенфельд, указав на имеющиеся в диссертации отдельные погрешности, дали ей высокую общую оценку и выразили пожелание об ее опубликовании. Н. Нурджанову присуждена степень кандидата исторических наук.

Защищенная 28 декабря 1951 г. диссертация Б. Х. Кармышевой «Этнографический очерк животноводства у локайцев» представляет собой историко-этнографическое исследование, посвященное хозяйству и быту одной из групп узбекского народа — локайцев, живущих в южном Таджикистане, на территории, до Великой Октябрьской социалистической революции входившей в Гиссарское и Бальджаунское бекства Бухарского эмирата. Компактно расселенная и довольно многочисленная (до 44 тыс. чел.) группа локайцев в настоящее время составляет часть узбекской социалистической нации; в предыдущие же периоды истории локайцы были одним из крупных узбекских племен, участвовавших в формировании узбекской народности. В диссертации значительное место уделено вопросам происхождения, родоплеменного состава и расселения локайцев, даются краткие исторические сведения о них, после чего автор переходит к центральной теме своего исследования — подробному описанию и анализу в историко-этнографическом плане основной отрасли хозяйства локайцев в дореволюционный период — животноводства, преобладающую роль в котором играло специализированное коневодство, наложившее яркий отпечаток на весь быт населения.

Официальными оппонентами в диспуте выступили доктор историч. наук А. Н. Бернштам и кандидат историч. наук Т. А. Жданко. Обсуждаемую работу, сказала Т. А. Жданко, в той интересной и оригинальной трактовке вопросов хозяйственной жизни локайцев, которую применила диссертантка для раскрытия своей темы, следует отнести к числу трудов, посвященных этнической истории узбеков. Подобных монографий об отдельных узбекских племенах до настоящего времени в этнографической литературе еще не было. Между тем историко-этнографическое изучение отдельных племенных групп является серьезной задачей, без разрешения которой невозможно конкретно выяснить не только процесс сложения узбекской народности и дальнейшего развития ее в условиях советского строя в узбекскую социалистическую нацию, но и восстановить историю развития хозяйственной жизни и специфических национальных черт материальной и духовной культуры узбеков. Диссертантка умело связала этнографический материал, касающийся главным образом хозяйственной деятельности изучаемой ею этнической группы, с вопросами этногенеза; самое хозяйство исследуется в диссертации с историко-этнографических позиций, что выгодно отличает ее от ряда появившихся за последние годы работ, посвященных быту и культуре колхозного крестьянства, в которых этнографическое изучение хозяйства не нашло еще должного места. Вместе с тем исследование Б. Х. Кармышевой имеет не только познавательное историко-этнографическое, но и практическое народно-хозяйственное значение. Вопрос о генезисе локайской лошади, как и гиссарской овцы, тесно связывается диссертанткой с вопросом о времени поселения в Гиссаре и Балджуане локайцев и карлуков. Исследуя вопрос о развитии форм хозяйственной жизни локайцев, диссертантка устанавливает три периода: первый (до подчинения локайцев эмирской Бухаре) — кочевое скотоводство; второй (нахождение их в составе Бухары) — развитие наряду со скотоводством богарного земледелия; третий — советский период, характеризующийся гармонично развивающимся комплексным хозяйством, сочетающим высокодоходное хлопководство, отгонное животноводство и другие отрасли. В заключение диссертантка дает яркую картину социалистических преобразований в хозяйстве и быте локайцев, утративших былую племенную замкнутость, изживших враждебность к таджикам, дружно работая в смешанных по национальному составу колхозах.

А. Н. Бернштам остановился в основном на исторической части исследования и поставил перед диссертанткой ряд вопросов, касающихся ее заключений о родоплеменной принадлежности локайцев и времени их формирования, так как темы эти, по его мнению, диссертанткой недостаточно четко освещены. Оба оппонента признали большую ценность работы, являющейся по существу первой этнографической монографией о локайцах и вполне заслуживающей издания. Аналогичную оценку диссертации содержит и отзыв на нее неофициального оппонента, кандидата историч. наук А. К. Писарчик. Б. Х. Кармышевой присуждена искомая степень.

Г. Г. Нуров 1 апреля 1952 г. защитил диссертацию на тему «Киргизская народная медицина». Официальными оппонентами выступили: доктор медицинских наук проф. В. В. Гинзбург, доктор историч. наук А. Ф. Анисимов и кандидат историч. наук К. Л. Задыхина. По отзывам оппонентов, обсуждаемая работа является одним из первых исследований по данному вопросу и представляет несомненную ценность. Автор ее собрал значительный полевой материал более чем от 90 информаторов, использовал музейные экспонаты, архивные материалы и большое количество литературы не только по киргизам, но и по другим народам. Разработка собранного материала позволила автору достаточно полно охватить различные стороны народной медицины киргизов и дать развернутую картину приемов и способов народного врачевания, бытовавшего у них в конце XIX — начале XX в. Эти приемы и способы диссертант делит на две группы — эмпирического и религиозно-магического «врачевания». Он убедительно показал, что, если эмпирические способы лечения базировались на длительном опыте и наблюдениях, передававшихся из поколения в поколение, и в основе своей содержали известное рациональное зерно, то религиозно-магические приемы, основанные на суевериях и осуществлявшиеся невежественными знахарями, приносили огромный вред здоровью населения и культивировали в его сознании религиозные предрассудки как связанные с исламом, так и восходящие еще к доисламским верованиям. В работе, сказала К. Л. Задыхина, ярко освещена реакционная сущность знахарства, корыстолюбие и вымогательство знахарей и необходимость упорной борьбы с пережитками знахарства, еще кое-где сохраняющимися в быту киргизов. Ярко показана также роль советской медицины и широкое развертывание сети здравоохранения в Киргизской ССР, в корне подрывающей остатки влияния знахарей на отсталую часть киргизских колхозников. Автор пытается проследить различные культурные влияния на киргизскую народную медицину со стороны других народов, в частности, со стороны русских, однако эта тема не раскрыта им с достаточной полнотой. Недостаточно выявлены автором и самобытные черты киргизской народной медицины. Говоря о развитии киргизской народной медицины от древнейших времен до начала XX в., автор опустил средние века, ознаменовавшиеся в Средней Азии работой крупнейшего ученого и врача средневековья — Авиценны, который не мог не оказать влияния на народную медицину киргизов. Рассматривая представления киргизской народной медицины о конституции человека, о «горячем» и «холодном» началах в нем, диссертант не прослеживает корней этих представлений в философии древних народов. Даваемая диссертантом клас-

сификация болезней, отметил проф. В. В. Гинзбург, не соответствует принятой в научной медицине, но в большой степени зависит от представлений народной медицины о характере заболеваний. Диссертанту следовало бы подчинить народную классификацию научной. Эти и другие указанные оппонентами недостатки снижают, по их мнению, качество работы Г. Г. Нурова, но в целом она представляет значительный интерес не только для этнографии, но и для истории медицины и весьма актуальна.

На диссертацию Г. Г. Нурова было получено свыше двух десятков отзывов. В большинстве из них дается положительная оценка диссертации, рекомендуется присвоить диссертанту искомую степень и не имеется замечаний. Ряд отзывов, как, например, отзывы заведующего кафедрой философии Кыргызского гос. университета тов. Джунусова, заслуженного деятеля науки проф. Российского, профессора фармакологии А. Гаммерман, также содержит положительную оценку диссертации в целом, но вместе с тем и некоторые критические замечания. Проф. Российский отметил, что в работе недостаточно показаны те изменения, которым подверглась кыргызская народная медицина за длительное время ее существования. Автору следовало бы также более подробно остановиться на широко распространенном у кыргызов лечении травмами. Вместе с тем проф. Российский подчеркнул, что «работа т. Нурова, основанная не только на архивных и литературных материалах, но и на личном знакомстве с жизнью и бытом кыргызского народа, является наиболее полным до настоящего времени, оригинальным исследованием народной медицины кыргызов... Работа эта представляет собой ценное исследование... и с медицинской точки зрения может быть допущена к защите в качестве кандидатской диссертации». Отрицательный отзыв о диссертации принадлежит заместителю председателя Президиума Кыргызского филиала АН СССР т. Алтымышбаеву, который указал на ряд имеющихся в ней частных погрешностей. Выступивший в диспуте доктор историч. наук П. И. Кушнер подчеркнул, что с его точки зрения эти погрешности, подобные которым всегда можно найти у любого молодого автора, не могут считаться показателем недостаточной научной подготовки Г. Г. Нурова. Он выполнил ценную работу, которая заслуживает опубликования. Вместе с тем П. И. Кушнер отметил, что один из тезисов диссертации — о самобытности кыргызской народной медицины — остался недоказанным: подавляющее большинство описанных диссертантом приемов существует и у других народов Средней Азии. Диссертанту следовало бы, во-первых, озаглавить свою работу «Народная медицина у кыргызов», во-вторых, уделить большее внимание тем способам и приемам, врачевания, которые специфичны для кыргызов и не встречаются у других народов.

Ценность представленной работы подчеркнул и выступивший в прениях В. А. Юмин. Он выразил свое удовлетворение тем, что Институт этнографии поставил на обсуждение диссертацию на данную тему, которой медицинские институты не занимаются, хотя она и значится в их программах. Диссертант, будучи по специальности историком и защищая диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, естественно, не затронул ряда вопросов чисто медицинского характера, и этого нельзя ставить ему в вину. Диссертанту следует учесть замечания оппонентов при подготовке своей работы к печати, чего она бесспорно заслуживает.

Доктор биол. наук проф. Г. Ф. Дебец также дал положительную оценку диссертации Г. Г. Нурова. Диссертант показал, что он вполне владеет техникой сбора этнографического материала, умеет систематизировать его и изложить, как того требует диссертационная работа. Он сумел найти место собранным материалам и сделанным на основании их анализа выводам в общей системе наук и в данной науке, в частности. Можно спорить о методике систематизации материала — следовать ли классификации, принятой в научной медицине, или тем воззрениям, которые существовали в народе, но и то, и другое вполне приемлемо. Собранный диссертантом материал и сделанные выводы имеют значение для истории медицины в целом, для борьбы с вредными пережитками народной медицины, с одной стороны, и для использования ее положительных данных научной медициной, — с другой. Все это, заключил проф. Дебец, дает бесспорные основания присвоить диссертанту искомую степень.

Г. Г. Нурову присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбе

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЭТНОГРАФИЯ В 4—7 ТОМАХ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

В № 3 «Советской этнографии» за прошлый год мы рассмотрели этнографические статьи в трех первых томах Большой Советской Энциклопедии. Было отмечено, что, в отличие от статей первого издания, этнографические статьи в новом издании Энциклопедии в целом отвечают высоким требованиям, предъявляемым к советской науке, как в части их идейно-теоретической направленности, так и в части их полноты и справочной содержательности.

Сказанное с полным основанием можно отнести и к четырем новым томам, вышедшим за истекший год. Для того чтобы не повторяться в общей оценке этнографического раздела Энциклопедии, в настоящем обзоре мы выскажем только наши критические замечания, которые, быть может, помогут работникам Энциклопедии в подготовке последующих томов.

В числе недостатков этнографических статей в четырех рецензируемых томах следует в первую очередь отметить такие, которые в той или иной степени свойственны ряду статей и, следовательно, отражают существенные пробелы в работе редакции. Таким общим недостатком нам прежде всего представляется отсутствие в ряде случаев продуманных, точных и там, где это необходимо, единообразных дефиниций. У читателя, и не только читателя-этнографа, возникает, например, вопрос: почему баронга являются народностью, а баротсе — племенем, почему баконго — это народ, басуто — народность, а бирманцы — национальность? Таких примеров немало. Читателю неясно, какой «группой племен» — этнической ли, языковой ли, территориальной ли — являются бушмены или бонго, какую именно «группу народностей» представляют собой бихари и почему «часть тибетцев и родственных им народностей» получила название бхотиев. Не всегда достаточно точна и научна терминология статей. Можно только догадываться о том, что такое «большие объединенные семьи» бенгальцев или «патриархальные домашние общины» батаков. Совсем уже непонятно, почему в статье «Болгары» термин «большая семья» осторожно предваряется словами «так называемая».

Общим недостатком значительного числа статей является, на наш взгляд, невнимательность редакции к характеристике общественного строя описываемых народов. Во многих статьях («Бангала», «Бари», «Бушмены», «Бушонго», «Ведды» и др.) характеристика общественных отношений полностью отсутствует. Это особенно резко бросается в глаза в таких крупных статьях, как «Бушмены», где более половины текста посвящено чрезвычайно подробному и обстоятельному описанию искусства, а о социальном строе не сказано буквально ни слова. В некоторых других случаях общественные отношения характеризуются, но весьма неясно или даже противоречиво. Так, например, о басуто говорится, что они «сохранили свою организацию управления», предоставляя читателю догадываться, какова эта организация. О бирманцах сказано, что часть их «вынуждена работать на плантациях, нефтяных промыслах, в шахтах, принадлежащих гл. обр. иностранным капиталистам», причем остается совершенно неизвестным, каковы общественные отношения у остальной части бирманцев. Сообщение, что вай «эксплуатируются на каучуковых плантациях американских монополий», оставляет вопрос об общественных отношениях в значительной мере открытым, так как отсутствует указание на форму эксплуатации. В ряде статей о народах банту («Баконго», «Балуба», «Балунда») мы узнаем, что у этих народов существовали раннеабсолютистские государства; это обстоятельство отмечено и в статье «Банту», где в то же время несколькими строками

ниже сообщается, что в настоящее время у банту «первобытно-общинный строй уступает место капиталистическим отношениям».

Не во всех статьях уделено должное внимание вопросам, связанным с формированием наций, национальными взаимоотношениями, национально-освободительной борьбой. Ни слова, например, не сказано о формировании нации в такой статье, как «Бирманцы». В статьях о населении Венгрии и Боливии говорится лишь о былых национальных взаимоотношениях, а в статье о населении Венесуэлы этот вопрос опущен полностью. Вопросы национально-освободительного движения совершенно не затрагиваются в статьях «Бенгальцы», «Баконго», «Балунда», «Бангала» и ряде более мелких.

Из других общих для известного числа статей пробелов отметим отсутствие указаний, к какой языковой группе принадлежит язык описываемого народа. Читателю иногда не столько нужно знать, что ботлихцы говорят по-ботлихски, сколько то, к какой языковой группе относится ботлихский язык. Между тем именно это указание отсутствует в статьях «Бенгальцы», «Бирманцы», «Бишарины», «Ботлихцы», «Бушмены» и многих других. Справочная ценность ряда статей понижена и отсутствием указаний, к какому времени относится приводимая численность того или иного народа. Если в некоторых статьях («Батаки», «Бахтиары», «Бхилы») этот пробел может быть объяснен отсутствием официальной статистики, то в таких статьях, как «Болгары», он должен рассматриваться только как упущение редакции. В этой же связи можно упрекнуть редакцию в использовании устаревшими цифровыми данными. Так, в статье «Валлоны» численность приводится по переписи 1930 г. (св. 3 млн. чел.), между тем как, по данным 1940 г., численность валлонов 3,5 млн. чел. (см. статью «Бельгия», население).

Отдельные этнографические статьи четырех рецензируемых томов Энциклопедии имеют немало недостатков и недочетов, некоторые из которых представляются нам существенными. Первое в этом отношении место занимает статья «Брак». В печати уже отмечалось¹, что в дефиниции этой статьи имеется грубая ошибка: брак определен здесь как «союз между лицами мужского и женского пола, посредством которого регулируются отношения между полами и определяется положение ребенка в обществе» (разрядка наша.— А. П.). Последнее может быть понято как относящееся и к советскому обществу. Вызывает недоумение содержащееся в статье утверждение, что в форме покупки жены брак заключался только «у патриархальных народов Азии и Африки». Нельзя согласиться и с тем, что в современных мусульманских странах «господствует обычай выкупа за невесту — калым»: рост капиталистических отношений и обнищание народных масс сделали калым сравнительно редким в настоящее время явление. Наконец,— и это представляется нам весьма важным,— в статье «Брак» следовало подвергнуть критике не только вестермарковские взгляды об извечности моногамной семьи, но и столь же реакционные взгляды этнографов «католической школы», объявивших первоначальной и извечной семью патриархальной.

Опираясь на марксистско-ленинскую теорию,— говорится в постановлении Совета Министров Союза ССР,— Энциклопедия должна дать партийную критику современных реакционных буржуазных течений в различных областях науки и техники». Этому важнейшему требованию не могут, на наш взгляд, полностью удовлетворить не только статья «Брак», но и некоторые другие статьи рецензируемых томов. В статье «Веды» говорится: «Буржуазные ученые преувеличивают примитивность В., считая их остатками первобытных людей. Эти теории лишены научного значения и реакционны». Каков истинный общественный строй ведов, в статье не указано. При такой «критике» читателю остается совершенно неясным и то, что представляют собой ведды в действительности, и то, почему в данном случае взгляды буржуазных ученых реакционны. В статье «Вено», по непонятной причине подготовленной редакцией права без участия редакции этнографии, вообще не содержится критики взглядов буржуазных исследователей на природу покупного брака (Кроули, Каутский и др.), а предлагаемое здесь объяснение этого института весьма расплывчато и сомнительно. В древней Руси, говорится в статье, до принятия христианства, при многоженстве, родня не уступала невесты добровольно и даром. Отсюда возник обычай похищения невест, причем вражда между родами устранялась уплатой вена. Как известно, Энгельс связывает появление умыкания не с побочным явлением — многоженством, а с парным браком, когда «женщины стали редки, и их приходилось искать. Поэтому со времени возникновения парного брака начинается похищение и покупка женщин»². Покупка становится основной формой заключения брака в период господства патриархальной семьи.

Крайне важная и ответственная статья «Варварство» по существу дела ограничивается критикой концепции Моргана и постановкой проблемы периодизации первобытной истории. Четко сформулированной новой периодизации статья не содержит. Статьи «Брак», «Вено», «Варварство» показывают, что вопросам общей этнографии редакция уделяет недостаточно внимания. Это обстоятельство уже отмечалось при рассмотрении трех первых томов Энциклопедии. Приходится констатировать, что этот серьезный пробел пока еще не ликвидирован.

¹ См. письмо Г. Свердлова в редакцию журнала «Советское государство и право», 1952, № 2, и помещенную там же рецензию А. Иодковского «Большая Советская Энциклопедия, второе издание, тт. 1—7».

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1947, стр. 56.

В числе недостатков, присущих отдельным статьям рецензируемых томов, нельзя не отметить чрезмерную лаконичность, которая, переходя в схематизм, нередко портит многие, в целом превосходные статьи. Так, например, в статье «Венгры» характеристика нового быта сводится к весьма краткому указанию на то, что «в стране созданы все условия для успешного развития национальной культуры». В статье «Болгары» не менее кратко сообщается, что «коренные преобразования происходят в быту, культуре и обычаях народа». В статье «Бихари» читателю очень немного дает сообщение о том, что «Б. принимают активное участие в крестьянском движении, охватившем Бихар». В статье «Бенгалцы» читателю преподносятся такие прописные истины, как то, что рабочие «живут в нищете», а крестьяне — середняки и бедняки «одеваются очень бедно».

К серьезным промахам приводят иногда небрежность и неудачные формулировки, имеющиеся в некоторых статьях рецензируемых томов. Только небрежностью можно объяснить содержащееся в статье «Бирманцы» утверждение, будто бы «культура Б. развивалась под большим влиянием Индии и Китая, а позднее Англии» (разрядка наша. — А. П.).

В статье «Бай» попеременно говорится о «баях-кулаках» и «баях и кулаках», в результате чего читатель невольно начинается путаться в этом простом, казалось бы, вопросе. В статье «Белая раса» правильно обращается внимание на неприемлемость этого термина, а все же в статьях «Бакаири» и «Бороро» без кавычек фигурируют белые.

Всякого рода стилистические оплошности и опечатки в энциклопедии советской науки недопустимы. Вызывают поэтому досаду такие выражения, как «Бороро разделяются на западные и восточные», «Немногочисленная группа индейских племен Бразилии, составляющая особую языковую группу» («Бороро»); «Болгары имеют искусство» («Болгары»), «Пигмонидный тип» («Барунди») и другие. И, наконец, нельзя не отметить некоторую неполноту этнографического словника рецензируемых томов. Непонятно, по каким причинам выпала статья «Бразильцы» (статья «Аргентинцы», например, имеется), почему термин «Билатеральность» объяснен в Энциклопедии только как термин биологический, почему статьи «Верблюдоводство» и «Верховая езда» не имеют этнографической части, сделавшей бы их несравненно содержательнее и интереснее.

Подобные пробелы и недостатки должны быть полностью изжиты при работе над последующими томами Энциклопедии. Думается, что единственно верный путь к этому — рецензирование статей возможно более значительным кругом этнографов-специалистов с постановкой во всех нужных случаях широких обсуждений и дискуссий.

А. Першиц

ЗАРУБЕЖНАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ОБ АМЕРИКАНЦАХ

В последнее время американские этнографы обнаруживают самый живой интерес к изучению «белого» населения США, национального вопроса в Америке, этнической истории отдельных иммигрантских групп. Этот интерес не случаен. Обострение классовых противоречий в США, борьба негров за освобождение от расовой дискриминации, усиливающееся движение за демократизацию Америки, за мир, возглавляемые американским пролетариатом, вызывают все большее беспокойство правящих кругов США. Им на помощь приходит буржуазная интеллигенция, за бедные гонорары подрядившаяся защищать гибнущий строй, затушевывать его язвы. Социальный заказ такого рода выполняет и часть американских этнографов. Но для этого им недостаточно одной этнографии: привлекаются не только исторические данные, но социология и даже психиатрия. И если исторические материалы используются для подтасовывания фактов, то социология и психиатрия служат для извращения самой сущности этнографического исследования. Подобного рода методами «исследования» пользуются сторонники так называемого «психорасизма» в американской этнографии. Это направление резко отличается от предшествовавшей ему школы Боаса склонностью к теоретическим обобщениям, причем обобщениям самого сомнительного характера. Смысл этих обобщений заключается в прославлении американского образа жизни. Психорасисты выводят некие «модели культуры», из числа которых англосаксонская, американская культура объявляется наиболее совершенной. Прославление англо-саксонской культуры связано с отрицанием классов и классовых противоречий в США. Делаются попытки идеологически оправдать расовую дискриминацию, якобы биологически обусловленную. Можно назвать десятки книг этого рода. Для примера возьмем наиболее типичные из них: книгу Виттке «Мы, кто строил Америку. Сага

об иммигрантах»¹, посвященную истории отдельных этнических групп США; книгу Бенианса «Раса и нация в Соединенных Штатах»², о национальном вопросе в США, и книгу четырех авторов — Кардинера, Линтона, Коры дю Буа и Джемса Веста «Психологические границы общества»³, написанную в духе психорасизма.

I

Книга Виттке содержит несколько разделов: Введение.— Старая иммиграция.— Культурный багаж иммигрантов.— Новая иммиграция.

Автор сам иммигрант второго поколения, т. е. отец его родился не в США. В введении Виттке растроганно сообщает о том, что отец его, прибывший в Америку в 1889 г., благодаря своим высоким качествам, мастерству, терпению, глубокому уважению к основным идеалам американской жизни, добился успеха.

По теме и построению книга не представляет ничего нового. Такого рода сводок сведений о различных группах иммигрантов в американской этнографической литературе довольно много. Нет ничего нового и в трактовке национального вопроса. Автор принадлежит к той группе американских буржуазных ученых, которые посвятили себя разработке космополитической теории «американского тигля».

Главное место в введении Виттке отводит описанию тех мучений, которые переживали иммигранты по пути в Америку, где они, наконец, обретали покой, работу, землю, свободу. В гораздо более спокойных тонах повествует автор о системе контрактации иммигрантов, представляющей собой на деле видоизмененную форму рабства: о продаже «белых рабов» — ремесленников, женщин и детей. Во всем этом он видит зло только потому, что в Америку по контрактам прибывали «нежелательные» иммигранты. Известно, что английские власти продавали контрактникам заключенных из английских тюрем, что французские власти продавали осужденных в рабство на плантации в Луизиане. Сам Виттке приводит данные о том, что дети попавших в рабство, должны были работать до 21 года (стр. 12). «Белых» рабов можно было продавать, разлучать с семьей, т. е. их положение не отличалось от положения негров, если не было еще хуже.

Наиболее важный фактический материал собран в главах о разных группах иммигрантов. В американских книгах подобной тематики эти главы написаны у разных авторов почти совершенно одинаково. Все они повторяют друг друга. Может быть, в этом случае Виттке производит впечатление наиболее объективного и беспристрастного писателя. Однако это только камуфляж.

Он не останавливается перед тем, чтобы описать страшное положение мексиканских иммигрантов — сезонных рабочих или сообщить о законах, ограничивающих права китайцев. Но делается это все в очень спокойных тонах и так, как будто это все мелкие, случайные, временные неприятности, которые приходится терпеть иммигрантам, но не всем и не всегда. Тут же после описания неприглядной жизни бедноты иностранного происхождения Виттке непосредственно приводит данные о «деловых людях», писателях, артистах, ученых того же национального происхождения. Это особый прием, цель которого внушить читателю, что в Америке можно добиться «американского стандарта жизни», стоит только как следует захотеть. Таким избитым приемом пользуются не только Виттке, но и Роусек⁴, Адамич⁵ и многие другие.

Раздел о вкладе отдельных национальных групп в культуру Америки, как две капли воды, похож на подобные разделы у других авторов. У Виттке он носит претенциозное название «Культурный багаж иммигрантов». Перечисляя имена художников, скульпторов, музыкантов, писателей, ученых, представляющих разные национальности в США, автор не дает действительной картины вклада разных этнических групп, осевших в Америке, в культуру американцев. Он не показывает, как в новых условиях создавалась американская культура, в основу которой легли разнообразные этнические формы. Эта глава превращена им в простой перечень французских, немецких, голландских и других фамилий. Характерно, что, наряду с именами деятелей науки и культуры, Виттке и здесь дает имена «деловых» людей — капиталистов, глав различных акционерных обществ, которые, оказывается, также внесли свой вклад в американскую культуру.

Третий раздел книги посвящен новой иммиграции. Симптоматично такое распределение материала: старая иммиграция, вклад иммигрантов в американскую культуру и новая иммиграция! Самим планом подчеркивается, что старая иммиграция качественно отличается от новой — из стран Южной и Восточной Европы и из Мексики. Особое внимание привлекает глава о русских иммигрантах, написанная с таким злобным недоброжелательством, что это поражает даже в такого рода книге. Единственно, для кого Виттке находит слова похвалы, — это белоэмигранты, которых автор называет «интеллектуальными русскими».

¹ C. Wittke, *We who built America. The saga of the Immigrants*. New York, 1949.

² E. Benians, *Race and nation in the United States*, Cambridge, 1946.

³ A. Kardiner, R. Linton, Cora du Bois, James West, *The psychological frontiers of society*, Columbia University press, 1945—1946.

⁴ Brown and Roucek, *One America*, New York, 1945.

⁵ L. Adamič, *A. nation of nations*, New York — London, 1945.

Характерен также для позиций автора тон описания итальянцев. Здесь представлены все предрассудки, когда-либо имевшие место в среде американских обывателей от науки. В этой книге, претендующей на научность, с первой же строчки главы об итальянцах сообщается обидная кличка итальянских иммигрантов. Затем повторяются заурядные для обывательских представлений сведения о том, что якобы итальянские иммигранты первого поколения живут в постоянной грязи, что нечистоплотность их неотъемлемое, врожденное свойство. Виттке ссылается в подтверждение своей клеветы на данные некоей «высокой» комиссии, проводившей издевательские тесты для выяснения хороших и дурных наклонностей (United States Intelligence Tests) и давшей итальянцам самую низкую оценку. Красочно расписывая ужасные условия жизни итальянских иммигрантов в Америке, гангстерство, продажу детей в рабство, террор тайных организаций, Виттке ни слова не говорит о причинах бедственного положения иммигрантов, о национальной дискриминации, о системе неравной зарплаты и пр. Он пишет, правда, об эксплуатации иммигрантской бедноты, но только итальянскими контракторами.

В последней главе книги, названной автором «Ворота закрываются», сообщается история законодательства, органичивающего иммиграцию, и шовинистических движений против иммигрантов. Виттке пишет, что до конца первой мировой войны доступ в Америку был открыт для всех. «С колониального периода до окончания мировой войны ворота США практически были открыты для каждого иммигранта, желавшего переселиться из Европы в Америку. В целом американский народ оказывал благоприятное гостеприимство вновь прибывшим и гордился традицией, которая сделала Соединенные Штаты убежищем для людей, бежавших от трудностей и преследований, которые существовали в других странах» (стр. 472).

Действительно, в те времена не существовало ограничительных законов по отношению к европейцам. Однако и тогда, — и Виттке это обходит молчанием, — были законы, запрещающие или органичивавшие иммиграцию японцев и китайцев. В 1882 г. конгресс приостановил иммиграцию китайцев на 10 лет, затем запрещение иммиграции китайцев было продлено. На незаконном ввозе бесправных китайских кули и женщин наживались контракторы-китайцы и местные власти Калифорнии. Кампания против китайцев, мексиканцев и чилийцев, поднятая в середине XIX в., позволила обложить дополнительным налогом занятых на шахтах Калифорнии «чужеземцев». В 1907 г. правительства США и Японии заключили так называемое «джентльменское соглашение», по которому временно запрещалась иммиграция японцев, отправлявшихся в США на заработки. Штаты Калифорния, Невада, Орегон, Монтана в интересах крупных землевладельцев, стремившихся избавиться от лишних конкурентов, в законодательном порядке запретили японцам владеть землей.

После Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в России американская буржуазия попыталась «закрыть ворота» для пролетариата, особенно из стран Восточной и Южной Европы, отгородиться от революционного движения, предоставив в то же время широкие возможности для иммиграции контрреволюционных элементов. Закон 1924 г., известный под названием «Quota Act», фактически исключал эмиграцию из стран Азии и ограничивал ежегодную эмиграцию из европейских стран по принципу допущения в США определенного процента переселенцев по отношению к численности каждой национальности, проживавшей в США согласно переписи 1910 г. Позже за основу стали брать перепись 1890 г. Однако, независимо от запретительных законов, иммиграция в США падает с каждым годом, далеко не достигая того минимума, который предусмотрен актом 1924 г. Так, в 1931—1935 гг., согласно акту, в США разрешалось въехать 153 774 иммигрантам, фактически же за эти годы в США прибыла всего 21 тыс. человек.

Американские статистики объясняют уменьшение иммиграции в США чисто внешними причинами (трудностями выезда из нацистской Германии и оккупированных Гитлером стран, ограничительным законом 1924 г. и т. д.). На самом деле причина резкого сокращения иммиграции в США в том, что США давно перестали быть «обетованной землей для эмигрирующих рабочих»⁶. Самые жестокие кризисы разыгрываются именно в США, уровень жизни трудящихся понижается с каждым годом, безработица фактически никогда не прекращается, достигая ужасающих размеров в годы кризисов и депрессий.

Большое место в книге занимает история националистических организаций. В частности, Виттке пишет о Ку-клукс-клане. И здесь лицо нашего «объективного» автора выявляется окончательно.

Известно, что эта, с позволения сказать, организация возникла в США в «годы реконструкции» для подавления освобождающегося от гнета рабства негритянского народа. В 1915 г. Ку-клукс-клан был возрожден для террора против негритянского освободительного движения, против прогрессивных организаций США. При явном попустительстве властей ку-клукс-клановцы убивают из-за угла, жгут беззащитных людей, устраивают самосуды — суды Линча. В одном только 1947 г. зарегистрирован 31 случай суда Линча. Почти ежедневно в каком-нибудь из городов или местечек Юга находят зверски убитых негров. В апреле 1951 г. линчеван Мелвин Вомак, рабочий цитрусовой плантации (Винтер Гарден, Флорида), пользовавшийся большим авторитетом.

⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 777.

тетом среди рабочих⁷. В Роки Маунт (Северная Каролина) 7 февраля 1951 г. были обнаружены группы негров: двое — Джон Мелвил и Вильям Батл найдены обгорелыми, двое других — Джон Бечелор и Том Батл убиты у себя дома⁸. Список этот можно продолжать до бесконечности. Вся прогрессивная Америка возмущается наглым террором фашистов, полицейских, американских судов, пишет петиции президенту, в Организацию Объединенных Наций, организует демонстрации протеста.

А вот Виттке не находит слов осуждения для оголтелых линчевателей из Ку-клукс-клана. Фашистскую сущность Ку-клукс-клана автор прячет за шелуху якобы объективного перечисления пунктов его программы, пытаясь заверить читателей, что организация эта больше не существует.

II

Небольшая книга Бенианса «Раса и нация в Соединенных Штатах» — это несколько расширенная для издания лекция, прочитанная студентам Бедфордского колледжа Кэмбриджского университета. Бенианс — англичанин. Но книга его проникнута духом «американизма». В ней на 48 страницах изложены все основные «доктрины», которые пропагандируются как в самой Америке, так и в ее «49-м штате» — Англии. Этот, с позволения сказать, англичанин, продавший американским экспансионистам, взял на себя неблагоприятную задачу обелить «американский образ жизни». Его книга могла бы быть с полным правом названа в духе американской рекламы не «Раса и нация в США», а «Что должен знать каждый средний англичанин о расе и нации в США».

Действуя в угоду американским агрессорам, Бенианс старательно обходит все, что может бросить тень на американскую «демократию», вскрыть ее подлинное лицо. Избегая упоминать о кровавом прошлом английских и позднее американских колонизаторов, истребивших десятки индейских племен, Бенианс ограничивается мало-значущими фразами, вроде такой, например: «В Джорджии жили индейцы. В основном индейцы отступили перед белым человеком, и смещение было невелико» (стр. 15). История «отступления перед белым человеком» индейцев Джорджии служит одним из ярких примеров «национальной политики» правительства США, самыми мошенническими методами согнавшего местные индейские племена с исконных земель, разрушившего экономические и общественные основы этих племен и превратившего индейцев в нищих, живущих на жалкое пособие.

В книге Бенианса нет даже тех попыток быть объективным, которые мы видели у Виттке. Он прямо пишет, что законы, ограничивающие иммиграцию, были вызваны страхом перед чувствстранными, имеющими убеждения, отличные от «американского образа мыслей». Он с сочувствием цитирует некоего губернатора Морриса, заявившего, что «люди, которые могли потрясать устои своей собственной страны, не могут любить никакую страну вообще, они не смогут подчиняться никаким законам, так как не знают, что такое правосудие вообще» (стр. 16). Речь идет о политической иммиграции: «потрясатели основ» американской буржуазии, конечно, были ненавистны.

Говоря о переселенцах из Европы в Америку, где их якобы ждал земной рай, Бенианс ссылается на авторитет Диккенса — одного из самых популярных в Англии писателей. Ссылка довольно рискованная, так как Диккенс очень остро подметил и высмеял ханжество буржуазного американского общества, коррупцию в правительственных кругах, продажность американских газет и политических деятелей, спекуляцию земельными участками. Его «Американские заметки» и роман «Жизнь и приключения Мартина Чеззлвита» были встречены в Америке в штыки. Диккенса обвиняли в клевете и неблагодарности, американская желтая пресса обливала его грязью долгое время после выхода двух этих книг.

Особенно старается Бенианс очернить негров США. Характеризуя период реконструкции (1865—1867 гг.), он клеветает на негров и на демократически настроенных деятелей — противников рабства, повторяя избитую ложь о «правительстве сакважников» (стр. 31). Лишение негров завоеванных ими политических свобод в результате сговора буржуазии Севера с плантаторами бывшего рабовладельческого Юга, все меры, принятые реакционными кругами, кажутся Бениансу, судя по тону изложения, вполне разумными. Его отношение к неграм ясно выражено высокомерной, пропитанной духом расизма фразой: «Поднятие негра до стандарта американской демократии и предоставление ему возможности равного участия в ее осуществлении — это процесс, который не исчерпывается одной проблемой. Последующие поколения найдут разрешение трудностей, имеющихся в настоящее время во всех областях» (стр. 32). Обещая более удачливым потомкам угнетенного негритянского народа Америки «разрешение трудностей» в неопределенном будущем, Бенианс добавляет, что подобные «расовые вопросы существуют в других странах и не похоже на то, что в наше время они исчезают». Другими словами, Бенианс считает, что расовая и национальная рознь неизбежны.

Обращаясь к вопросу о так называемой «новой» иммиграции, Бенианс лаконично констатирует факт, что иммигранты из стран Южной и Восточной Европы занимаются

⁷ «Daily Worker» от 5 апреля 1951 г.

⁸ «Daily Worker» от 8 февраля 1951 г.

в Америке наиболее низкооплачиваемым трудом. «Предприниматель радушно принимает поток низкооплачиваемых рабочих рук», — пишет Бенианс, — которому, более чем кому бы то ни было, должно быть известно, что иммиграция всегда использовалась капиталистами для снижения заработной платы и что предприниматели обычно при снижении заработной платы ссылаются на «дешевый» труд иммигрантов, разжигая национальную рознь между трудящимися Америки.

Наконец, Бенианс подходит к основной и заключительной части своей книги — роли «расового» и национального факторов в американской истории. Подменяя понятие нации расой, Бенианс пишет: «В Соединенных Штатах не было расового секционализма — не было концентрации какого-либо народа в особом ареале, как франко-канадцев в Квебеке. Ни один из американских штатов не имеет национальной основы...» (стр. 45). Автор сбрасывает, таким образом, со счетов негров, мексиканцев, индейцев, компактно населяющих определенные области страны. Умолчание о них может свидетельствовать только о недобросовестности автора. В первую очередь речь идет о неграх, а затем об индейцах и мексиканцах. Бенианс утверждает, что в США нет штатов, созданных на национальной основе, т. е., иными словами, ни один из штатов не был создан какой-нибудь национальной группой. Однако он умалчивает о том, что в силу исторической судьбы негры Америки оказались сконцентрированными в так называемом «черном поясе» — в южных штатах. В штатах Миссисипи, Алабама, Южная Каролина, отчасти Джорджия негры составляют половину всего населения, а в некоторых графствах этих штатов и большинство. Общность судьбы, языка и территории, экономическая общность и общность культуры являются условиями для консолидации негров в нацию.

В новой Мексике живут сотни тысяч испаноязычных мексиканцев, которые по культуре, и по другим признакам отличаются от окружающего англоязычного населения. Как и негры, они подвергаются дискриминации, и режим угнетения способствует укреплению в них чувства национальной обособленности. Тем более это нужно сказать о 400 тысячах индейцев, поселенных в резервациях. В целом, если все они и не представляют языкового и культурного единства, то имеются отдельные группы индейцев, которые определенно формируются в народности. К таким прежде всего относятся навахи. Шестьдесят тысяч навахов живут на довольно большой территории компактно, изолированно от американцев. Они сохранили старую культуру, язык; их национальное самосознание очень высоко. Бенианс не к чему было говорить об этих фактах. Этому английскому адвокату американского капитала необходимо было показать американскую нацию монолитной, лишенной национальных и классовых противоречий. Недаром он заканчивает книгу подобострастными словами: «Американский эксперимент продлан с замечательным успехом, которому нигде нет равного».

III

Авторы третьей рассматриваемой нами книги — представители так называемого психорасизма в этнографии⁹. По утверждению редакции, авторы взяли на себя труд описать различные «образцы культуры» — индейцев шононов, жителей острова Алор и американцев вымышленного города в сельской местности среднего Запада США. Вся книга производит впечатление какого-то трюка: трюком является противопоставление остальных алорцев или индейцев шононов, развитие культуры которых искусственно тормозится правительством США, жителям вымышленного американского города — Плайнвилля. Характерно, что автор раздела о Плайнвиле, призванный показать все преимущества «американского образа жизни» перед жизнью и культурой угнетаемых американским империализмом алорцев и шононов, пожелал остаться неизвестным и скрыть свое имя под многозначительным псевдонимом Джемса Веста (West — запад).

На 260 страницах Вест касается самых разнообразных сторон жизни Плайнвилля (заселение, естественные ресурсы, средства сообщения, занятия, жилище, одежда, общественная структура и многое другое). Материал излагается нарочито хаотично, однако все время чувствуется стремление автора затуманить классовые противоречия в американском обществе, скрыть за шелухой псевдонаучных сальностей об адюльтере, влиянии преждевременного полового созревания на общественную жизнь индивида и пр. настоящее положение трудящейся Америки.

Автор отличается откровенной недобросовестностью и цинизмом. Чего стоят, например, его рассуждения о том, будто многие фермеры, которые до сих пор пользуются сельскохозяйственными орудиями XIX в., только потому бедны, что относятся недоброжелательно к попытке правительства привить рациональные методы обработки земли. В общем, несмотря на все старания Веста правдами и неправдами прикрасить действительность, Плайнвиль являет довольно безотрадную картину. Оказывается, в этом типичном городке США — самой развитой из капиталистических стран — только 2/3 домов имеют электрическое освещение, остальные дома, как и большинство ферм, освещаются керосиновыми лампами. Культурным центром горда является местный салун (кафе), хозяин которого распространяет детективные романы. В городе безра-

⁹ См. статью Н. А. Бутинова «Психорасизм в американской этнографии». Сб. статей «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Ин-та этнографии Академии Наук СССР. Новая серия, т. XII, М., 1951.

ботица. Получить работу могут только юноши, чьи родители ведут торговлю или имеют какое-либо предприятие. Вест вскользь замечает, что часть плайнвилцев становится «мигрантами», т. е. наиболее необеспеченными, бесправными из трудящихся США. Мигранты — это бродячие безработные. Они за любую плату нанимаются на сезонные сельские работы. Живут на окраинах городов во временных поселках, получивших меткое прозвище «губервилли» по имени Гувера, на годы президентства которого падает разгар безработицы в США.

Впервые в американской литературе появляется этнографическое описание современного американского города и ферментства. Но с первых строк этого этнографического очерка совершенно ясно, что это описание с начала до конца лицемерная ложь, ничего общего не имеющая с этнографией. Автор не гонится за правдой, ему важно спрятать выпирающие из всех углов классовые противоречия. Для этого он прибегает зачастую к наивному тону и сообщает, например, что новые дома строятся по последнему слову техники, комфортабельны, не в пример старым, маленьким домишкам. Однако, кто в состоянии строить себе эти новые комфортабельные дома. Вест не пишет. Тот же жалкий трюк в разделе об одежде. Вест подчеркивает стандартизацию американского костюма при некотором сохранении специфики одежды жителей среднего Запада (соломенные и фетровые шляпы с загнутыми полями, рубашки «кобойки» и др.), а далее пишет, что «обычно» мужчины нижнего белья не носят. Совершенно очевидно, речь идет о бедняках, которые не могут приобрести белье, а не о каком-то обычае.

Лжет также автор, когда заявляет, что фермер производит у себя на ферме все необходимые продукты. Вест умышленно игнорирует всем известное обстоятельство, что американские фермеры находятся в полной зависимости от монополий, которые вынуждают их разводить монокультуры. При такой системе ведения сельского хозяйства фермер, который является производителем определенного продукта, вынужден все необходимое приобретать на рынке, так как собственные продукты для него недоступная роскошь.

Особое внимание уделяет Вест характеристике общественной структуры Плайнвиля. Прежде всего он переносит классовые отношения в область психологии. Характеризуя «социальную структуру» Плайнвиля, он говорит об отношении индивида к обществу, рисуя картину общего взаимного недоверия.

Более всего обнаруживает автор свои позиции в разделе о классах. Он утверждает, что население Плайнвиля относится отрицательно к классовым различиям, считая, что все люди должны быть равны. Ссылаясь на заявления каких-то вымышленных плайнвилцев, будто Плайнвиль «единственное место, где все равны», Вест утверждает: «Вы не найдете здесь классов». Автор хочет показать, что Плайнвиль — образцовый слепок с американского общества. На примере сфабрикованного им самим же «среднего» американского города Вест пытается утверждать, что в Америке нет классов и классовых противоречий. Не располагая никакими разумными средствами для подтверждения этого, Вест, по примеру других псевдоученых защитников «американской культуры», прибегает к схемам. Он чертит ромб, который должен отражать социальную структуру плайнвилского общества. Ромб поделен на два треугольника. В верхний треугольник Вест помещает 1) «верхний слой» (?), 2) «хороших, уважаемых людей», 3) «прекрасных рафинированных людей», к которым относятся также «люди более высокого класса», «средний класс», «люди, у которых всегда все в порядке». В нижнем треугольнике резкой чертой отделены «хорошие, религиозные люди» низшего класса от нерелигиозных людей, «которые живут, как звери» (стр. 204).

На основании приведенных о Плайнвиле данных Вест берется дать характеристику «психологического типа» западного человека, который, по замыслу редакции книги, должен выгодно отличаться от «основного» или «психологического типа» индейцев шошонов или алорцев.

Выводы Веста, построенные по всем правилам бредовой психорасистской теории, вкратце таковы: человеческое общество, в данном случае американское, состоит из нескольких типов — «основных личностей». «Основная личность» определяется не классовой принадлежностью, а комплексом психологических черт. Эти психологические черты вырабатываются еще в детстве, когда на ребенка воздействуют родители и школа.

«Основные личности», вступая в жизнь, могут конфликтовать с обществом. Этим конфликтом «основной личности» с обществом автор объясняет «социальные волнения». Психически слабые субъекты могут компенсировать свою слабость разрушительными действиями. В то же время «современный человек, мужественный и энергичный, может сочетать классовые или общественные интересы с защитой собственных интересов, например, в картелях и союзах» (стр. 376).

Автор пытается доказать, что имеются слабые психически «основные личности», склонные к разрушительной деятельности, под которыми надо понимать всех тех, кто выступает против порядков американского капиталистического общества. И есть сильные, мужественные «основные личности», склонные к организации и порядку. Так как под организациями подразумеваются в первую очередь картели, имеющиеся в виду представители промышленно-финансовой клики Америки. Классов в США нет, принадлежность к ним не определяет поступки и настроения людей, все дело, оказывается, в том, к какому типу «основной личности» принадлежит человек. Психический склад определяется не принадлежностью к тому или иному классу, а, во-первых, биологическими причинами (трудностями роста, половым созреванием и др.) и, во-

вторых, психическим воздействием родителей и школьным воспитанием. Следовательно, психический склад, т. е. принадлежность к «основной личности», предопределены уже с первых шагов жизни человека.

Из этой теории, между прочим, легко сделать вывод о необходимости стерилизации психически неполноценных «основных личностей». Одновременно она служит оправданием преступности и воспитания головорезов для домашних целей и на вывоз — в страны Европы и Азии.

Идея книги целиком порочна и поразительно напоминает фашистский бред Геббельса и Розенберга. Только там речь шла о превосходстве арийской расовой души, здесь — о превосходстве американской «основной личности»; там был призыв к завоеванию мира во имя торжества немецкой культуры, здесь — пропаганда распространения над всем миром культуры американской.

И. Золотаревская

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Происхождение человека и древнее расселение человечества. Под редакцией М. Г. Левина (ответственный редактор), Г. Ф. Дебеца и Я. Я. Рогинского. Труды Института этнографии Академии Наук СССР. Новая серия, т. XVI, М., 1951.

Последние годы ознаменовались для советских исследователей, занимающихся проблемами происхождения человека, расселения древнейшего человечества и истории начальных этапов развития первобытно-общинного строя, оживленными творческими дискуссиями и серьезными научными успехами. Эти успехи были в первую очередь предопределены выходом в свет гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Рецензируемый сборник, объединивший ряд видных антропологов, археологов и этнографов, подводит некоторые итоги и этим спорам, и достижениям. Достоинством сборника является его познавательная ценность. В нем изложен, обобщен и проанализирован большой антропологический и археологический материал, ставший известным главным образом за последнее десятилетие. Вследствие этого сборник в известной степени приобретает значение справочника и восполняет вышедший из печати более десяти лет назад университетский учебник антропологии¹. Наряду с изложением большого нового конкретного материала в рецензируемой книге ставится и разрешается ряд важных исторических и теоретических проблем. Она заострена против буржуазной расистской антропологической и археологической «науки», в первую очередь против англо-американского расизма. Статьи пронизаны боевым наступательным духом; их авторы, в совершенстве владея фактическим материалом, разоблачают на этом материале растленную буржуазную расистскую науку. В частности, в статьях, в свете решений состоявшейся в августе 1948 г. сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, разоблачаются идеалистические построения кейсманистов-морганистов.

Этими особенностями сборника определяется его большая научная ценность.

Рецензируемая книга состоит из двух больших разделов; первый посвящен происхождению человека и человеческих рас; статьи, его образующие, носят характер достаточно обширных монографических исследований по отдельным проблемам антропогенеза и истории древнейшего человечества. Второй раздел, посвященный древнему расселению человечества, значительно отличается от первого раздела; статьи здесь представляют собой сжатые литературные обзоры; они содержат характеристику материалов, накопленных наукой по той или иной проблеме, и освещают состояние разработки данной проблемы в советской науке.

Сборник открывается статьей В. П. Якимова «Ранние стадии антропогенеза». В качестве своего отправного положения В. П. Якимов совершенно справедливо кладет указания В. И. Ленина о трех основных этапах развития древнейшего человечества: 1) стадо обезьян, берущих палки; 2) первобытные люди — первобытное стадо; 3) люди кланового (родового) общества². Необходимо констатировать, что это ленинское положение получило далеко не достаточное отражение в советской литературе, посвященной истории первобытного общества. Антропологическими памятниками существования стада обезьян, берущих палки, являются, по В. П. Якимову, костные остатки южноафриканских австралопитеков. С эпохой же существования первобытного стада В. П. Якимов, в согласии с большинством советских исследователей, синхронизирует остатки питекантропов, синантропов и неандертальцев.

Наиболее содержательным, удачным и интересным является раздел статьи В. П. Якимова, посвященный описанию и критическому анализу костных остатков австралопитеков, включая сюда плезиантропов и парантропов. Здесь сведены и детально изложены все материалы, относящиеся к проблеме австралопитеков, включая и находки, сделанные в 1950 г. Как известно, вопрос об австралопитеках является

¹ В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский, Антропология, М., 1941.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 361.

одним из важнейших составных разделов всей проблемы происхождения человека. Положение о том, что австралопитеки уже начинали переходить к прямой походке и что их передние конечности были освобождены от опорной функции, пользуется достаточно широкой известностью. Меньшей известностью пользуются опубликованные в 1949 г. и детально характеризуемые В. П. Якимовым интереснейшие материалы о том, что австралопитеки были хищниками, нападавшими не только на небольших, но и на сравнительно крупных животных (павианы, может быть, и крупные копытные). Вместе с костями австралопитеков найдены пробитые какими-то тупыми предметами черепа павианов. Строение зубов австралопитеков также подтверждает их приспособленность к питанию животной, а не только растительной пищей (стр. 22). Как справедливо отмечает В. П. Якимов, приведенные материалы, повидимому, окончательно решают весьма спорный вопрос о типе хозяйственной деятельности древнейших людей. Правы оказались сторонники теории преимущественно охотничьего хозяйства древнейших людей, связывавшие возникновение охоты с предчеловеческой стадией антропогенеза и приписывавшие ей ведущую роль в хозяйственной деятельности ранних гоминид. Можно предположительно говорить о том, что вегетарианство было отброшено еще на дочеловеческой стадии антропогенеза антропидными предками гоминид (стр. 23).

Характеризуя близость австралопитеков к древнейшим людям, В. П. Якимов в то же время указывает, что многочисленные возражения морфологического, зоогеографического, геологического и общепалеонтологического порядка не позволяют признать в австралопитеках прямых предков человека. Они представляли реликтовые формы, впоследствии либо вымершие в связи с какими-то изменениями природных условий, либо истребленные заселившими эту область древнейшими людьми. Находки остатков австралопитеков — памятник одной из тысячелетних попыток очеловечения (стр. 33).

Описание костных остатков южноазиатских ископаемых человекоподобных обезьян В. П. Якимов связывает с резкой и обоснованной критикой идеалистической концепции Вейденрейха об определяющей роли неведомых и непознаваемых внутренних причин, которые приводят эволюционное развитие к определенной цели. Концепция Вейденрейха В. П. Якимов противопоставляет положение мичуринского учения о том, что организмы и необходимые для его жизни условия представляют единство. В. П. Якимов показывает полную научную необоснованность утверждений Вейденрейха о гигантской стадии в антропогенезе, утверждений, воскрешающих легенды о великанах — предках человека (стр. 39—42).

В разделе своей статьи, посвященном питекантропам, синантропам и неандертальцам, В. П. Якимов продолжает развивать уже высказывавшийся им и встретивший возражения со стороны ряда исследователей³ взгляд о том, что европейские неандертальцы не явились предками позднепалеолитических людей современного физического типа. Как известно, концепция В. П. Якимова противоречит установленная Г. Ф. Дебецом и М. А. Гремячим близость черепа неандертальца из Тешик-Таша черепам европейских неандертальцев типа Шапелль. Не вступая в полемику с Дебецом и Гремячим, В. П. Якимов высказывает в то же время предположение о близости тешик-ташского неандертальца либо к эрингсдорфскому варианту европейских неандертальцев, либо к неандертальцу из пещеры горы Кармел (стр. 78). Однако В. П. Якимов не дает обстоятельного обоснования своего предположения, равно как и не опровергает аргументов Дебеца и Гремячего. Это делает его предположение весьма сомнительным. Очень спорной является и вся концепция В. П. Якимова о вымирании европейских неандертальцев и о приходе в Европу людей современного физического типа из Малой и Передней Азии.

Единственная, специально археологическая статья сборника «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода» принадлежит перу С. Н. Замятнина — одного из крупнейших советских исследователей палеолита. В отличие от авторов ряда других обобщающих работ по палеолиту, основанных по преимуществу на европейском материале, С. Н. Замятнин в своем исследовании в равной степени широко привлекает материалы по памятникам Европы, Азии и Африки, т. е. всех заселенных палеолитическими людьми территорий. В статье С. Н. Замятнина содержатся ценные материалы о приоритете русской археологической науки. Как устанавливает С. Н. Замятнин (стр. 90), своеобразие культуры палеолитического периода средиземноморских стран было констатировано и обосновано первым исследователем палеолита Крыма К. С. Мережковским в 1881 г., т. е. за тридцать лет до Брейля. Мережковский же, основываясь на результатах своих исследований в Крыму, впервые выделил промежуточные между палеолитом и неолитом археологические памятники с микролитами. Эти выводы Мережковского были спустя 10 лет повторены без указания на источник их заимствования, т. е. попросту присвоены, Адрианом Мортилье.

Для статьи С. Н. Замятнина характерна большая тщательность анализа широкого по охвату археологического материала и в то же время большая осторожность выводов. Тщательный критический анализ позволил С. Н. Замятнину показать полную научную необоснованность расистских построений зарубежных буржуазных археологов Брейля, Мовиуса, Байера, Бланка, Обермайера и других. С. Н. Замятнин допускает имевшие место в палеолите переселения отдельных групп человечества, не

³ См. «Краткие сообщения Института этнографии», вып. IX, 1950.

говоря уж о расселении на ранее не обитаемых землях. Но он остроумно и зло высмеивает домыслы буржуазных расистов о походах палеолитических людей из Прибайкалья в Египет, с верховьев Дона в Италию (стр. 140—144). С полным основанием С. Н. Замятнин утверждает, что имеющий по существу расистское содержание термин «пре-мустье» должен быть изгнан из научной литературы.

Рассматривая развитие древнейшей человеческой культуры на протяжении эпохи палеолита, С. Н. Замятнин приходит к выводу, что никаких изначально данных различий в культуре первобытного человечества не существовало. В нижнем палеолите (включая сюда и мустьерскую эпоху) техническая вооруженность первобытного человека была столь слаба, что какой-либо возможностью видоизменять формы своей культуры в зависимости от природной обстановки он совершенно не обладал. Все попытки отыскать локальное своеобразие в нижнем палеолите неизменно базируются на сугубо формальном описании материала. Только в верхнем палеолите слагаются три крупные культурные области, своеобразие которых связано с длительной географической обособленностью отдельных частей человечества. С. Н. Замятнин предлагает для этих трех областей следующие наименования, которые, надо думать, закрепятся в научной литературе: африканско-средиземноморская, европейская приледниковая и китайско-сибирская. В пределах трех областей в свою очередь можно наметить более дробные подразделения. Но если эти области различаются между собой формами материальной культуры, то формы хозяйства у верхнепалеолитических обитателей всех трех областей были одни и те же. Повсюду, и в экваториальной Африке, и в Европе, и в Восточной Сибири основным видом хозяйственной деятельности являлась охота. В связи с этим С. Н. Замятнин критикует положение П. П. Ефименко о том, что верхнепалеолитические обитатели Средиземноморья («каспийцы»), в отличие от обитателей более северных областей, занимались по преимуществу собирательством. На самом деле капсийские местонахождения Африки, содержащие большие скопления раковин съедобных моллюсков, относятся, как показали новейшие исследования, не к верхнему палеолиту, а к мезолиту. Таким образом, культурное своеобразие этих памятников должно рассматриваться не как явление региональное, а как хронологическое (стр. 132—133). Типичными же верхнепалеолитическими памятниками африканско-средиземноморской области являются не капсийские местонахождения типа Эль-Мекта близ Гафсы, а такие поселения, как гроты Гримальди близ Ментоны, грот Романелли на юге Италии, пещеры Северной Палестины, Сири, Западной Грузии и Крыма (Сюрень I). С. Н. Замятнин показывает, что верхнепалеолитические поселения европейской приледниковой области, хронологическим подразделениям которых (ориньяк, солутре, мадлен, азийль) Мортилье был склонен придавать универсальное значение, на самом деле распространяются относительно узкой полосой вдоль края ледника и представляют, таким образом, чисто местное, европейское, явление.

Историческая концепция С. Н. Замятнина и его основные выводы хорошо аргументированы и вполне убедительны. Но не все бесспорно в его более частных заключениях и констатациях. Весьма спорным и, на мой взгляд, сомнительным является утверждение С. Н. Замятнина (стр. 126), что различия между европейскими приледниковыми и средиземноморско-африканскими стоянками при сопоставлении с сибирскими стоянками не столь значительны, что, пожалуй, было бы правильнее рассматривать приледниковую европейскую область не как самостоятельную, а как одну из провинций средиземноморско-африканской области. Полагаю, что выдвигая это утверждение, С. Н. Замятнин несколько увлекся формальным сопоставлением европейских, африканских и сибирских верхнепалеолитических кремневых орудий. По характеру верхнепалеолитических поселений и жилищ Сибирь очень близка к приледниковой Европе. Всююмни Мальту, Буреть, Афонтову гору II, с одной стороны, и Костенки I, Мезин, Елисеевичи, Долне Вистонице, с другой стороны. Едва ли отсутствие подобных поселений и жилищ в Средиземноморье объясняется только недостаточной исследованностью этой территории. Неясно, что заставило автора отнестись Амвросиевку к африканско-средиземноморской области (стр. 135); кремневая техника и орудия этой стоянки весьма близки к обнаруженным на таких стоянках, как Кирилловская и Костенки III.

Статья Я. Я. Рогинского «Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека», подобно статье С. Н. Замятнина, содержит важные историографические материалы, показывающие приоритет русской науки. Я. Я. Рогинский показывает, что в зарубежной науке прошлого века и предшествующего времени при трактовке вопросов происхождения и развития человека моногенизм обычно опирался на церковную традицию, а эволюционный материализм либо вступал в союз с расистским полигенизмом, либо стремился незаконно отыскать в темнокожих расах черты питекантропа, дожившие до наших дней, т. е. также смыкался с расизмом. Только русская наука в лице многих своих представителей (Н. Г. Чернышевский, И. М. Сеченов, Н. А. Северцов, Н. Н. Миклухо-Маклай, А. П. Богданов и другие) поставила великую цель чисто материалистического обоснования идеи о равенстве и взаимном кровном родстве человеческих рас (стр. 155—165).

По своему хронологическому охвату статья Я. Я. Рогинского примыкает к статье В. П. Якимова, составляя как бы ее продолжение. Если В. П. Якимов, исследует

главным образом проблему происхождения древнейших людей — питекантропов и неандертальцев, то Я. Я. Рогинский исследует главным образом проблему перехода от неандертальца к человеку современного физического типа (*Homo sapiens*). Я. Я. Рогинский приходит к выводу, что область происхождения современного человека была обширной. Она включала Переднюю и Южную Азию и прилежащие страны. В этой области происходили интенсивные процессы контакта и смешения развивавшихся новых типов человека. Периферические зоны Старого света принимали значительно меньшую долю участия в процессе происхождения современного человека. В согласии с большинством советских антропологов Я. Я. Рогинский рассматривает человека современного типа как новое качественное явление по сравнению с неандертальцем (стр. 194). По сравнению с неандертальцем современный человек был преимущественно обладателем тех качеств, которые делали его более высокообеспеченным существом, чем его предшественник.

Большой интерес представляет в статье Я. Я. Рогинского обстоятельный критический обзор антропологических находок, расцениваемых зарубежными буржуазными исследователями как доказательство изначального существования человека современного типа, бывшего якобы современником питекантропа и неандертальца. Этот критический обзор приводит автора к выводу о неосновательности возражений против теории происхождения современного человека от неандертальского, о неосновательности отнесения древнепалеолитических черепов из Сванскомб и Фонтешевад к человеку современного типа (*Homo sapiens*). Особенно ценен даваемый Я. Я. Рогинским детальный анализ находок из Фонтешевад во Франции (стр. 182—189). Как известно, в пещере Фонтешевад в 1947 г. были найдены обломки двух человеческих черепов в древнепалеолитическом культурном слое, вместе с каменными орудиями «тейакского» типа. Ряд американских и французских антропологов описали эти черепа как принадлежащие человеку современного типа и расценили находку их как «окончательное» доказательство существования *Homo sapiens* в древнем палеолите. Советские исследователи отнеслись скептически к подобным определениям. Я. Я. Рогинский впервые в советской литературе детально описывает и критически анализирует находки из Фонтешевад. Этот анализ не оставляет сомнения в том, что фонтешевадские, как и сванскомбские находки опровергают утверждения буржуазных археологов о существовании современного типа человека в древнем палеолите.

Одной из наиболее интересных и актуальных работ, помещенных в сборник, является статья В. В. Бунака «Происхождение речи по данным антропологии». Статья заострена против ошибочной, немарксистской концепции Н. Я. Марра о «языке жестов» и хорошо иллюстрирует положение И. В. Сталина о звуковом языке как об одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время.

Исследование В. В. Бунака содержит основанную на тщательном анатомическом и антропологическом анализе характеристику речевых органов человека — гортани, нижней челюсти, мозга, характеристику звуковых сигналов человекоподобных обезьян как исходного материала в развитии звуковой речи, критический обзор теорий происхождения речи. В заключении автор излагает свою концепцию происхождения речи и основных особенностей древнейших этапов ее развития. Описывая развитие человеческой гортани, В. В. Бунак устанавливает, что отличительные особенности мускулов гортани складывались на протяжении долгого периода развития и у древнейших людей были выражены далеко не в полной мере (стр. 212). Что же касается языка, то использование его для произнесения звуков у человека было подготовлено разнообразной работой этого органа, не связанного с голосовой деятельностью, у обезьян (стр. 218).

Ослабление обоняния, параллельное с усилением зрительных восприятий, образование изгиба основания мозга, выпрямление положения головы и уменьшение прогнатизма, происходившие у древнейших людей и их ближайших предков, имели последствием опускание гортани, укорочение небной занавески, удлинение корня языка. В результате этих преобразований установилась более тесная связь гортани и ротовой полости, которая приобрела значение важнейшей части надгортанной трубки и сделала возможным появление тонко дифференцированных звуков. Утолщение связок как результат их поворота создавало возможность усиления мощности издаваемых звуков без участия внемгортанных резонаторных полостей, постепенно подвигавшихся к редукции. Человек приобрел способность издавать достаточно громкие звуки, но утратил способность к оглушительному реву, который могут издавать обезьяны. Другое следствие того же процесса — округление краев связок — обеспечило более гармоничные сочетания основного тона и обертонов, т. е. появление мелодических звуков и исчезновение резких криков. Округление и уплотнение голосовых связок требовало для удержания их в сомкнутом положении значительного волевого усилия и создавало, таким образом, предпосылку для установления связи издаваемых звуков с определенными представлениями. В целом, как отмечает В. В. Бунак, цикл преобразований периферических речевых органов тесно связан с изменением положения головы и шеи, т. е. составляет следствие того же процесса овладения выпрямленным, двуногим хождением, которое в связи с другими условиями вело к расширению круга

умственной деятельности и овладению мышлением и словом (стр. 221). Этот вывод хорошо иллюстрирует положение И. В. Сталина о роли перехода к прямой походке для развития речи и сознания у наших предков⁴.

Обращаясь к развитию нижней челюсти, В. В. Бунак, в противовес упрощенным, вулгаризаторским взглядам, подчеркивает, что нельзя признать речевую деятельность непосредственным фактором, формировавшим нижнюю челюсть, и связывать отдельные особенности последней, в том числе подбородочный выступ, со специальной речевой работой депрессоров. Но в то же время структура нижней челюсти не безразлична для речевой функции (стр. 223). Последнее положение автор подкрепляет детальным рассмотрением строения нижних челюстей человекоподобных обезьян и людей и приходит к выводу, что для древнейших людей — питекантропов и синантропов — речевая функция могла быть доступна лишь в самых начальных ее формах, не связанных с частой сменой артикуляции; неандертальцы типа Шапеллы располагали еще ограниченными возможностями фонетической деятельности, тогда как строение нижней челюсти верхнепалеолитического человека не представляло препятствий для владения речевой функцией и ее дальнейшего развития.

Столь же детально, по эндокраним слепкам, В. В. Бунак рассматривает развитие мозга древнейших людей и приходит к тем же выводам, какие дает сравнительно-морфологический анализ периферического речевого аппарата нижней челюсти. У древнейших людей — питекантропов и синантропов — констатируется сравнительно малое развитие теменно-височной и фронтальной областей, т. е. участков коры, с которыми преимущественно связаны функции речи и процесс мышления. Заметный сдвиг по сравнению с питекантропом констатируется у неандертальцев типа Шапеллы; но этот сдвиг не соответствует сравнительно крупной величине мозга, характерной для шапелльских неандертальцев. Между шапелльским неандертальцем и верхнепалеолитическим человеком разница не менее существенна, чем та, которая отделяет шапелльцев от питекантропов. По развитию речевой функции (и мышления) В. В. Бунак выделяет среди палеолитических ископаемых людей по крайней мере три стадии, соответствующие типам, которые давно установлены палеоантропологией (стр. 247).

Очень ценным разделом работы В. В. Бунака является критический обзор теорий происхождения речи и, в частности, резкая и обоснованная критика глубоко ошибочных утверждений Н. Я. Марра о «языке жестов» (стр. 264—268). В. В. Бунак справедливо указывает, что теория происхождения речи, сформулированная Марром, представляет лишь иллюстрацию к его «элементному анализу» и, подобно последнему, должна быть решительно оставлена. Ссылки Марра на язык жестов, сохранившийся до недавнего времени в качестве вспомогательного средства среди различных племен Америки и Австралии, совершенно неосновательны. Разработанность этого языка горюит против защищаемой Марром концепции. Например, такая элементарная фраза, как «я иду домой», по словарю языка жестов американских индейцев несколько не уступает по сложности ручным сигналам международного морского кода. Не подлежит сомнению, что для понимания языка жестов необходимо длительное изучение и что оно осуществляется при помощи слов уже имеющейся развитой речи. Другая практовка означала бы возврат к уже давно утратившей научное значение «теории договора» как основы для возникновения речи: договариваться о значении слов или жестов могли лишь люди, владеющие словом. Наивность концепции договора блестяще вскрыта Белинским.

Итоговая часть работы излагает взгляды автора по вопросу о происхождении речи и древнейших этапах ее развития.

Общее для высших обезьян обилие и дифференцированность звуковых сигналов составляют, по мнению В. В. Бунака, тот фон, который сделал возможным дальнейшее развитие голосовой деятельности, приведшей к появлению человеческой речи (стр. 252). Особого внимания заслуживают звуки или жизненные шумы, которые высшие приматы издают в эмоционально-нейтральном состоянии (ворчание, крикание, гукание и многое другое) и которые иногда качественно отличны от громких и эмоциональных сигналов. Эти неаффективные жизненные шумы, сопровождающие обычные акты поведения, наблюдаемые у обезьян при уходе в гнездо, сборе и поисках пищи, при встрече с другими животными, фиксировались как полезное приспособление к жизни вида. По мнению В. В. Бунака, именно они послужили по преимуществу основой для последующего развития речевой деятельности, в результате их видоизменения возникли первичные слова (стр. 253—254, 271—272).

Начальная речь неандертальцев и переходных форм от питекантропов к неандертальцам развилась, по В. В. Бунаку, из выкриков-призывов, существовавших у питекантропов, и состояла из односложных, неизменяющихся, не связанных друг с другом многозначных слов, выражавших одновременно объект действия, его цель и средство. Следы такой многозначности обнаруживаются в начальной речи ребенка (стр. 273, 284). На второй, относимой к верхнему палеолиту, стадии развития речи, по В. В. Бунаку, человек овладевает способностью не только пользоваться изолированными понятиями, но и формировать разнообразные связи между ними и, соответственно, словами (стр. 275, 276, 284). Речь начальной стадии В. В. Бунак предлагает называть нечленораздельной, а речь второй стадии — членораздельной.

Проблема происхождения речи и начальных этапов ее развития исключительно

⁴ См. И. В. Сталин, *Анархизм или социализм?* Соч., т. 1, стр. 313.

трудна. Крупной заслугой В. В. Бунака является то, что он взялся за эту проблему и наметил пути возможного ее разрешения. Разумеется, в настоящее время концепция В. В. Бунака имеет значение как рабочая гипотеза, нуждающаяся в тщательном и всестороннем обсуждении; в частности, очень важно, чтобы в связи с этой гипотезой высказались психологи и физиологи. Но в качестве рабочей гипотезы концепция В. В. Бунака весьма ценна и интересна.

Ошибочной является сводная таблица, помещенная В. В. Бунаком в конце его работы (стр. 282—283). На таблице выделены стадии древнейшей речи, синхронизируемые со стадиями развития первобытного общества и с археологическими эпохами. Это противоречит сталинскому определению языка как продукта «целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется»⁵, сталинскому указанию на то, что «язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения»⁶. Необходимо отметить, что в тексте работы В. В. Бунак многократно показывает и подчеркивает постепенное, непрерывное развитие древнейшей речи, хотя и в тексте (например, на стр. 247) есть нечеткие формулировки о синхронизации стадий развития речи со стадиями развития физического типа человека. Является несомненным, что язык нужно изучать в неразрывной связи с историей общества, его породившего. Но конструирование стадий развития языка и сопоставление их со стадиями развития общества и культуры — ошибочно.

Сомнительно и привлечение речи ребенка для характеристики древнейшей человеческой речи (стр. 273). Древнейшая речь зарождалась и развивалась в процессе общественного труда, была общественным явлением, и для ее понимания, так же как и для понимания вообще начальных этапов развития первобытного общества, биогенетический закон ровно ничего дать не может. Следует признать, что в своей работе на весьма важную тему В. В. Бунак далеко не в достаточной степени привлек выводы учения И. П. Павлова.

Ошибочными, наконец, являются некритические ссылки в некоторых местах работы В. В. Бунака на марксистские статьи (например, на статью Мегрелидзе).

Сравнительно небольшая статья Н. Н. Чебоксарова «Основные принципы антропологических классификаций» замыкает первый раздел сборника. Статья ценна тем, что вносит ясность в достаточно сложный и запутанный вопрос классификации современных рас. Можно было бы приветствовать, если бы классификация, предложенная Н. Н. Чебоксаровым, получила всеобщее признание и распространение в советской литературе.

Н. Н. Чебоксаров выделяет три большие расы — негро-австралоидную, европеоидную и монголоидную, формирование которых имело место уже в верхнем палеолите. Более дробное деление классификации — вторичные или малые расы, каждая из которых в свою очередь состоит из нескольких групп антропологических типов (стр. 319). Антропологический тип, по Н. Н. Чебоксарову, обозначает территориальные комплексы, телесных особенностей. Группы же антропологических типов связаны историей своего происхождения, сложились в силу сходных или однородных причин из элементов одинакового происхождения, смешавшихся в разных пропорциях, и морфологически напоминают друг друга. Эти группы антропологических типов, по предложению Н. Н. Чебоксарова, могут служить основными единицами антропологической классификации современного человечества (стр. 306). Стремится к четкости и определенности терминов и понятий, Н. Н. Чебоксаров справедливо возражает против употребления термина «раса» в применении к растительным или животным разновидностям и утверждает, что этот термин должен употребляться только по отношению к человеку.

Большой интерес представляют те страницы работы Н. Н. Чебоксарова, где он в сжатой форме излагает выводы советской науки по вопросу о происхождении рас (стр. 296—304). Он справедливо указывает, что лженаучные теории вейсманизма и формальной генетики на протяжении долгих лет мешали советским ученым поставить вопрос о приспособительном характере многих антропологических признаков, морфологических различий между древнейшими группами антропологических типов, сложившихся в эпоху первоначального освоения эйкумены. В настоящее время, когда эта ошибка преодолена, представляется весьма вероятным, что различия между отдельными антропологическими типами часто бывают связаны с условиями существования разных человеческих групп в различных естественно-географических областях. Такие особенности человека, как различия в цвете кожи, вероятно, также в цвете глаз и волос, возможно, и в форме волос, во многих особенностях строения носа, глазной области и губ, сложились в процессе приспособления к условиям окружающей естественно-географической среды.

Вторая, меньшая, часть рецензируемого сборника содержит восемь статей, принадлежащих перу М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова, Г. Ф. Дебеца, В. В. Гинзбурга, Т. А. Трофимовой, В. В. Бунака и С. А. Токарева и посвященных заселению людьми Африки, Европы, Австралии, Океании, Америки, различных частей Азии, а также древнему расселению человечества на этих территориях. Статьи носят характер ис-

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 9.

⁶ Там же, стр. 11.

черпывающих сводок — обзоров, основанных главным образом на антропологическом, но в значительной степени и на археологическом материале. Они, как и статьи первой части сборника, сопровождаются обстоятельными библиографическими указателями и имеют большое научно-познавательное значение. Несомненно, что за справками к этим статьям будут обращаться специалисты самых различных областей. Статьи содержат критический анализ литературных источников, антропологических и археологических материалов и в то же время заострены против расистских построений зарубежных исследователей, дают резкую и обоснованную критику их.

Давая весьма положительную оценку всех статей, необходимо в то же время отметить, что авторы их, равно как и редакторы сборника, не проделали весьма необходимой работы по согласованию терминологии и заключений различных статей. Речь идет не о научных расхождениях разных исследователей; таких расхождений немало, но они неизбежны и законны в сборнике, поднимающем большие исторические проблемы. Я имею в виду другое.

С. Н. Замятин в своей статье, напечатанной в сборнике, убедительно показывает, что так называемые капсийские местонахождения Северной Африки относятся не к верхнему палеолиту, а к мезолиту. Г. Ф. Дебец же в статье «Антропологические данные о заселении Африки» пишет о том, что ранние фазы капсийской культуры соответствуют ориньяку (стр. 395). Если Г. Ф. Дебец не согласен с датировкой капсийских памятников, предлагаемой на страницах того же сборника, где напечатана его статья, С. Н. Замятин, то следовало бы оговорить и аргументировать свою датировку. Но мы полагаем, что попросту Г. Ф. Дебец, сдавая свою статью в печать, не сопоставил принятую в ней хронологию и терминологию с хронологией и терминологией, принятой в статье С. Н. Замятина.

Выводы С. Н. Замятина не учтены в статье Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова «Проблемы заселения Европы по антропологическим данным» (стр. 418). В этой последней работе употребляется и термин «китайский питекантроп», не применяемый авторами других статей сборника.

В сборнике имеется ряд примеров подобной несогласованности между авторами отдельных статей, несогласованности, которую легко было бы устранить при подготовке книги к печати. Это, разумеется, несколько затрудняет пользование сборником, особенно для читателей, не имеющих специальной подготовки.

В статье Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова, посвященной заселению Европы и очень широкой по охвату материала (от неандертальцев до XIV в.), необходимо отметить также ряд спорных и нечетких формулировок. Неясно, что подразумевают авторы под индоевропеизацией автохтонного населения (стр. 432). Сомнительны и нечетки формулировки авторов о связи аланов со скифами (стр. 449). Спорен и сомнителен ряд формулировок авторов, относящихся к происхождению болгар и хазар (стр. 453—455).

В сборнике «Происхождение человека и древнее расселение человечества», краткий обзор которого мы заканчиваем, немало положений дискуссионных и только выдвинутых, но еще не до конца разработанных их авторами. В особенности много авторам сборника, как и всем советским исследователям, предстоит поработать над реализацией в области изучения истории древнейшего человечества указаний И. В. Сталина, данных в гениальном произведении «Марксизм и вопросы языкознания». Статьи, входящие в сборник, — только начало такой реализации.

Но наличие положений, вызывающих споры и будоражащих научную мысль, так же как и наличие статей, выдающих больше исторические и теоретические проблемы, только повышает научную ценность рецензируемой книги. В ней обобщен, подытожен, критически проанализирован с марксистско-ленинских позиций огромный антропологический, а также археологический материал, разоблачены антинаучные построения англо-американских расистов в области антропологии и археологии. Книга подводит итоги достижениям советской науки о древнейшем прошлом человечества и в то же время значительно продвигает эту науку вперед.

Несомненно, что книга в качестве сборника ценных и интересных научных исследований, а также в качестве фундаментального справочника принесет большую пользу широким кругам советских читателей.

П. И. Борисковский

НАРОДЫ СССР

ИСТОРИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

Первый том «Истории Бурят-Монгольской АССР»¹ представляет важное событие не только в культурной жизни Бурят-Монголии, но и для советской исторической науки в целом. Как известно, история СССР не может быть изучена и разработана без истории отдельных наций, национальных групп и народностей, без истории от-

¹ Издан в 1951 г. Бурят-Монгольским научно-исследовательским институтом культуры под редакцией А. П. Окладникова.

дельных союзных и автономных республик и областей, составляющих СССР. В этом отношении нельзя не приветствовать попытки изучения и публикации «Истории Бурят-Монголии», что является вкладом в общее дело, над которым трудится коллектив советских историков.

В книге впервые широко освещается история Бурят-Монголии на большом историческом материале. Авторы излагают историю Бурят-Монголии с древнейших времен, с эпохи ранних насельников этой и сопредельной ей территории, живших первобытно-общинным строем, и доводят свой исторический рассказ до Февральской революции с тем, чтобы продолжить его во втором томе, который будет посвящен истории социалистической Бурят-Монголии. Весьма ценно и то, что авторы рассматривают историю Бурят-Монголии не изолированно, а в связи с общим историческим процессом, протекавшим в восточной части Центральной Азии до того времени, пока Бурят-Монголия не вошла в состав Русского государства, а с момента включения ее в состав Русского государства — в связи с историей последнего. Большинство вопросов истории Бурят-Монголии, затронутых в книге, изучается, а некоторые даже ставятся впервые. Отсюда видно, что это не компилятивная сводка, составленная на основании ранее опубликованных работ, а научное исследование.

Заслуживает внимания и характер источников, положенных в основу книги. В ней использованы, например, археологические материалы — ценнейший вид исторического источника для ранних периодов истории тех или иных народов, особенно в прошлом не имевших своей письменности. Большое место занимают письменные архивные документы, в том числе и публикующиеся впервые. Используются существующая историческая литература, имеющая отношение к истории Бурят-Монголии, материалы газет. Привлечены труды классиков марксизма. Иногда в качестве исторического источника привлекается устное народное творчество бурят-монголов, особенно эпические сказания. Однако, как это часто бывает в работах «чистых» историков, почти не использован обильный этнографический материал, если не считать материала о шаманских верованиях, к которому проявляется даже излишнее внимание. Между тем широкий этнографический материал, выявляющий специфические особенности национальной культуры и быта народа, нравы и обычаи, взаимоотношения между различными в социальном и национальном отношениях группами населения, является исключительно ценным и важным историческим источником. Должное использование этнографического материала могло бы дать яркую картину культуры и быта трудящихся бурят, чего по существу в книге не находим, а также позволило бы совсем по-иному изложить, например, вопрос о происхождении бурят.

В книге дан очерк истории изучения Бурят-Монголии. Но составлен он довольно поверхностно и небрежно, с ошибками. Читатель не узнает из него об идейном содержании конкретных работ тех или иных авторов, не составит представления о том, какие из этих работ и в чем сохранили свое значение до сего времени, какие являются совершенно неприемлемыми. Называется много фамилий, но что и как писали названные авторы, рядовому читателю неизвестно, тем более, что списка хотя бы основной исторической (включая этнографические и археологические работы) литературы в книге не имеется. Таким образом, научного критического разбора работ, посвященных изучению населения Бурят-Монголии, у авторов не получилось. Трудно понять, почему они даже не поставили этой задачи, почему освободили себя от обязанности вскрыть антинаучные построения и взгляды некоторых авторов. Как составители этого очерка относятся, например, к работам Н. Н. Козьмина, родоначальника «теоретического» национализма у некоторых сибирских народностей (например, у хакасов)? Разве Н. Н. Козьмин, этот последователь М. Н. Покровского, не писал по важнейшим вопросам истории бурят?

Отмечая вклад русских ученых дореволюционного периода в бурятоведение, авторы делают это настолько в общей форме, что последователь революционных демократов А. П. Шапов оказался в одном ряду с народником Д. А. Клеменцем и буржуазной либералкой А. В. Потаниной. Большим недостатком является и то, что здесь обойден вопрос приоритета русских ученых в изучении бурят.

Столь неудачно написанный историографический очерк не дает правильного представления о состоянии изученности различных вопросов истории Бурят-Монголии до появления этой книги, и это обстоятельство затруднит читателя правильно и всесторонне оценить большую работу авторов и важные научные результаты опубликованного труда.

I

Многообразное и богатое содержание книги невозможно рассмотреть и проанализировать в небольшой общей рецензии. Поэтому я остановлюсь преимущественно на ряде серьезных недостатков, иногда и ошибок, снижающих ценность изданного труда².

² Серьезные недостатки, особенно относящиеся к содержанию двух последних глав, охватывающих период с 1905 по 1917 г., уже указаны в статье т.т. Н. Шулунова, П. Матханова, В. Шатилова, П. Тышкилова «За марксистское освещение истории Бурят-Монгольской АССР», опубликованной в газете «Бурят-Монгольская Правда» № 75 от 13 апреля 1962 г. Однако необходимо отметить, что упомянутая рецензия дает преувеличенно отрицательную оценку книги. Рецензенты без достаточных осно-

Прежде всего приходится отметить, что в книге нет четкой периодизации. Хотя в предисловии говорится, что история Бурят-Монголии рассматривается «в пределах следующих этапов социально-экономического развития: 1) первобытно-общинный строй, 2) период возникновения и развития патриархально-феодальных отношений, 3) период возникновения и развития капиталистических отношений» (стр. 7), но это, разумеется, является только общей, социологической периодизацией. Для конкретной истории Бурят-Монголии она недостаточна. Если исходить лишь из этой периодизации, то следует признать, например, что буряты до революции в своем историческом развитии прошли период первобытно-общинного строя, период патриархально-феодальных отношений и вступили в период развитых капиталистических отношений. Между тем, согласиться с этим нельзя. Патриархально-феодальные отношения в Бурят-Монголии, если брать в целом бурят, были господствующим типом общественных отношений вплоть до революции. Следовательно, данная периодизация, отражающая только общую последовательность в ходе исторического развития, не может быть достаточной для целей этой книги. Поэтому, видимо, не случайно авторы, излагая конкретную историю Бурят-Монголии, фактически не придерживаются объявленной периодизации, а делят книгу на самостоятельные и равноправные по значению главы, по сути дела без всякой периодизации, стремясь соблюсти лишь хронологическую последовательность. Главы у них не распределяются, как это можно было бы ожидать, по тем трем основным периодам, о которых говорится в предисловии. Кроме того, отсутствие продуманной периодизации отчетливо видно в наименованиях самих глав. После главы «Эпоха первобытно-общинного строя на территории Бурят-Монголии», которая говорит как будто о том, что авторы намерены придерживаться декларированного принципа, вместо главы (или раздела с рядом глав) о возникновении и развитии патриархально-феодальных отношений, как это должно быть по упомянутой выше периодизации, идут главы: «Прибайкалье и Забайкалье в эпоху древних и средневековых государств Центральной Азии» и «Происхождение бурят-монгольского народа». Затем уже идет глава о «Патриархально-феодальных отношениях у бурят». Из такого расположения глав следует, что буряты как народность сложились в эпоху первобытно-общинного строя, что противоречит фактам. Далее идет глава «Присоединение Бурят-Монголии к Русскому государству», отражающая уже не социально-экономический признак, а факт политической истории, а после нее глава: «Социально-экономическое развитие Бурятии во второй половине XVII и в XVIII в.», где по существу речь идет опять-таки о патриархально-феодальных отношениях у бурят. Вслед за этим дается глава «Бурят-Монголия в первой половине XIX в.», название которой чисто хронологическое. Совершенно непонятно, почему эта глава сделана самостоятельно, если исходить из принципа периодизации, объявленного авторами, к какому же социально-экономическому периоду она относится? Конечно, тут можно предполагать, что она относится к периоду патриархальных отношений, ибо последующая глава именуется «Бурят-Монголия в период развития капитализма в России во второй половине XIX и начале XX в.». Однако здесь для периодизации взят признак, относящийся уже к истории дореволюционной России, что сделано также и в отношении тринадцатой и четырнадцатой глав. Весь этот разноречивый и несогласованный набор названий глав свидетельствует об отсутствии в книге периодизации. От этого книга, конечно, проигрывает. Правильнее было бы разбить работу по более конкретным для истории Бурят-Монголии, периодам, при изложении которых, само собой разумеется, необходимо показать, как шло социально-экономическое развитие, составляющее основу исторического процесса. При такой периодизации можно было бы показать и как изменялись те же патриархально-феодальные отношения у бурят в различное время. Ясно, что патриархально-феодальные отношения в XVII в. и в начале XX в.—не одно и то же. В конкретной истории Бурят-Монголии, например, огромное значение имел период пребывания бурят в составе Русского государства до революции. Имеются все основания выделить этот период в самостоятельный, а внутри его можно было бы наметить ряд глав, которые осветили бы историю этого важного периода на основе социально-экономического развития населения Бурят-Монголии. Все сказанное по поводу периодизации позволяет заключить, что мы имеем дело не с историей Бурят-Монголии, а с очерками по истории Бурят-Монголии.

Ваньей обвиняют большой коллектив советских историков (авторов, редакторов и, добавим, рецензентов и лиц, принимавших участие в предварительном обсуждении книги, поименованных в предисловии) в недобросовестном отношении к работе над книгой. В том, что они «не справились с поставленными перед ними задачами, отнеслись безответственно к порученному им делу, проявили неоправданную поспешность в столь важном деле». С этим согласиться, конечно, нельзя. Не считаясь с состоянием источников и степенью разработанности ряда серьезных вопросов или не зная этого, рецензенты награждают перед авторами книги много задач, разрешимых и неразрешимых, больших и малых, нужных и ненужных для данной работы. Например, рецензенты обвиняют авторов в том, что в книге «не нашел отражения процесс формирования и становления рабочего класса в Сибири» или что авторы не дают достаточно сведений «о путях развития земледелия и орудий сельскохозяйственного производства, о процессах его совершенствования в разные периоды и в различных районах Бурят-Монголии» и т. д.

II

Нет достаточной четкости в трактовке вопросов общественных отношений, общественного строя бурят. Это относится прежде всего к патриархально-феодалным отношениям, являвшимся до революции преобладающей формой общественных отношений у бурят там, где сохранилось скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт. Авторы не вскрывают сущности и своеобразия этой ранней формы феодальных отношений, открытой И. В. Сталиным и характерной для скотоводческого хозяйства. Трудно подумать, что авторам неизвестно, насколько широко и основательно разработан данный вопрос советскими этнографами и историками, использовавшими упомянутые указания И. В. Сталина применительно к конкретной истории многих советских народностей (алтайцы, хакасы, тувинцы, казахи, киргизы, якуты и др.). Непонятно, почему этот важный вопрос рассмотрен только для XVI—XVII вв., на скудном, отрывочном материале, вынуждающем автора говорить о наличии патриархально-феодалных отношений только предположительно, например, «следует полагать», «надо думать» и т. п. (см. стр. 103), в то время, как его можно было бы показать на ярком конкретном бурятском материале конца XIX и начала XX в.

Не подчеркнута реакционная роль патриархально-феодалных отношений, позволявших нойонам и баям жестоко эксплуатировать бедноту под видом «родственной помощи», что весьма тормозило пробуждение и рост классового самосознания трудящихся бурят. Между прочим, последним обстоятельством объясняется то, что нойоны и баян упорно держались за эту форму эксплуатации вплоть до революции.

Авторы признают господство патриархально-феодалных отношений у бурят, видимо, только в XVI—XVII вв., ибо в дальнейших главах о патриархально-феодалных отношениях у них говорится мимоходом, а для второй половины XIX в., вместо патриархально-феодалных отношений, говорится об отношениях «полуфеодалных», причем в этот термин вкладывается понятие сочетания феодальных и капиталистических отношений.

Посмотрим теперь, как авторы определяют общественный строй. «Для бурятского общества второй половины XIX в., — пишут они, — было характерно переплетение капиталистических отношений, проникавших в улусы, с полуфеодалными и патриархально-родовыми. Здесь существовали следующие типы хозяйств, соответствовавшие определенным социально-экономическим укладам: 1. Крупные скотоводческие и земледельческие хозяйства полуфеодалного нойонства, применявшего докапиталистические и капиталистические способы эксплуатации. Последние становились преобладающими. 2. Капиталистический уклад в форме буржуазно-кулацкого хозяйства, основанного на эксплуатации наемного труда батраков и поденщиков, зачатках промышленного предпринимательства и торгово-ростовщической эксплуатации бедняцкого и середняцкого крестьянства. Кулаки прибегали при этом по примеру нойонов и к полуфеодалным способам эксплуатации. 3. Мелкие хозяйства бурятских крестьян, в которых элементы простого товарного хозяйства переплетались с патриархально-натуральным укладом» (стр. 412). Таким образом, общественный строй бурят для второй половины XIX в. характеризуется наличием трех укладов: полуфеодалным, который уступал место капиталистическому укладу, так как капиталистические формы эксплуатации в хозяйствах, характерные для полуфеодалного уклада, по утверждению авторов, «становились преобладающими», затем — капиталистическим и, наконец, патриархально-натуральным. Из этого следует, что уже во второй половине XIX в. буряты вступили на путь капиталистического развития, так как капиталистический уклад у них становился ведущим. Можно ли с этим согласиться? Полагаю, что нельзя. Это явное преувеличение степени развития капиталистических отношений у бурят. Как и для ряда других народов с преобладанием скотоводческого хозяйства (Казахстан, Киргизия, Азербайджан), для бурят накануне Великой Октябрьской революции были характерны патриархально-феодалные отношения, которые переплетались с возникающими капиталистическими отношениями. Известно, что И. В. Сталин относит бурят к числу тех народов, которые, в результате политики центра к моменту Октябрьской революции оказались неразвитыми и политически отсталыми, которые в своем развитии не ушли дальше первобытных форм полупатриархально-полуфеодалного быта, для которых характерными были именно патриархально-феодалные отношения³. Известно, что И. В. Сталин призывал партию в 1921 г. помочь таким отсталым народам «ликвидировать пережитки патриархально-феодалных отношений и приобрести к строительству советского хозяйства на основе трудовых крестьянских Советов...»⁴.

Давая приведенное выше определение общественного строя бурят, преувеличивающее степень развития капитализма, авторы, видимо, сами не очень-то в нем уверены, ибо несколькими страницами дальше с большим основанием заявляют: «В период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции, Бурят-Монголия двигалась по пути разложения полуфеодалных и полупатриархальных отношений и роста капитализма, но не стала еще целиком на путь капиталистического развития» (стр. 418). Достаточно сопоставить две приведенные цитаты из книги, чтобы убедиться в справедливости упрека авторам об отсутствии необходимой четкости в рассматриваемом важнейшем вопросе.

³ См. И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 23—25.

⁴ Там же, стр. 25.

III

Довольно подробно рассматривается в книге вопрос о включении Бурят-Монголии в состав Русского государства и правильно отмечается положительное, прогрессивное значение этого важного события в истории бурят. Показана общность интересов трудящихся бурят и русских, их совместная борьба с эксплуататорами, исторические корни их дружбы, роль русского трудового крестьянства в творческом освоении земельных просторов Сибири, ее природных богатств и в связи с этим оживление и развитие экономики Бурят-Монголии и т. п. К сожалению, авторы не дали итоговой главы (или раздела главы), где следовало бы показать в обобщенной форме, за весь период пребывания бурят в составе Русского государства, роль и значение русского народа и его передовых деятелей в поднятии экономического, культурного и политического уровня трудящихся бурят даже в условиях колониальной политики царизма, направленной к разъединению и национальной розни населения Бурят-Монголии. Более того, в этой главе можно было бы показать, что трудящиеся буряты при царизме не только не вымерли, не только сохранились физически, но и весьма увеличились в численности, благодаря тесной связи с русским народом и его благотворному влиянию на хозяйство и быт бурят. В связи с этим замечу, что положительное влияние культуры русского народа на домашний быт бурят, на жилище, одежду, питание, средства передвижения, на исчезновение и отмирание некоторых архаических семейных и религиозных обычаев и т. п. не нашло отражения в книге. Это произошло, вероятно, потому, что авторы явно обошли вопросы специфических особенностей культуры и быта бурят, вследствие недостаточного внимания к этнографическому материалу. Было бы куда полезнее и целесообразнее осветить эти вопросы, чем описывать на многих страницах дикие и невежественные шаманские представления. Советские историки обязаны помнить основополагающее указание И. В. Сталина, сделанное им в 1948 г. на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации: «...каждая нация,— все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»⁵. Авторы не использовали данное указание И. В. Сталина, они не показали читателю, какой же вклад в сокровищницу культуры внес бурят-монгольский народ. Это нужно было сделать, и для этого имеется большой и яркий материал. Возьмем, например, народное творчество бурят, народное изобразительное искусство — разве это не подходящий материал? Авторы не только не использовали его для указанной цели, но даже не дали ему надлежащей характеристики. Некоторое внимание они уделили устному народному творчеству (главы V и IX), правда, с другой целью, причем допустили в характеристике его ряд ошибок, о чем будет сказано дальше.

Возвращаясь к вопросу о культурно-экономических связях трудящихся бурят и русского трудового населения, нельзя не упрекнуть авторов в том, что они не подчеркнули культурного влияния бурят на русских, оставили вне рассмотрения связи бурят с эвенками. Не рассмотрели на этой основе авторы и вопрос о национальных взаимоотношениях в Бурят-Монголии как между трудящимися различных национальностей, так и между эксплуататорской верхушкой бурят, русских и эвенков.

Отметив положительную роль включения бурят в состав Русского государства, авторы правильно и подробно характеризуют колониальную политику царизма. В этом отношении можно только заметить, что характеристика царской колониальной политики с момента вхождения бурят в Русское государство до половины XIX в. дается преимущественно в описательном плане, без достаточного научного анализа. Примером такого подхода может служить изложение реформы 1822 г. М. М. Сперанского. Классовая сущность этого первого законодательного акта колониальной политики царизма в Сибири не вскрыта и не подчеркнута, несмотря на то, что «Уставу об инок-родцах» посвящен специальный раздел главы VIII. Нужно было подчеркнуть, что важнейшей особенностью Устава являлось объявление в законодательном порядке земель ясачного населения Сибири собственностью крепостнического дворянского государства. Эти земли передавались ясачному населению только во владение с правом ясачным устанавливать формы пользования ими «по жребию или другим обыкновениям». Следовало бы также показать и либеральный характер этой реформы по сравнению с формами управления колониальным населением другими капиталистическими державами (особенно Англией, Америкой, Францией и т. д.).

IV

Коротко об ошибках, связанных с характеристикой устного народного творчества. Недопустимо относить к устному народному творчеству бурят мифологию и «культу- вую поэзию» (стр. 115), т. е. шаманские призывания, а героический эпос выводить из магии, придавая эпосу первоначально магическое значение (стр. 123). Это отражает порочные взгляды А. Веселовского, столь резко осужденные советской наукой. Каса-ясь вопроса возникновения устного народного творчества у бурят, автор по суще- ству проповедует (стр. 115) взгляды матерого буржуазного идеолога К. Бюхера, объ-

⁵ «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

яснявшего происхождение устного народного творчества из ритма трудового процесса. Знает ли автор об этом? Разве ему неизвестно по печатным выступлениям советских ученых, что заклятые идейные враги нашего великого писателя и исследователя фольклора М. Горького, вроде, «веселовца» А. В. Аничкова или мракобеса С. Н. Булгакова, вслеськи пропагандировали и превозносили К. Бюхера? Непонятно, почему замолчены высказывания об устном народном творчестве В. И. Ленина и М. Горького, вошедшие в основной теоретический фонд советской фольклористики? Наконец, можно спросить, почему автор, характеризуя теоретические сказания бурят, опирается на Б. Я. Владимирцова, ошибочные взгляды которого на монголо-ойратский героический эпос уже выявлены, как выявлена и их теснейшая связь с буржуазно-социологической школой в фольклористике (например, с работами буржуазного фольклориста Келтуялы, в разоблачении которых сыграл большую роль М. Горький)?

В советской науке установились твердые взгляды на происхождение народного творчества. Доказано, что именно народные массы являются подлинным творцом устных произведений, что устное народное творчество зародилось еще в эпоху первобытно-общинного строя, как специфическая форма общественных представлений этой эпохи, отражающая определенные взгляды и идеи конкретных родовых или племенных общин. Устное творчество возникло как своеобразное (художественно обобщенное) отражение и познание реальной действительности, как отражение успехов общественной трудовой практики человека. Религиозные же воззрения и культовая «поэзия» возникли в результате бессилия человека перед силами природы, отражая не реальные, а фантастические, искаженные представления и понятия как об окружающей, так и о собственной его природе. С периода разложения родового строя и возникновения классового расслоения усложняется и идейное содержание устных произведений, которое только и может быть надежным определителем социальной принадлежности произведения. Анализ идейного содержания позволяет утверждать, что, наряду с подлинно народными эпическими сказаниями, существуют антинародные произведения, отражающие идеологию феодально-байского класса. Примером этого могут служить большинство редакций бурятских сказаний о Гесэр-хане (о котором почему-то ни слова не сказано в книге) и многие сказания западно-монгольского или ойратского героического эпоса. Такие факты известны в отношении эпоса алтайцев, киргизов, узбеков, туркмен и т. д. Устные произведения всегда создавались в определенной общественной среде. Вот почему при изучении и публикации устного творчества ни на одну минуту нельзя забывать о главном, именно о его идейном содержании.

Нет никакого сомнения в том, что трудовые массы бурят-монгольского народа создавали свои произведения, в которых мечтали о свержении эксплуататоров, о свободной, счастливой жизни. Однако обо всем этом мы ничего не узнаем, прочитав раздел устного творчества в книге «История Бурят-Монголии».

Нельзя пройти мимо недостатков и ошибок, содержащихся в главах по ранней истории. В главе «Прибайкалье и Забайкалье в эпоху древних и средневековых государств» гуннский племенной союз ошибочно трактуется как настоящее государство, возникшее в условиях классового общества в результате классовых противоречий. Автор главы совершенно голословно утверждает, что «перерастание их племенного союза в государство было подготовлено внутренними социально-экономическими сдвигами в гуннском обществе, в первую очередь развитием производительных сил и связями с Китаем». Автору, видимо, неизвестно состояние «гуннской проблемы» в советской исторической науке. Больше того, из этого следует, что автор либо не понял, либо не учел известного высказывания И. В. Сталина, который определял империю древности и средневековья как «случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»⁶.

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин снова касается этого вопроса и указывает, что эти империи «не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»⁷. Гуннский племенной союз обладал именно этими признаками. Любопытно, что, начав главу с определения гуннского союза как классового государства, автор заканчивает ее неожиданно тем, что относит объединение гуннов, как и монголов времени Чингис-хана, уже к типу временных и непрочных военно-административных объединений, состоящих из конгломератов племен и народностей, причем вполне убедительно ссылается на И. В. Сталина, приводя эти же цитаты. Создается впечатление, что концовка главы была приписана позднее, в связи с выходом в свет нового труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», к старому тексту главы, написанному с иных, неправильных теоретических позиций. Таким образом, ценнейшие указания И. В. Сталина по этим вопросам надлежащим образом не использованы. Это видно также из того, что автор объясняет слабость и недолговечность Монгольской империи Чингис-хана тем, «что феодальные отношения, господствовавшие в Монгольской империи, сами по себе способствовали не укреплению центральной власти, а ее ослаблению и децентрализации» (стр. 70—71). Так говорится в середине главы, а в концовке

⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

⁷ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

ее это объясняется уже другой, более правильной причиной, а именно тем, что Монгольская империя не имела прочной экономической базы и представляла случайный конгломерат племен и народностей, объединенный успехами завоеваний Чингис-хана. Однако само образование империи Чингиса, которую, кстати напомнить, Маркс называл «объединением орд и племен», в тексте главы автором объясняется тем, что «рост и могущество феодальной знати и ее классовые интересы, оказавшиеся в антагонистическом противоречии с интересами трудящихся монголов, привели к тому, что такое государственное объединение возникло» (стр. 66). В концовке же главы возникновение Монгольской империи объясняется уже успехами завоевателя Чингис-хана.

Отметим некоторые «перлы» этой главы. Автор уверяет, что некоторые звероловческие племена Саяно-Алтайского нагорья «приручали диких животных — марала, козулю, которые служили им выючными животными» (стр. 62). Это развесистая клякwa. Марал никогда не был приручен и не выючился человеком. Лишь русские крестьяне положили начало его одомашниению (содержали в загорадах в целях получения пантов), но далеко не приручению. Про козулю же и говорить нечего. Это исключительно пугливое и осторожное животное (очень слабосильное), которое даже не пытались приручить и одомашнивать, тем более выючить. Никакого выюка оно выдержать не может. На той же странице при характеристике скотоводства степных племен упущена такая «деталь», как разведение овец, одного из самых древних домашних животных, особенно широко разводимых именно кочевниками-степняками.

V

С главой «Прибайкалье и Забайкалье в эпоху древних и средневековых государств» тесно связана тема следующей главы «Происхождение бурят-монгольского народа». Читатель вправе ожидать, что в этой главе будет показано происхождение бурят на широком историческом фоне. Однако в книге этого нет. Происхождение бурят совершенно не раскрыто. Здесь снова тот же порок — не использованы основополагающие указания И. В. Сталина, заключающиеся в его труде «Марксизм и вопросы языкознания», где дана методологическая и теоретическая основа марксистского учения о происхождении народов. Характеризуя процесс развития языка с глубокой древности и до современности, И. В. Сталин пишет: «За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми»⁸.

Отсюда следует, что процесс происхождения народностей — весьма сложный процесс, в течение которого происходит дробление и расхождение, смешение и скрещение различных племен, родов и территориальных групп. Это обязывает вопрос происхождения бурят исследовать непременно на фоне того сложного исторического процесса, который протекал в восточной части Центральной Азии с древнейших времен и особенностью которого являлось частое образование и распадение временных военно-административных объединений, состоящих из конгломератов разноязычных племен и родов. Но автор главы вместо этого пошел по линии изложения мифов, фантастическое содержание которых трудно увязать с фактами конкретной истории. Автор лишь вскользь упоминает об археологическом и особенно палеоантропологическом материале, который играет важную роль при определении ранних этапов сложения тех или иных племен и народностей. Автор отказывается от анализа исторического материала, имеющего целью выяснить, какие этнические элементы вошли в состав бурят и в какой исторический период. Он отделяется от этой трудной работы двумя фразами: «После людей бронзового века на территории Забайкалья жили другие народности — гунны, сяньби, жузжане, древние тюрки и, наконец, монголы. Имеются основания полагать, что подобно древним динлиням и эти народы, сойдя с исторической арены, не исчезли физически, не вымерли целиком, но растворились в своих потомках и, так или иначе, вошли в состав позднейшего населения Забайкалья и Прибайкалья» (стр. 79). В первой фразе содержится грубая ошибка — гунны, как и сяньбийское, жузжанское и древнетюркское военно-административные объединения, различных этнических элементов, не составляли народности. Это были конгломераты племен и народностей. Вторая фраза просто бессодержательна, ибо она не дает представления о том, как, каким образом, какие этнические элементы вошли в состав позднейшего населения Забайкалья и Прибайкалья. Внимание автора особенно привлекают древние курыканы, которых он безоговорочно считает тюрками по языку, ссылаясь на факты наличия в бурятском языке большого количества тюркских слов. Факт неоднократного вхождения в состав предков бурят-монголов тюркоязычных этнических элементов не вызывает сомнения, но почему это курыканы, а, скажем, не уйгуры, не енисейские киргизы? Разве это опирается на анализ тюркской лексики, бытующей в языке бурят? Автор совершенно не исследует и, видимо, даже не учитывает вхождение в состав предков бурят тунгусоязычных групп населения. Вместо этого он фантазирует по поводу участия самоедских или самодийских племен в образовании бурят. Возможно, что некоторые самоедоязычные южные племена и группы, обитавшие в древности в Саяно-Алтайском нагорье, также вошли в сложный этнический состав бурят, но доказывать это так, как делает наш автор, совершенно недопустимо. Он делает это

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

путем проведения аналогий двух (!) терминов: бур. нохай — «собака» с ненецким ноһо — «песец», и бур. шоно — «волк» с ненецким һона — «лисица». Не говоря уже о неудачном сопоставлении собаки и песца, волка и лисицы, которых охотничьи народы никогда не путают, автор, очевидно, не допускает мысли, что у монгол названия собаки и волка одинаковы с бурятским, что монголы, как и буряты, могли дать собственные наименования этим животным, не прибегая для этого к заимствованию из ненецкого языка. Кстати сказать, оба эти бурятских названия для волка и собаки известны в древнемонгольском языке.

В связи со сказанным необходимо напомнить, что советская историческая наука решает вопросы происхождения того или иного народа прежде всего в свете упомянутого выше указания И. В. Сталина и на основе сочетания различных видов источников, а именно: археологических, антропологических, лингвистических, исторических, этнографических, фольклорных и т. п. Только совокупность упомянутых видов источников позволяет охватить и исследовать сложный и длительный процесс происхождения того или иного народа. Только таким образом может быть решен этот вопрос и в отношении бурят-монгольского народа.

В заключение нельзя не упомянуть и о том, что главы рецензируемой книги написаны различным языком и стилем. Одни из этих глав снабжены научным аппаратом, другие его не имеют. Необходимо пожелать, чтобы в следующем издании этой весьма нужной и, несмотря на серьезные недостатки, все же ценной книги высказанные критические замечания были учтены.

Л. Потапов

Былины Севера, том второй. Материалы рукописного хранилища Сектора фольклора Института русской литературы Академии Наук СССР. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., 1951, 847 стр.

Книга А. М. Астаховой представляет ценный вклад в фонд публикаций русского былевого эпоса. «Настоящая книга является второй и завершающей частью издания, первая часть которого — «Былины Севера», том I — вышла в 1938 г.» — пишет автор (стр. 5). Это издание — результат многолетней экспедиционной работы «в пяти основных былинных очагах», причем и «в местах, в прошлом слабо обследованных» (стр. 5). Первый том содержит записи былин на Мезени и Печоре, второй — в Прионежье, Поморье и на Пинеге, включая около 150 текстов былин, записанных от 70 лиц в 44 населенных пунктах. Это показывает значительность объема проведенной собирательской работы. Записи текстов сделаны в основном самой А. М. Астаховой; часть текстов записывалась другими участниками экспедиций; З. В. Эвальд, И. В. Карнауховой, М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпкиной и др.

Издание осуществлено на высоком научном уровне: оно отличается тщательностью записей в умеренной фонетической транскрипции, причем отмечаются «колебания произношения... характерные для живой речи» (стр. 7), продуманностью и полнотой научного аппарата — приложены биографические очерки о сказителях, подробные примечания, словарь к обоим томам (свыше 700 слов), ряд указателей, облегчающих пользование книгой и имеющих самостоятельное значение для изучающих русский эпос.

Наибольший интерес представляют тексты Прионежья, которые и количественно занимают в книге большую часть (99 номеров, в то время как с Пинеги — 37 номеров, а из Поморья — всего 9).

Бытование сюжетов былин разнится по районам записи: лишь около четверти текстов, преимущественно записанных в Прионежье, представляет сюжеты героических былин или новгородских городских новелл; свыше половины текстов, в основном с Пинеги и Поморья, — былины-баллады, приближающиеся к типу «безыменных эпических песен» (стр. 781) — «Дмитрий и Домна», «Роман и его дочь Настасья» и др.; остальные тексты — исторические песни, пародии, небылицы. Тексты неоднородны по качеству: наряду с текстами таких мастеров, как Н. С. Богданова, П. И. Рябинин-Андреев, братья Суриковы, от ряда сказителей записаны полузабытые, художественно неполноценные варианты.

Работа собирательницы была подчинена задаче выяснения состояния былинной традиции в конце 20-х — начале 30-х годов и изменений, произошедших в XX в. в былинном творчестве (особенно в семьях сказителей, от которых записи былин были уже сделаны собирателями XIX — начала XX в.). Район работы в Прионежье, проводившейся А. М. Астаховой и ее сотрудниками от научных организаций Ленинграда в основном в 1926 и 1931—1932 гг., частично совпал с аналогичной работой московских экспедиций 1926—1928 гг. (Государственной академии художественных наук, под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых), результаты которой были опубликованы¹. В примечаниях к «Былинам Севера» А. М. Астаховой указываются все случаи, когда дублетная или дополняющая запись от тех же сказителей была сделана и экспедицией ГАХН. Ряд повторных записей дает возможность исследовать вариативность текстов, а комментарии обоих изданий об исполнителях и бытовании былин взаимно дополняют друг друга.

¹ См. сборн. «Онежские былины», Летописи Гослитмузея, т. 13, М., 1948.

Биографические очерки, данные составительницей в рецензируемом издании, обстоятельны и рисуют живой образ сказителя. Они сообщают сведения о его жизни, характеризуют особенности его исполнения, указывают, от кого усвоены им тексты былин и каково его отношение к их содержанию. Для наиболее выдающихся сказителей, указана литература о них, а для тех, кто стал составлять эпические произведения на советскую тематику,—перечислены и эти произведения. Отмечая участие сказителей на творческих съездах и конференциях в Петрозаводске, Москве, Ленинграде, работу их на выборных должностях, автор рисует сказителей как граждан нашей советской страны, живущих полноценной жизнью.

А. М. Астахова фиксирует знание сказителями других жанров фольклора, благодаря чему они выявлены как подлинны мастера устного слова вообще, чего не доставало в сборниках прежних собирателей. Понятнее становится и обильное включение в былинны тексты причетов, пословиц и поговорок и использование стилистических особенностей сказок.

Особо подчеркивается в очерках и примечаниях «артистизм» исполнения (стр. 614), «артистическое дарование» сказителей. Очень интересно наблюдение, свидетельствующее, что привычка сказителей к пению былин за работой, «на льдинке» — рыбной ловле, за домашними делами и т. д. требовала создания этой трудовой обстановки и при пении былин во время записи; так, например, один из сказителей взялся за плетение сетей, другой начал сапожничать, чтобы исполнение шло свободнее.

Классификация сказителей по манере передачи ими традиционных сюжетов в примечаниях ко второму тому «Былин Севера» кажется несколько схематичной. Преувеличенно подчеркнута также значение ремарок сказителей при исполнении былин; А. М. Астахова дает исчерпывающую фиксацию их, распределяет по типам и пр.; но следует учесть, что если ремарки и имеют место при обычном исполнении былин для односельчан, то при исполнении для собирателя (всегда в несколько искусственной обстановке и большей частью в замедленном темпе) обилие ремарк сильно возрастает, так как сказитель стремится заполнить пробелы во времени и создать контакт со слушателями, которые обычно присутствуют при записи. Может быть, более правильную картину давали именно те собиратели, которых А. М. Астахова критикует за то, что они отмечали лишь наиболее важные ремарки (стр. 695).

А. М. Астахова, что вообще характерно для ее работ по русскому эпосу, берет в поле зрения этнографические черты в былинах, но ограничивается отдельными попутными замечаниями, притом далеко не исчерпывающими. В примечаниях она указывает «наличие... черт обыденной бытовой обстановки» в былинах (стр. 791; ср. также замечания на стр. 260, 471, 703, и др.).

Однако значительное число характерных для Севера «реально-бытовых деталей» автором не отмечено. Так, например, в текстах сборника имеется отражение занятия в прошлом крестьян на Севере моржовым промыслом: Илью Муромца враги опутали «ремнями моржовыми» (стр. 341); местный олонечский способ перевозки грузов на кережках — ручных лодкообразных саночках виден в иносказании царя Соломана об идущих на свою гибель, не зная этого, его жены-изменницы с новым мужем и их советчика:

Перьва-то карёжка сама идёт,
А другую за собой ведёт,
А третью будто цёрт несёт (стр. 30).

В былине о Чуриле обычная фраза о том, что Катерина его «скатны саночки взяла да на сарай сволокла» (стр. 249), говорит о хранении хозяйственного инвентаря, в том числе и саней, на нежилой половине второго этажа северной избы. Особенно же богаты местными образами небылицы (№ 215, 220): «на ели корова да белку злѣла» (стр. 609), «по песку медведь на лыжах шол», крестьянин на горе «засеки бил», чтобы рыбу ловить (стр. 627) и т. п.

«Областные традиции», о которых неоднократно говорит в книге автор, не связаны, однако, с конкретной историей края, с трактовкой сюжета, обусловленной локальной, исторически сложившейся обстановкой.

Автор также почти не касается исторического момента в былинах. Поскольку все же кое-какие исторические черты отмечены, эта неполнота неоправдана, тем более, что тексты, помещенные во втором томе «Былин Севера», широко отражают материальную и духовную культуру древней Руси.

В примечаниях А. М. Астаховой, правда, имеются отдельные отсылки к истории, но конкретного в них мало. Приведено соответствие некоторых имен половецких и татарских ханов именам былинных вражеских царей и богатырей, отмечено отражение «военно-бытовых явлений» эпохи татарщины (стр. 800), сохранение в новгородских былинах «исторической обстановки Новгорода XIII—XV вв.» (стр. 704). Также общо говорится о значении борьбы с разбойниками в древней Руси, отраженной в былинах об Илье Муромце.

Периодизация былин, которой придерживается автор, во многом спорна. Создание былин относится, как можно понять из контекста, в основном к периоду монгольского завоевания, в то время как комплексное изучение культуры древней Руси заставляет отодвинуть эпоху сложения былин к более раннему времени — рас-

цвету могучей Киевской Руси. Об этом говорят не только упоминания в летописях домонгольского периода и в «Слове о полку Игореве» эпических певцов — гордого Митусы и «вещего Бояна», но, главное, сама обстановка былин.

Былины в качестве исторического источника привлекаются специалистами смежных дисциплин, и археологи, историки, искусствоведы кропотливо отыскивают в эпосе упоминания о древнерусских постройках — гридницах, расписных теремах, «мостах» — настилах, о златокузнецких изделиях: оружии, утвари. Многому, упоминаемому в былинах, археологи находят аналогии в материале раскопок. Так, например, интересные данные могут быть привлечены для объяснения былинного погребения Михайлы Потяка вместе с женой и конем в особом срубе. Фольклористы же, как это сказалось и в рецензируемом сборнике, упорно игнорируют достижения исторической науки последних десятилетий, в особенности археологии, ограничивая свои исторические экскурсы тем, что было известно о культуре древней Руси еще в конце XIX — начале XX в. Вследствие этого фольклористика не только обедняет себя, но и оказывает плохую услугу ученым других специальностей, ведущим плодотворную работу по изучению, древнерусской культуры и привлекающим фольклорный материал. Из-за устарелости методики исторического исследования эпоса и принятия на веру отдельных положений, в свое время вошедших в научный обиход и некритически используемых рядом фольклористов, особенно в примечаниях к изданиям былин, вновь и вновь повторяются основные ошибки так называемой «исторической школы»: гипноз совпадения имен, в действительности легко подменяемых сказителями, недоучет значения вариативности текстов и произвольность построений на основе материала отдельных вариантов, выхватывание из органически целостного произведения сложного былинного жанра отдельных мотивов и образов.

Лишен исторического аспекта и «Словарь местных и старинных слов». Подавляющее большинство слов объяснено только из северно-великорусского диалекта, в их этнографическом значении, а не по тому значению слова, которое оно имело во времена сложения былин; вследствие этого смысловой оттенок ряда слов стерт. Так, объяснение слова гридница — «гридня, гридень, гриднюшка (*светлая гриднюшка*) — комната, покой» (стр. 818) ничего не дает. Последние работы археологов и историков (например, статьи Н. Н. Воронина в I и II томе «Истории культуры древней Руси», М.—Л., 1948, 1951) устанавливают, что гридница — термин, бывший в ходу в X—XI вв., обозначал особое строение для совещаний, пиришеств и пр. в дворцовом комплексе. Именно в историческом значении этого термина (а не в случайном его осмыслении) слово гридница вошло в былевой эпос. В словаре, несомненно, должно быть отражено также первоначальное историческое значение слов, сохраненное былинами. К сожалению, этого нет. Не вскрыта историческая специфика и ряда других терминов (например, «заства — сторожевой пункт», «палица — дубина», «челядинная девка — служанка, чернорабочая» и др.).

К текстам рецензируемого сборника приложены нотные записи былин (24 номера). В небольшой статье «Некоторые наблюдения в области исполнения былин», помещенной в книге, А. М. Астахова скользко касается и их «мелодической стороны»: пение сольное и хоровое (в унисон и с подголосками на Пинеге), перемежающееся с декламацией или просто «сказывание». Не все, отмеченное собирательницей, представляется заслуживающим такого пристального внимания: дифтонгирование и вставка редуцированных гласных не представляют специфики исполнения былин, а широко распространены и при народном исполнении других песенных жанров, даже частушек. Мало что дает подробное перечисление (на стр. 684—686), какие именно частицы вставляет при пении тот или другой сказитель. Не стоило приводить и образцов текстов с незначительными различиями при сказывании и пении (стр. 683).

Хочется подробнее остановиться на положительном опыте составительницы в отношении оснащения книги научным аппаратом, так как по существу до сих пор не выработана унифицированная система примечаний, указателей и т. д. в фольклорных изданиях. Целесообразно, что примечания развиты А. М. Астаховой не по отдельным номерам собрания, а по сюжетам, что избавляет примечания от повторений и громоздкости. В примечаниях даны ссылки на все печатные варианты — в дореволюционных и советских изданиях отдельно — и на рукописные, хранящиеся в архиве экспедиций в Пушкинском доме, с указанием основных отличий, дополнений и пропусков, имеющих в публикуемых в «Былинах Севера» текстах. Это сразу включает новые тексты в научный обиход, связывая их со всем имеющимся фондом записей русского эпоса, и придает научную значимость даже слабым и спутанным текстам. При тщательности объяснения всех сокращений почему-то остались нерасшифрованными буквы (к) и (пр) в некоторых ссылках на сборники былин.

Облегчает пользование книгой то, что в «Содержании» даны три колонки цифр: при названии каждой былины ее порядковый номер, страница текста и примечаний. Непонятно, почему составительница отказалась от колонтитулов, принятых во всех научных изданиях былин. Подробно разработаны алфавитные указатели былинных сюжетов, исполнителей, населенных мест, дающие совместно выразительную картину экспедиционной работы и бытования былин.

Словарь (который все же было бы целесообразнее давать отдельно к каждому тому) содержит указание на район, где бытует слово в данном значении; в ряде случаев слово приведено и в контексте.

В отношении транскрипции можно было бы пожелать несколько большей упрощенности — отказа от употребления *h*, от фиксации отклонений транскрипции от произношения, свойственных и литературному языку, от неслогового *ʒ* и *ё*, которое отмечено неполно (по одному-два раза) в текстах, записанных другими собирательными (№ 122, 170 и др.). Неоправданно соблюдение явных описок или ослышек при полевой записи: «Лучка об лучку покалачиват» (стр. 390), когда в предыдущей строчке говорится «Ножка о ножку», так что ясно, что речь идет о руке.

Отдельные недочеты нисколько не снижают большого научного значения этой бесспорно ценной и полезной книги, издание которой реализует материалы продолжительной собирательской работы.

Р. Липец

Коста Хетагуров. *Собрание сочинений в трех томах*. Изд. АН СССР, М., 1951.

Рецензируемое издание осуществлено Академией Наук СССР совместно с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом по постановлению Совета Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 21 июля 1939 г. как одно из мероприятий по увековечению памяти великого осетинского народного поэта, революционного демократа, основоположника осетинского литературного языка, в связи с 80-летием со дня его рождения. Произведения Коста Хетагурова при советской власти издавались неоднократно, но в таком полном издании они выходят впервые.

В первый том рецензируемого издания вошли написанные на осетинском языке стихи, составляющие цикл «Осетинская лира» («Ирон Фæдър»), и поэма «Хетæг», с параллельными русскими переводами, сделанными поэтами т. Тихоновым, М. Исаковым, В. Казиным, П. Панченко, А. Шпиртом, Б. Ирининым и др. Произведения, написанные на осетинском языке, в которых нашла яркое отражение тяжелая и бесправная жизнь трудящихся горцев, находившихся под двойным гнетом — местных феодалов и царских чиновников, — пользуются особенно большой популярностью среди осетинского народа. Еще до установления советской власти, когда основная масса осетин была совершенно неграмотна, очень редко можно было найти горца, который не знал бы «Додой» («Горе»), «Ныфс» («Надежда»), «Чи д» («Кто ты?») и других произведений из «Осетинской лиры», ставших боевыми революционными народными песнями осетин, призывавшими на борьбу с эксплуататорскими классами и царскими колонизаторами.

Во втором томе опубликованы произведения, написанные поэтом по-русски, — 78 стихотворений, поэмы «Фатима», «Кому живется весело», «Перед судом», «Плачущая скала», «Хетæг (Начало никогда не имеющей быть оконченной поэмы)», рассказы «Охота за турами», «Стоит только подняться от Мышиной тропы», «Сегодня я окончил свои вечерние занятия» и пьеса «Дуна».

В третьем томе напечатаны публицистические статьи и письма (последние издаются впервые). Публицистические работы и письма, помещенные в хронологическом порядке, показывают широкие и разносторонние интересы Коста Хетагурова.

Произведения, написанные на русском языке, ставшем для Коста Хетагурова, как и для многих других прогрессивных деятелей из осетин того времени (братьев Шанаевых, И. Канукова, Г. Цаголова и др.), вторым родным языком, также ярко отражают различные стороны тяжелой и бесправной жизни трудящихся горцев.

В предисловии к рецензируемому изданию, написанном Татари Епхивым, довольно полно охарактеризованы жизнь, творческий путь и общественно-политическая деятельность Коста Хетагурова. Автор предисловия широко использовал материалы из воспоминаний современников поэта и его письма, представляющие исключительный интерес для характеристики общественно-политической деятельности Коста Хетагурова, относящейся к 1880—1890-м годам, к периоду царствования Александра III, снижавшего себе репутацию «всероссийского жандарма». Это был период черной реакции, когда прогрессивные деятели русского общества томились в ссылках и тюрьмах, когда народы окраин царской империи, и в частности горцы Северного Кавказа, стояли под тяжелым гнетом бесправия. В этих условиях Коста Хетагуров выступил как пламенный трибун на защиту обездоленных горцев против царских колонизаторов, местных помещиков и буржуазии. «Проникнутый идеями русских революционных демократов, — пишет Т. Епхив, — Чернышевского, Добролюбова и Некрасова, Коста прекрасно понимал, что правящая верхушка царского самодержавия отнюдь не вся нация, что русский народ и его передовые идеологи никак не разделяют стремлений правительственной клики. Коста связал борьбу осетинского народа с борьбой великого русского народа против царизма, против помещиков и иных эксплуататоров» (стр. 20).

В защиту интересов горцев Коста выступал на страницах многих местных и центральных газет.

К сожалению, публицистические произведения Коста Хетагурова, занимавшие, как известно, важное место в его творчестве, в предисловии рассматриваются очень бегло, а некоторые из них, как, например, популярный этнографический очерк «Особа», известный в кавказоведческой литературе как одна из лучших работ по быту осетин дореволюционного периода, совершенно не упоминается.

Довольно большое место в предисловии отводится характеристике поэтической деятельности Коста Хетагурова, которая также падает на 1880-е и 1890-е годы. «Выступая на литературном поприще,— пишет Т. Епхийев,— Коста не имел перед собой сложившейся литературы, у него почти не было предшественников на родине, писавших на осетинском языке. Поэтому он обратился прежде всего к осетинскому фольклору, а потом к русской классической реалистической литературе, к поэзии Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Крылова, и нашел у них богатую школу поэтического мастерства» (стр. 31).

Рецензируемое издание снабжено примечаниями, алфавитными указателями и перечнем иллюстраций. Однако следует отметить, что комментарии, в частности к третьему тому, составлены небрежно, а порой даже неграмотно. Так, например, давая комментарии к известной статье Коста Хетагурова «Тартарен», напечатанной в 1901 г. в газете «Северный Кавказ» (№ 53) за подписью Нарон, авторы пишут: «Кого имел в виду Хетагуров в этом фельетоне — не установлено» (стр. 527). На самом же деле, к сведению комментаторов, это давно установлено. Непростительно специалистам, занимающимся творчеством Коста Хетагурова, не знать общеизвестных фактов, связанных с его деятельностью. Коста Хетагуров, будучи сам прекрасным этнографом-кавказоведом, глубоко отразившим в своих произведениях быт не только осетин, но и других кавказских народов, требовал глубокого и всестороннего изучения народов Кавказа. Он решительно выступал против поверхностного и недобросовестного описания фактов из жизни горцев.

В упомянутой выше статье «Тартарен» Коста Хетагуров высмеивает «этнографические наблюдения» А. Н. Дьячкова-Тарасова, преподавателя Екатеринодарской гимназии, совершившего со своими учениками поездку по Кавказу и давшего поверхностные, грубо искажающие действительность «этнографические» данные о горских народах. «Придавать таким прогулкам,— пишет Хетагуров,— научное значение бессовестно. Все свои научные сведения они черпают из уст приставов, старшин и писарей, которые к людям относятся только как к номерам исходящих и входящих журналов» (стр. 166). Статья эта была помещена в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (вып. 28, Тифлис, 1900) под заглавием «В горах Большого и Малого Карачая (Путешествие 26 учеников Екатеринодарской гимназии)»³.

Комментарии нужно было дать и ко многим другим произведениям Коста, помещенным в рецензируемом издании, в частности к статье «Учебник географии России», в которой Хетагуров критикует автора этого учебника М. Мостовского, придерживавшегося «теории» немецких ученых К. Гана и Гакстгаузена, доказывавших, будто осетины имеют «по физиономии, языку и образу жизни большое сходство с германскими народами» (стр. 176).

Нуждаются в комментариях и такие статьи как «Неурядицы Северного Кавказа», «Чичиков» и др.

Большое значение имеет публикация писем Коста Хетагурова. «Письма Коста Хетагурова,— отмечается в предисловии,— представляют большой интерес не только в смысле изучения по ним личной жизни поэта. В них мы находим отклики на крупные явления общественной жизни, происходившие в его время. По ним можно определить пульс, биение общественной жизни в России, в частности, состояние туземного населения в 80—90-е годы прошлого столетия» (т. I, стр. 24—25).

Всего в рецензируемом издании опубликовано 68 писем Коста Хетагурова. Большинство их адресовано членам семьи Цаликовых и Андукапару Хетагурову. Письма Коста Хетагурова дают исключительно интересный и богатый материал для исследования жизни и творчества великого поэта. Особенно обращает на себя внимание письмо к Е. А. Цаликовой от 21 июля 1899 г. из г. Очакова об одном из прислужников терской администрации Гаппо Баеве — первом издателе сборника «Ирон Фендыр». «Исключая *Tæxudy*» (Желание),— пишет Коста Хетагуров,— ни одно стихотворение не прошло без самых возмутительных корректурных ошибок, сделанных Гаппо просто умышленно на основании своей собственной дикой орфографии. Мало того, он местами выбросил слоги и подменил мои слова своими... Это прямо-таки нечестно» (т. III, стр. 399).

В другом письме к А. А. Цаликовой от 7 сентября 1899 г. поэт с возмущением пишет о Гаппо Баеве как о послушном царском холопе: «Вот такие-то господа, охранители основ и устоев существующего порядка, отбивают всякую охоту к хорошему делу. И если бы они действовали по убеждению — ну, тогда и бороться с ними не обидно, а ведь видишь каждого из них насквозь, видишь, что им руководит чисто лакейская тактика — получить прислужиться своему барину и получить лишний раз на чаек,— и поэтому-то противно с ними и бороться» (т. III, стр. 430).

В некоторых письмах (А. А. Цаликовой от 15 июня 1891 г. и А. И. Цаликову от 18 февраля 1892 г.) выражены взгляды поэта на брак, на положение женщины в условиях тогдашней Осетии.

Комментарии к письмам также недостаточны. Для читателей, например, совершенно неизвестными остаются такие лица, как Андукапар Хетагуров, оказывавший, как видно из писем, большую материальную и моральную помощь поэту, А. А. Цаликова и другие члены семьи Цаликовых, с которыми Коста Хетагуров вел переписку в течение многих лет и делился с ними своими радостями и печальми.

Внешне рецензируемое издание оформлено хорошо. Все тома снабжены иллюстрациями, портретами, мемориальными фотоснимками и репродукциями с картин Коста Хетагурова. На переплете и титуле, выполненных художниками А. В. Джанаевым и Л. С. Эрманом, использован осетинский народный орнамент.

Издание Собрания сочинений великого осетинского поэта Коста Хетагурова — большой вклад в культурную сокровищницу народов Советского Союза.

Б. Калоев

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

НОВЫЕ РАБОТЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЭТНОГРАФА О. НАГОДИЛА¹

Победа народно-демократического строя в Чехословакии и ее вступление на путь социалистического строительства открыли небывалые перспективы для развития науки в стране.

Переживает период подъема и этнографическая наука в Чехословакии. Поворотным моментом в развитии этнографии Чехословакии была общереспубликанская конференция этнографов в январе 1949 года. Конференция указала на необходимость коренной перестройки этнографической работы в Чехословакии, на новые задачи, стоящие перед этнографами страны в эпоху строительства социализма, на недопустимость отношения к этнографии как к «науке для науки», оторванной от практических задач. Согласно решению конференции, этнография должна стать наукой партийной, основанной на принципах марксизма-ленинизма, она должна служить интересам народа, помогать строительству новой, социалистической культуры. Было указано на необходимость создания квалифицированных кадров этнографов-марксистов.

Залогом успешного развития этнографической науки в Чехословакии была признана необходимость теснейшего сотрудничества с этнографами СССР. Богатейший опыт советских этнографов должен помочь этнографам Чехословакии в решении стоящих перед ними задач.

Изучению советской этнографической школы и ее основных принципов посвящена вышедшая в 1950 году книга молодого чехословацкого этнографа Отакара Нагодилы — «Советская этнография и ее прогрессивная роль».

О. Нагодил окончил Ленинградский государственный университет. Он хорошо знаком с работами советских этнографов. Его книга носит обзорный характер, но для чехословацких этнографов она очень интересна и полезна, так как успехи советской этнографической науки замалчивались в Чехословакии не только в период буржуазной республики, но и в первые годы после второй мировой войны, и чехословацкая научная общественность очень мало с ними знакома.

В предисловии автор сам определяет задачу своей работы: «показать исторические корни современной прогрессивной советской этнографии, новейшие пути научного исследования в данной области, так же, как и борьбу советской этнографии против англо-американской методологии, стоящей полностью на службе империалистических поджигателей новой мировой войны» (стр. 7).

В первой главе своей книги О. Нагодил говорит о прогрессивных традициях русской этнографии в предреволюционное время, строго придерживаясь основных положений статьи проф. С. А. Токарева — «Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку»². Он подчеркивает глубокую самостоятельность русской этнографической науки, ее заслуги в деле разработки проблем общей этнографии. Автор дает краткое описание развития русской этнографии, начиная с Киевской начальной летописи XII в. и кончая началом XX в., указывает на расцвет русской этнографии в XIX в. и на ее связь с прогрессивными течениями русской общественной мысли. Он дает краткую характеристику научной деятельности крупнейших представителей русской этнографической науки — Вениаминова, Н. Н. Миклухо-Маклая, Д. Н. Анучина, М. М. Ковалевского и др.

Переходя к характеристике советской школы в этнографии, О. Нагодил указывает на то, что она не является прямым продолжателем старой русской этнографии. Советская этнография качественно отличается от этнографии дореволюционной, ее основа — принципы марксизма-ленинизма.

¹ Otaakar Nahodil, Sovětská národopis a jeho pokroková úloha, «Světovvěstí», 1950; его же, K otázce o prvobytném kultu medvěda a jeho přežitcích, Zvláštní otisk z Národopisného věstníku československého, XXXII, č. 1—2, Praha, 1951; его же, Ideologické přenesení společenského zřízení do živočišného světa v náboženských představách a přežitích národnosti severní Eurasie, Zvláštní otisk z Národopisného věstníku československého, XXXII, č. 1—2, Praha, 1951; его же, Vyvoj násorů klasičtí marxismu-leninismu na otázky dějin prvobytné společnosti, Zvláštní otisk z Národopisného věstníku československého, XXXII, č. 1—2, Praha, 1951.

² «Советская этнография», 1948, № 2.

Автор совершенно правильно отмечает, что «Великая Октябрьская революция была мощным импульсом для развития новой этнографии» (стр. 15). Практическое осуществление сталинской национальной политики потребовало добросовестной и организованной работы. Было уделено огромное внимание воспитанию новых кадров этнографов-марксистов. Этнографы помогали в деле социалистического переустройства экономики, быта и культуры народов СССР, стоявших на различных ступенях развития.

О. Нагодил останавливается на характеристике советской этнографии как науки, качественно отличной от буржуазной этнографии. Советская этнография — часть исторической науки. «Методология марксизма-ленинизма проявляется в историзме советской этнографии, т. е. в изучении предметов, событий и явлений в процессе их возникновения, развития и отмирания, в связи с конкретными историческими условиями, их породившими, в связи со способом производства материальных благ, развитием производительных сил и производственных отношений» (стр. 30).

Автор разбирает основные проблемы, которыми занимается советская этнография. В первую очередь, он называет проблему изучения первобытного общества. Он излагает взгляды Маркса и Энгельса на возникновение частной собственности, классов и государства, указывает на материалистические взгляды Моргана на первобытное общество. Советские этнографы, занимающиеся вопросами первобытно-общинного строя, пересмотрели некоторые положения Моргана и отвергли их, как устаревшие. Автор говорит о работах проф. М. О. Косвена, посвященных проблеме матриархата, и известного знатока народов севера А. А. Попова, опубликовавшего новый материал по истории первобытного общества в Сибири.

О. Нагодил подробно останавливается на проблеме изучения колхозной деревни советскими этнографами. Этнографические работы Г. С. Масловой, В. Н. Крупнянской, И. Ф. Симоненко, М. В. Сазоновой, Т. А. Жданко и других говорят об утверждении в колхозной деревне новой культуры национальной по форме и социалистической по содержанию.

Автор указывает на то, что опыт первых экспедиций показал необходимость глубокого знания экономики, так как без умения правильно пользоваться материалами колхозной экономики научная работа в области этнографического изучения колхозной деревни невозможна. Автору следовало сказать, что изучением колхозного крестьянства советские этнографы стали заниматься только в послевоенное время, и если с самого начала они пробовали изучать в колхозах все, начиная с колхозной экономики до личной жизни, развлечений и колхозного строительства, то теперь, после некоторого опыта работы, советские этнографы пытаются ограничить предмет своего исследования. Этнографы интересуют больше культурные, а не хозяйственные достижения колхозного крестьянства, все новое в быту и культуре, что связано с советским образом жизни. Это не значит, что вопросы колхозного производства совершенно не должны быть изучаемы, но колхозная экономика должна интересовать этнографа лишь постольку, поскольку она влияет на быт и культуру колхозников.

Третьей проблемой, занимающей советских этнографов, О. Нагодил называет проблему этногенеза и образования наций.

Необходимо было указать на огромное значение работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития советской этнографии. В частности, она поставила перед советскими учеными задачу критического пересмотра проблемы этногенеза. О. Нагодил же лишь в примечании говорит, что «И. В. Сталин помог изучению проблемы этногенеза в том смысле, что указал в своих гениальных замечаниях к дискуссии по языкознанию на ошибочные взгляды акад. Марра, чье схематическое понимание развития языка сильно повлияло на работы отдельных советских историков, археологов и этнографов, занимающихся вопросами этногенеза» (стр. 43).

Возможно, что О. Нагодил получил работу И. В. Сталина уже во время печатания своей книги и поэтому ограничился лишь подстрочной ссылкой. Но это не может служить оправданием. Следовало бы во всяком случае изыскать изложение работ А. Д. Удальцова, в которых проблема происхождения народов решается с позиций Н. Я. Марра. В цитатах, приводимых О. Нагодилом, нашли свое отражение и теория скречивания, и теория взрывов, вульгаризаторскую сущность которых разоблачил товарищ Сталин в своей работе.

Целую главу своей книги О. Нагодил посвятил борьбе советской этнографии с реакционными буржуазными школами. Особое внимание автор уделяет разоблачению функциональной школы в этнографии, которую он правильно называет «продуктом кризиса империалистической колониальной системы» (стр. 51).

Повторяя основные выводы статьи И. И. Потехина «Функциональная школа в этнографии на службе американского империализма», О. Нагодил дает подробную критическую характеристику взглядов основателя функциональной школы Бронислава Малиновского и холизма фельдмаршала Смэтса, как философской основы функционализма. Он делает вывод о том, что функционализм включает в себя все наиболее реакционные взгляды эпохи империализма, что основная цель функционализма — помочь колониальным властям удержать в повиновении поработанные народы, используя архаические институты первобытно-общинного строя. Функционализм служит узким классовым интересам империалистов.

Для этнографов Чехословакии очень важно правильное понимание реакционной

сущности функциональной школы, широко распространенной не только в странах Западной Европы, но и в самой Чехословакии.

О. Нагодил подробно останавливается на критике взглядов П. Богатырева, одного из основателей «функционально-структурной» школы в чехословацкой этнографии и фольклористике. П. Богатырев изучал не самый фольклор, а лишь его отдельные функции. Фольклор в его понимании — комплекс функций. Отдельные функции образуют структуру, которая находится в равновесии. Как и Б. Малиновский, П. Богатырев не признавал категории пережитков, отказывался от исторических обобщений, не признавал за фольклором значения исторического источника. О. Нагодил совершенно правильно указывает на тесную близость «функционально-структурального» метода П. Богатырева и британского «функционализма»: «никакой принципиальной разницы между англо-сакским «функционализмом» и «функционально-структуральным» методом П. Богатырева нет» (стр. 57).

Идеалистическая концепция П. Богатырева до сих пор еще пользуется влиянием среди некоторых чехословацких ученых. Критику «функционально-структурального» метода со стороны чехословацких этнографов-марксистов мы можем только приветствовать и всячески поддерживать.

Большое внимание О. Нагодил уделил вопросу борьбы советских этнографов с космополитизмом в американской этнографии. Излагая содержание работы И. И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии», О. Нагодил отмечает коренную противоположность космополитизма этнографии как науке. Задачей этнографического исследования является изучение национальной специфики народов, качественных особенностей каждой нации в отличие от других наций. Космополитизм же отрицает национальную специфику, пренебрегая национальными особенностями отдельных народов. Космополитизм современной американской этно-психологической школы является идеологическим обоснованием экспансионистских стремлений США.

О. Нагодил подчеркивает прогрессивную роль советской этнографии, «проявляющуюся не только в марксистско-ленинском методе исследования, но и в правильном понимании актуальных задач научной работы», во всесторонней помощи этнографам стран народных демократий в их борьбе против реакционных течений в этнографии. О. Нагодил приходит к заключению, что «советская этнография является наукой прогрессивной, гуманной, в полном смысле слова исторической... Работа советских этнографов — пример того, как должна выглядеть настоящая наука, служащая прогрессу своими теоретическими и практическими выводами» (стр. 60).

Особый интерес представляет последняя глава работы О. Нагодил, носящая более самостоятельный характер. Она посвящена задачам чехословацких этнографов в эпоху построения социализма.

Автор приводит обзор исторического развития чешской и словацкой этнографической науки. Он подробно останавливается на работах крупнейших чехословацких ученых — П. И. Шафарика, К. Эрбена, К. Кадлеца, Ч. Зиберта, Л. Нидерле и подчеркивает их положительную роль в развитии мировой этнографической науки. Автор указывает на кризис этнографической науки в годы буржуазной республики, когда «этнография стала политическим оружием в руках господствующего класса. Это проявилось в замазывании классовой борьбы в деревне, в так называемой теории «единой культуры» в деревне, главным носителем которой объявлялось кулачество» (стр. 70). Отвергнув славные традиции классического прошлого, чехословацкая этнография переродилась в эклектическую буржуазную науку, ориентировавшуюся на французскую социологическую школу.

Февральские события 1948 года открыли новые перспективы для развития этнографии в Чехословакии. Появилась первая группа прогрессивных этнографов молодого поколения, основавшая первый марксистский этнографический кружок при Пражском университете. Примером для этнографов нового поколения являлась советская этнографическая школа.

Автор отмечает решающую роль первой этнографической конференции 1949 г., которая закончилась победой нового, прогрессивного направления в чехословацкой этнографии, опирающегося на принципы марксизма-ленинизма.

Важнейшей задачей этнографов Чехословакии в данное время является пересмотр своей научной деятельности с точки зрения марксистского мировоззрения и воспитание новых кадров этнографов в духе марксизма-ленинизма.

Чехословацкие этнографы прежде всего будут изучать проблемы общего характера, исходя из основных положений марксизма-ленинизма; историю первобытного общества, этногенез народов; с новых позиций чехословацкие ученые будут изучать этнографию чехов, словаков и всех славянских народов. Новой задачей чехословацких этнографов является изучение социалистического развития деревни в Чехословакии, процесса изменения ее быта и культуры.

«Мы будем делать много ошибок, — говорит О. Нагодил в заключение, — и их будет вначале достаточно... Но мы будем руководствоваться теорией марксизма-ленинизма, которая является ключом к познанию и правильному пониманию явлений, подлежащих нашему изучению, а нашим примером будет этнографическая наука в СССР» (стр. 78).

Следует остановиться еще на ряде работ О. Нагодил, посвященных проблеме изучения первобытного общества.

В статье «Развитие взглядов классиков марксизма-ленинизма на вопросы истории

первобытного общества» (1951 г.) О. Нагодил знакомит читателя с высказываниями основателей марксизма, о первобытно-общинном строе. К сожалению, мы имели возможность познакомиться лишь с первой частью этой статьи, где автор излагает взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса по этому вопросу, содержащиеся в работах — «Немецкая идеология», «К критике политической экономии», «Капитал».

В буржуазной литературе существовало мнение, что возникновением материалистического учения об истории первобытного общества мы обязаны лишь Моргану, «Древнее общество» которого, якобы, совершило «переворот» во взглядах Маркса и Энгельса по этому вопросу. О. Нагодил показывает, что в своих работах, написанных в 40—70-х годах, Маркс и Энгельс разработали свою концепцию первобытно-общинного строя еще задолго до выхода в свет работы Моргана.

Характер самостоятельного исследования несут статьи О. Нагодилы — «К вопросу о первобытном культе медведя и его пережитках» и «Идеологическое перенесение общинного строя в животный мир в религиозных представлениях и пережитках народов Северной Евразии», напечатанные в «Этнографическом чехословацком вестнике» в 1951 году.

В указанных работах автор впервые в чехословацкой этнографической литературе пытается с марксистских позиций решить вопрос о происхождении религии и ее первичных формах. Он подчеркивает, что религия является фантастическим отражением условий материальной жизни общества, что у первобытных людей она была порождением их практической беспомощности перед силами природы. Автор собрал очень большой и интересный материал, относящийся к культу медведя и его пережиткам у различных народов. На примере культа медведя он иллюстрирует мысль Энгельса¹ о том, что религия возникла «из самых темных представлений людей о своей собственной и о внешней природе».

Появление первых марксистских работ в Чехословакии свидетельствует о том, что чехословацкие этнографы стоят на правильном пути. Только глубокое усвоение принципов марксизма-ленинизма поможет им в разрешении стоящих перед ними задач.

Н. Грацианская

Р. Ангелова и А. Примовски, *Въпросник за проучване на задружните прояви в българската стопански бит* София. Българската академия на науките, 1951.

В 1948 г., согласно новому уставу Болгарской академии наук, в ее составе был организован Институт этнографии; существовавший до тех пор самостоятельно в Софии этнографический музей был также передан в ведение Академии наук.

Институт с момента создания провел ряд экспедиций в отдельные районы страны. Основными объектами изучения явились народное творчество, отдельные виды народного искусства, материальная культура. В результате проведенной работы в конце 1951 г. в помещении Академии наук была открыта выставка болгарского народного творчества, продемонстрировавшая многообразие и богатство искусства болгарского народа.

Перед болгарскими этнографами очевидной стала необходимость всестороннего изучения современной культуры и быта болгарского народа, вступившего под руководством народно-демократического правительства и Болгарской коммунистической партии на путь построения социализма. Не случайно поэтому первым коллективным трудом сотрудников Института этнографии и Этнографического музея явилась программа по изучению быта современного болгарского крестьянства.

В отличие от изданных в Болгарии за послевоенные годы программ по сбору этнографического материала, ориентированных в основном на изучение пережиточных явлений прошлого в быту болгарского народа (в результате чего в программе, вышедшей в 1946 г., нашло себе место изучение причин вражды между селами¹), рецензируемая работа ставит перед собой задачу помочь этнографу в изучении коллективных начал в хозяйственной жизни болгарского крестьянства.

Нужно признать совершенно правомерным, что изданная программа из огромного разнообразия явлений современной жизни болгарского села останавливает внимание полевого работника на одной из интереснейших черт жизни болгарского крестьянства — коллективизме в общественной и домашней жизни. Народные формы сотрудничества и взаимопомощи трудовой части болгарского крестьянства, находившие в прошлом выражение в обычаях взаимопомощи в повседневной трудовой жизни, в отправлении народных праздников и семейных торжеств, в новых условиях народно-демократического государства получают дальнейшее свое развитие.

В предпосланном программе кратком введении составители так определяют поставленную перед собой задачу: «Предлагаемый вопросник является попыткой охватить все коллективные действия в хозяйственном быту болгарского народа от древнейшего прошлого до наших дней — традиционные и новые формы добровольного и

¹ Х. Вакарелски, *Въпросник — упътване за събиране на етнографски материали*, София, 1946.

коллективного труда». Однако даже общее ознакомление с содержанием программы свидетельствует о том, что составители ее далеко вышли за пределы поставленной тематики. Составители программы пытаются охватить все стороны жизни болгарского крестьянства в прошлом и настоящем.

Все вопросы программы группируются по четырем основным разделам: 1) коллективная обработка земли; 2) эксплуатация лесных угодий; 3) животноводство; 4) взаимопомощь и коллективный труд в различных случаях общественной и семейной жизни.

В первом разделе в самостоятельные комплексы выделены следующие вопросы:

- а) коллективный труд в прошлом и в настоящее время;
- б) ТКЗХ — трудовые кооперативные земельные хозяйства;
- в) обычаи в связи с обработкой земли;
- г) устное народное творчество в связи с личной обработкой земли в прошлом и в настоящее время.

Здесь сгруппированы все вопросы, связанные с обработкой земли в прошлом, здесь же частично находит отражение классовая структура изучаемого села, использование болгарскими и турецкими феодалами под ширмой традиционных народных обычаев взаимопомощи бесплатного труда крестьян. Здесь же мы находим группу вопросов, помогающих исследователю собрать материал о тяжелом экономическом положении основной массы трудового крестьянства в прошлом, заставлявшем крестьян уходить на заработки в соседние области, а иногда и за пределы государства. Ряд вопросов этого раздела относится к сохранению традиционных форм взаимопомощи при постройке дома, оказании помощи вдовам, сиротам, односельчанам, пострадавшим от стихийных бедствий. В этом же разделе кратко находит отражение и семейная община.

После освобождения болгарского народа от капиталистического гнета и фашистской оккупации в деревне, вступившей на путь общего экономического и культурного подъема, стали складываться новые отношения трудового сотрудничества и взаимопомощи. Трудовые кооперативные земельные хозяйства явились основными центрами создания новой жизни в болгарском селе. В программе комплекс вопросов, характеризующих жизнь болгарского крестьянина в трудовых кооперативных земельных хозяйствах, выделен в самостоятельный раздел. Здесь нашли себе место вопросы создания ТКЗХ, организация труда в коллективных хозяйствах, новое отношение к труду среди членов ТКЗХ, проявляющееся в социалистическом соревновании и ударничестве, помощи членам соседних ТКЗХ и некооперированным крестьянам, роль и участие женщин в кооперативных хозяйствах, техническое оснащение ТКЗХ и помощь им со стороны МТС.

Составители программы останавливают внимание полевого работника на сочетании личных и общественных интересов членов ТКЗХ (распределение доходов, помощь ТКЗХ в личном хозяйстве своих членов, организация детских садов, столовых на время полевых работ и т. д.), культурно-просветительной работе в трудовых хозяйствах (политическая, агротехническая и зоотехническая пропаганда, организация библиотек, читален).

Отдельно выделены фольклор и комплекс обычаев, связанных с обработкой земли. Все поставленные в данном разделе программы вопросы должны интересовать этнографа, занимающегося изучением современного быта болгарского народа. Однако в такой же мере указанные вопросы могут интересовать экономиста, географа, статистику и т. д.

Поэтому здесь необходимо сделать примечания, содержащие указание, в каком разрезе и объеме нужно подходить при сборе этнографического материала по данным вопросам.

Второй раздел программы составляют вопросы использования лесных угодий в прошлом и настоящем; третий — ведение животноводческого хозяйства. Здесь останавливает на себе внимание совместная покупка рабочего скота в прошлом малоимущими крестьянами, организация пастбищного хозяйства.

Последний раздел программы посвящен взаимопомощи и кооперированию труда членов сельской общины при постройке общественных зданий, рытье колодцев и т. д.

Рецензируемая работа, как видно из приведенного выше краткого разбора, охватывает довольно подробно различные стороны жизни болгарской деревни в прошлом и настоящем. Основная масса затронутых в программе вопросов разрешает своевременную задачу помочь этнографу в изучении коренных изменений в жизни болгарского села за годы народно-демократической власти, направленных на создание нового класса болгарского крестьянства, равноправного строителя социалистического общества. Оправдано желание авторов наиболее широко осветить жизнь современного болгарского села, чем, видимо, и объясняется некоторое несоответствие между темой программы и ее содержанием.

Болгарская деревня, вступившая на путь построения социализма, переживает период обострения классовых противоречий, период ожесточенной борьбы старого, отживающего, с растущим, новым во всех областях жизни современного болгарского народа. Этнограф, вооруженный марксистско-ленинской теорией, не ограничиваясь простой фиксацией окружающей его действительности, должен уметь разобраться во всем многообразии современной ему жизни. Программа, ставящая перед собой цель показать

«...переустройство жизни болгарина, его мыслей в связи со строительством социализма», должна акцентировать внимание полевого работника в первую очередь на новых явлениях во всех областях жизни народа и на тех институтах прошлого, которые имеют реальные предпосылки для своего дальнейшего бытования.

Отживающее прошлое, многие вредные обычаи, продолжающие занимать еще не малое место в жизни современного болгарского села, должны найти свое отражение в программе при условии указания конкретной социальной среды, в которой они продолжают бытовать. Этнографы современной Болгарии должны фиксировать вредные пережитки прошлого с тем, чтобы внести свою долю в дело борьбы за их искоренение.

Как было сказано выше, авторы программы ставят перед собой цель наметить комплекс вопросов, с одной стороны, вскрывающих коллективные начала в жизни прошлой Болгарии, с другой, — направленных на всестороннее изучение жизни современного болгарского крестьянства в трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах.

9 сентября 1944 г., принесшее освобождение трудящимся массам Болгарии, ознаменовало собой переход от капиталистической формации к построению основ социализма.

Страна вступила в бурный период коренных изменений во всех областях жизни народа. В болгарской деревне, освобожденной от гнета эксплуатации, началось быстрое экономическое и культурное возрождение трудящегося крестьянства путем последовательного кооперирования крестьянских хозяйств.

Программа должна отразить все грандиозное изменение современной жизни не только путем правильной постановки вопросов, но и суметь правильно намеченные вопросы сгруппировать, проводя резкое размежевание прошлого от современной действительности.

Рецензируемая программа в этом отношении страдает рядом существенных недостатков.

В основных разделах программы отсутствует четкое разграничение между современным бытом болгарского села и его тяжелым прошлым. Составители программы совершенно правильно поступили, выделив самостоятельный комплекс вопросов, характеризующих жизнь крестьянства в ТКЗХ. Однако помощь трудовых бригад годовиков сельскому населению в уборке урожая, пахоте, вопросы ведения современного животноводческого хозяйства, использования лесных угодий остались вне указанного раздела, теряясь в общей массе вопросов, связанных с прошлым бытом болгарского села. Вызывает недоумение распределение вопросов в двух последовательных разделах: «Обычаи в связи с обработкой земли» и «Словесное народное творчество в связи с личной обработкой земли в прошлом и в настоящее время». Как видно из этих названий, указанные отделы посвящены изучению обычаев и обрядов, сопровождающих отдельные процессы земледельческого цикла.

Если вопросы первого из указанных разделов отражают последовательные процессы земледельческого календаря (пахота, сев, жатва и т. д.), то во втором из них, наряду с трудовыми сельскохозяйственными песнями, народным юмором, авторов также интересуют празднование Первого мая и Девятого сентября в ТКЗХ, а также обряды и обычаи, сопровождающие вступление в брак членов ТКЗХ. Трудно объяснить, почему международный праздник труда Первое мая и общенациональный праздник возрождения болгарского народа — Девятое сентября объединены в один раздел с народным юмором, фикующим крестьян, не вступающих в земледельческие кооперативы, и все вместе вошло в раздел «Словесное народное творчество в связи с личной обработкой земли в прошлом и в настоящее время».

Отсутствие четкости в разграничении старого, уходящего в прошлое быта от строящейся новой жизни в условиях народно-демократического строя приводит к тому, что в одном ряду с вопросом о помощи трудовых бригад городского населения в сельскохозяйственных работах, совершенно новом явлении, возможном только после 9 сентября и знаменующем собой дружбу трудящихся масс города и села, находится ряд вопросов, связанных с уходом на отхожие промыслы и эксплуатацией наемного труда в капиталистической Болгарии.

В введении к программе составители ее правильно вскрывают двойкий характер задружных обычаев в классовом обществе. Задружные обычаи возникли в недрах старых общественных формаций и являются «выражением глубокого общественного чувства». В условиях классового общества традиционные формы взаимопомощи сохраняются среди беднейших и частично средних слоев крестьянства как одна из форм борьбы с тяжелыми экономическими условиями жизни.

Обычаи взаимопомощи в среде членов определенного родственного коллектива (рода, патронимии) свойственны болгарам, как и всем народам, на стадии первобытно-общинного строя; они сохраняются в пределах соседской общины, а среди родственников и в классовом обществе. Желательно было бы, чтобы программа шире отразила сохранность традиционных задружных обычаев в среде родственников в прошлом и в настоящее время.

Хотелось бы более подробно осветить вопрос о семейной общине как характерной форме коллективного землевладения, в частности социальную принадлежность задружных хозяйств, сохранность их в настоящее время.

В программе затронуты вопросы эксплуатации турецкими феодалами труда местного населения на бесплатных работах, но, к сожалению, совершенно остаются неосвоенными вопросы эксплуатации кулачеством беднейших слоев крестьянства под маской традиционных обычаев взаимопомощи односельчан друг другу, не предусмотрены встречавшиеся случаи эксплуатации зажиточным крестьянством родственников-бедняков.

Одним из наиболее насыщенных разделов программы является раздел ТКЗХ, где составителям удалось сравнительно небольшим количеством вопросов обратить внимание полевого работника на существенные изменения в культуре и быту кооперированной части болгарского крестьянства.

Однако при составлении указанного раздела авторы, повидимому, исходили только из стремления отразить в программе «момент колебаний, размышлений и исканий, спутников всякого основного изменения в хозяйственной и духовной жизни». Поэтому в ней нашли место такие нехарактерные для кооперативного движения в целом в Народной Республике Болгарии вопросы, как выход отдельных крестьян из ТКЗХ, отдельные случаи исключения из кооперативных хозяйств, и совершенно не получили отражения вопросы, помогающие вскрыть классовую борьбу на селе в период строительства социализма, что является важнейшим недостатком рецензируемой программы.

Необходимо включение в указанный раздел дополнительных вопросов, помогающих более ярко осветить рост материального благополучия семей, вступивших в ТКЗХ; хорошим иллюстративным материалом для этого могут служить подробные записи биографий знатных людей ТКЗХ (ударников, делегатов Первой национальной конференции, передовиков ТКЗХ и т. д.).

ТКЗХ воспитывают среди своих членов новые отношения трудового сотрудничества и взаимопомощи, поэтому в программе должна найти место передача опыта передовиков сельского хозяйства и передовых ТКЗХ.

Советский Союз оказывает всестороннюю помощь странам народной демократии в строительстве социализма. Одним из конкретных проявлений этой помощи является посещение делегациями болгарских крестьян СССР и посылка в Болгарию передовиков социалистического сельского хозяйства, стахановцев, советских ученых.

Составители программы названные моменты проявления повседневной трудовой дружбы советского и болгарского народов подменяют неудачно сформулированным вопросом о том, «желают ли члены кооперативов посетить советский колхоз».

Мы остановились только на важнейших недостатках рецензируемой программы, которая требует значительных дополнений и тщательной конструктивной доработки, чтобы служить действительным пособием при сборе этнографического материала.

И. Калоева

НАРОДЫ АФРИКИ

Ф. Моретт. *Экваториальная, Восточная и Южная Африка*. Сокращенный перевод с французского. Под редакцией И. И. Потехина и С. Р. Смирнова. Издательство иностранной литературы, М., 1951.

Рецензируемая книга написана французским географом Ф. Мореттом в 1936 г. и выпущена в серии «Всеобщая география» в 1937 г. Она является продолжением переведенной Издательством иностранной литературы работы той же серии «Северная и Западная Африка» (автор О. Бернар).

Книга Моретта состоит из шести самостоятельных частей: Экваториальная Африка, Восточная Африка, Северо-Восточная Африка, Нильская Африка, Южная Африка, Мадагаскар и другие африканские острова Индийского океана. Каждая из частей содержит следующие разделы: физическая география, заселение и образ жизни коренного населения, открытие и колонизация, общий обзор хозяйства. Следует указать, что некоторые главы, в частности те, в которых дается история заселения, колонизации и образ жизни населения, были значительно сокращены редакцией как наиболее слабые и устаревшие по материалу.

Ценность книги Ф. Моретта заключается в том, что в ней содержится богатый фактический материал по физической географии Экваториальной, Восточной и Южной Африки. Что же касается историко-этнографических и экономических разделов книги, то они требуют критического отношения к себе, так как Ф. Моррет, представитель буржуазной французской школы, находится в плену буржуазной идеологии и ее псевдонаучных, расистских концепций.

Ф. Моррет совершенно неправильно изображает историю заселения Африки. По его мнению, вся Африка некогда была заселена пигмеями, которые позднее были загнаны в тропические леса Центральной Африки пришедшими из Азии народами банту. Банту в свою очередь были потеснены хамитами, также явившимися из Азии.

Этнотезис народов Африки еще до конца не разрешен, но археологические раскопки показали, что пигмеи никогда не населяли всей Африки. Банту — коренные жители Африки, а не пришельцы из Азии. Первоначально они населяли южные районы Судана, откуда переселились на юг и юго-восток. Моретт — один из ярких сто-

ронников реакционной, так называемой хамитской теории. Сущность ее заключается в утверждении, будто некие вымышленные скотоводы-хамиты, носители более высокой культуры, пришли из Азии, подчинили себе земледельцев банту и создали в Восточной Африке ряд государств. Все наиболее культурны негрские народы Африки Моретт называет хамитами, например зулусов, которые в действительности принадлежат к группе банту. Исследования советского африканиста проф. Д. А. Ольдерогге разоблачили ложность этой «теории» и показали, что никакой хамитской группы языков нет¹. Исследования советских антропологов доказали, что и никакого хамитского антропологического типа в Африке не существует. Переселения из Азии в Африку имели место (например, переселения сабейцев и химьяритов из Аравии на территорию современной северной Эфиопии в VIII в. до н. э.), но никакие хамиты из Азии в Африку не переселялись. Также неверно излагает Моретт происхождение отдельных народов, в частности эфиопов (абиссинцев). Он называет их семитами. Однако в этногенезе эфиопов приняли участие аборигены Эфиопского нагорья, говорящие на кушитских языках, и древние жители Аравии — сабейцы и химьяриты.

Автор ошибочно относит к этническим категориям социальные и религиозные группировки. Так, например, при описании населения Египта Моретт противопоставляет феллахов коптам. Он пишет (стр. 263): «Наиболее значительный элемент населения после феллахов составляют копты». Феллахи — это название египетских крестьян. Копты — это часть египтян, исповедующих христианство, и, конечно, среди них имеются и крестьяне феллахи.

Характеристика образа жизни того или иного народа, даваемая Мореттом, в большинстве случаев не только устарела, но и неправильна даже по отношению к концу XIX — началу XX в. Моретт называет ваньямвези, ваго, вахехе и другие народы Танганьики (Восточная Африка) пастушескими народами и пишет, что они позаимствовали скотоводство у хамитского народа — масан и стали пастухами. Все эти народы в действительности издавна в своем хозяйстве сочетали земледелие со скотоводством, и называть их или «земледельцами», или «пастухами» неправильно. Моретт пишет, что шанкалла занимаются только охотой или рыболовством. Шанкалла — группа нилотских народов западных областей Эфиопии и Восточного Судана. Они в конце XIX в. уже знали земледелие. Русские путешественники этого периода Л. К. Артамонов и А. К. Булатович, описавшие эти народы, указывали, что главным занятием их является земледелие.

Моретт крайне преувеличивает отсталость народов Африки и намеренно их примитивизирует, следуя за другими буржуазными псевдоучеными, прислужниками империалистов. Так, например, о сомалийцах, жителях северо-восточного «рога» Африки он пишет: «Страбон (греческий географ I в. до н. э. — М. Р.) дает кое-какие сведения о сомалийцах и их соседях, об их социальном строе и нравах, которые остались, повидимому, неизменными до нашего времени» (стр. 215). Нубийцев, жителей Судана, создавших высокую культуру, Моретт называет троглодитами, т. е. дикими, пещерными жителями.*

Все этнические группировки Моретт без различия называет племенами, в его глазах это единая, компактная масса. Он не видит, вернее, не хочет видеть тех изменений, которые произошли в жизни африканских народов за последние 50 лет. Для Моретта не существует классового расслоения внутри племен; он намеренно не замечает того, что вожди племен стали в большинстве своем послушными слугами империалистов, их социальной опорой.

Особенно ярко отражаются объективистские, лженаучные, реакционные взгляды Ф. Моретта в разделах, посвященных истории колонизации отдельных районов Африки. Колонизацию он трактует как мирный раздел Африки. Автор умалчивает о варварском истреблении народов Экваториальной Африки в период их порабощения, не разоблачает ужасов леопольдовского режима в так называемом «Свободном государстве Конго»; на страницах книги не показана героическая борьба народов Африки за свое освобождение. Автор представляет в извращенном свете отдельные моменты из этой борьбы. Так, например, кровопролитная итало-эфиопская война 1895—1896 гг. названа Мореттом «конфликтом с негусом Менеликом, закончившимся поражением итальянских войск под Адуа», национально-освободительное движение махдистов автор намеренно называет «вспышкой мусульманского фанатизма» (стр. 277). Парадоксом звучит такое заявление автора по поводу нахождения английских оккупационных войск в Египте: «Единственное нарушение полной независимости Египта — присутствие там британских войск». В действительности же пребывание в Египте английских войск лишает его фактической независимости.

Моретт не раскрывает мрачной картины империалистической эксплуатации и колониального порабощения народов Африки. Он рисует идиллическую картину мирного сосуществования африканских народов и колониальных монополий. Земельные экспроприации, непосильные налоги, принудительный труд на шахтах и плантациях, полицейский режим расовой дискриминации и пр. — все это лишь «мелкие неприятности», связанные с осуществлением «цивилизаторской миссии» колонизаторов.

¹ Критику «хамитской» теории см. Д. А. Ольдерогге, Хамитская проблема в африканистике, «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 156—170.

В своем стремлении обойти колониальный режим Моретт доходит до того, что, в отличие от других буржуазных авторов, совершенно замалчивает вопрос о политике расовой дискриминации по отношению к коренному населению Южно-Африканского Союза и т. д.

Книге Ф. Моретта предпослана большая вступительная статья И. И. Потехина (стр. 3—46), автор которой подвергает острой критике взгляды Ф. Моретта. Вступительная статья представляет большой научный интерес для советского этнографа. В ней читатель найдет, помимо критического разбора ошибочных взглядов Ф. Моретта, решение ряда сложных проблем современной африканистики. В статье дается краткое изложение истории заселения Африки, характеристика этнического состава населения Восточной, Экваториальной и Южной Африки и современного положения народов этих частей Африки. За внешней племенной раздробленностью населения, изображаемой Мореттом, автор вступительной статьи вскрывает наличие крупных этнических образований, ставит вопрос о формировании народностей и наций. Процесс формирования буржуазных наций в Африке происходит в тяжелейших условиях колониального режима. Империалисты намеренно консервируют племенную организацию, стараются задержать развитие капитализма и тем самым помешать формированию наций. Этот процесс начался, идет, и сейчас уже можно говорить о более или менее четких контурах формирующихся наций.

Во вступительной статье излагается история варварской колонизации Африки, героической борьбы ее народов (коса, зулу, эфиопов, народов Судана и др.) за сохранение своей свободы и независимости. Автор вступительной статьи поднимает вопрос о причинах отсталости отдельных народов Африки и убедительно, на конкретных примерах, иллюстрируемых статистическим материалом, показывает, что причину отсталости Африки следует искать в том, что Африка в течение четырех столетий была поставщиком «живого товара» — рабов, что вслед за эпохой работорговли для Африки наступила эпоха колониального порабощения и ограбления.

Наконец, во вступительной статье читатель найдет краткое изложение истории национально-освободительного движения в Экваториальной, Восточной и Южной Африке, характеристику расстановки классовых сил и созданных после второй мировой войны демократических организаций.

Книга Ф. Моретта богато снабжена редакционными примечаниями, в которых отмечаются отдельные извращения автора. Кроме того, читатель найдет в примечаниях новейшие данные по экономике Африки.

В заключение следует остановиться на некоторых погрешностях и неточностях, которые допустили редакторы книги и издательство.

Вызывает недоумение принцип сокращения рукописи. Не понятно, почему из книги изъяты разделы, в которых описываются семья и семейные отношения. Редакторы в примечаниях на стр. 90 указывают, что эти разделы опущены, потому что описание семьи и семейных отношений «не только устарело, но было просто неправильно». Если идти по такому принципу — сокращать все, что у Моретта написано неправильно, тогда следовало бы из книги изъять всю историю заселения той или иной области, которая, как мы видели выше, написана с реакционных расистских позиций. Также вызывает недоумение отбор карт. Во всех частях книги, за исключением части «Южная Африка», отсутствуют карты этнического состава той или иной территории. Однако во французском оригинале эти карты имеются. Редакция, к сожалению, не нашла нужным разъяснить причину изъятия этих карт при издании книги.

Не всегда точно выверена транскрипция. Более того, в ряде случаев одни и те же названия пишутся по-разному на разных картах и в тексте. Например, на карте «Образ жизни в Восточной Африке» (стр. 176) один из народов Эфиопии назван «валамо», на карте «Рельеф Северо-Восточной Африки» (стр. 196) написано «уаламо», наконец, на карте «Образ жизни в Северо-Восточной Африке» — «ауламо». На «Карте растительности Восточной Африки» (стр. 161) написано «кикую», в тексте везде фигурирует «кикуйю» (см. стр. 175 и последующие). На карте «Образ жизни в Судане» (стр. 273) — «багара», в тексте (стр. 275) — «баккара». На карте «Торговые пути Северо-Восточной Африки» (стр. 224) написано Херен, Асаб, в тексте — Ассаб (через два «с»), Керен, а не Херен (стр. 222).

Кроме того, и по существу в ряде случаев переводчик неправильно транскрибировал отдельные названия. Например, на уже упоминаемой «Карте растительности Восточной Африки» одна из областей названа «ваньямвези», в то время как во французском оригинале стояло Ounjamwezi — Уньямвези. На языках банту приставка «у» дает представление о местности, стране: Уганда — страна ганда, Ухехе — страна хехе и т. д., а «ва» и «ба» — приставки, употребляемые для названия народа (баганда, вабена, ваньямвези и т. д.). Моретт употребляет оба названия, но на разных картах: на карте этнического состава Восточной Африки написано Ounjamwezi, что следует транскрибировать «Ваньямвези».

В целом следует указать, что рецензируемая книга представляет большой интерес и ценна как фактический материал по физической географии Экваториальной, Восточной и Южной Африки, так и этнографическими данными, благодаря острой вступительной статье и редакционным примечаниям.

С. Датлин. *Африка под гнетом империализма.*

Победа Советского Союза во второй мировой войне дала могучий толчок национально-освободительному движению в колониальных и зависимых странах. Героическая борьба народов Вьетнама, Бирмы, Малайи, победа народной революции в Китае — подорвали позиции империализма в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Развивается национально-освободительное движение и в Африке, которую империалисты превратили в оплот колониальной системы.

Эксплуатация народов Африки, борьба их против империалистической реакции, против планов подготовки новой войны — вопросы, которые в советской литературе не находили сколько-нибудь полного отражения. Именно этой важной теме и посвящена книга С. Датлина «Африка под гнетом империализма», вышедшая в 1951 г. в Государственном издательстве политической литературы. Книга состоит из введения и трех глав: I. Африка в планах поджигателей войны. II. Эксплуатация и дискриминация коренного населения. III. Национально-освободительное движение в Африке. Перечень глав показывает, что автор книги ставил задачу охватить весь круг вопросов, связанных с современным положением угнетенных народов Африки. И многие из этих вопросов он и ставит и разрешает верно.

Автор правильно определяет место Африки в колониальной системе империализма. Он показывает, как европейский и американский капитал, сдающий в Азии одну позицию за другой под напором мощного национально-освободительного движения, устремляется в Африку, видя в ней последний оплот, опору системы империализма в колониях. Автор приводит интересный материал, показывающий, какую большую роль отводят империалисты Африке в планах подготовки третьей мировой войны. Он показывает, как осуществление этих планов неминуемо отражается на положении трудящихся масс Африки. Хищническая эксплуатация естественных ресурсов, принудительный труд, новые массовые земельные экспроприации, политика жестокой расовой дискриминации, наступление на жизненный уровень народа, и без того нищенский, наступление на те урезанные колониальным режимом права, которые были завоеваны трудящимися в упорной борьбе, голод, безработица — вот каковы итоги хозяйничанья империалистов в Африке.

Автору удается развернуть широкое полотно национально-освободительной борьбы народов «Черного континента». С фактами в руках он показывает, что проснувшиеся к свободе, к борьбе народы Африки оказывают стойкое сопротивление империалистам, что из резерва системы империализма Африка уже превращается в могучий резерв лагеря мира и демократии. В этом несомненная заслуга автора, и в этом большое познавательное значение книги.

Однако следует отметить, что в книге С. Датлина есть и недостатки. Прежде всего, на всей работе лежит некоторая печать поверхностности. Это сказывается в том, что автор очень поспешно решает многие серьезные вопросы, требующие глубокого научного изучения, в том, что он порой обнаруживает некоторую неосведомленность в исторических фактах. Это сказывается и в стиле изложения, засоренного трафаретными, без конца повторяющимися фразами. Например, автор по меньшей мере опережает события, когда говорит о том, что в Северной Африке французский капитал уже вытеснен американским, что Франция уже капитулировала в колониях перед Америкой. Никогда не следует забывать о силе и остроте противоречий между странами империалистического лагеря, есть эти противоречия и между Францией и Америкой. Это автор упускает из виду.

Мысль автора спережает события и в том случае, когда он пытается делать прогнозы относительно исхода событий в Египте второй половины 1951 г. «Народ сорвет любое новое соглашение между империалистами и египетской буржуазией, как он неоднократно срывал такие попытки в прошлом» (стр. 107). Силы народа велики, но исход борьбы определяется сочетанием слишком многих факторов, чтобы можно было делать подобные категорические утверждения. События показали, что на этот раз народу Египта, мужественно боровшемуся с империалистами, не удалось сорвать соглашения между ними и национальной буржуазией.

Автор допускает серьезную ошибку, когда уровень политического и экономического развития народа ставит в зависимость только от продолжительности колониального периода на данной территории. Он пишет, что «захват африканских территорий колонизаторами, а значит (разрядка наша. — А. О.) и их экономическое и политическое развитие происходили не одновременно и неравномерно» (стр. 119). Эта ошибка не случайна. Автор совершенно игнорирует тот факт, что Африка — огромный континент, населенный многими народами, прошедшими еще до завоевания разный путь исторического развития. Завоевание застало их уже на разном уровне, и это не могло не сказаться на судьбе народов в колониальный период. Это в значительной мере определило и формы эксплуатации населения и формы управления колониями, наконец, это отражается и на уровне развития и на формах национально-освободительной борьбы. Например, у народов, скажем, Бельгийского Конго, которых завоевание застало на стадии родо-племенного строя, существуют одни формы национально-освободительной борьбы, еще очень незрелые, а в Северной Нигерии, где задолго до завоевания существовали феодальные султанаты, или на о-ве Мадагаскар, где феодальное государство сложилось еще в XVII—XVIII вв., национально-освободительное движение выливается в иные, более организованные формы.

Автор преувеличивает отсталость народов Африки до завоевания, приписывая им всем племенной строй (см., например, на стр. 38 описание землепользования до колонизации). Более того, автор подчас ошибается и относительно современного уровня их развития. Например, на стр. 86 автор пишет о том, что на Мадагаскаре «карательные экспедиции, массовые расстрелы, разжигание племенной розни, подкупы вождей племен — все было использовано захватчиками в непрерывной войне с местным населением». Между тем родо-племенной строй отошел в прошлое на подавляющей части территории Мадагаскара задолго до завоевания острова в 1896 г. Как было уже сказано, здесь с XVII—XVIII вв. существовало сильное централизованное феодальное государство.

Пора отказаться от глубоко ошибочной и вредной тенденции изображать население Африки в виде некоей безликой массы «туземцев», «африканцев».

Пора показать советскому читателю не жителей таких-то и таких-то африканских колоний, а конкретные народы, каждый из которых имеет свое имя, свое богатое событиями историческое прошлое, полное лишений, нужды и борьбы с поработителями настоящее, народы, которые сумеют завоевать себе светлое будущее.

Автор допускает неточности и при изложении сущности системы косвенного управления. Когда система управления колониями, основанная только на грубой силе, не оправдала себя, колонизаторы попытались искать опоры в самом африканском обществе. И эту опору они нашли либо в институтах родо-племенного строя, в племенной аристократии там, где к моменту завоевания этот строй сохранился, либо в господствующих сословиях феодального общества, где оно успело сложиться. Именно в этом сущность системы косвенного управления, а отнюдь не только в том, чтобы «увековечить первобытные условия существования африканцев, темноту и невежество, помешать их культурному и политическому развитию», как пишет автор (стр. 37). Заметим в скобках, что «первобытные условия существования» давно не «существуют» для значительной массы народов Африки.

Неверно говорить также, что «в некоторых колониях англичане сохранили в неприкосновенности туземный племенной уклад, племенные группы и власть местных царьков или «вождей» (стр. 37). К системе косвенного управления колонизаторы перешли уже после того, как элементы племенного строя, если они застали таковой в завоеванной стране, были ими же разрушены. Следовательно, дело заключалось не в сохранении, а в попытке искусственно восстановить, частично реконструировать родо-племенные отношения, в попытке повернуть вспять колесо истории. Автору следовало бы показать, как эта система постепенно терпит провал.

Автор упускает из виду и тот факт, что проникновение капиталистических отношений ведет к резкой классовой поляризации коренного населения, что в Африке идет процесс дифференциации крестьянства, складывается местная крупная и мелкая буржуазия, местная интеллигенция.

Между тем вопрос о формировании классов капиталистического общества в колониях совершенно неотделим от вопроса о развитии национально-освободительной борьбы, об основных движущих силах движения, о руководстве движением.

Много внимания уделяя процессу формирования национального пролетариата, автор лишь мимоходом констатирует наличие остальных общественных групп капиталистического общества, почти ничего не говоря и об их роли в современном национально-освободительном движении.

Нельзя обойти молчанием вопрос о растущей национальной буржуазии, не упуская этим сложного и противоречивого процесса борьбы народов Африки против гнета империализма. Имея большое влияние на народные массы, национальная буржуазия все больше и больше идет на сговор с империалистами. Это следовало бы показать автору.

Возникает опасение, что автор несколько увлекается и в своей оценке роли рабочего класса. Он, несомненно, прав, когда говорит о том, что роль рабочего класса в движении за освобождение народов Африки непрерывно растет. Но нельзя забывать, что на основной территории Африки рабочий класс еще очень невелик численно и слабо организован. Коммунистические партии существуют только во французских колониях Северной Африки. Профсоюзы охватывают лишь незначительную часть местного пролетариата. Например, на Мадагаскаре при общей численности пролетариата в 220 300 человек, а промышленного пролетариата — 48 000 человек, в профсоюзах состоит только 12 000 человек. Нельзя забывать и того, что в английских колониях еще очень велико влияние английского конгресса тред-юнионов на профсоюзные организации, которые зачастую проводят лейбористскую политику.

Повторяем, создается впечатление, что автор слишком упрощает сложный и противоречивый процесс развития колониальных народов.

При всех указанных выше недостатках книга С. Датлина заслуживает большого внимания и положительной оценки. Она дает много нового и интересного материала и в основном правильно освещает политическую жизнь народов Африки.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

В. М. Венин, *Панама и Панамский канал*. Под редакцией доктора географических наук И. А. Витвера. Государственное издательство географической литературы. Серия «У карты мира», М., 1951.

Рецензируемая книжка посвящена маленькой латиноамериканской стране, на территории которой находится Панамский канал — один из водных путей мирового значения, самый короткий путь сообщения между Атлантическим и Тихим океанами.

Ознакомив читателя с географическим положением и природными условиями, автор уделяет много внимания важнейшим этапам истории Панамы от испанского завоевания до новейшего времени, когда канал стал собственностью, а страна — полуклонией США. В ряде кратких очерков далее рассказывается о государственном устройстве, административном делении страны, о ее населении и экономике. В особые разделы выделена тема о канале. Заканчивается книжка сжатым, насыщенным фактическим материалом очерком, озаглавленным «Борьба народа Панамы против американских захватчиков, за мир и свободу».

Небольшая по объему глава «Население», как и вся книжка, написана по тому же плану, как и ранее изданные в серии «У карты мира» книжки о странах Латинской Америки. Она выгодно отличается более детальным анализом этнического состава страны. Рассказав о трагической судьбе индейцев после испанского завоевания, автор сообщает о том, как появились на территории Панамы индо-испанские метисы, негры, креолы и небольшое число выходцев из различных стран Европы и Америки.

Вряд ли следовало безоговорочно упоминать о креолах, как о потомках первых испанских поселенцев, характеризуя их следующим образом: «Господствующий класс Панамы состоял, главным образом, из креолов — потомков старых испанских переселенцев, которым принадлежала почти вся земля. Значительную роль играли креолы и в торговле Панамы»¹ (стр. 41). Эта характеристика, как явствует из контекста, повидимому, относится к колониальному периоду. О современных креолах имеются попутные упоминания как о «местных помещиках» и указание на то, что по переписи населения 1950 г. «белые», в большинстве «креолы», составляли 10% населения страны.

Термин «креол» употребляется в Америке в различных значениях. В большинстве стран креолами называют местных жителей неамериканского, и в частности испанского, происхождения, считающих себя «белыми». В Перу и в Бразилии креолами называют негров — местных уроженцев. Метисы Латинской Америки обычно определяются как потомки испанцев или других европейцев и индейцев.

Советские американисты, к сожалению, уделяют мало внимания изучению этнического состава стран Латинской Америки в недавнем прошлом и в особенности в настоящее время, вследствие чего неизбежны неточности и ошибочные формулировки даже в специальных монографиях. Так, например, В. М. Мирошевский в посмертно изданной работе также определяет креолов как испанцев, родившихся в колониях, как потомков той части испанцев, которые, осев в американских колониях, не смешались с «цветным» населением². Наряду с этим тот же автор приводит не совпадающую с его определением «замечательно яркую характеристику испано-американских креолов», данную Монтескье: «Вероятно, ни одна султанша в серале так не гордилась своей красотой, как гордится какой-нибудь старый урод мнимой белизной оливкового цвета, сидя сложив руки на пороге своего дома в каком-нибудь мексиканском городишке. Такая значительная персона, такое совершенство ни за какие сокровища в мире не станет работать и никогда не решится рисковать честью и достоинством своей белой кожи, занимаясь низким и кропотливым ручным трудом»³.

Не свободны от неточностей в определении этнического состава и в особенности креолов, также справочник «Страны Латинской Америки» (М., 1949) и соответствующие статьи второго издания Большой Советской Энциклопедии.

Вопрос о правильном определении различных групп метисов латиноамериканских стран и о их социальном положении — тема специального исследования, выходящего за рамки настоящей рецензии. Здесь можно лишь отметить, что подавляющая часть креолов в большинстве этих стран, в сущности, является одной из групп метисов, преимущественно испано-индейского происхождения, начало смешения которой восходит к первым десятилетиям колониального периода. Ядро этой группы в испанских колониях, как правильно отмечают В. М. Мирошевский, В. М. Венин и другие советские авторы, составляли помещики.

«Из креольской среды вышли также основные кадры колониальной интеллигенции, тесно связанной с дворянскими помещичьими кругами. ...Креола занимали также средние, а иногда и низшие ступени административной и церковной иерархии. Буржуазная прослойка креолов была крайне узка»⁴.

¹ Разрядка наша. — Н. Ш.

² В. М. Мирошевский, Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость, М.—Л., 1946, стр. 32, 33.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 33.

Очень мало говорится в работе В. М. Венина об исконных жителях Панамы — индейцах, составляющих, по приводимым автором официальным статистическим данным, до 10% ее населения. Из сообщения о том, что «эти индейцы (Дарьена и северо-запада страны.— Н. Ш.) попрежнему живут племенами и сохранили до настоящего времени свои обычаи», читатель не узнает даже, каковы источники их существования. Совершенно правильно подчеркивая факт зверской эксплуатации испанцами индейцев и негров, автор не говорит об их восстаниях против колониального режима, а ограничивается только сообщением об их бегстве в недоступные для испанцев области. Следовало также упомянуть о высокой культуре коренного населения Центральной Америки, о которой свидетельствуют археологические и исторические памятники.

К числу положительных сторон рецензируемой книжки следует отнести лаконичный, четкий язык и обилие фактического материала. Лучшими в этом отношении являются очерки о Панамском канале. В них описываются его местоположение, история строительства, технические особенности, характер его экономики и эксплуатации и, наконец, политическое и военное значение канала как одной из опорных военных баз США. Географические карты и таблицы протяженности путей между портами Европы, Азии, Америки и Океании, через Панамский и Суэцкий каналы, Магелланов пролив и др. наглядно иллюстрируют основные положения автора об экономических выгодах, которые получили США, захватив в свое владение Панамский канал.

Краткая историческая справка о крупнейших гидротехнических сооружениях Советского Союза, от Беломорско-Балтийского канала им. Сталина до создаваемых в наши дни великих строек коммунизма, убедительно показывает огромное преимущество мирного строительства в стране социализма по сравнению с растущим с каждым годом строительством военно-стратегических сооружений в капиталистических странах.

«Панамский канал мог бы явиться могучим средством усиления связей между народами земли, мощным стимулом совместного экономического развития множества стран, и в первую очередь стран Латинской Америки и Тихого океана. Однако в руках американских монополий он превратился в орудие закабаления других стран и развязывания агрессии против Советского Союза, демократического Китая и всех свободлюбивых народов мира» (стр. 68).

В заключение следует сказать, что содержательная работа В. М. Венина, как и ранее опубликованные в серии «У карты мира» книжки «Чили» и «Уругвай», весьма бы выиграла, если бы автор уделил больше внимания характеристике этнического состава населения, пополнив этим значительный пробел в советской литературе о странах Латинской Америки.

Н. Шпринцин

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы общей этнографии и антропологии

В. И. Чичеров (Москва). О порочных взглядах Н. Я. Марра и его последователей в области фольклористики	3
---	---

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

Л. П. Потапов (Ленинград). Очерк этногенеза южных алтайцев	16
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным	36

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

М. Г. Рабинович (Москва). Дом и усадьба в древней Москве	50
Б. О. Долгих (Москва). Расселение народов Сибири в XVII веке	76
С. В. Иванов (Ленинград). Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси	85

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Ю. В. Кнорозов (Ленинград). Древняя письменность Центральной Америки	100
С. Ислами (Москва). Семейная община албанцев в период ее распада (Конец XIX — середина XX века)	119
✓ В. С. Руднев (Москва). Народы Малайи	133

Дискуссии и обсуждения

С. М. Абрамзон (Ленинград). Об этнографическом изучении колхозного крестьянства	145
М. О. Косвен (Москва). О периодизации первобытной истории	151
А. П. Окладников (Ленинград). О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры	159

Заметки. Сообщения. Рефераты

Г. С. Читая (Тбилиси). Грузинская советская этнография за годы послевоенной Сталинской пятилетки	181
Н. Ф. Такоева (Москва). Из истории осетинского горного жилища	187
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). К истории „паранджи“	191
В. П. Якимов (Ленинград). Естественный слепок полости черепа неандертальца из Чехословакии	196

Хроника

А. И. Мысин (Чебоксары). Этнографические материалы в Мордовском республиканском краеведческом музее	199
И. Гурвич (Якутск). Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 году	200
О. Корбе (Москва). Защита диссертаций в Институте этнографии АН СССР	210

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- А. И. Першиц (Бийск). Этнография в 4—7 томах второго издания Большой Советской Энциклопедии 215
- И. Золотаревская (Москва). Зарубежная этнографическая литература последних лет об американцах 217

Общая этнография и антропология

- П. И. Борисковский (Ленинград). Происхождение человека и древнее расселение человечества. 223

Народы СССР

- Л. Потапов (Ленинград). История Бурят-Монгольской АССР 229
- Р. Липец (Москва). Былины Севера, том второй 236
- Б. Калоев (Москва). *Коста Хетагуров*. Собрание сочинений в трех томах 239

Страны народной демократии

- Н. Грацианская (Москва). Новые работы чехословацкого этнографа О. Нагодила 241
- И. Калоева (Москва). *Р. Ангелова* и *А. Примовски*. Въпросник за проучване на задружните прояви в българския стопански бит 244

Народы Африки

- М. Райт (Москва). *Ф. Моретт*. Экваториальная, Восточная и Южная Африка 247
- А. Орлова (Москва). *С. Датлин*. Африка под гнетом империализма 250

Народы Америки

- Н. Шпринцин (Ленинград). *В. М. Венин*. Панама и Панамский канал 252

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР на 1953 год

Название журналов	Количество номеров в год	Подписная цена в руб.	Название журналов	Количество номеров в год	Подписная цена в руб.
Вестник Академии Наук СССР	12	96	Журнал прикладной химии .	2	126
Доклады Академии Наук СССР (без переплета)	36	360	Биохимия	6	72
Доклады Академии Наук СССР с 6 папками (коленкоровыми, с тиснением) для переплета	36	384	Журнал аналитической химии	6	36
Известия Академии Наук СССР, серия математическая	6	54	Коллоидный журнал	6	45
Математический сборник . .	6	132	Известия Академии Наук СССР, серия геологическая	6	90
Прикладная математика и механика	6	72	Записки Всесоюзного минералогического общества	4	30
Астрономический журнал . .	6	72	Известия Всесоюзного географического общества	6	63
Известия Академии Наук СССР, серия физическая . .	6	72	Почвоведение	12	108
Известия Академии Наук СССР, серия географическая	6	54	Известия Академии Наук СССР, серия биологическая	6	72
Известия Академии Наук СССР, серия геофизическая	6	54	Журнал общей биологии . .	6	45
Журнал экспериментальной и теоретической физики . .	12	144	Журнал высшей нервной деятельности имени И. П. Павлова	6	90
Журнал технической физики	12	180	Успехи современной биологии	6	60
Известия Академии Наук СССР, Отделение технических наук	12	180	Ботанический журнал	6	90
Известия Академии Наук СССР, Отделение химических наук	6	96	Зоологический журнал	6	90
Журнал общей химии	12	180	Микробиология	6	72
Успехи химии	12	96	Физиологический журнал СССР им. И. М. Сеченова .	6	72
Журнал физической химии .	12	180	Советская этнография	4	90
			Вестник древней истории . .	4	120
			Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка	6	54
			Советское государство и право	12	108
			Природа	12	84
			Вопросы языкознания	6	72

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ГОРОДСКИМИ И РАЙОННЫМИ ОТДЕЛАМИ «СОЮЗПЕЧАТИ»,
ОТДЕЛЕНИЯМИ И АГЕНТСТВАМИ СВЯЗИ, ПОЧТАЛЬОНАМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ «СОЮЗПЕЧАТИ»,
В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ